Б. Б. Пиотровский

ВАНСКОЕ ЦАРСТВО (УРАРТУ)

Издательство
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1959

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

академик И. А. ОРБЕЛИ

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

60-29411

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Ванского царства (Урарту ассирийских надписей) имеет большое значение для изучения истории народов Закавказья. В начале I тысячелетия до н. э. области южного Закавказья входили в состав Ванского царства, которое поэтому можно считать древнейшим из государств, существовавших на территории СССР. Центр этого государства, целиком занимавшего Армянское нагорье Передней Азии, находился в районе оз. Ван, получившего, вероятно, свое название, как и город Ван, от встречающегося в урартских клинообразных надписях термина *Биайни(ли)*, которым обычно обозначалась центральная часть государства. Ввиду того, что и до сего дня еще не совсем ясна подлинная фонетическая форма этого слова, в истории древнего Востока применяется ассирийский термин Урарту. В дальнейшем изложении употребляются оба термина — *Ванское царство* и *Урарту*, как совершенно равнозначные.

Хотя Ванское царство существовало сравнительно недолго (около 300 лет, с IX по начало VI в. до н. э.), ему на некоторое время удалось стать одним из могущественнейших государств Передней Азии и в первой половине VIII в. до н. э. взять верх над постоянным своим соперником — Ассирией.

Культурное влияние Урарту было особенно сильным в странах, расположенных в северной части Передней Азии и в Закавказье, и способствовало их общественному развитию. Через Урарту эти страны воспринимали культуру древнего Востока. Государство Урарту было также посредником в связях населения Северного Кавказа и скифов Причерноморья со странами Востока.

Несмотря на большую роль, какую играло Ванское царство в истории Передней Азии и Закавказья, его собственная история и культура долго оставались неизученными.

Основным источником наших знаний об Урарту являются ассирийские и урартские клинообразные тексты, главным образом царские летописи, описывающие походы и завоевания. Но переводы урартских текстов ввиду недостаточной изученности урартского языка долгое время были крайне неточными. Этим объясняется неполнота наших знаний и невозможность осветить многие чрезвычайно важные стороны жизни этого государства.

Урартские надписи и язык изучались совершенно обособленно от памятников материальной культуры, но все же в этой работе были достигнуты значительные результаты. Среди трудов, посвященных урартской клинописи, видное место занимают работы наших отечественных ученых: М. В. Никольского, Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова, Г. А. Капанцяна и Г. А. Меликишвили.

Гораздо хуже обстоит дело с исследованием археологических памятников; на территории центральной части Урарту, в районе оз. Ван, из советских ученых работали лишь Н. Я. Марр и И. А. Орбели.

Настоящая книга является дополненным и переработанным вторым изданием книги «История и культура Урарту», выпущенной в 1944 г. Академией наук Армянской ССР. В ней я ставил своей целью дать сводку всего достоверного материала по истории и культуре Ванского царства и показать, что состояние его изученности далеко не так безнадежно, как можно было тогда думать.

За время, прошедшее со дня выхода этой книги, изучение Ванского царства значительно продвинулось вперед. Урартские надписи стали полноценным историческим источником. Г. А. Меликишвили опубликовал свод всех урартских клинообразных текстов, снабженных русским переводом. Это дает возможность историкам смежных областей широко использовать урартские материалы.

И. М. Дьяконов собрал и издал в русском переводе все сведения об Урарту из ассирийских и вавилонских письменных источников. Значительно улучшилось исследование социального строя Ванского царства, входившего в круг рабовладельческих государств древнего Востока, основные принципы общественной структуры которых были разработаны В. В. Струве.

Значительное развитие получили и археологические исследования. Громадный материал дали раскопки Арин-берда и Кармир-блура около Еревана. Раскопки этих крупных урартских центров в Закавказье позволяют изучать не только урартскую и современную ей закавказскую культуру, но и дают возможность проследить связи Закавказья со странами древнего Востока и Скифии.

За последние годы особенно увеличился интерес к культуре Ванского царства. На международных конгрессах, посвященных вопросам востоковедения, постоянно ставятся доклады по урартской тематике, привлекающие большое внимание, появляются новые имена исследователей культуры урартов. В музеях продолжают систематическую обработку старых материалов, в результате которой обнаруживаются неизвестные востоковедам памятники урартского искусства. Интерес к урартским древностям проявляется и в Турции. В Ване организован Музей древностей, в котором хранятся неопубликованные материалы. Британский археологический институт в Анкаре начал разведывательные работы в Ванском районе, направленные на подготовку стационарных раскопок.

Несомненно, наука стоит на пороге нового подъема изучения культуры Ванского царства и открытий на территории центральной части этого государства древнего мира.

Время распада древних рабовладельческих государств Передней Азии было вместе с тем и временем образования современных народов Закавказья, унаследовавших культуру Урарту.

В книге приведены некоторые материалы по древнейшей истории армян до создания ими своего государства. Дальнейшие работы по исследованию культуры Армении времени Ервандидов и Арташесидов позволят нам более четко выявить черты преемственности урартской и раннеармянской культуры.

В книге все даты, касающиеся Ванского царства, история которого целиком укладывается в период до начала нашей эры, даны без указания «до н. э.».

ГЛАВА I

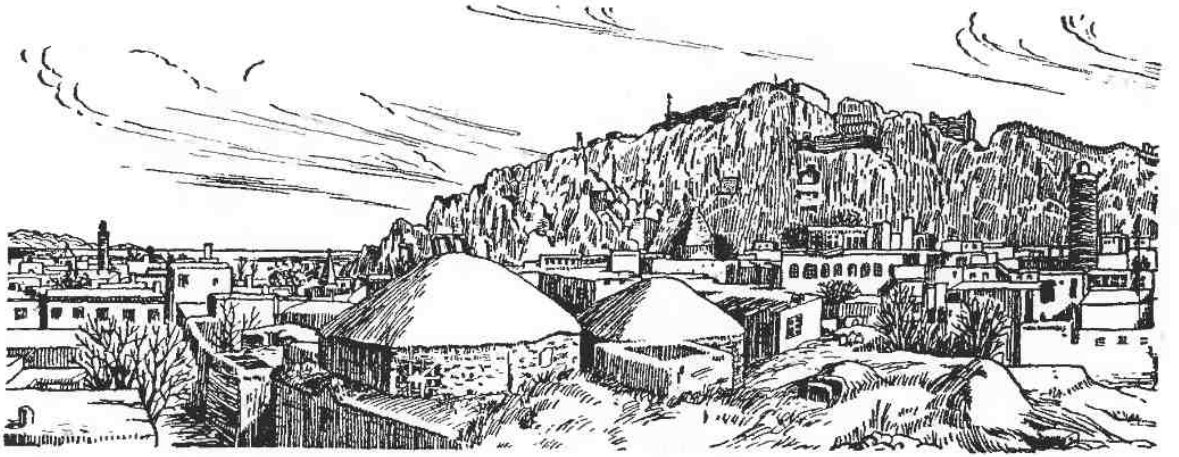
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВАНСКОГО ЦАРСТВА

Многие могущественные государства древности не только исчезли с лица земли, но время стерло даже память о них. Слава о других государствах, о которых сохранились письменные сведения или устные предания, продолжала жить, затмевая воспоминания об их соседях, в свое время ни в чем им не уступавших. И только земля хранила остатки древних исчезнувших культур, изучение которых может снова восстановить картину их былого могущества.

К таким забытым государствам относилось и древнее царство Урарту, занимавшее в первой четверти I тысячелетия главенствующее положение среди государств Передней Азии.

В начале XIX в. было обращено внимание на рассказ средневекового армянского историка Моисея Хоренского (1, 16) о постройке ассирийской царицей Шамирам (Семирамидой) большого города на восточном побережье оз. Ван. В приводимой Моисеем Хоренским легенде о Шамирам и Ара Прекрасном, в которой отзвуки исторических повествований тесно переплелись со сказочными мотивами, рассказывается о том, как Шамирам из Араратской (Айраратской) долины направилась на юг, в гористую часть страны.

«Объездив множество мест, достигает она Соленого озера с восточной его стороны и видит расположенную у берега продолговатую гору, по долине тянущуюся к западу, в северной части пологую, в южной же вздымающуюся к небу и обрывающуюся крутым утесом. К югу от него и к востоку от горы раскинулась обширная долина, переходящая в спижающееся к берегу озера ущелье, изобилующее питьевой водой, которая ручьями стекала с горы и сочилась из падей и расселин, а еще ниже, у подножия, красиво сочетаясь, сливалась в большую реку, слева и справа от которой по склонам находилось немалое количество поселений. К востоку от облюбованного ею холма высился другой, поменьше».



1 а. Западная часть Ванской скалы. Вид с юга

После этого краткого, но точного описания восточного побережья оз. Ван Моисей Хоренский приводит рассказ о постройке города царицей Шамирам:

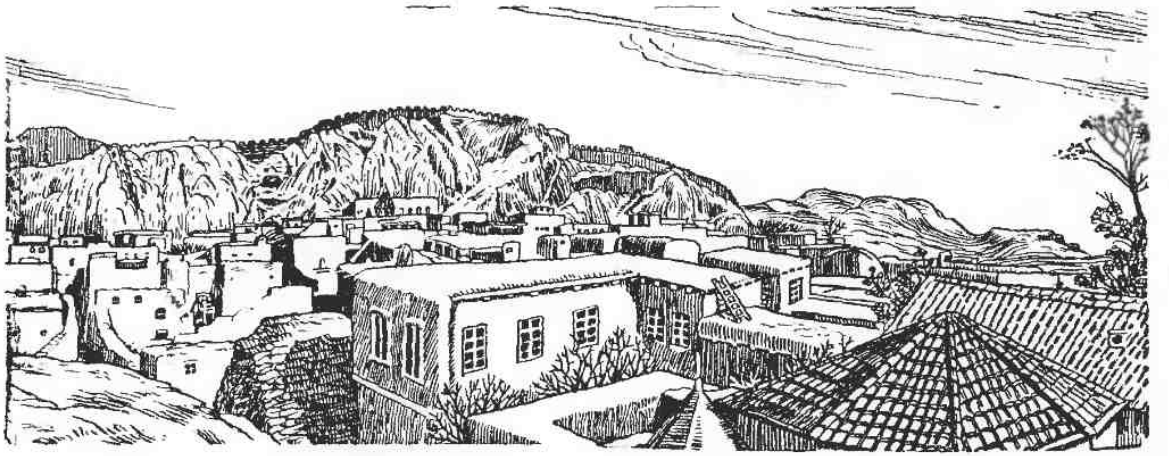
«Спустя немного лет завершает она дивное строительство — возведение крепчайших стен с медными воротами. В самом городе понастроила она множество роскошных зданий, с большим разнообразием в камне и цвете, в два и три этажа, при надобности с балконами. Мастерски распланировала она город широкими улицами. Выстроила посреди города прекрасные купальни, достойные удивления по своим удобствам. Часть реки отвела и распределила по городу на различные нужды и на орошение парков и цветников. Другая часть реки была отведена по правому и левому берегам озера для орошения пригородных земель. Восточные, северные и южные окрестности города украсила она усадьбами и тенистыми рощами плодовых и лиственных деревьев и насадила много пышных садов и виноградников. И много еще достопримечательного создала она в этой великолепной твердыне и населила ее множеством жителей. А все то чудесное, что сооружено было ею в нагорной части города, непостижимо для большинства людей и неописуемо. Опоясав стенами вершину, на которую никому не взойти и не взобраться, воздвигла она там царский дворец, таинственный и страшный. Как и что там сооружено, в точности ни от кого нам не довелось слышать, и мы не решаемся описать. Достаточно сказать, что из всех царских сооружений это, как мы слышали, считается самым величественным». Далее идет пространное описание пещерных помещений, высеченных в отвесной стене Ванской скалы, и загадочных клинообразных письмен, встречающихся «во многих местах страны армянской».

В 1827 г., когда Французское азиатское общество командировало в Ванский район молодого ученого Шульца, ему было поручено обследовать и описать замечательные памятники Шамирам, о которых так подробно рассказывает Моисей Хоренский[1].

Прибыв после долгого путешествия в Ван, Шульц энергично принялся за работу. В то время город Ван был поистине музеем древностей. Внимание Шульца привлекли клинообразные письмена на скале у входа в обширные помещения и в специально вырубленных нишах, а также на отдельных базальтовых камнях, которые были вложены в стены некоторых армянских церквей или частных домов.

Он стал тщательно копировать эти древние письмена, и, хотя не имел представления ни о системе письма, ни об языке, копии его оказались очень точными. Ими долгое

[1] J. Saint Martin, *Notice sur le voyage littéraire de M. Schulz en Orient et sur les découvertes qu'il a faites récement dans les ruines de la ville de Semiramis en Arménie* (JA, II, 1828), p. 161—188.



16. Восточная часть Ванской скалы. Вид с юга (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 128)

время пользовались ученые, работавшие над расшифровкой ванской клинописи. Шульц посетил и подробно описал Ванскую скалу. По крутой тропинке, огражденной стенами из сырцового кирпича, поднимался он к верхней площадке скалы. Редко для кого-нибудь из европейцев открывалась деревянная дверь, обитая металлическими пластинами, ведущая внутрь крепости, «гарнизон» которой состоял из старого янычара и прирученного медведя. В крепости находилось также несколько очень старых бронзовых пушек, имевших больше музейное, нежели военное значение. По-видимому, плохая укрепленность и была причиной запрещения доступа в крепость европейцам, и после посещения ее Шульцем турецкие власти туда никого не допускали. Вследствие этого описание Ванской скалы, приведенное Шульцем, до последнего времени остается единственным.

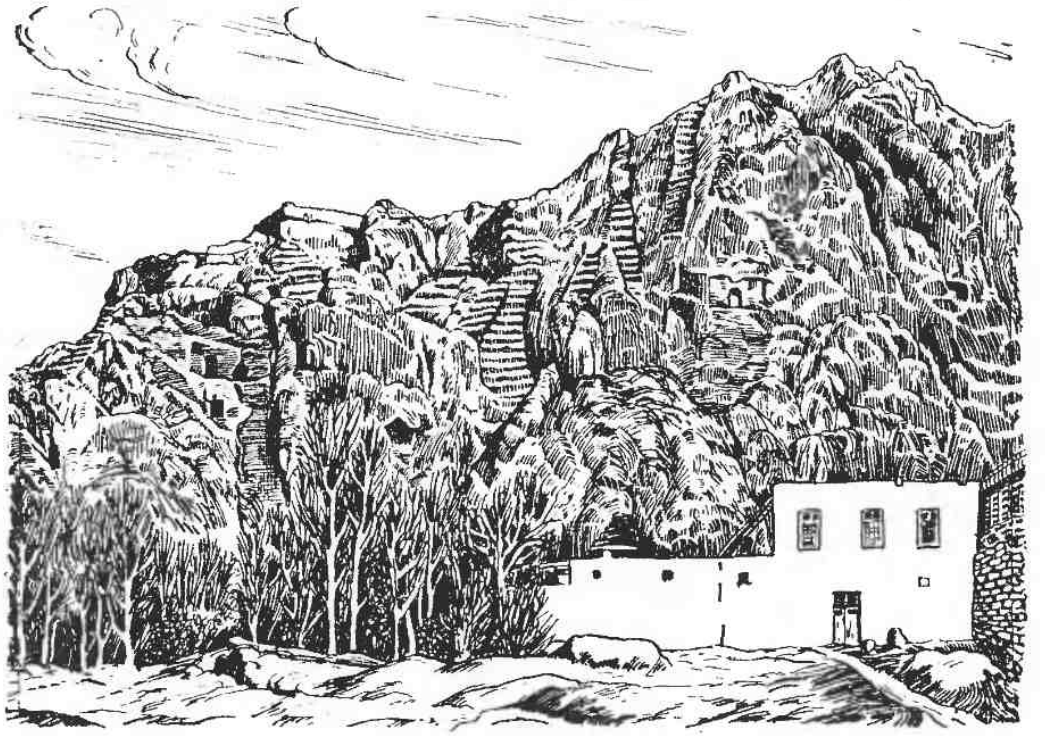
Работы Шульца были прерваны его смертью в 1829 г. В горах около Джуламерка он был убит курдами, а собранные им материалы доставлены во Францию и только в 1840 г. опубликованы секретарем Азиатского общества Молем[2]. Издание это содержало 42 копии клинообразных надписей и подробное описание некоторых древностей, в частности помещений, высеченных в Ванской скале.

К этому времени стали уже известны и другие копии урартских надписей. Роулинсон еще в 1838 г. зафиксировал несколько таких текстов, а немецкие офицеры Мюльбах и Мольтке в 1840 г. обратили внимание на одну из надписей этого рода у сел. Изоглу[3].

Археологические открытия 40-х годов XIX в. на берегах Тигра, в центре древнего Ассирийского царства, дали толчок дальнейшему изучению древнейшей истории Передней Азии.

С 1842 по 1844 г. французский консул в Мосуле Ботта производил раскопки холма Куюнджик на месте древней Ниневии и развалин дворца Саргона в Хорсабаде[4]. Откопанные стены дворцов оказались покрытыми многочисленными рельефами со сценами из жизни царя и его военных походов. Все эти изображения сопровождались клинообразными надписями. Рисунки рельефов, выполненные художником Фландэном, и другие материалы, доставленные в Париж, вызвали всеобщий интерес к древностям Передней Азии.

[2] F. E. Schulz, *Mémoires sur le lac de Van et ses environs* (JA, IX, 1840), p. 257—323.
[3] «Monatsberichte über die Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», I, Berlin, 1840, S. 70—75.
[4] E. P. Botta et E. Flandin, *Monument de Ninive*, I—V, Paris, 1847—1850.



2. Ванская скала. Хорхорские пещеры (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 622)

В 1845—1849 гг. Лэйард во время двух экспедиций произвел раскопки дворца Ашурнасирпала II на холме Нимруд (Калху)[5] и продолжил оставленные французской экспедицией раскопки дворца Синахериба в Ниневии. Во дворце Синахериба Лэйард обнаружил клинописные таблички царской библиотеки Ашурбанипала, другая часть которой была найдена позже (в 1854 г.) во дворце Ашурбанипала.

Эти блестящие открытия оказали существенное влияние на ассириологию, сразу ставшую большой соперницей египтологии. Лэйард, путешествуя по центральной части Передней Азии, в 1850 г. заехал в Ван, где провел некоторое время, изучая клинообразные надписи и древности. Он подтвердил догадку Шульца о том, что одна из надписей на Ванской скале принадлежит Ксеркcу, сыну Дария. Другую, высеченную на громадном угловом камне циклопической стены, у подножия скалы, он правильно определил как ассирийскую. Им же был опубликован план и разрез знаменитых пещерных помещений, у входа в которые находился пространный клинописный текст летописи царя Аргишти I. После Лэйарда Ван посетили многие путешественники и ученые. Интерес к древнему Ванскому царству возрастал с каждым годом.

В середине XIX в. значительно продвинулось вперед и изучение клинописи. Археологические материалы, собранные Ботта, Лэйардом и другими исследователями, содержали большое число ассирийских и вавилонских эпиграфических памятников. Расшифровка клинописи получила прочную основу, особенно после опубликования работы Роулинсона, в которой он подошел к ассиро-вавилонской клинописи от ранее расшифрованной персидской.

[5] A. H. Layard, *Monuments of Nineveh*, London, 1849—1853.

Естественно, что клинообразные надписи из Ванского района на неизвестном языке вызвали живой интерес и попытки их расшифровать.

Первая работа по расшифровке ванских надписей была осуществлена Хинксом, опубликовавшим в 1848 г. специальную статью об этих надписях[6]. Но, кроме определения некоторых идеограмм, сходных с ассирийскими, работа Хинкса никаких серьезных результатов, продвинувших бы вперед понимание ванской клинописи, не дала.

Материал для исследования был крайне невелик, и работа по расшифровке приостановилась более чем на 20 лет, но вместе с тем началось интенсивное собирание и издание новых надписей, открывавшихся иногда случайными путешественниками[7].

Наряду с собиранием новых клинообразных надписей на Армянском нагорье начались поиски клинописи и по всему Закавказью. В 1862 г. были открыты надписи у сел. Гаплиджа, на левом берегу р. Ахурян (Арпачай), Кестнером[8] и у сел. Элар епископом Эчмиадзина Месропом Смбатянцем, а в 1863 г.— надпись у Цовинарской (Келагранской) крепости, на южном берегу оз. Севан[9].

С этого времени Месроп Смбатянц стал вести систематические работы по собиранию клинообразных надписей в Закавказье и начиная с 1869 г. опубликовывать их в эчмиадзинском журнале «Арарат»[10]; этими копиями долгое время пользовались и западноевропейские ученые.

Новые попытки расшифровки ванских надписей были предприняты в начале 70-х годов Ленорманом. Он связывал эти надписи с алародами (так, по-видимому, называл Геродот урартов) и пытался установить аналогии между языками этих надписей и грузинским[11].

Другого мнения придерживался Мордтман, видевший в языке ванских надписей армянский язык[12]. Но, естественно, эти работы не дали положительного результата для дальнейшей расшифровки клинописи, так же как и работа де Робера, считавшего, что ванские надписи написаны на семитическом языке, близком к ассирийскому[13].

Понимание клинообразных ванских надписей, называвшихся после работ Ленормана и Роулинсона алародийскими или урартскими, решительно подвинулось вперед только после исследования известного французского ассириолога Гюйара[14]. Он заметил, что заключительные строки многих урартских надписей имеют одинаковые знаки, и предположил, что в этих случаях имеется стереотипный текст угрозы тем, кто осмелится нарушить надпись. Сопоставления ассирийского текста этой формулы проклятия с урартским текстом дали возможность правильно установить значение некоторых урартских слов и грамматических оборотов.

Следуя по пути, указанному Гюйаром, английский ассириолог Сэйс продвинул вперед работы уже не по определению значения отдельных слов или фраз, а по переводу клинообразных урартских надписей, и в 1882 г. в журнале Британского азиатского

---

[6] H. Hincks, *On the inscriptions of Van* (JRAS, IX, 1848), p. 387—449.

[7] Библиографию по этим работам см. CICh, I; И. И. Мещанинов, *Выдвигаемые яфетическим языкознанием вопросы в области изучения ванской клинописи* (ЯС, IV, 1925), стр. 72.

[8] M. Brosset et A. Kunik, *Notice sur deux inscriptions cunéiformes, découvertes par M. Kästner dans l'Arménie russe* (BAS, V, 1862), p. 428—435 (перепечатано в журнале: MA, IV, p. 670).

[9] *„Հանդես ամսօրեայ“*, 1863, № 53 («Вестник России», изд. Лазаревского ин-та в Москве).

[10] *„Արարատ“* («Арарат»). 1869, кн. 27; 1881, кн. 604; 1883, кн. 53, 242, 354; 1884, стр. 18; 1885, кн. 116; 1886, кн. 25, 491; 1892, кн. 555; 1895, кн. 204; 1896, кн. 512; *Ս. Սմբատեանց, Տեղագիր Գեղարդեայ գաւառի „Արարատ“* (М. Смбатянц, *Описание области Гехаркуни*).

[11] F. Lenormant, *Lettres Assyriologiques*, I, Paris, 1871, p. 113—164.

[12] A. D. Mordtmann, *Entzifferung und Erklärung der armenischen Keilinschriften von Van und der Umgegend* (ZDMG, XXVI, 1872), S. 465—696; A. D. Mordtmann, *Über die Keilinschtiften von Armenien* (ZDMG, XXXI, 1877), S. 406—438.— Мордтман так увлекся «переводами» ванских надписей при помощи армянского языка, что пытался даже надпись Сардури I понять таким путем, несмотря на то что уже Лэйард правильно определил ее как ассирийскую.

[13] L. de Robert, *Étude philologique sur les inscriptions cunéiformes de l'Arménie*, Paris, 1876.

[14] S. Guyard, *Les inscriptions de Van* (JA, XV, 1880), p. 540—543.— Дальнейшие его работы опубликованы в том же журнале в 1883 и 1884 гг., а также в сборниках: «Mélanges d'Assyriologie», X, Paris, 1883.

общества появилась его первая сводка известных в то время надписей, снабженная переводами [15].

В некоторых частях эта работа и до сих пор не утратила ценности, особенно издание текстов. Сэйс в течение своей долгой жизни не прекращал собирать урартские тексты и публиковать их в том же журнале. Только после издания Сэйсом урартских клинообразных надписей они могли войти в научный обиход специалистов по истории древнего Востока.

Дальнейшим шагом в разработке клинописи явились исследования австрийского ученого Мюллера, издавшего надпись из Ашотакерта (Ашрут-Дарга) [16].

Работа над урартской клинописью и языком производилась теперь специалистами-кунеологами, преимущественно ассириологами, и на долю любителей оставалось только собирание надписей. К этому времени значительно увеличилось и число урартских эпиграфических памятников, открытых в Закавказье.

В 1875 г. была опубликована открытая еще в 1863 г. Атамханская надпись с юго-западного берега оз. Севан, вырубленная из скалы и перевезенная в Кавказский музей (ныне Государственный музей Грузии) [17].

В изучении урартской клинописи деятельное участие принял и известный арменист К. П. Патканов, публиковавший совместно с Сэйсом отдельные надписи [18] и давший первую сводную работу по урартским надписям, найденным на территории России [19].

Так же как и в Западной Европе, в России урартская клинопись изучалась оторванно от археологических работ.

Значительное влияние на развитие археологического изучения Закавказья оказал V археологический съезд, созванный в 1881 г. в Тифлисе.

В план своих работ подготовительный комитет съезда включил раскопки Армавирского холма, где ранее были найдены урартские надписи. В 1880 г. А. С. Уваров и А. Д. Ерицов копали в Армавире в поисках урартских памятников и в первую очередь надписей [20]. Обнаружив остатки построек урартского времени и не найдя развалин монументальных зданий, они признали открытый культурный слой относящимся к средневековью, пройдя таким образом мимо того, что они искали.

На археологический съезд собралось около 400 делегатов, среди которых были и крупные иностранные ученые, как Вирхов и Шантр.

Особое внимание съезд уделил исследованию влияния античного мира и древнего Востока на Кавказе. Так, В. Ф. Миллером были разобраны кавказские параллели к классическому мифу о Прометее. Н. О. Эмин анализировал армянскую легенду о Шамирам. Вопрос об урартских письменных памятниках был на этом съезде затронут К. П. Паткановым [21].

Для развития кавказской археологии V археологический съезд имел исключительное значение. Съезд возбудил интерес к древностям Кавказа не только в среде западноевропейских и русских ученых, но и в широких кругах кавказской интеллигенции.

Начались интенсивные раскопки, главным образом могильных памятников, производившиеся как иностранцами (Ж. де Морганом и Бельком), так и представителями

---

[15] A. H. Sayce, *The cuneiform inscriptions of Van* (JRAS, XIV, 1882), p. 377—732 (57 надписей).— Дополнения печатались в том же журнале: XX, 1888; XXV, 1893; XXVI, 1894; XXXIII, 1901, XXXVIII, 1906; XLIV, 1912; LXI, 1929 и LXIV, 1932.

[16] D. H. Müller, *Die Keilinschrift von Aschrut-Darga* (DWAW, XXXVI, 1888).

[17] «Записки Общества любителей кавказской археологии», I, Тифлис, 1875; Г. Радде, *Краткий очерк истории развития Кавказского музея*, Тифлис, 1891, стр. 21.

[18] K. Patkanoff, *Quelques inscriptions de Van. Muséon*, I, Paris, 1882, p. 541; II, 1883, p. 359.

[19] К. П. Патканов, *О клинообразных надписях ванской системы, открытых в пределах России* (ЖМНП, 1883).

[20] А. С. Уваров, *Исследования местности развалин Армавира* («Протоколы подготовительного комитета к V археологическому съезду», М., 1882), стр. 439—448.

[21] К. П. Патканов, *Клинообразные надписи* («Труды V археологического съезда», М., 1887), стр. 115—122.

русских научных организаций (Археологической комиссии и Московского археологического общества — Н. Я. Марром, А. А. Бобринским, Э. Реслером, А. А. Ивановским и А. С. Уваровым). Из кавказских ученых особенно деятельное участие в археологическом изучении Закавказья приняли А. Д. Ерицов и Е. С. Такайшвили.

Известный русский ассириолог М. В. Никольский, активный член Московского археологического общества, специально занялся урартскими надписями, открытыми в Закавказье [22]. В 1893 г. он посетил Армению для изучения надписей на месте, так как не все доставленные ему копии были удовлетворительны. Вместе с М. В. Никольским в Закавказье был командирован А. А. Ивановский со специальным заданием обследования археологических памятников, связанных с урартскими надписями. Это была первая совместная работа специалиста по клинописи с археологом, и она дала плодотворные результаты.

А. А. Ивановскому удалось обнаружить ряд древних памятников, главным образом крепостей [23]. В одном из таких древних поселений (в Ташбуруне, на северном отроге Арарата) А. А. Ивановский произвел раскопки и открыл остатки большого здания.

В 1896 г. М. В. Никольским была переиздана сводка урартских текстов Закавказья; во многих случаях ему удалось исправить прежние неточные копии надписей и снабдить их переводами [24]. Эта работа и до сих пор не утратила своего значения, хотя переводы текстов устарели. В. М. Никольский не производил полевых сборов урартских эпиграфических памятников, он только сличал копии ранее известных надписей с подлинниками с целью их уточнения.

Собирание клинописей и их первичное издание (без переводов) находилось в руках местных исследователей. В этом отношении мы многим обязаны монаху Галусту Тер-Мкртчяну и Месропу Смбатянцу.

Но кроме Эчмиадзина, резиденции католикоса Армении, собирание и издание клинописей производилось также и в ученых армянских объединениях Западной Европы. Так, венецианская конгрегация мхитаристов провела большую работу по изучению истории Армении. С 1843 г. она стала издавать журнал «Базмавэп» (*«Բազմավէպ»*), существующий доныне, в котором печатались статьи, посвященные урартским древностям. В труде Нерсеса Саргисяна «Описание Малой и Великой Армении», изданном в 1864 г., были приведены четыре урартские надписи, а также планы и описания помещений, высеченных в Ванской скале [25]. Клинообразные надписи воспроизводились также Гевондом Алишаном в его работах, посвященных отдельным районам Армении [26], а в 1900 г. в Венеции была издана сводка урартских надписей, составленная константинопольским священником И. Сандалджяном [27].

В 1811 г. наряду с венецианским возник второй центр мхитаристов — в Вене, издававших с 1887 г. журнал «Хандэс Амсорья» (*«Հանդէս Ամսօրեայ»*). В этом журнале, как и в отдельных изданиях венских мхитаристов, нередко затрагивались вопросы дохристианского периода истории Армении.

Научная работа, проводившаяся мхитаристами, оказала существенное влияние на развитие западноевропейской арменистики.

Как в Западной Европе, так и в России изучением урартского языка занимались крупные востоковеды, но не лингвисты, потому что в то время урартский язык еще не

---

[22] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России* (ДВ, I, 3, 1893).

[23] А. А. Ивановский, *По Закавказью* (МАК, VI, 1911).

[24] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья* (МАК, V, 1896).

[25] *Հ. Սարգիսեան, Տեղագրութիւնի փոքր և մեծն Հայոց*, 1864 (Н. Саргисян, *Описание Малой и Великой Армении*).

[26] *„Շիրակ"* («Ширак»), Վենետիկ, 1881; *„Այրարատ"* («Айрарат»), Վենետիկ, 1890; *„Սիսական"* («Сисакан»), Վենետիկ, 1893.

[27] J. Sandalgian, *Les inscriptions cunéiformes urartiques*, Venise, 1900.— Дополнения к этому труду помещены в журнале *„Հանդէս Ամսօրեայ"*, 1913.

стал самостоятельной отраслью знаний. В Европе это были Сэйс, Леман-Гаупт [28], Шейль [29], Морган, в России — М. В. Никольский и В. С. Голенищев [30].

Наряду с серьезными научными исследованиями появились работы кавказоведов, содержащие часто очень интересный материал и наблюдения, но не всегда отражающие современный им уровень знаний в области разработки клинописи.

Так, М. Г. Джанашвили пришел к заключению, что язык ванских (алародийских) надписей не что иное, как грузинский [31], высказав по существу старое и давно оставленное мнение.

А. К. Глейе пытался составить грамматику урартского языка на основании языкового материала горских племен Кавказа [32].

Такие попытки сопоставления урартского языка с рядом кавказских или же с одним из них встречались неоднократно. Зачастую даже позднее они носили совершенно ненаучный характер (например, работа о родстве урартского языка с удинским) [33].

Из работ арменистов, занимавшихся урартским языком, следует упомянуть статьи Г. А. Халатьянца, посвященные связи армянской топонимики с урартской, и Л. З. Мсерианца, разбиравшего некоторые вопросы армянского и урартского языков [34]. Урартский материал широко использовался также К. Басмаджяном, издававшим в Париже журнал «Банасэр» («Բանասէր»), в котором публиковались эпиграфические памятники Ванского царства.

Естественно, в работах по древнейшей истории Армении использовался материал Урартского государства. Проблема происхождения армян и заселения ими областей Закавказья рассматривалась некоторыми учеными с миграционной точки зрения, что подкреплялось и антропологическими исследованиями, не без основания показывавшими существенные антропологические различия между армянами и древним населением тех областей, в которых ныне живут армяне. В этих исследованиях, однако, не учитывалось то обстоятельство, что предки современных закавказских народов в древности жили на другой территории.

Но в научной литературе уже давно встал вопрос и о генетическом родстве армян с урартами, вопрос, который нельзя было обойти в общих трудах по истории Армении [35].

Несмотря на то что история Урарту стала частью истории древнего Востока [36], урартские тексты оставались все еще неполноценным источником.

Не было уверенности в правильности предлагаемых переводов. Идеограммы, заимствованные урартами у ассирийцев, позволили уловить общий смысл надписей, но грамматика и структура языка оставались еще неясными. Урартские клинообразные надписи были расшифрованы настолько, насколько это могли сделать ассириологи.

---

[28] Во время экспедиции в Армению Леман-Гаупт и Бельк собрали большое количество урартских надписей [см. *«Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und C. F. Lehmann 1898—1899 ausgeführten Forschungsreise in Armenien»* (SPAW, 1900)].

[29] V. Scheil (et J. de Morgan), *La stèle de Kelischin* («Rec. de trav.», XIV, 1893), p. 153; V. Scheil (et J. de Morgan), *Inscription vannique de Melazgert* («Rec. de trav.», XVIII, 1896) p. 75.

[30] В. С. Голенищев, *Надпись древневанского царя Русы II* (ЗВО, XIII, 1901), стр. 1.

[31] *Доклад «О древней истории Грузии по клинообразным надписям»* («Изв. КОМАО», I), протокол, стр. 14; см. также: ЗКОРГО, XXIV, 5, стр. XXXVI.

[32] А. К. Глейе, *Опыт решения ванского (урартского) вопроса* (СМОМПК, XXXVII, 1907).

[33] А. Пайазат, *Ключ халдского языка*, Эривань, 1936.

[34] Г. А. Халатьянц. *О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными Ванских надписей* (ДВ, II, 2, 1901), стр. 120—131; Л. З. Мсерианц, *К интерпретации ванских надписей* («Сборник статей в честь Ф. Е. Корша», 1896), стр. 391—399; Л. З. Мсерианц, *О так называемых «ванских» (урартских) лексикальных и суффиксальных элементах в армянском языке* («Труды XI археологического съезда», II, М., 1902), стр. 9—11.

[35] J. Sandalgian, *Histoire documentaire de l'Arménie*, I—II, Rome, 1917; Կ. Բասմաջեան, *Իսկական պատմութիւն Հայոց*, Փարիզ, 1914 (К. Басмаджян, *Подлинная история Армении*); Լեո: *Հայոց պատմութիւն*, Թիֆլիս, 1917 (Лео, *История Армении*).— Урартский материал использован также в статье Халатьяца: B. Chalatianz, *Der Ursprung der armenischen Fürstentümer* (WZKM, XVII, 1903), S. 60—69.

[36] G. Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, III, Paris, 1889, p. 14—22, 53—69, 102—121, 143—156, 237—252.

Понимание структуры урартского языка продвинулось вперед благодаря работам Н. Я. Марра, приступившего к разбору клинописи на основе кавказских языков, чего не могли сделать ассириологи, владевшие лишь семитическими языками. Он отказался от делавшейся ранее попытки понять структуру урартского языка, исходя из какого-нибудь одного кавказского языка, и подошел к ванским надписям с нормами, общими для большой группы языков Кавказа [37]. В частности, Н. Я. Марр разъяснил пассивную конструкцию в урартском языке.

Исследования Н. Я. Марра, посвященные урартской клинописи, были продолжены И. И. Мещаниновым, которым была составлена сводка высказываний Н. Я. Марра об урартском языке [38]. В ряде статей, помещенных в «Докладах» и «Известиях Академии наук СССР», И. И. Мещанинов, пользуясь коллекцией фотографий, хранившихся в Яфетическом институте, издавал и переиздавал урартские надписи.

Этот богатый архив фотографических снимков явился результатом интенсивной работы русских ученых по собиранию эпиграфических памятников на турецкой территории, занятой русскими войсками в 1915—1917 гг. [39].

В 1915—1916 гг. в Ванском районе работали С. В. Тер-Аветисян (по поручению Академии наук) и от Кавказского музея — А. Н. Казнаков, доставившие в музей не только эстампажи и фотоснимки, но и 20 подлинных надписей. Фотографии с последних, выполненные Б. Н. Шаховским, были переданы в 1917 г. в Московское археологическое общество.

В 1916 г. И. А. Орбели, участвовавший в экспедиции Русского археологического общества, раскопал в нише Ванской скалы «Хазине-капуси» большую стелу, клинописный текст летописи Сардури, сына Аргишти [40]. Этот замечательный памятник по своему значению и размеру может сравниться только с анналами Аргишти, сына Менуа, высеченными на южной стороне Ванской скалы.

Фотографии с урартских памятников во время поездок в Турцию выполнял А. В. Лядов, сопровождавший А. А. Бобринского в 1916 г., а А. А. Флоренский, кроме снимков, доставил в Москву камень с надписью из Леска, хранящийся ныне в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина [41].

Памятники урартской эпиграфики, собранные во время войны в Западной Армении и поступившие в Музей Грузии, были опубликованы в издании, подготовленном Г. В. Церетели [42]. В Музее Грузии хранится также богатая коллекция эстампажей и гипсовых слепков урартских надписей.

После окончания первой мировой войны Леман-Гаупт приступил к разработке громадного материала по урартской клинописи, собранного им совместно с Бельком. В 1928 г. вышел в свет первый выпуск свода урартских надписей [43]. Леман-Гаупт, который, сознавая несовершенство своих переводов, ограничился изданием лишь фотографий памятников (или эстампажей с них) и транскрипции.

В 1928 г. в изданиях Гейдельбергской Академии наук появилась работа М. Церетели. Автор давал перевод летописи Сардури, пытаясь подойти совершенно по-новому к урартской грамматике [44]. Большое значение в этой работе имело установление в урартском языке строгого разграничения переходного и непереходного глаголов.

---

[37] Н. Я. Марр, *Надпись Русы II из Маку* (ЗВО, XXV), стр. 1; Н. Я. Марр, *Материалы по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению* (ЗВО, XXIV), стр. 97.

[38] И. И. Мещанинов, *Халдоведение* («Изв.ООНА», X, 1927); И. И. Мещанинов, *Язык ванских клинописных надписей на основе яфетического языкознания*, I, Л., 1932.

[39] J. Meščaninov, *Die neuen Ergebnisse der chaldischen Forschungen* (AO, VI, 1931), S. 202—205.

[40] Н. Я. Марр и И. А. Орбели, *Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван*, Пг., 1922.

[41] Н. Я. Марр, *Халдская клинообразная надпись из села Леска Ванского округа* («Изв. АН», 1915), стр. 1731—1733.

[42] Г. В. Церетели, *Урартские памятники Музея Грузии*, Тбилиси, 1939.

[43] CICh, I.— При участии Ф. Бателя и Ф. Шахермейера; второй выпуск вышел в 1935 г.

[44] M. Tseretheli, *Die neuen haldischen Inschriften König Sardur von Urartu* (SPAW, V, 1928); M. Tseretheli, *Études ourartéennes* (RA, XXXIII, 1936), p. 117—141.

В дальнейшем это было развито и детально разработано Фридрихом, составившим заново грамматику урартского языка [45]. Разграничение переходного и непереходного глаголов помогло разрешить многие неясности. Так как эти глаголы имели совершенно различные суффиксы, то при старом понимании происходила путаница первого и третьего лица.

Работой, закрепившей новые шаги в изучении урартской клинописи, явилось исследование Гётце, посвященное Келяшинской стеле, урарто-ассирийской двуязычной надписи [46]. Несмотря на то что основной урартский текст не совпадал дословно с ассирийским, Гётце удалось проверить и заново установить значение ряда урартских слов и уточнить грамматические формы. Новые работы в области изучения языка ванских клинописей получили надежное подтверждение; становилось ясным, что новый путь избран правильно, несмотря на то что указанные работы вызвали резкую, но недостаточно аргументированную критику Леман-Гаупта, не желавшего отказываться от старой схемы Сэйса.

Большую работу по исследованию урартского языка, особенно грамматики, провел И. И. Мещанинов, опубликовавший результаты своих многолетних исследований в книге «Язык ванской клинописи» (т. II), изданной в 1935 г. Академией наук СССР. Эта книга наряду с работами Фридриха значительно продвинула вперед плодотворное изучение урартской клинописи. В 1958 г. И. И. Мещанинов опубликовал первый выпуск грамматики урартского языка [47].

Интересные и важные результаты были получены лингвистическими исследованиями, производившимися с учетом связи урартского языка с другими языками древнего Востока, в частности с хурритским (Шпейзер, Фридрих) и хеттским (Г. А. Капанцян) [48].

После второй мировой войны на территории Армянской ССР, при раскопках на Кармир-блуре и Арин-берде были открыты новые и весьма интересные урартские эпиграфические памятники. История Урарту, древнейшего из некогда существовавших в Закавказье государств, при распаде которого ускорился процесс образования армянского и грузинского народов, заняла важное место в учебниках по истории народов СССР. Кроме учебников, появилась и большая научно-популярная литература по культуре Урарту.

В сборниках «Эпиграфика Востока», издаваемых Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР, систематически публиковались новые и переиздавались ранее известные памятники урартской письменности (статьи И. М. Дьяконова, Б. Б. Пиотровского и Н. В. Арутюняна). Вопросам истории и культуры Урарту значительное место уделил журнал «Вестник древней истории». В нем заострялось внимание на исследовании социально-экономических вопросов истории и культуры Урарту (Г. А. Меликишвили, И. М. Дьяконов, В. С. Сорокин, С. М. Бациева). В 1951 г. в приложениях к журналу была напечатана сводка всех известий об Урарту из ассиро-вавилонских источников, выполненная И. М. Дьяконовым [49]. Новые переводы этих сведений на русский язык значительно облегчили их использование в исторических работах. В 1953 и 1954 гг. также был напечатан свод урартских надписей, подготовленный к печати Г. А. Меликишвили [50]. Все урартские надписи приведены в этом издании в тран-

---

[45] См. работы Фридриха: J. Friedrich, *Beitrage zur Grammatik und Lexicon des chaldischen Caucasica*, VII, 1931, S. 53—86; VIII, 1931, p. 114—150; *Zur urartäischen Nominalflexion* (ZA, VI, 3—4, 1931); *Zum urartäischen Lexikon* («Archiv Orientálni», IV, I, 1932); *Einführung ins urartäische. Grammatischer Abriss und ausgewälte Texte mit sprächlichen Erläuterungen* (MVAG, XXXVII, 3, 1933).

[46] A. Götze, *Zur Kelischin Stele* (ZA, V, 1—3, 1929), S. 99—128.

[47] И. И. Мещанинов, *Грамматический строй урартского языка*, I, Л., 1958.

[48] E. Speiser, *Studies in Hurrian grammar* (JAOS, LIX, 3, 1939), p. 323; J. Friederich, *Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik*, 1939, S. 56—62; Г. А. Капанцян, *Общие элементы между урартским и хеттским языками*, Эривань, 1936.

[49] АВИУ

[50] УКН.

скрипции и русском переводе и снабжены комментариями и снимками преимущественно неопубликованных эстампажей коллекции Музея Грузии. Во введении к своду дан очерк грамматики урартского языка, представляющий самостоятельное исследование Г. А. Меликишвили, одного из лучших специалистов по урартскому языку. После этой работы урартские клинописи, содержащие весьма важные сведения по древнейшей истории Передней Азии и Закавказья, стали полноценным историческим источником, которым могут и будут пользоваться специалисты по истории древнего Востока. Уже в 1955 г. подобную сводку урартских надписей издал австрийский ученый Кёниг, но она по полноте материала и качеству переводов значительно уступает труду Г. А. Меликишвили[51].

Г. А. Меликишвили не ограничился лишь публикацией урартских клинообразных надписей. Он написал капитальный труд «Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири — Урарту», изданный в 1954 г. в Тбилиси. В нем подробно, с большой полнотой разобраны письменные источники, как урартские, так и ассирийские, касающиеся истории Урарту, особенно начального периода[52]. За оба указанных труда в 1957 г. Г. А. Меликишвили была присуждена Ленинская премия.

С усилением интереса к Урартскому государству выросло много молодых специалистов, занимающихся историей и языком, как в Москве и Ленинграде, так и в академиях наук Армении и Грузии.

В Институте истории материальной культуры Академии наук СССР были закончены две работы по культуре Урарту. В. В. Шлеев занимался урартскими крепостями Закавказья и сделал ряд интересных наблюдений, касающихся этих крепостей и маршрутов походов урартского войска[53]. В. С. Сорокин проводил исследования древнего поселения у Кармир-блура, обратив особое внимание на древнейшие доурартские слои[54].

В Государственном Эрмитаже над урартскими мерами длины и над керамикой из раскопок Кармир-блура работал А. А. Вайман.

В Академии наук Армянской ССР продолжал свою работу по изучению Урарту Г. А. Капанцян, занимавшийся клинописью, топонимикой и религией Ванского царства. Из учеников Г. А. Капанцяна успешно работают Н. В. Арутюнян[55], написавший ценную работу о Хорхорской летописи Аргишти I, и М. А. Исраелян, подготавливающая свод урартских надписей в переводе на армянский язык и опубликовавшая несколько новых клинописей[56].

В Грузии, где в настоящее время особенно хорошо поставлено исследование древневосточных языков, урартским языком и историей, кроме Г. А. Меликишвили, занимаются Т. В. Гамкрелидзе, В. А. Гвахария и А. А. Барамидзе[57]. Все это свидетельствует, что интерес к изучению урартской культуры и, в частности, клинописи значительно

---

[51] F. W. König. *Handbuch der chaldischen Inschriften*. Graz, 1955.— Рецензия Фридриха на эту книгу напечатана в журнале: «Orientalistische Literaturzeitung», 1955, № 11—12, Sp. 524—529.

[52] Подробная рецензия на эту книгу написана И. М. Дьяконовым (ВДИ, 1956, № 2, стр. 59—74).

[53] В. В. Шлеев, *Урартские крепости Закавказья и проблема их изучения* (Автореферат кандидатской диссертации, ИИМК АН СССР, М., 1954).

[54] В. С. Сорокин, *Древние поселения у Кармир-блура* (Автореферат кандидатской диссертации ИИМК АН СССР, Л., 1955).

[55] Н. В. Арутюнян, *Хорхорская летопись Аргишти* I (ЭВ, VII, 1953), стр. 81; Н. В. Арутюнян, *Заглавные декларации урартских надписей и их значение при изучении вопросов топонимики* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1954, № 8), стр. 81; Н. В. Арутюнян, *Заметки по урартской клинописи* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1956, № 7), стр. 89.

[56] М. А. Исраелян, *Исторический Армавир по урартским надписям* (Рукопись кандидатской диссертации, Ин-т истории АН АрмССР, Ереван, 1948); М. А. Исраелян, *О Туганской надписи* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1955, № 11), стр. 81; М. А. Исраелян, *По поводу одной надписи Менуа* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1956, № 8), стр. 82.

[57] Т. В. Гамкрелидзе, *К некоторым вопросам грамматической структуры урартского языка* (ВДИ, 1956, № 4, стр. 138); В. А. Гвахария, *Взаимоотношения между ассирийскими и урартскими идеограммами и детерминативами* (Автореферат кандидатской диссертации, Тбилисский гос. ун-т, 1954); А. А. Барамидзе, *Из истории ассиро-урартских взаимоотношений в последней четверти VIII в. до н. э.* (Автореферат кандидатской диссертации, Ин-т истории АН ГрузССР, Тбилиси, 1954).

возрос; в академиях наук Армянской и Грузинской ССР уже имеются квалифицированные кадры, успешно изучающие языки древнего Востока.

Не заглохла работа над урартской клинописью и за рубежом. В Германии плодотворно продолжает исследование урартского языка Фридрих [58], переиздавший клинописные тексты, открытые в послевоенное время в Армении. В других странах также не прекращалась публикация и переиздание клинописей [59]. Теперь стало невозможным решение вопросов истории древнего Востока без учета материалов урартских письменных источников.

Из приведенного очерка истории изучения ванской клинописи мы видим, что эта работа, продолжающаяся свыше ста лет, привлекла к себе внимание многих ученых, специалистов по языкам как древнего Востока, так и Кавказа. Работа над урартским языком дала реально ощутимые результаты и имеет прочную научную основу.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в области археологического изучения центральной части Ванского царства. Эти работы не были связаны с разработкой клинописи и до сих пор не получили должного развития. Систематические раскопки производились только в одном месте центральной части Урарту, а именно в древней крепости Топрах-кале (близ города Вана).

В 1879 г. на Топрах-кале начали раскопки английский консул Клейтон и американский миссионер в Ване Рейнольдс; в следующем году они были продолжены Рассамом [60], работавшим ранее в Месопотамии.

Основное внимание было обращено на развалины храма в северной части крепости, в то время еще сравнительно хорошо сохранившиеся. Раскопки дали большое количество художественных бронзовых предметов — части тронов, различную утварь, декоративные щиты, бронзовые обивки и пр. Значительная часть находок попала в Британский музей, но многое разошлось по рукам.

Вещи, переданные Клейтоном и Рассамом в Британский музей, долгое время лежали там мертвым грузом, и очень характерно, что ученых интересовали исключительно имевшиеся на них надписи. Так, Сэйс еще в 1882 г. опубликовал только клинописи с обломков бронзовых щитов, богато украшенных изображениями львов и быков, и с бронзовой обивки, на которой изображены лежащие быки, но сами эти предметы, представляющие большой интерес для изучения искусства и культуры, до недавнего времени не были даже воспроизведены должным образом. Только в 1950 г. эти богатейшие коллекции были опубликованы Барнетом [61].

Раскопки на Топрах-кале в большем масштабе, чем предыдущие, были произведены в 1898—1899 гг. германской экспедицией Леман-Гаупта и Белька. Кроме исследования храма, раскопки которого производил Рассам, экспедицией были заложены разведочные траншеи во многих местах городища, сильно поврежденного ямами кладоискателей.

Германская экспедиция установила датировку древнего поселения, которое исследователи считали «городом Руса», упомянутым в надписи у оз. Кешишгел. Сведения о ходе экспедиции печатались в протоколах «Берлинского общества антропологии, этнографии и доистории» [62]. А в 1907 г. были опубликованы материалы этих раскопок вместе с приобретенными на месте работ предметами древности.

---

[58] J. Friedrich, *Neue urartäische Inschriften* (ZDMG, 105, Heft 1, 1955), S. 53—73.

[59] K. Werner, *Zwei urartäische Inschriften. Fragmente* [«Journal of cuneiform studies» (New Haven), VIII, 1954, № 3,]; M. Kalaç, *Kömurhan Urartu Kitabesi* [«Turk Tarih kurumu. Belleten», (Ankara), XX, 1956], S. 79; Mohammad Javad Mashur, *The history of Urartu Nation*, Teheran, 1953 (на персидском языке с англ. резюме); Th. Beran, *Zur Inschrift Sardurs III bei Izoli* («Istanbuler Mitteilungen, 1956» № 7, Istanbul. 1957), S. 133.

[60] H. Rassam, *Asshur and the land of Nimrod*, New York, 1879, p. 377.

[61] R. D. Barnett, *The excavations of the British Museum at Toprak-Kale, near Van* («Iraq», XII, 1, 1950), p. 1—43; R. D. Barnett, *The Archaeology of Urartu* («Compte rendu de la troisième rencontre assyriologique international 1952», Leiden, 1954), p. 10—18.

[62] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien;* VBGAEU, 1898, S. 127, 522, 568; 1899, S. 236, 281, 293, 411, 487, 579, 586, 661; 1900, S. 29, 430.

Кроме раскопок на Топрах-кале, Леман-Гаупт и Бельк предприняли путешествие по всему Армянскому нагорью с целью регистрации и обследования памятников урартского времени. В западной части территории древнего Ванского царства разведочные работы производил Хэнтингтон, нашедший ряд древних крепостей, связанных иногда с урартскими клинописями [63].

И. А. Орбели во время командировки 1911—1912 гг. в Турцию произвел на Топрах-кале небольшие, но интересные раскопки [64].

Когда стали известны памятники урартского искусства, они вызвали живой интерес археологов, занимавшихся Причерноморьем и Северным Кавказом. В результате изучения этих памятников стали вырисовываться связи скифов с народами Закавказья и северных частей Передней Азии.

Обстоятельный очерк истории Ванского царства с указанием на связь памятников скифского искусства с искусством Урарту дал Б. А. Тураев в «Истории Древнего Востока» (1914 г.).

Русские востоковеды оценили значение Ванского царства для истории Закавказья, и в апреле 1914 г. в Восточном отделении Русского археологического общества обсуждался вопрос об исследованиях в области урартской культуры. Н. Я. Марр настаивал на необходимости дальнейших исследований в Ване. Он указывал, что в Ване должны работать прежде всего русские ученые, которые имеют необходимую подготовку, лучше, чем какие-либо другие ученые, осведомлены в вопросах культуры Вана и достаточно сделали для ее изучения [65].

Там же был поставлен вопрос и о дальнейших раскопках на Топрах-кале. В связи с организацией этой экспедиции Б. А. Тураевым была составлена специальная записка о древностях Вана и сопредельных областей [66].

В 1916 г. удалось осуществить работы в Ване, во время которых Н. Я. Марр производил раскопки Топрах-кале, а И. А. Орбели — двух ниш на северном склоне Ванской скалы, в одной из которых оказалась стела с летописью царя Сардури, сына Аргишти.

После работ Русской археологической экспедиции в Ванском районе археологические работы были прерваны на двадцать два года.

За это время район посещали лишь отдельные исследователи исключительно с разведочными целями. Только летом 1938 г. на Ванской скале и Топрах-кале работала американская археологическая экспедиция. Целью ее было установление распространения культурного слоя урартского времени в Ване и проверка датировки материала прежних раскопок [67]. Работы экспедиции доказали правильность датировки красной лощеной керамики урартской эпохой и установили также, что обнаруженная на Топрах-кале и в Ване расписная керамика частично современна урартской, а частично относится к более древнему времени. На северном склоне Ванской скалы экспедицией была расчищена вся площадка перед нишами, раскопанными И. А. Орбели, но ничего нового по сравнению с результатами исследований экспедиции Русского археологического общества эта расчистка не дала. Кроме того, экспедиция провела обследование нескольких древних крепостей Ванского района.

---

[63] E. Huntington, *Weitere Berichte über Forschungen in Armenien und Kommagene* (ZE, 1901), S. 173—209.

[64] И. А. Орбели, *Предварительный отчет о командировке в Азиатскую Турцию, 1911—1912 гг.* («Изв. АН», 1912), стр. 922—923; см. также: ЗВО, XXI, 1911—1912, стр. LXXVIII. — Материалы, собранные И. А. Орбели, частично изданы Н. Я. Марром (ЗВО, XXIV, 1917) и Б. В. Фармаковским (МАР, 34).

[65] «Протокол заседания комиссии по вопросу об исследованиях в области древней ванской культуры» (ЗВО, XXII, 1915), стр. XLI.

[66] Б. А. Тураев, *Записка о древностях Вана и сопредельных местностей* (ЗВО, XXII, 1915), стр. XLIV—XLVII.

[67] *«Краткие сведения о работах американской экспедиции»* (АО, XIII, 1—2, 1939), стр.90; K. Lake, *Vanda yapilan hafriyat, 1938* (*«Türk Tarih. Arkeologya ve etnografya Dergisi»*, IV, 1940), п. 179—191.

В то время как на Армянском нагорье археологическая работа замерла, в советских республиках Закавказья она получила невиданное до тех пор развитие, причем в ней приняли участие научные учреждения Союза ССР и местные научные организации. Созданный в 1924 г. Комитет охраны древностей Армении, во главе которого стоял академик архитектуры А. И. Таманян, сразу же приступил к регистрации памятников старины по районам с целью составления археологической карты.

В 1926 г. экспедиция Комитета работала на южном берегу оз. Севан; ею был снят эстампаж с труднодоступной надписи у Цовинарской крепости, который дал возможность существенно исправить прежнее, неправильное чтение этой важной для истории Закавказья надписи. Этой же экспедицией были открыты три новые клинообразные надписи.

В 1927 г. в древней крепости у Нор-Баязета была найдена надпись урартского царя Русы, сына Сардури, рассказывающая о постройке крепости, захвате в плен местного правителя и о назначении урартского наместника [68].

Вторая клинообразная надпись, вероятно, из развалин древнего Армавира, была открыта в сел. Джанфида [69]. К армавирским же надписям относится и опубликованная И. И. Мещаниновым надпись из сел. Талиш, известная ранее лишь по информационной заметке Н. Я. Марра [70].

Наконец, в 1935 г. на развалинах древней крепости Кармир-блур, около Еревана, был найден обломок камня с остатками клинописи, содержавшей имя урартского царя Руса, сына Аргишти [71].

Обнаружение этих памятников расширило в Армении работы над урартским языком. В Ереванском государственном университете Г. А. Капанцян вел специальные курсы, посвященные урартской культуре и языку. Интерес к культуре Ванского царства возрос еще больше после включения истории Урарту в общий курс истории СССР как в средней школе, так и в высших учебных заведениях.

Интерес к урартской культуре наблюдался и в Азербайджане. С 1925 г. в работе Бакинского государственного университета приняли участие Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов, проводившие курсы лекций по яфетическому языкознанию. И. И. Мещанинов, читавший в университете специальный курс, посвященный Ванскому царству[72], принял участие и в археологическом изучении Азербайджана.

Успешно шла обработка музейного материала, давшая весьма интересные результаты. Оказалось, что непонятные раньше знаки на агатовой пронизке, найденной в 1895 г. Реслером в одном из курганов Ходжалинского могильника, представляют собой клинопись, в которой В. В. Струве и ассириолог В. К. Шилейко прочли имя ассирийского царя Ададнирари [73]. Но, к сожалению, надежда, что эта бусина с клинописью даст нам твердую опору в датировке материала, не оправдалась, так как надпись не удается приурочить определенно ни к одному из четырех царей, носивших имя Ададнирари, причем первого Ададнирари от последнего отделяет примерно полтысячелетия. Вейднер склонен отнести ходжалинскую бусину ко времени Ададнирари I, жившего

---

[68] Գ. Կապանցյան, Նոր Բայազետի սեպագիր արձանագրությունը. Տեղեկագիր ՀՍԽՀ գիտ. և արվ. ինստիտուտի, 1930, № 4, էջ 75—108 (Г. Капанцян, *Клинообразная надпись из Ново-Баязета*); см. также: Տեղեկագիր ՀՍԽՀ գիտ. և արվ. ինստիտուտի, II, 1927, էջ 203 («Изв. Ин-та наук и искусств АрмССР»).

[69] „Օրագիր ՀՍԽՀ հնությունների պահպանության կոմիտեի", IV, Երևան, 1930 («Дневник Комитета охраны древностей Армении»).

[70] [Н. Я. Марр], ЗВО, XXI, стр. LXXVI; [И. И. Мещанинов], «Изв. АН», 1932, стр. 341—318.

[71] Կ. Կաֆադարյան, Կարմիր բլուրի նորագյուտ սեպագիր արձանագրությունը, Տեղեկագիր ՀՍԽՀ գիտ. և գրակ. ինստ., II, 1937, էջ 222 [К. Кафадарян, *Новонайденная клинообразная надпись на Кармир-блуре* («Вестник Ин-та истории и литературы АрмССР»)].

[72] И. И. Мещанинов, *Халдоведение*.

[73] И. И. Мещанинов, *Ассирийская вотивная бусина из Азербайджана* («Изв. ООИЛ», II, 1926), стр. 52; И. И. Мещанинов, *К вопросу об ассирийской бусине из Ходжалинского могильника* («Изв. ООИА», III, 1926), стр. 107; J. Meščaninov, *Votivperle mit assyrischer Königs-Inschrift aus Transkaukasien* (AO, VII), S. 266.

на рубеже XIV—XIII вв., хотя сам оговаривает, что такая датировка бусины не имеет решающего значения для датировки всего могильника [74].

Поиски урартских эпиграфических памятников в Азербайджане не увенчались успехом, но вполне вероятно, что урарты при своем продвижении в Закавказье проникали восточнее оз. Севан [75].

Одновременно с этим началось также изучение древних крепостей, построенных из крупных камней [76], которые, по аналогии с подобными же памятниками в Армении, можно было предположительно отнести к урартскому времени.

Древние крепости, называемые по характеру кладки «циклопическими», на территории Армении изучались довольно давно. Остатки стен этого рода имелись на Армавирском холме. Циклопические крепости, связанные с урартскими клинописями около Ташбуруна и Еревана (Ганли-тапа), обследовал А. А. Ивановский. Позднее удалось определить древние названия некоторых развалин крепостей, встреченные в клинописных текстах (Цовинарская и Атамханская надписи).

Циклопические крепости Армении относятся к различному времени. Первая попытка классификации древних крепостей района горы Арагац (Алагез) была выполнена архитектором Т. Тораманяном, относившим наиболее древние крепости даже к неолиту [77]. В 1930 г. экспедиция Академии истории материальной культуры провела обследование циклопических крепостей северного и северо-западного склонов горы Арагац, описанных Т. Тораманяном. Для работ был избран район, где находились крепости различного типа, клинообразная надпись и частично раскопанные могильники [78]. Затем работа по той же теме была перенесена на западное и южное побережья оз. Севан (1931 и 1932 гг.) [79].

Собранный во время этих разведочных работ материал позволил выявить четыре основные группы крепостей-поселений, различающихся как по типу, так и по найденному в них материалу. Отнесение циклопических крепостей к неолиту не подтвердилось. Наиболее древние из них дали материал, датируемый «эпохой бронзы», т. е. концом II и началом I тысячелетия. Вторая группа крепостей относится к урартскому времени, причем некоторые крепости можно считать даже образцом урартского строительства (Кармир-блур, Арин-берд, Нор-Баязет, Цовинар).

В 1931 г. И. И. Мещанинов совершил несколько экскурсий, во время которых обследовал древние крепости Армении [80].

Но и после этих разведочных работ все же оставался неясным комплекс археологических памятников Закавказья, относящихся к урартскому времени. Не хватало сведений, чтобы связать хорошо известные могильники Севанского района с надежно датированными урартскими крепостями. Необходимы были раскопки крепостей.

---

[74] [E. F. Weidner], AO, VII, S. 267—268.

[75] И. И. Мещанинов, *Предположительные сведения о движении халдов в пределы Азербайджана* («Изв. ААК», II, 1926), стр. 33—39; И. И. Мещанинов, *Восточное Закавказье времени халдских завоеваний* (ВДИ, 1937, № 1), стр. 66—77.

[76] И. Джафар-заде, *Циклопические сооружения Азербайджана* («Труды Азербайджанского филиала Акад. наук СССР», № 55, 1938); И. И. Мещанинов, *Циклопические сооружения Закавказья* («Изв. ГАИМК», XIII, 4—7, 1932).

[77] Թ. Թորամանյան, *Նախաքրիստոնյական հայ ճարտարապետություն*, Բանբեր Էջմիածնի դիտակա ինստիտուտի, 1920—1921, եջ 207—225 (Т. Тораманян, *Дохристианская архитектура Армении* «Вестник эчмиадзинского научного института»); *Ատրպետ, Շիրակի աշկատարյան (կիկլոպյան) ամրոցները „Ազգագրական հանդես“*, XXV, եջ 2 (Атрпет, *Циклопические крепости Шарака*. «Этнографическое обозрение»); Թ. Թորամանյան, *Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության*. Երևան, 1942, եջ 11—30 (Т. Тораманян, *Материалы по истории армянской архитектуры*).

[78] А. А. Аджян, Л. Т. Гюзальян, Б. Б. Пиотровский, *Циклопические крепости Закавказья* (СГАИМК, 1932, № 1—2), стр. 61—64.

[79] Б. Б. Пиотровский, Л. Т. Гюзальян, *Крепости Армении доурартского и урартского времени* («Проблемы истории материальной культуры», 1923, № 5—6) стр. 51—59; B. Piotrowsky und L. T. Gusalyan, *Kyklopische Festungen am Südufer des Sewansees*, [«Сб. кружка по изучению древнего Востока при Государственном Эрмитаже», № 1 (8), 1933], стр. 39.

[80] И. И. Мещанинов, *Циклопические сооружения Закавказья* («Изв. ГАИМК,» XIII, 4—7, 1932).

Эту работу взял на себя Государственный Эрмитаж, который в 1934 г. организовал археологическую экспедицию (руководитель Б. Б. Пиотровский) для изучения древней крепости на южном берегу оз. Севан, между селениями Алучалу и Цовинаром, связанной с клинообразной надписью Русы I.

Кроме стереофотограмметрической съемки местности и работ над клинописью, экспедиция производила небольшие разведочные раскопки и вскрыла два слоя. Верхний оказался слоем урартского времени. Раскопки дали несколько предметов (бронзовая фибула, железный наконечник копья, костяные изделия), сходных с найденными Н. Я. Марром на Топрах-кале. Этого материала было очень мало; недостаточны были также и находки из второго слоя крепости Муханнат-тапа [81] в Ереване, датированного урартской печатью.

Для более широких работ с целью выяснения комплекса памятников урартского времени была выбрана древняя крепость на холме Кармир-блур, на территории которой был найден обломок клинообразной надписи с именем Русы, сына Аргишти. В 1939 г. экспедиции Государственного Эрмитажа и Комитета по охране исторических памятников Армении начали совместные раскопки на Кармир-блуре, продолженные в 1940—1941 гг. экспедициями Эрмитажа и Армянского филиала АН СССР. Работы эти были прерваны войной и возобновлены в 1945 г.

За семнадцать лет систематических раскопок на Кармир-блуре, где в древности находилась цитадель урартского города Тейшебаини, собран громадный археологический материал, характеризующий урартскую культуру и ее связи с закавказской [82].

Этот город являлся крупным административным центром в Закавказье. В цитадели жил урартский наместник, в ней скапливалась дань, собранная в окрестных районах страны. Большие запасы продуктов хранились в обширных кладовых цитадели и перерабатывались в мастерских. Там находились не только продукты земледелия и садоводства, но и многочисленные предметы ремесла: железные и бронзовые орудия и оружие, слитки бронзы, деревянные изделия, ткани и пряжа. Обработка дани требовала значительного числа рабочих рук. Для этих людей вокруг крепости был построен город, в котором, вероятно, жили и воины. Исследование города выявило в нем постройки различного назначения.

Централизованное хозяйство древневосточного административного центра требовало хорошо организованного учета. Как и в других подобных центрах Передней Азии, в Тейшебаини находился хозяйственный архив, отдельные документы которого — глиняные таблички, покрытые клинописью, — стали уже известны.

Раскопки раскрыли широкие связи Тейшебаини с другими странами древнего Востока; найдены ассирийские печати, бронзовые чаши, бусы, египетские амулеты, скарабеи, фаянсовые фигурки, сирийские и средиземноморские золотые серьги, серебряный сосуд, а также отдельные индийские бусы. С другой стороны, археологический материал из Кармир-блура помогает восстановить связи урартского центра также со скифами не только Северного Кавказа, но и Приднепровья.

Несмотря на то что по всем имеющимся в нашем распоряжении данным цитадель Тейшебаини была возведена при Русе II, сыне Аргишти, т. е. в середине VII в., в ее кладовых хранилось громадное число высокохудожественных урартских бронзовых предметов (шлемы, щиты, колчаны, чаши, предметы конского убора и др.) с именами царей Менуа, Аргишти I, Сардури II и Русы I, т. е. царей VIII в. Это обстоятельство можно объяснить тем, что более ранние бронзовые художественные изделия были доставлены в кладовые Тейшебаини из ранних урартских центров, утративших в VII в. свое прежнее положение. И действительно, на четырех бронзовых щитах, найденных на

---

[81] *Է. Բայբուրդյան, Հայաստանի գունազարդ կերամիկայի պրոբլեմը, Տեղեկագիր ՀՍՍՀ պատ. և գրակ. ինստիտուտի*. II, էջ 268 (Е. А. Байбуртян, *Проблема крашеной керамики Армении*. «Вестник Ин-та истории и литературы АрмССР»).

[82] «Кармир-блур», I—IV.

Кармир-блуре, оказались посвятительные надписи Аргишти I с указанием, что они были изготовлены для города Эребуни (Ирепуни).

Развалины этого города находятся неподалеку от Кармир-блура, на южной окраине Еревана. Цитадель города — холм Арин-берд (Ганли-тапа) стал известен археологам уже давно. Еще в 1894 г. около холма был найден камень с клинописью, рассказывающей о постройке царем Аргишти, сыном Менуа, закромов для зерна [83]. После разведочных работ, проведенных там А. А. Ивановским, этим памятником долго не занимались археологи, и он одно время служил даже каменоломней. В 1947 и 1948 гг. на холме были предприняты разведочные работы кармир-блурской экспедицией, а также В. В. Шлеевым. В 1950 г. по поручению Отдела охраны исторических памятников Комитета культурно-просветительных учреждений при Совете Министров Армянской ССР архитектором К. Л. Оганесяном, при консультации Б. Б. Пиотровского, были произведены консервационные работы с небольшими по объему раскопками, во время которых были найдены два камня с клинописями. В одной из них, принадлежавшей Аргишти I, рассказывалось о постройке города Эребуни, а в другой — о сооружении царем Сардури II зернохранилища [84]. Таким образом, при помощи клинописи, найденной на холме Арин-берд, удалось точно определить местоположение урартского города Эребуни. Вторая надпись Аргишти I о постройке Эребуни обнаружена при раскопках 1958 г.

В 1950 и 1951 гг. исследование Арин-берда производилось кармир-блурской экспедицией Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа (Б. Б. Пиотровский и К. Л. Оганесян). В крепости было раскопано большое удлиненное помещение, по-видимому, храмового назначения, в котором обнаружены остатки осыпавшихся росписей — орнаментальные фризы, изображения деревьев с божествами по их сторонам, а также фигуры бога (вероятно, Халди), стоящего на льве [85].

С 1952 г. раскопки Арин-берда продолжались совместной экспедицией Академии наук Армянской ССР и Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (К. Л. Оганесян, И. М. Лосева, при научной консультации Б. Б. Пиотровского). В 1956 г. там же отрядом Академии наук Армянской ССР (М. А. Исраелян) было открыто небольшое прямоугольное сооружение, на цокольных камнях которого по обеим сторонам входа помещены две надписи, одинаковые по содержанию, рассказывающие о сооружении царем Аргишти I для бога Иуарше (Иубше) святилища, определенного в тексте термином *суси* [86]. Отряд Музея им. Пушкина (И. М. Лосева, С. И. Ходжаш) работал в части, примыкающей к помещению с росписями [87]. Раскопки выявили значительные перестройки крепостных сооружений: многие дверные проемы были заложены, а сами помещения переделаны, кладовая с карасами для вина была разрушена и сравнена с полом.

Наиболее интересным результатом этих работ явилось открытие большого зала, имевшего 30 деревянных столбов-колонн, от которых сохранились лишь каменные основания баз в углублении пола. Этот зал, по форме совпадающий с ахеменидскими ападанами, рассматривался первоначально как урартский прототип, но архитектурное исследование его, проведенное К. Л. Оганесяном, показало, что он построен в два приема и что форму ападаны он принял уже на втором этапе строительства.

---

[83] М. В. Никольский, *Клинообразная надпись из Ганли-тапа около Эривани* (ДВ, II, 1894).

[84] К. Оганесян, *Арин-берд (Ганли-тапа) — урартская крепость города Ирпуни* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1951, № 8), стр. 75; М. А. Исраелян, *Две новые урартские надписи* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1951, № 8), стр. 89; М. А. Исраелян, *Заметки по вопросам урартоведения* («Историко-филологический журнал», Ереван, 1958, № 2), стр. 204.

[85] Б. Б. Пиотровский, *Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР* («Доклады советской делегации на X международном конгрессе историков в Риме», М. 155), стр. 13.

[86] Մ. Իսրայելյան, Արենբերդի SUSI տաճարը եվ նրա արձանագրությունները (М. Исраелян, *Арин-бердский храм susi и его надписи*). «Изв. Акад. наук АрмССР», 1957, № 9, стр. 93.

[87] И. М. Лосева, *Раскопки цитадели урартского города Ирпуни* (КСИИМК, 58. 1955), стр. 45; И. М. Лосева, *Раскопки урартской крепости города Ирпуни на холме Арин-берд* («Советское востоковедение», 1955, № 3), стр. 144.

Раскопки позволили установить, что крепость Эребуни погибла не внезапно при пожаре, не во время нападения врагов, а была заброшена, причем сокровища из ее кладовых были перевезены в другую крепость (Тейшебаини). Это объясняется изменением системы административного управления окраин урартского государства, направленным против чрезмерно возвысившихся наместников окраинных областей. Именно в то время в Закавказье потерял свое значение крупнейший урартский административно-хозяйственный центр Аргиштихинили и пришли в упадок другие крепости, построенные в первую половину истории Урарту, при царях Аргишти I и Сардури II. Крепость Эребуни была заброшена, но не разрушена, как Тейшебаини, и в таком заброшенном состоянии она пережила новые урартские центры, которые были разгромлены и сожжены в конце VII или в начале VI в. кочевыми племенами.

После гибели Тейшебаини на его развалинах жизнь не возобновлялась, в Эребуни же продолжалась жизнь и позднее, уже в ахеменидский период. На это указывают находки трехгранных наконечников стрел ромбической формы без втулки, характерных для ахеменидского времени [88], бронзовые удила, составленные из колец, и бусы. Но самым важным основанием для такой датировки являются найденные в 1956 г. две серебряные монеты города Милета, датирующиеся V в., но не ранее 478 г. [89]. В свете этого можно считать вероятным, что и оформление тридцатиколонного зала-ападана также относится к послеурартскому периоду. Дальнейшее исследование древних крепостей на Кармир-блуре и Арин-берде может дать весьма интересные и важные результаты, и понятно, что их раскопки привлекают внимание зарубежных ученых, занимающихся урартской культурой [90].

В связи с большими археологическими работами Академии наук Армянской ССР выросли молодые кадры археологов, успешно проводящие и самостоятельные работы (А. А. Мартиросян, Г. А. Тирацян, Г. М. Бартикян, З. М. Касабян). Раскопки местных закавказских могильников урартского времени, особенно в Севанском районе, от Исторического музея Академии наук Армянской ССР проводит А. О. Мнацаканян. Около сел. Лчашен он открыл богатые курганы, относящиеся к концу II тысячелетия. В могилах были найдены погребальные деревянные повозки, большое число бронзовых изделий (оружие и украшения), свидетельствующих о высоком уровне местной культуры, а также золотые бусы и подвески, по-видимому, привозные. Эти курганы принадлежали вождям тех племен, с которыми урарты вели упорную борьбу при своем продвижении в Закавказье.

Очерк истории изучения Ванского царства отчетливо показывает неравномерность изученности не только отдельных его районов, но и отдельных видов памятников. Он выявляет также качественное отличие исследования древностей центральной части Урарту (Армянское нагорье) и его периферии (Закавказье).

Работа над урартской клинописью началась уже более ста лет назад, и ученые достигли, несмотря на все трудности, определенных результатов; в некоторые периоды

[88] R. Ghirshman, *Village Perse-Achéménide* («Mémoires de la mission archéologique en Iran», XXXVI, Paris, 1954).

[89] Определение Л. И. Беловой 6 мая 1957 г. (см.: B. Head, *A catalogue of the greek coins in the British Museum*, London, 1892, p. 185, № 14—35; E. Babelon, *Traité des monnaies grecques et romaines*, II, 2, Paris, 1910, p. 1047). — Близкая по типу милетская серебряная монета (диобол) была найдена в Персеполе (см.: E. Schmidt, *Persepolis*, II, Chicago, 1957, p. 111, pl. 84).

[90] R. D. Barnett and W. Watson, *Russian Excavations in Armenia* («Iraq», XIV, 2, 1952), p. 132—147; G. R. Meyer, *Die urartäische Festung «Stadt des Teischeba» bei Jerewan in Sowjet Armenien* («Wissenschaftliche Annalen», I, Berlin, 1952), S. 407; Ch. Virolleand, *Les fouilles russes de Karmir-Blour en Arménie* (Académie des inscriptions et belle-lettres, Comptes rendus, 1954, avril—juin, Paris, 1954), p. 148; G. R. Meyer, *Urartäische Altertümer aus Karmirblur* («Wissenschaftliche Annalen», IV, Berlin, 1955, S. 508); J. Friedrich, *Neue urartäische Inschriften*, I, Inschriften aus Karmir-blur (ZDMG, 195, Heft I, 1955), S. 53—65; M. Pallottino, *Gli scavi di Karmir-Blur in Armenia e il problema delle connessioni tra l'Urartu, la Grécia e l'Etruria* («Archeologia classica», VII, 2, Roma, 1956), p. 109—128; G. R. Meyer, *Die sowjetischen Ausgrabungen in Teischebaini und Irepuni* («Wissenschaftliche Annalen», VI, Berlin, 1957), S. 834; M. Pallottino, *Urartu, Greece and Etruria* («East and West», IX, 1—2, Roma, 1958), p. 29—52.

эта работа затихала, но такие периоды не бывали длительными. Первоначально изучение урартской клинописи находилось в руках дилетантов, подходивших к ней, как к ребусу, и ассириологов, заинтересовавшихся использованием урартами ассирийской системы письма. Собственно говоря, ассириологи дали всю научную основу изучения урартских текстов, и в конце концов эта работа всецело перешла в их руки. Лишь за последнее время в нее включились лингвисты-кавказоведы.

Большая и тщательная работа была проведена по собиранию и изданию урартских клинописных текстов независимо от их содержания.

Часто совершенно незначительный текст переиздавался из-за исправления в чтении, касающегося мелочей. Обнаружение новой клинописи или же обломка с несколькими словами, не составляющими даже связного текста, вызывало большой интерес, значительно превышающий интерес к урартским памятникам материальной культуры. Вследствие такого направления исследования урартские клинописные тексты стали основным источником изучения истории и культуры древнего Ванского царства. Лингвистическая разработка текстов настолько продвинулась вперед, что теперь стало возможным составить грамматику урартского языка, определить его структуру.

Совершенно иную картину представляло археологическое изучение центральной части Ванского царства, полностью оторванное от работы над письменными памятниками. Раскопки велись лишь в районе города Вана, причем во время первых работ Клейтона, Рейнольдса и Рассама добытый материал не был оценен должным образом. Археология Передней Азии после блестящих открытий ассирийских дворцов на берегах Тигра пошла по пути «сенсационных открытий», а так как раскопки на Топрах-кале, с обывательской точки зрения, ничего «сенсационного» не дали, то они и не привлекли к себе должного внимания. Лингвистические исследования развивались более быстрым темпом, чем археологические. Богатейший материал из раскопок на Топрах-кале, поступивший в Британский музей, долго лежал там мертвым грузом.

Но и позже, когда на территории центральной части Урарту стали проводиться научные раскопки, они затронули лишь известные ранее места (Ванская скала, Топрах-кале); материал из урартских могильников оставался почти не изученным.

Хотя систематического собирания урартских памятников не производилось, торговля древностями в Ване была широко развита. От кладоискателей вещи попадали в руки или частных лиц, торговцев памятниками древности, или же в консульства и миссии, откуда они поступали в музеи Западной Европы и Америки.

Наилучшие собрания древностей из центральных районов Урарту имеются в двух крупнейших музеях Западной Европы — в Британском и Берлинском. Кроме отдельных предметов, поступивших туда путем покупок, в них хранится большой материал раскопок на Топрах-кале. В Британском музее урартские древности долгое время были выставлены в ассирийском зале без достаточного разделения, вследствие чего некоторые из них вошли даже в научную литературу как ассирийские.

В Закавказье археологическая работа пошла совершенно по другому руслу. Здесь наибольшее внимание было уделено могильным памятникам, дававшим богатый вещественный материал, и только позднее в сферу работ закавказской археологии были включены остатки древних поселений, причем особое место заняли раскопки урартских крепостей на холмах Кармир-блур и Арин-берд, осветившие многие вопросы изучения урартской культуры.

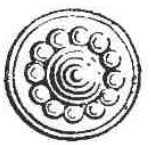
Первые памятники урартского искусства стали известны ровно сто лет назад, но в то время они еще не были правильно определены. В 1859 г. напротив русского пограничного поста Алишар на Араксе курды обнаружили в скале гробницу, в которой нашли бронзовые украшения котлов в виде крылатой фигурки и головы бычка и другие мелкие предметы. В Эрмитаж их передал Ереванский военный губернатор Н. И. Колюбакин, видный военный и общественный деятель, который послужил М. Ю. Лермонтову, знавшему его по Кавказу, прототипом для образа Грушницкого в романе «Герой нашего времени». Два предмета из этой же находки

получил в Нахичевани Г. Бругш, проезжавший в 1860 г. через Закавказье в Персию.

Крупнейшие коллекции урартских памятников имеются и в СССР: в Государственном Эрмитаже (материал раскопок на Топрах-кале и Кармир-блуре, собрáние урартских бронзовых изделий), в Государственном Историческом музее Армении (материалы раскопок на Кармир-блуре, Арин-берде, клинописные памятники из Закавказья, отдельные предметы из Ванского района) и в Государственном Музее Грузии (материалы раскопок на Армавирском холме, клинописные памятники, преимущественно из Ванского района, и каменная статуя, найденная на Ванской скале). Отдельные предметы из раскопок на Кармир-блуре и Арин-берде хранятся в Москве: в Государственном Историческом музее и Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Развитие наук в СССР отразилось и на археологическом исследовании Закавказья. Совместная работа центральных и республиканских научно-исследовательских учреждений уже дала плодотворные результаты. Археологические исследования советского Закавказья перестали быть случайными, они включались в общий илан изучения истории народов СССР, и к ним стали предъявляться определенные методологические и методические требования.

Разведочные работы по сбору материала, плановое проведение раскопок и комплексное изучение различных видов древних памятников (клинообразные надписи, древние поселения и могильники) обеспечили изучение Закавказья урартского периода (конец IX — начало VI в.). И нет ничего удивительного, что северная окраина древнего Ванского царства оказывается лучше изученной, чем его центральная часть.



ГЛАВА II

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ВАНСКОГО ЦАРСТВА

Ассирийские источники

Определенно можно сказать, что основным ориентирующим источником изучения древнего Ванского царства служат в настоящее время ассирийские письменные памятники[1]. Не будь их, мы не могли бы датировать известные нам урартские материалы и правильно понять значение Урарту в истории Передней Азии X—VI вв.

Об Урарту XIII—IX вв. мы знаем исключительно по кратким сведениям ассирийских текстов, в которых описываются походы ассирийцев на север. Сравнительно подробные сведения о Ванском царстве IX в. относятся ко времени правления Салманасара III.

Тексты о походах в район оз. Ван дополняются изображениями, относящимися к этим походам, помещенными на бронзовых обивках дворцовых или храмовых ворот, найденных на Балаватском холме (около Ниневии). На этих обивках мы встречаем самые ранние из известных нам изображений урартов.

От последней четверти VIII в. дошел ряд разнообразных ассирийских памятников. Кроме летописей Саргона, в которых много сведений о походах против Урарту, с 1912 г. стал известен текст большой Луврской таблички, содержащей красочное и детальное описание (в форме реляции богу) похода Саргона, предпринятого им против Урарту в 714 г. На рельефах дворца Саргона (Хорсабад), а возможно, и на поливных изразцах из Ашура, сохранились изображения, относящиеся именно к этому походу.

Наконец, среди табличек Куюнджикского архива оказались письма, в которых сообщалось ассирийскому царю о событиях в соседних странах. В ряде писем, главным образом времени Саргона, мы находим сведения о событиях в Урарту: о передвижении войск, мятеже наместников и о восстании на урартских окраинах.

Только два эпизода урартской истории (походы Салманасара III и Саргона) хорошо иллюстрируются памятниками. В основной массе ассирийские источники содержат

[1] АВИУ.

почти исключительно сведения о внешних событиях. По ним мы можем изучать политическую историю Ванского царства и в очень ограниченной степени судить о его культуре.

Отрывочные сведения об Урарту дают также вавилонские хроники[2], относящиеся к событиям конца VII в. Упоминание имени урартского царя Сардури II в связи с Кархемишем имеется также в хеттских иероглифических текстах[3], явившихся неожиданным источником для изучения Ванского царства.

Урартские письменные памятники

Ванское царство принадлежит к тем государствам древнего Востока, которые имели свою иероглифическую письменность, хорошие образцы которой получены при раскопках на Топрах-кале и на Кармир-блуре. Отдельные знаки или группы знаков, изображающих головы животных, растения, различные предметы, сосуды, кружки, черточки, волнистые и зигзагообразные линии встречаются на обломках глиняных кувшинов и чаш, на крупных сосудах для хранения вина и зерна, на бронзовых изделиях и каменных печатях и один раз — на глиняной табличке.

В большинстве случаев эти надписи представляют собой группы знаков и счетные записи пиктографического характера. К последним принадлежит и текст на глиняной табличке, найденной на Топрах-кале[4]. Знаки на табличке определенно указывают на то, что текст писался по горизонтальным графам, справа налево.

Обозначения и записи мер содержат цифры, выраженные кружками и черточками, и пиктографические изображения сосудов, обозначающие определенные меры. Меры емкости особенно четко представлены на крупных глиняных сосудах из винных кладовых Кармир-блура[5].

Нет оснований сомневаться в местном происхождении урартских иероглифов. Попытка установить их генетические связи с критским или хеттским пиктографическим письмом остается совершенно необоснованной.

В Урарту иероглифическое письмо имело ограниченное распространение и не вышло за пределы узкохозяйственных и культовых нужд. Примитивное иероглифическое письмо не могло удовлетворить потребности быстро возвышавшегося Урартского государства, и вследствие этого уже в IX в. урарты ввели у себя систему клинописи, заимствованную у ассирийцев.

Древнейшие из надписей урартских царей, надписи на крепостной стене Сардури, сына Лутипри, у подножия Ванской скалы, написаны на ассирийском языке, но своеобразие оборотов и несоблюдение правил ассирийской речи выдают неассирийское происхождение их писца.

С конца IX в. появляются клинообразные надписи на урартском языке, причем эти надписи свидетельствуют уже о тщательно выработанной системе клинописи, приспособленной к урартскому языку.

Заимствовав ассирийскую клинопись, урарты несколько изменили форму знаков. В отличие от ассирийских, имеющих треугольную головку и стержень в виде линии, урартские знаки представляют собой равномерно сужающиеся клинья, наподобие сильно вытянутых треугольников. Но в некоторых урартских надписях, в частности на памятниках с горы Вараг, встречается ассирийское начертание знаков.

---

[2] D. J. Wiseman, *Chronicles of Chaldean kings (626—556 b. c.) in the British museum*, London, 1956, p. 65.

[3] R. D. Barnett, *Karatepe, the Key to the Hittite hieroglyphs* («Anatolian studies», III, London, 1953), p. 53.

[4] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 588.

[5] «Кармир-блур», II, стр. 66—74.

Урартские надписи крайне однообразны; в большинстве случаев это краткие сообщения о победах во время походов, но иногда встречаются пространные сведения о военной добыче (летописи Аргишти и его сына Сардури). Однако все они дают лишь описания внешних событий.

Значительная часть урартских надписей — это сообщения о строительных работах (постройка крепостей, дворцов, храмов, сооружение каналов, разведение садов и виноградников). Наименьшая часть представлена надписями культового и религиозного характера (обращение к богам, перечни жертвоприношений).

Ко времени написания книги открыто уже около 380 урартских клинописей, но они далеко не равноценны.

Известны короткие, однострочные надписи, но наряду с ними существовали пространные тексты. Так, дошедшая до нас часть летописи Сардури II (на стеле и стене ниши) содержит 295 строк, а Хорхорская летопись Аргишти I, высеченная на Ванской скале, — 378 строк.

Все же, несмотря на скудость и однообразие урартских письменных источников, на основании приводимого ими материала можно дать характеристику урартской культуры[6], хотя при этом и не все ее стороны удается осветить. В частности, урартский материал не дает возможности выяснить в достаточной степени общественные отношения Урартского государства.

Недостаточная изученность урартского языка все еще затрудняет полноценное использование урартских клинописных текстов.

Сравнительная малочисленность надписей и их однообразие сковывают лингвистические исследования. Несмотря на то что более 80 лет ученые упорно трудятся над клинописью, многие вопросы остаются неразрешенными, и еще недавно Фридрих с горечью отмечал, что разногласия часто касаются кардинальных проблем. Лингвистические работы достигли больших успехов особенно в области изучения структуры языка, но разработка лексики продвигается вперед все еще медленными темпами.

Первая сводка урартских надписей была предпринята Сэйсом в 1882 г., опубликовавшим 57 известных в его время урартских надписей в транскрипции с переводом, теперь уже совершенно устаревшим[7].

Большую работу по собиранию урартских надписей, их копированию и эстампированию провел Леман-Гаупт, предпринявший в 1928 г. издание 193 урартских надписей. Он отказался от перевода текстов и дал лишь транскрипцию и фотографии с самих памятников или же их эстампажей. К сожалению, это издание было прервано на втором выпуске, вышедшем в свет в 1935 г.[8].

В 1953 г. свод урартских клинообразных надписей был опубликован Г. А. Меликишвили; этот свод включает транскрипцию и перевод 370 урартских надписей. В 1955 г. был издан I том подобной же работы Кёнига[9].

Четыре указанных труда являются важнейшими изданиями урартских текстов, выполненных на различных этапах развития науки.

Среди памятников урартской письменности особое место занимают глиняные таблички с клинописью — документы хозяйственных архивов, освещающие вопросы экономической жизни Урартского государства. При археологических исследованиях центральной части Ванского царства были найдены две целые таблички и четыре обломка; раскопки Кармир-блура дали уже шесть табличек и шесть обломков. На Кармир-блуре же была обнаружена булла, при помощи которой запечатывали свиток папируса[10]. Эта находка указывает на то, что в Урарту, возможно, существовали документы и на папирусе, выполненные арамейским письмом.

---

[6] Գ. Ա. Կափանցյան, *История Урарту*, Երևան, 1940 (Г. А. Капанцян, *История Урарту*).
[7] A. H. Sayce, *The cuneiform inscriptions of Van* (JRAS, XIV, 1882), p. 377—732.
[8] C. F. Lehmann-Haupt, CICh, I—II.
[9] VKH; F. W. König, *Handbuch der chaldischen Inschriften*, 1, Graz, 1955.
[10] «Кармир-блур», I, стр. 77, рис. 48.

Вопросы древней топонимики

Урартские тексты о походах в различные районы Передней Азии содержат многочисленные топонимические названия, расшифровка которых зачастую представляет большие трудности. В этой работе исследователи идут тремя путями: сопоставляют древние названия со средневековыми или же с современными, устанавливают названия местности по надписи, найденной там и содержащей название страны или города, и определяют местоположение страны путем изучения самого текста (направление похода, упоминание в тексте рек и уже определенных стран и городов).

Исследование вопросов древней топонимики без излишнего увлечения внешними звуковыми сопоставлениями дает важные и интересные результаты. Много ценнейших наблюдений по топонимике времени урартского царства дали видные арменоведы И. Маркварт, Н. Адонц, Я. А. Манандян и С. Т. Еремян.

До нашего времени не утратили своего значения книги И. Маркварта [11] и Н. Адонца [12] по топонимике Армянского нагорья и истоков р. Тигра, основанные на древнегреческих, арабских, сирийских и армянских письменных источниках. Много ценных наблюдений по древней топонимике имеется в трудах Я. А. Манандяна [13], но в них особенно заметно незнание всего комплекса археологических данных. В основе топонимических исследований этого крупнейшего историка Армении лежит кабинетная работа над «десятиверстной картой кавказского генерального штаба» [14], позволяющая в ряде случаев, при условии подкрепления данными других источников, получить правильные выводы.

Многие вопросы древней исторической географии решены в работах С. Т. Еремяна, содержащих большой материал и по топонимике урартского времени [15]. Связи урартской топонимики со средневековой армянской подробно рассмотрены в книге Г. А. Капанцяна [16], явившейся первым серьезным трудом, специально посвященным изучению географических названий эпохи Ванского царства.

Большое внимание вопросам урартской топонимики уделял Г. А. Меликишвили [17], который сумел выделить отдельные области, входившие в Урарту, и дал яркую картину этнографической пестроты северной части Передней Азии в конце II и в начале I тысячелетия.

Данные вавилонских и ассирийских клинописей о территории Армении, Курдистана и западного Ирана были приведены и сопоставлены с современной топонимикой в работе Штрека [18].

Работы в области топонимики Передней Азии достигли определенных результатов; ниже приводится лишь несколько примеров, показывающих использование при изучении урартской топонимики данных средневековых, античных и древневосточных авторов.

Так, часто упоминаемая в ассирийских текстах горная страна Энзите совершенно правильно отождествляется с Анзитеной Птолемея и Андзитом средневековой Армении, причем это сопоставление определяется не только созвучием имен, но и установлением

---

[11] J. Markwart, *Südarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen*, Wien, 1930, S. 67—75.

[12] Н. Адонц, *Армения в эпоху Юстиниана*, СПб., 1908.

[13] Я. А. Манандян, *О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья*, Ереван, 1944.

[14] Я. А. Манандян, *О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении*, Ереван, 1956, стр. 8.

[15] С. Т. Еремян, *Рабовладельческое общество в древней Армении* (Автореферат кандидатской диссертации, Ин-т истории АН СССР, М., 1953).

[16] Г. А. Капанцян, *Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении*, Ереван, 1940.

[17] Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, гл. I, II, Тбилиси, 1954.

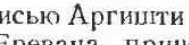
[18] M. Streck, *Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan und Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilinschriften* (ZA, XIII, S. 57; XIV, S. 103).

их местоположения, исходя из текстов. Примеров такого рода расшифровки древней топонимики можно привести много.

Не вызывает сомнений связь урартского названия страны Диауехи (ассир. Даяни) с Таохами античных писателей и средневековой областью Тайк. Древнее название Кумух сохранилось в античной литературе в форме Коммагены, Мелиту — в названии современного города Малатия, так же как древнее название реки Арзани (Арзаниас античных авторов) нашло отражение в средневековом и современном армянском названии — Аранцани (р. Мурад).

Очень интересно сопоставление названий двух древних городов — Ахуриани и Аштухини, упоминаемых в надписи Аргишти из Сарыкамыша, со средневековыми и современными названиями; первое из них невольно связывается с названием реки Ахурян, а второе — с названием селения в Карсском районе — Астахана (Астахани)[19].

Во многих современных названиях городов и селений Армении продолжают еще жить древние названия, иногда, правда, видоизмененные народной этимологией.

Так, Алашкерт, вероятно, происходит от древнего урартского названия Анше, упоминаемого в клинописи, найденной в этом городе[20], хотя позднее у армян этот город назывался Валаршакертом. Уже давно указывалось, что в названии города Малазгирта (арм. Манаскерт) сохранилось имя урартского царя Менуа, основавшего этот город. На юге оз. Ван, в бассейне р. Бохтан, находилась армянская область Аргастовит (долина Аргаста), наименование которой следует понимать как долина Аргишти[21]. Возможно, что даже в названии столицы Армянской ССР города Еревана продолжает жить урартское название города Эребуни  , сооруженного царем Аргишти I на пятом (?) году его правления. Развалины этого города, как устанавливается найденной строительной надписью Аргишти I, находятся на холме Арин-берд, расположенном на южной окраине Еревана, причем археологические исследования этих развалин показали, что крепость существовала и в V в.

Следует заметить, что сопоставления древних урартских названий со средневековыми и современными, проведенные без достаточного обоснования, могут ввести исследователей в заблуждение.

Так, явно ошибочно отождествление названия *Ереван* с названием страны *Ериа... ...ини*, как мы читаем в поврежденной Цовинарской надписи, и названия *Гарни* — с *Гуршаини* того же текста[22]. По внешнему созвучию и страна Уеликухи, упоминаемая в урартских текстах, сопоставлялась с Колхидой, но открытие в Нор-Баязете, на западном берегу оз. Севан, надписи с упоминанием этой страны позволило правильно ее локализовать.

Многие урартские надписи, открытые на территории южного Закавказья, дают возможность точнее определять местоположение стран и городов, упоминаемых в древних текстах. Так, в надписи у сел. Цовак (Загалу) на юго-восточном берегу оз. Севан называется страна Аркукини, в Ганлиджинской надписи — страны Эриахи и Ишкигулу, в Эларской — страна Улуани и город Дарани, а в Гулиджанской — страна Кулиаини и город Дурубани.

В некоторых случаях удалось также связать древние названия городов, встречающиеся в клинописных урартских текстах, с крепостями, остатки которых сохранились на территории южного Закавказья. Так, остатки большой крепости на юго-западном берегу Севана, около сел. Атамхан, оказались развалинами Тулиху, города местного князя Синалиби, сына Луеха, о котором рассказывается в Атамханской и в одной из

---

[19] А. Клитчян, *Древний город Astuhini (Астахана)* (ДВ, II, 2, 1901), стр. 102.
[20] Н. Я. Марр, *Фрагмент халдской надписи из Алашкерта* («Изв. ГАИМК» I, 1920), стр. 56.
[21] К. Патканов, *Армянская география VII в.*, СПб., 1877, стр. 46.
[22] Г. А. Халатьянц, *О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными ванских надписей* (ДВ, II, 2, 1901), стр. 121.

ванских надписей. Крепость на скале над городом Нор-Баязет в древности носила название «город бога Халда», а крепость на южном побережье Севана, между селениями Алучалу и Цовинаром, называлась «городом бога Тейшебы», так же как и древний город, цитадель которого находилась на холме Кармир-блур, около Еревана. Местоположение многих упомянутых в древних текстах стран и городов может быть установлено в результате кропотливой работы, но не во всех случаях мы можем быть уверены в правильности такой локализации.

Дело осложняется также и тем, что в клинописи с детерминативом страны пишется не только собственное имя, но и нарицательное. Часто встречающаяся в урартских текстах «страна Бабания» — это, по-видимому, «страна горная». Можно предполагать, что и «страна Этиуни», под именем которой одно время видели общее название для стран южного Закавказья, на самом деле является именем нарицательным.

Неясной остается иногда и локализация некоторых стран, имеющих большое значение для истории Ванского царства. Так, до сих пор еще не уточнено местоположение Мусасира в горах к юго-востоку от Вана.

Не совсем ясен для нас и сам термин *Биайни* (неоформленный падеж *Биайнили*), который имеет формативы множественного числа. В настоящее время принято вместо слова *Биайна* употреблять этот термин в неоформленном падеже *Биайнили*, с суффиксом *-ли*. Этот суффикс в других падежах отсутствует, поэтому, чтобы не создавалось впечатление, что он относится к корню слова, более удобно приводить этот термин в форме *Биайни*, оговорив, что он понимается как множественное собирательное.

Но спор идет и о содержании термина. Г. А. Меликишвили полагает, что *Биайни-(ли)* нельзя считать названием центра государства Ванского района, а следует признать общим названием урартской этнической группы в значении собственной страны урартских царей и в противопоставление вообще вражеской стране, вражескому миру [28]. Эта точка зрения недостаточно убедительна, так как в тексте летописей урартских царей термином *Биайни* обозначается именно центральная часть государства. Так, в летописи Сардури II (УКН, № 155 — Е) говорится о походе в страну Эриахи, о ее завоевании, о присоединении к Урарту, но вместе с тем отмечается, что мужчины и женщины были «угнаны в страну Биайни», т. е. в центральную часть государства. Спора нет, что под термином *Биайни* (*Биайнили*) часто понимают всю страну в целом, так же как в формуле проклятия биайнец противопоставляется врагу, но очень часты случаи, когда название отдельного района, притом господствующего, переходит на название всего государства. Ввиду того что термин *Биайни* может быть понят двояко — и как центральная часть государства, главенствующая страна, и как все государство в целом, конгломерат различных стран, объединенных общей властью,— в работах по истории древнего Востока наиболее употребительным для всего государства в целом стал ассирийский термин *Урарту*.

Древнейшее из известных нам упоминаний Урарту в ассирийских текстах относится к началу XIII в. В текстах Салманасара I названием *Уруатри* (*mât U-ru-aṭ-ri*) обозначается союз племен [24].

В надписи Ададнирари II (рубеж X—IX вв.) появляется термин *Уратри* (mât *U-rat-ri*) [25], а с IX в. твердо устанавливается название *Урарту*, дожившее до конца существования Ассирии.

Значение этого термина, графически сближающегося с названием *Аккада*, не совсем еще ясно. На основании соответствия термина urṭu термину tilla в одном древнем словнике Сэйс этимологизировал ассирийское Urarṭu как «высокая страна» [26].

---

[23] Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, стр. 29.

[24] E. Ebeling, B. Meissner, E. Weidner, *Die Inschriften der Altassyrischen Könige*, Leipzig, 1926, S. 113.

[25] O. Schroeder, *Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts*, II, Leipzig, 1921, № 84.

[26] A. Sayce, *The Kingdom of Van (Urartu)* («The Cambridge ancient history», III, 2the d., Cambridge, 1929), p. 169.

Название Ванского царства — *Урарту* — было, по-видимому, широко распространено по всей Передней Азии. Библия сохранила его в масоретской огласовке, в форме Арарат אֲרָרָט. В Книге бытия (VIII, 4) говорится о том, что ковчег остановился «на горах Арарата» הָרֵי אֲרָרָט, причем в греческом переводе (Septuaginta) написано «на горах Арарат» (ἐπὶ τά ὄρη τα Ἀραράτ), а в латинском (Vulgata) — «на горах Армении» (super montes Armentae).

В IV Книге царств (XIX, 37) и у Исаии (XXXVII, 38) рассказывается, что после убийства ассирийского царя Сеннахерима (Синахериба) его сыновья убежали в «землю Арарат[скую]» אֶרֶץ אֲרָרָט, а у Иеремии (VI, 27) упоминаются «царства Арарат, Мини и Ашкеназ». Совершенно несомненно, библейский термин *Арарат* в поздней масоретской передаче (где неизвестные гласные огласовывались как *а*) сохраняет нам в несколько искаженной форме древний термин *Урарту*. В Кумранской рукописи текста пророчества Исаии III—II вв. слово *Арарат* выписано hwrrt, что окончательно подтверждает высказанное мнение. «Горами Арарата» в Библии назывались Курдистанские горы, ограничивавшие Ванское царство с юга, но позднее этот термин был перенесен на север, Араратом стала называться самая высокая вершина Агридагского хребта (арм. Масис), а также долина среднего течения Аракса (арм. Айрарат).

Наряду с ассирийским термином *Урарту* вавилонский язык сохранил нам другую форму этого же термина, а именно *Урашту* (Uraštu), дожившего до конца V в.

У Геродота (III, 94 и VII,79) урарты упоминаются под названием алародов Ἀλαρόδιοι, связанным с термином *Урарту*.

Ванское озеро, находившееся в центре государства Урарту, имеет много названий. В ассирийских текстах оно называется «верхним морем страны Наири» (tâmtu elitu ša mât Nairi) или просто «морем страны Наири» (tâmtu ša mât Nairi), т. е. термином, восходящим к доурартскому времени.

Урартское наименование оз. Ван нам неизвестно, а античные авторы именовали его по названию урартской столицы Тушпы — Тоспитис — Θωσπῖτις (Птолемей, V, 13; Thospites, Плиний, VI, 31) или Топитис (Страбон, XI, гл. XIV, 3) [27]. Это же название сохранилось и в армянском средневековье в форме Тосп (Фавст Бузанд, IV, 55, 58; V, 37; Моисей Хоренский, III, 35) и Тосб [28].

Страбон писал о том, что оз. Топитис имело еще другое название, а именно — Арсене Ἀρσηνή, в то время как Птоломей различал озера Тоспитис и Арсена.

М. В. Никольский, разбирая вопрос о названии оз. Ван, полагал, что Страбон был прав, отождествляя Топитис с Арсене. Это подтверждается и сирийскими источниками. В книге Бар-Эбрея (Григория Абу-ль-Фараджа) («Chronicon ecclesiasticum») встречается название оз. Архестия (в латинском переводе lacus Archestiae) и говорится об острове Ахтамаре и городе Аргише на берегу этого озера. В сирийских источниках имеются прямые указания на то, что названия «Архестия» и «Аргиш» (арабск. Арджиш, совр. Эрджиш) относятся как к городу, так и к самому озеру. Из этого М. В. Никольский делал вывод, что в древности Ванское озеро, кроме названия Тоспитис, имело другое, по-разному передаваемое классическими писателями название, сохранившееся в сирийской письменности в форме Аргиш (Арджиш), связанное с именем урартского царя Аргишти, построившего на северном берегу оз. Ван город Аргиштиуна [29].

---

[27] J. Markwart, *Südarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen*, S. 26—32.

[28] К. Патканов, *Армянская география VII века*, стр. 19.

[29] М. В. Никольский, *Об одном из древних названий Ванского озера и о современном названии города Арджиш* («Сборник статей в честь П. С. Уваровой», М., 1916), стр. 167—175.

В средневековой армянской литературе Ванское озеро имеет очень много названий. Фавст и Анания Ширакский называли его «Бызнунийским морем» (*Բզնունեաց ծով*), что стоит в связи с легендой, приведенной Моисеем Хоренским (I, 12) о внуке Хайка Базе, который получил в наследство «северо-западный берег соленого озера и назвал море и область своим именем».

Фавст Бузанд дает и другое название оз. Ван—«Рыштунийское море» (*ծով Ռշտունեաց*), в котором пытались видеть корень редко встречавшегося слова *Ռիշտ* (скупой, жадный), но Г. А. Халатьянц, разбиравший названия Ванского озера, заметил, что, судя по начальному *-h-*, этот термин вряд ли армянского происхождения [30].

Следует еще остановиться на форме собственных имен, а именно на суффиксе *-ni/e-*, постоянно встречающемся в конце названия города или страны.

И. М. Дьяконов [31] полагает, что этот суффикс не принадлежит иноязычному имени, а является урартским детерминирующим показателем, который может также легко заменяться формативом *-ḫi-*, образующим притяжательное прилагательное. В статье «Урарту» в первом томе «Всемирной истории», так же как и на приложенной к ней карте, И. М. Дьяконов многие названия городов и стран дает без суффикса *-ni-* и *-ḫi-* (Эрбу вместо Эребуни, Кеху — Киехуни, Велику — Великухи) [32]. Этот вопрос остается еще неясным, и я сомневаюсь в правильности принятого И. М. Дьяконовым решения. Иногда он безусловно прав в том, что суффикс *-ni-* произвольно приписывается имени, но во многих случаях этот суффикс безусловно является урартским формативом имени.

Суффиксы *-ni-* и *-ḫi* нельзя было перепутать, и они закономерно давались собственным именам (Эребу-ни, но Велику-хи, Эриа-хи). Часто суффиксы *-ni-* и *-ḫi-* передавались и в поздних формах имени. Я полагаю, что усекать эти суффиксы пока еще нет оснований, такие формы могут только ввести исследователя в заблуждение.

Изучение урартской топонимики, несмотря на некоторые трудности, показывает, что и этот материал урартских текстов может стать полноценным источником для исторических выводов.

Памятники материальной культуры

В предыдущей главе было уже в общих чертах обрисовано состояние археологического изучения Ванского царства.

Раскопки производились лишь в двух местах — в центре древнего царства, в Ване (Ванская цитадель и Топрах-кале), и около Еревана (Кармир-блур и Арин-берд).

Ввиду недостаточной археологической изученности Урарту памятники материальной культуры не стали еще полноценным историческим источником. Исключением являются только памятники последнего периода урартской истории. Да и этот материал из раскопок на Топрах-кале, произведенных в 1893—1899 гг. германской экспедицией, был обработан лишь формально: находки были разобраны не полностью и изданы частично. Совсем не публиковались сообщения о результатах раскопок Н. Я. Марра в 1916 г. Из урартских памятников только предметы искусства, которые по стилистическому сходству с ассирийскими часто признавались ассирийскими изделиями, использовались в научных исследованиях. Датировка их также производилась по ассирийскому материалу. Курциус, совершенно не считаясь с комплексом археологических находок, относил канделябр, обнаруженный при раскопках на Топрах-кале, к первой половине IX в., ко времени Ашурнасирпала II, отца Салманасара III. Так же и камен-

---

[30] Г. А. Халатьянц, *О некоторых географических названиях древней Армении в связи с данными ванских надписей*, стр. 127.

[31] Рецензия И. М. Дьяконова на книгу Г. А. Меликишвили «Наири-Урарту» в журнале ВДИ, 1956, № 2, стр. 73.

[32] «Всемирная история», т. I, М., 1956, стр. 513 и след.

ная статуя, найденная в Ванской цитадели, на основании относительного сходства с ассирийской скульптурой, датировалась древнейшим периодом урартской истории.

Урартское искусство мы до сих пор знаем очень плохо. Этим и объясняется то, что некоторые явно урартские памятники определены как ассирийские или ахеменидские. Но бывало и обратное, и если бы на бронзовой статуэтке из района оз. Урмии, хранящейся в Луврском музее [33], не было ассирийской надписи, рассказывающей о том, что она изготовлена в Арбеле в правление царя Ашурдана, ее, несомненно, признали бы урартской.

С другой стороны, некоторые памятники с территории Ванского царства совершенно не поддаются определению. Так, мы не можем датировать бронзовую голову (высотой 14,7 *см*) с характерным головным убором, найденную в Салмасе, к юго-востоку от оз. Ван [34].

И вместо того чтобы работать над выявлением характерных черт урартского искусства в сравнении с искусством других народов Передней Азии, с которыми Урарту было связано теснейшим образом, историки, занимающиеся древневосточным искусством, взяв изолированно памятники урартского искусства, сопоставляют их со средиземноморскими. Стараясь подкрепить предвзятую точку зрения о западном происхождении урартов, они совершенно упускают из виду, что такие же связи со средиземноморской культурой имеются и у ассирийского искусства.

Большой материал по памятникам урартской материальной культуры дали раскопки, производившиеся преимущественно в древних крепостях (Топрах-кале, Кармир-блур, Арин-берд). Могильные памятники Ванского царства остаются еще почти не изученными. Вероятно, справедливо предположение о том, что пещерные сооружения Ванской скалы являлись гробницами урартских царей, но они дошли до нас совершенно разграбленными. По случайным находкам нам известны отдельные погребения урартской знати. Так, в 1859 г. курдами была открыта и разграблена гробница, высеченная в скале на территории Ирана, у русской границы, напротив казачьего поста в Алишаре (ныне Нахичеванская АССР).

Отдельные предметы из гробницы попали в Государственный Эрмитаж и были описаны в третьем томе каталога Кизерицкого. В архиве Эрмитажа сохранилось письмо на французском языке, без подписи об этих находках, снабженное рисунком пещерных помещений. Ниже публикуется перевод письма:

«Рисунок представляет скалы, высотой около 250 футов, на равнине за нашей границей в двух верстах от казачьего поста в Алишаре (уезд Шарур Ереванского округа). В четверти версты от подножия скалы протекает Аракс. Вправо и перпендикулярно горной цепи на небольшом расстоянии видна горная цепь Маку, подходящая к Малому Арарату. Пещера была открыта курдами из племени джалали, которые расположились лагерем у подножия скалы. По указанию какого-то муллы они сместили большие камни с вершины кряжа, благодаря чему им удалось открыть три больших отесанных камня, которые образуют кровлю камеры (№ 1). Чтобы войти туда, они проделали отверстие (№ 2) в среднем камне и спустились в камеру, почти полностью заполненную мелкой землей, ссыпавшейся, вероятно, через щели в углах потолка и стен из тесаных камней. Расчистив камеру до известной глубины, они открыли семь квадратных ниш (№ 3). В каждой нише находился сосуд (№ 5). Дверь, расчищенная в верхней части, ведет в другое помещение (№ 7) неправильной формы, потолок которого, видимо, сводчатый. Эта камера (№ 7), более низкая, чем камера № 1, по-видимому, опускается и сообщается с тремя камерами, находящимися с другой стороны у подножия скалы. Найденные в камере № 1 предметы были отправлены в Петербург. Вазы, наполненные золотом и серебром, по уверению курдов, были вручены ими макинскому хану. В камере № 7 на-

---

[33] G. Contenau, *Manuel d'archéologie orientale, depuis les origines jusqu'à l'époque d'Alexandre*, III, Paris, 1931, p. 1173—1174.

[34] «A survey of Persian art», VI, New York, 1938, tabl. 107.

ходилось несколько шариков от четок (бусы.— *Б. П.*) и несколько бронзовых обломков в форме змеиных голов» (концы браслетов.— *Б. П.*) [35].

Нам известна лишь часть найденных предметов. Судьба других, не принимая серьезно рассказ о вазах с золотом и серебром, остается неизвестной.

В Эрмитаж из этой находки поступили два бронзовых украшения котлов. Одно в виде крылатой женской фигуры, другое — голова быка, а также бронзовая ножка подставки под котел (?) в виде ноги быка, обломок браслета и бронзовые части конского убора. На одном колокольчике из этого убора в 1953 г. Р. В. Киняжаловым была обнаружена клинопись, оказавшаяся короткой надписью Аргишти I.

Вторая богатая урартская гробница была обнаружена крестьянами в 1905 г. у сел. Гуши, на северо-западном побережье оз. Урмии [36]. В ней были найдены две небольшие бронзовые головки быков, украшавшие котел, бронзовый пояс с изображением бегущих козлов, быков, львов и фантастических существ, вооруженных луками, имеющих птичье туловище и человеческий торс и ноги, а также другие предметы.

Третьей, наиболее богатой оказалась гробница, случайно открытая в 30-х годах XX в. при постройке дороги, на холме Алтын-тепе, в 20 *км* от Эрзинджана. Там было обнаружено большое количество бронзовых предметов: котел с четырьмя украшениями в виде бычьих голов, небольшой щит диаметром 55 *см*, четыре шаровидные вазы с венчиком, одна из которых имеет хеттские иероглифы, треножник для пяти светильников, открытая чаша тоже с хеттскими иероглифами, колчан, части мебели и обломки пластин от панциря [37].

К инвентарю подобных гробниц относится богатый набор предметов, найденных в 1947 г. в сел. Зивийе, в Иранском Курдистане, известный в науке под названием Саккызского клада. В нем были обнаружены предметы, очень близкие к урартскому искусству, как, например, обломки золотого пояса с изображением оленей и козлов [38].

Барнет достаточно убедительно установил, что эти предметы происходят из гробницы с саркофагом в виде бронзовой ванны, относящейся ко времени конца VII и начала VI в. [39]

Рядовые урартские могильники открыты лишь в двух местах: около сел. Малаклю, недалеко от Игдыра (в 1914 г.) и близ Арин-берда (в 1957 г.) [40].

Могильник в Малаклю состоял из погребальных урн в виде прекрасных лощеных бомбовидных сосудов, содержавших пепел сожженных покойников. Около этих урн находились различные предметы: железное оружие (короткий меч, копье, наконечники стрел, ножи), бронзовые украшения (браслеты с львиными головками на концах), бронзовые чаши (среди них ситула с характерными ручками, украшенными головками животных с поднятыми ушами), различные бусы и две урартские гиревидные и одна пуговичная печать и др. Материал этот, хранящийся в Тбилиси в Государственном музее Грузии, опубликован Б. А. Куфтиным. В разрушенном могильнике у Арин-берда обнаружены бронзовые предметы и среди них куски бронзового пластинчатого пояса со сценами охоты на львов и быков.

Подобный могильник с урнами находился, вероятно, и у сел. Тазагюх, около Еревана, где Г. С. Арутюняном случайно был обнаружен глиняный сосуд с пеплом и пе-

---

[35] «Архив Государственного Эрмитажа», оп. I, 1858, № 62.

[36] Б. А. Куфтин, *Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит* («Вестник Государственного музея Грузии», XIII—B, 1944), стр 40; C. M. Hanfmann, *Four urartian bulls' heads* («Anatolian studies», VI, 1956), p. 205.

[37] Von der Osten, *Neue urartäische Bronze aus Erzincan* («VI Internationaler Kongress für Archäologie»), 1939; R. D. Barnett and N. Gökce, *The find of urartian bronzes at Altin Tepe, near Erzingan* («Anatolian studies», III, 1953), p. 121—129.

[38] A. Godard, *Le Trésor de Ziwiye*, Haarlem, 1950, dessin 48.

[39] R. D. Barnett, *The treasure of Ziwiye* («Iraq», XVIII, 1956), p. 111—116.

[40] Б. А. Куфтин, *Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата...*, стр. 1—72; А. Мартиросян, А. Мнацаканян, *Нор-Арешский урартский колумбарий* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1958, № 10), стр. 63—84 (на арм. яз.)

режженными костями, а около него бронзовый браслет с львиными головами на концах и дужка от бронзового ведерка. Но вполне вероятно, что у урартов были погребения и иного типа. Так, в 1951 г. у сел. Акко, около Талúна, при строительных работах были открыты могилы в виде каменных ящиков. В одном обнаружили два красных лощеных сосуда, бронзовую фибулу, сердоликовые бусы и две урартские печати, одна из которых имела форму лежащего бычка [41].

Лучше изученными оказываются урартские крепости, так как на них уже давно обратили внимание исследователи. Знали о крепостях и раскопщики. Последние не были специалистами-археологами. Им хотелось найти нечто подобное ассирийским дворцам, но в этом отношении их ждало горькое разочарование.

В Ване систематические раскопки начались в 1879—1880 гг. на холме Топрах-кале (Клейтон, Рейнольдс, Рассам), но они не оправдали ожиданий. Попадались лишь мелкие предметы, представлявшие незначительный интерес. Больше материала дали раскопки храма, произведенные Клейтоном и Рейнольдсом в северо-восточной части крепости.

Были откопаны стены из камней светлого и темно-серого цвета, сложенных в шахматном порядке. Внутри храма и около него найдены большой каменный жертвенник, бронзовые декоративные щиты, украшенные изображениями животных, бронзовые фигурки, части мебели, обломки каменной мозаики и глиняные сосуды. От раскопок в Ване Рассам явно ожидал большего. В своей книге [42] он уделил всего две страницы работам на Топрах-кале и опубликовал фотографию остатков храма и найденных предметов.

Вещи из этих раскопок в основной своей части попали в Британский музей, где они долгое время лежали необработанными, и только часть их была выставлена в зале ассирийских древностей. Лишь в 1950 г. этот интересный материал вошел в научный обиход благодаря подробной публикации, осуществленной Барнетом, взявшим на себя труд разобрать старые коллекции и архивный материал [43]. Некоторые предметы попали с помощью Рейнольдса в Америку, но они до сих пор не стали достоянием науки. В частности, только по старой копии известна глиняная таблетка, покрытая клинописью, редчайший экземпляр памятников этого рода.

Археологи-дилетанты не могли понять ценности обнаруженных ими на Топрах-кале древностей; они рассматривали эту крепость как памятник окраинной ассирийской культуры.

Древний город на скале и на месте современного Вана, приписываемый Моисеем Хоренским ассирийской царице Шамирам, оказался столицей Урартского царства, городом Тушпой. Этим открытием началась новая, чрезвычайно интересная страница истории Передней Азии.

Раскопки в Ване возбудили интерес у местных жителей. Топрах-кале начали копать с целями чистого кладоискательства, а находимые вещи продавать скупщикам древностей; вещи переходили в иностранные консульства и миссии, где образовывались коллекции, а оттуда они поступали в различные музеи Западной Европы. В земле ванцы находили большое количество сосудов, мелкие каменные поделки, в частности печати с разными изображениями, железное оружие, различные металлические орудия, бронзовые изделия, иногда очень художественного исполнения.

Один из жителей Вана, Седрак Девганц, обратился к К. П. Патканову с предложением приобрести для русских музеев предметы древности. Он писал: «В прошлом году англичане покопали немного эти обширные развалины на средства Британского музея. Было обнаружено прекрасное здание, похожее на дворец, но несмотря на боль-

---

[41] «Кармир-блур», II, стр. 47, рис. 23.

[42] H. Rassam, *Asshur and the land of Nimrod*, New York, 1879, p. 377—378.

[43] R. D. Barnett, *The excavations of the British Museum at Toprak Kale, near* Van («Iraq», XII, !, 1950), p. 1—43.

шие расходы, они извлекли лишь маленькую фигурку, подобную моим, которым английская пресса придала весьма крупное значение. Они намерены (это место) подробно исследовать. Некогда в указанных развалинах было обнаружено множество прекрасных вещей, как неимоверной величины трон, сплошь покрытый клинописью и позолоченный, но больно сообщить, что по возвращении моем из Европы я узнал, что, расколотив, его уничтожили. Я помню в детстве, какое огромное количество различных фигур обнаруживали в этих развалинах, но, принимая их за проклятое дело рук сатаны или джинов, ударами молота разбивали и выделывали из них бронзовые сосуды или лопаты и лемехи»[44].

В 1898 г. в Ван была направлена первая научная археологическая экспедиция во главе с Леман-Гауптом и Бельком. Так как Ванская скала была недоступна, экспедиция производила раскопки только на Топрах-кале. Стены этой крепости не сохранились, и камни от них, вероятно, были расхищены ванцами для строительных работ. Крепостной холм покрыт остатками построек из сырцового кирпича, причем эти развалины составляют мощный культурный слой толщиною в 6—8 *м* [45]. В северо-восточной части холма находился храм, который раскапывали в 1870—1880 гг. Но ко времени работ экспедиции Леман-Гаупта и Белька от храма остался только один фундамент, так как камни стен были уже расхищены. Несмотря на это, раскопки продолжались и завершились исследованием остатков этого храма.

Рассчитывая найти клинописные документы, свидетельствующие о сооружении храма, Леман-Гаупт разобрал четыре угла фундамента, так как именно в этих местах ассирийцы закладывали посвятительные таблички, но его надежда не оправдалась.

У юго-западного фасада храма были раскопаны развалины постройки из крупных сырцовых кирпичей (55 *см* × 32,5 *см* при толщине 16 *см*), где в большом количестве найдены обломки разноцветной каменной инкрустации пола и отдельные железные предметы. Возможно, что это сильно разрушенное здание и есть развалины дворца урартского царя.

Развалины жилищ носили явные следы пожара: найдено много обугливщихся кусков дерева, некоторые металлические предметы оказались оплавленными. Все это указывает на то, что поселение Топрах-кале погибло при внезапном нападении. Среди находок встречались иногда чрезвычайно интересные вещи. Так, в одном из сосудов оказался кусок сильно обугливщейся ткани, определенной как шелк [46]. Были найдены куски лазурита (вероятно, среднеазиатского происхождения) и многочисленные бусы из различных полудрагоценных камней, частью привозных.

Раскопки на Топрах-кале дали громадное количество металлических изделий: железные топоры, молоты, вилы, ножи, железные и бронзовые петли для запоров и многое другое. Керамика оказалась чрезвычайно разнообразной, но особенно выделяются кувшины с ручкой изящной формы, имевшие красную, до блеска лощеную поверхность. После этой экспедиции там долго не производилось никаких археологических работ.

Лишь зимой 1911/12 г. И. А. Орбели посетил Топрах-кале и произвел небольшие раскопки на его восточном склоне, неподалеку от развалин постройки, в которой Леман-Гаупт нашел бронзовый канделябр. При кратковременных работах были найдены обломки мраморного фриза с изображением быков и деревьев в орнаментальном обрамлении. Этот фриз, по-видимому, был облицовкой стены какого-либо парадного помещения. Кроме вещей, добытых путем раскопок, И. А. Орбели собрал большое количество интересных древних предметов, находившихся у местных жителей.

---

[44] Б. Б. Пиотровский. *Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа* (ТОВЭ, I), стр. 49; R. D. Barnett, *The excavations of the British Museum at Toprak Kale, near Van—Adenda* («Iraq», XVI), p. 16—17.

[45] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 455.

[46] Ibid., S. 967.

И в 1916 г., когда Русскому археологическому обществу удалось снарядить экспедицию во главе с Н. Я. Марром в Ван, местом раскопок снова была избрана крепость Топрах-кале, уже давшая богатый материал.

Раскопки Н. Я. Марра подтвердили предположение о том, что крепость погибла внезапно; всюду отчетливо были видны следы пожара, постоянно отрывались обугленные бревна обвалившихся перекрытий. Материалы, собранные этой экспедицией, хранятся в Государственном Эрмитаже. В основном они повторяют то, что было найдено германской экспедицией, но ввиду меньшего размаха работ находки малочисленнее.

Ко времени работ Н. Я. Марра крепость на Топрах-кале была уже сильно разрушена. После раскопок германской экспедиции там продолжали хозяйничать кладоискатели и местные жители. Даже фундамент храма, расчищенный экспедицией Леман-Гаупта, был разобран до последнего камня, а вся поверхность крепости изрыта ямами и норами. На Топрах-кале трудно было найти нетронутое место, настолько холм оказался поврежденным научными и кладоискательскими работами.

Одновременно с раскопками на Топрах-кале экспедиция Русского археологического общества проводила обследование Ванской скалы, доступ к которой был свободен. Производились обмеры изумительных помещений, высеченных на южной стороне скалы, фотографировались стены крепости, в нижних частях которых сохранилась урартская кладка, достигавшая кое-где 20-метровой высоты.

Н. А. Орбели обследовал две ниши на северном склоне Ванской скалы, известные под названием «Хазине-капуси», т. е. «Дверь сокровищницы». На стене одной из них находится клинопись, скопированная еще Шульцем. Согласно легендам, эти ниши ведут в помещение, наполненное золотом и драгоценными камнями, которое стерегут два стража с огненными мечами; каждую ночь из щели, находящейся около ниши, выползает большой змей, который ложится около надписи и всю ночь сторожит сокровища [47].

При раскопках одной из ниш была обнаружена стела высотой 2,27 *м*, установленная на базе 1,08 *м*. Четыре стороны и лицевую часть базы покрывала клинопись, содержащая текст летописи урартского царя Сардури, сына Аргишти. За «Дверью сокровищницы» действительно хранился клад, обогативший науку: этот текст имеет первостепенное значение для изучения истории Передней Азии второй четверти VIII в.

Работы на северном склоне Ванской скалы не ограничились расчисткой стелы, установленной в западной нише. И. А. Орбели раскопал еще вторую, восточную нишу и исследовал всю площадку около ниш. В результате была воспроизведена полная картина одного участка. На северном склоне скалы, в отвесной сглаженной стене урартами были вырублены две высокие ниши с закругленным верхом, причем западная, правая находилась в некотором углублении. В обеих нишах стояли памятники в виде стел, покрытых клинописью (стела восточной ниши не сохранилась). Перед ними находилась площадка, имеющая в плане прямоугольный треугольник с небольшим основанием, в западной части площадки заметно возвышение со ступеньками, которые вели к нише. В основании стены и углубления около западной ниши шла приступка в виде скамьи.

Таким образом, раскопки открыли нам один из уголков древней столицы Ванского царства — культовое место, где были установлены памятники, рассказывающие о победах урартских царей над соседними странами.

Благодаря произведенным раскопкам можно со всей отчетливостью представить это место в древности и судить о том впечатлении, которое оно должно было производить на посетителя.

Площадки, высеченные в скалах, монументальные лестницы, уступы в виде гигантских ступеней, на которых некогда покоился фундамент стен, а также и сами массивные циклопические стены, несомненно, производили впечатление мощности и великолепия.

---

[47] Н. Я. Марр и И. А. Орбели, *Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван*, Пг., 1922, стр. 7.

Ванская скала ждет археолога, и нам даже трудно представить, что может она дать при археологическом изучении, во всяком случае много неожиданного.

Громадный археологический материал дали исследования урартских центров в Закавказье, особенно города Тейшебаини (Кармир-блур), где было открыто множество урартских бронзовых художественных изделий, хорошо датированных вычеканенными на них именами урартских царей. В стиле этих своеобразных памятников нашло отражение влияние ассирийского искусства, но даже при беглом осмотре их можно отличить от ассирийских. Предметы, найденные на Кармир-блуре, подробно разобраны в различных частях настоящей книги, что снимает необходимость их описания в этом разделе. Следует с сожалением отметить, что до сих пор в научной литературе нет обстоятельного очерка истории урартского искусства, хотя материал для такой работы есть уже в достаточном количестве.

Вопросы хронологии

Хронология Урартского государства полностью основана на хронологии Ассирии, и только для самого последнего этапа урартской истории могут быть использованы вавилонские материалы.

Так как хронология Ассирии последнего тысячелетия до нашей эры (т. е. того времени, когда существовало Ванское царство) разработана весьма детально, то и основные вехи урартской хронологии можно считать надежными и достоверными.

Сами урартские памятники дают очень мало материала для их датировки, да и то только в тех случаях, когда в них упоминаются имена ассирийских царей или же известных в истории Передней Азии царей соседних стран.

Установлению последовательности правления урартских царей помогают обычно выписываемые в тексте отчества; не будь этого, мы совершенно запутались бы в хронологическом размещении клинописных текстов.

С первой половины XIII и до середины IX в. об Урарту мы знаем исключительно по ассирийским письменным источникам, так как урартские источники этого времени остаются еще неизвестными.

К середине IX в. мощь Урарту возрастает, и Салманасар III с первого года своего правления (860 г.) ведет войну с урартским царем Араму, имя которого встречается в ассирийских летописях в 858 и в 846 гг. Таким образом, правление этого первого из известных нам урартских царей было продолжительным.

В летописи Салманасара III под 834 г. (XXVII год его правления) упоминается новый урартский царь, Седури (Сидури), по-видимому Сардури I, от которого дошла и надпись на ассирийском языке, высеченная на камне стены около Ванской скалы. В этой надписи он именовал себя сыном Лутипри, быть может, правившего между Араму и Сардури.

Сын Сардури Ишпуини упомянут один раз в летописи Шамшиадада под 824 г., при описании похода в Наири.

Ассирийские источники совершенно не упоминают одного из могущественных царей Ванского царства — Менуа, сына Ишпуини, современника ассирийской царицы Шаммурамат (Шамирам). В его правление страна Урарту достигла расцвета и успешно вела борьбу с Ассирией. Шамирам при жизни не могла победить Менуа, но в народных легендах она всегда одерживала верх над урартским царем. Сооружение большинства памятников царю Менуа в центре Урарту народное предание, переданное Моисеем Хоренским, приписывает царице Шамирам.

Имя Аргишти, сына Менуа, известно нам как по надписям ассирийского наместника Шамшиилу в Тил-Барсибе, так и по стеле, где упоминаются успешные боевые действия против Аргишти.

Так как в ассирийских эпонимах (списках событий по годам) непрерывные походы в Урарту отмечаются постоянно с 781 до 774 гг., а имя Шамшиилу — в 780 г., то и события, упомянутые в тексте стелы, быть может, следует отнести именно к этому времени.

Г. А. Меликишвили на основании изучения текста Хорхорской летописи пытался более точно определить время царствования Аргишти. Отметив, что в летописи, охватывающей 23 года правления урартского царя, военные действия против Ассирии упоминаются при описании событий VI, VII и IX гг., он сопоставил эти данные со списками эпонимов времени Салманасара IV, под 781—778, 776 и 774 гг. Предположив, что 781 г. был шестым годом правления Аргишти, Г. А. Меликишвили дает время его царствования условно с 786 по 764 гг.

И. М. Дьяконов считает, что Г. А. Меликишвили справедливо видит в сопоставлении сведений из анналов Аргишти I и списка эпонимов возможность «привязать» царствование Аргишти к абсолютной хронологии, но дает иное сопоставление данных летописи и ассирийских списков эпонимов и приходит к старому выводу о том, что первый год правления Аргишти I надо относить к 780 г.[48]

Если, таким образом, начало царствования Аргишти определяется временем несколько ранее 780 г., то его конец следует отнести примерно к середине VIII в., так как в одной из надписей его сына Сардури отмечается победа над царем Ассирии Ашшурнирари. Летописи Тиглатпаласара описывают два похода в Урарту против Сардури (в 743 и 735 гг.), причем во время последнего похода ассирийцы осаждали цитадель Тушпы.

События времени царствования Русы, сына Сардури, вступившего на престол около 730 г., хорошо известны по ассирийским источникам, в которых твердо устанавливается и дата его смерти. В текстах Саргона неоднократно рассказывается о том, что Руса покончил жизнь самоубийством в 714 или в 713 г., после похода Саргона в Ванское царство [49].

Второй период истории Урарту также имеет точные хронологические вехи в ассирийских текстах.

Имя Аргишти, сына Русы I, встречается в надписях Саргона, а его сын Руса II, по-видимому, был современником двух ассирийских царей— Асархаддона и Ашурбанипала. Около 654 г., после победы над Эламом, Ашурбанипала посетили послы урартского царя Русы, а в 639 г., после второго аравийского похода,— послы уже нового урартского царя, Сардури.

После падения Ассирии Ванское царство продолжало существовать, и там царствовали по крайней мере еще два царя — Эримена и его сын Руса, известные только по надписям последнего из них. Время их правления устанавливается условно, исходя из условной даты времени гибели Урарту — 590 г.

Ниже приводится хронологическая таблица правления урартских царей.

А р а м у, современник ассирийского царя Салманасара III (860—825), упоминаемый в ассирийских летописях под 860, 858 и 846 г.

С а р д у р и, с ы н Л у т и п р и, надпись которого сохранилась на крепостной стене у Ванской скалы, современник Салманасара III (поход 834 г.).

И ш п у и н и, с ы н С а р д у р и, современник ассирийского царя Шамшиадада (825—812), упоминаемый в летописи под 824 г.

М е н у а, с ы н И ш п у и н и (810—781), современник ассирийских царей Шаммурамат (812—803), Ададниpари III (812—783) и Салманасара IV (783—773).

---

[48] ВДИ, 1956, № 2, стр. 69—70.

[49] И. М. Дьяконов относит самоубийство Русы I к 713 г. на основании того, что в большом тексте Саргона на Луврской табличке об этом событии ничего не сказано, но в анналах Саргона из Дур-Шаррукина (АВИУ, № 46) все же указывается, что смерть Русы I относится к VIII году правления Саргона.

Аргишти, сын Менуа (781—760), современник Салманасара IV (783—773) и Ашурдана III (773—754).

Сардури, сын Аргишти (760—730), современник Ашурдана III (773—754), Ашурнирари IV (754—745) и Тиглатпаласара III (745—727). В ассирийских летописях под 743 и 735 гг. упоминаются два похода Тиглатпаласара в Урарту.

Руса, сын Сардури (730—714), современник Тиглатпаласара III (745—727), Салманасара V (727—722) и Саргона (722—705). Летописи Саргона содержат много сведений о Русе, и дата его смерти точно фиксируется 714 г.

Аргишти, сын Русы (714—685), современник Саргона (722—705) и Синахериба (705—681).

Руса, сын Аргишти (685—645), современник Асархаддона (681—668) и Ашурбанипала (668—624). Упоминается в оракулах Асархаддона и в летописи Ашурбанипала под 654 г.

Сардури, сын Русы (645—625), современник Ашурбанипала (668—624) и последних ассирийских царей, упомянутый в летописи Ашурбанипала под 639 г.

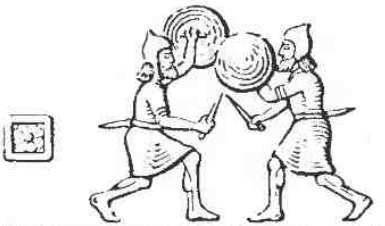
Эримена (625—605) известен лишь из надписей его сына.

Руса, сын Эримена (605—590) — последний урартский царь, от времени которого дошли клинообразные надписи.

Из приведенной таблицы видно, что хронология первого периода урартской истории, подтвержденная перекрестными сведениями ассирийских и урартских источников, в общих чертах не вызывает сомнений; условными в ней являются лишь даты начала и конца правления. Хронология же второго периода имеет много неясностей. Обращает на себя внимание долговременность царствования Аргишти II и Русы II, а также полная условность времени правления последних царей.

Дальнейшие археологические работы и открытие новых надписей могут принести нам много неожиданного. Но при современных знаниях приведенная таблица представляется наиболее правдоподобной.

Настоящий очерк, характеризующий источники изучения Ванского царства, показывает состояние их исследованности и выявляет те возможности, которые могут дать эти источники. Несомненно, дальнейшие открытия в истории Ванского царства дадут нам большие возможности, но было бы нецелесообразным ждать этих открытий, прекратив работу над имеющимся в нашем распоряжении материалом.



ГЛАВА III

ДРЕВНЕЙШИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УРАРТУ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА (XIII—IX вв.)

Наиболее древние из имеющихся сведений о стране Урарту (Уруатри) встречаются в ассирийских исторических текстах первой половины XIII в.

В надписях ассирийского царя Салманасара I (Шульману-ашаред, 1280—1261) упоминается поражение кутиев (общее название племен, живших к северо-востоку от Месопотамии) на территории «от границ страны Уруатри до страны Кутмух», т. е. от гор к юго-востоку от оз. Ван и до верхнего течения р. Тигр. Из указаний ассирийских источников можно заключить, что страна Уруатри находилась в гористой местности, к югу и юго-востоку от Ванского озера, возможно, в верховьях большого Заба, но насколько далеко простиралась она к северу, неизвестно. Очень вероятно, что она захватывала и район оз. Ван [1].

В ассирийских текстах довольно подробно рассказывается о походе, снаряженном в начале правления Салманасара I в страну Уруатри.

«В начале моего первосвященства возмутились против меня страны Уруатри. К Ашуру и великим богам, моим владыкам, поднял я руки, устроил сбор моих войск. К скалам (?) их гор могучих я поднялся; страны Химме, Уаткун, Баргун, Салуа, Халила, Луха, Нилипахри и Зингун, восемь стран с их воинством покорил я. 51 (вариант—41.—*Б. П.*) поселение я разрушил, сжег, увел их пленных и имущество. Все страны Уруатри склонил я в три дня к ногам Ашура, моего владыки. Их детей я выбрал, взял себе для услужения... тяжелую подать гор я навеки возложил на них» [2].

Особый интерес описания похода заключается в том, что восемь отдельных стран объединены общим термином *Уруатри*. Из этого можно заключить, что в XIII в. Урарту не было еще государством, а представляло собой союз племен.

---

[1] E. Ebeling, B. Meissner, E. Weidner, *Die Inschriften der Altassyrischen Könige*, Leipzig, 1926, S. 121; S. 113—114, Fußnote 9.

[2] Ibid., S. 113—114.

Относительно местоположения стран Уруатри еще нет установившегося мнения. Вейднер, как было уже указано, допускал, что территория этих стран простиралась до оз. Ван; по Форреру, они занимали побережье р. Восточный Хабур [3], Я. А. Манандян, учитывая совпадение топонимических названий древних текстов и современной карты, принимает в основном локализацию, предложенную Форрером, но распространяет название *Уруатри* далее, на запад [4]. Г. А. Меликишвили полагает, что эти страны, объединенные термином *Уруатри*, находились в районе верхнего или среднего течения р. Верхний Заб [5], и высказывает предположение о том, что название государства Урарту произошло от этнического названия, т. е. от названия тех племен, с которыми ассирийцы впервые встретились в районе Верхнего Заба, ограничивая тем самым территорию стран Уруатри небольшим районом. Следует заметить, что ассирийские тексты не дают никаких данных для суждения о том, насколько далеко простирались страны Уруатри. В тексте нет сведений о том, что Салманасар I покорил все страны объединения, и можно считать, что записи о захвате во время похода поселений какой-либо страны не могут служить данными для установления территории всей страны. Да и в ономастике района Верхнего Заба термины, связанные с Уруатри, отсутствуют. Вероятно, Салманасар I захватил поселения лишь южной части союза племен Уруатри.

В текстах сына Салманасара I, Тукулти-Нинурты I, упоминается другой союз племен: *страны Наири* (возможно, Нири надписей Салманасара I) — надолго заменивший союз, называвшийся *странами Уруатри*.

В надписи на стеле из дворца Тукулти-Нинурты I в Ашуре упоминаются 43 царя стран Наири, выступивших против Ассирии. Там же говорится об их поражении, а также о приношениях им (tamârtu) и наложении на них подати (biltu) [6].

В стеле из зиккурата в Ашуре рассказывается о той же победе над 43 наирскими правителями, причем в тексте упоминается пленение правителей стран Наири и привод их в бронзовых цепях в Ашур [7].

Очень показательно, что в титулатуру Тукулти-Нинурты I входят слова «царь страны Шубари, страны Кути и всех стран Наири» [8].

Много внимания походам на север и северо-запад уделено в анналах Тиглатпаласара I (Тукулти анал-ешара, 1116—1090 гг.) на глиняных призмах, заложенных в фундамент храма.

В первый же год царствования ему пришлось идти походом против царей мушков, захвативших страны Алзи и Куммух.

Во второй год он вел войну с шубарейцами, жившими, по-видимому, в долине верхнего Евфрата, до впадения в него р. Мурат (Арацани). В анналах рассказывается: «страну шубарейцев, высокомерных и непокорных, я поверг, на Алзи и Пурулумузи, которые прекратили свою дань и подать, я наложил тяжелое ярмо моего владычества, чтобы они воистину ежегодно доставляли в мой город Ашур дань и подать... 4000 касков и урумейцев, непокорных людей хеттской страны, которые силой своей захватили поселения страны Шубарту, подчиненные Ашуру, моему владыке, услыхали о моем приходе в Шубарту, и блеск моей доблести ниспроверг их: битвы они убоялись и обняли мои ноги».

В анналах рассказывается и о походах, совершенных в III год царствования Тиглатпаласара I, и о походе в хабхийскую страну Суги: «с 6000 их войск, со странами Химе, Лухи, Арирги, Аламун, Тумни (?) и всеми многочисленными бабхийцами на горе Хириху, в трудной местности, что остра, как конец кинжала, со всеми их странами я сразился пешим, нанес им поражение, их бойцов на горных скалах я сгрудил в груды,

[3] E. Forrer, *Assyrien* («Reallexicon der Assyriologie», I, Berlin, 1928), S. 265.
[4] Я. А. Манандян, *О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении*, Ереван, 1956, стр. 6—8.
[5] Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, Тбилиси, 1954, стр. 150—151.
[6] O. Schroeder, *Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts*, II, Leipzig, 1921, № 58.
[7] Ibid., № 60.
[8] Ibid., № 61.

кровью воинов их гору Хириху я обагрил, как красную шерсть. Страну Суги до пределов ее я покорил...»

В IV год он был занят походом в страны Наири, о чем свидетельствуют и другие письменные документы Тиглатпаласара I:

«По слову Ашура, моего владыки, от той стороны Нижнего Заба до верхнего моря захода солнца — все рука моя завоевала. В третий раз я пошел на страны Наири; обширные страны Наири от страны Тумме до страны Даяни, в том числе Химуа, Паитеру и Хабхи (Кильху) воистину я завоевал, 30 царей стран Наири к ногам моим я склонил, заложников их взял, коней, упряжи, их дань я принял, подать и приношения наложил на них» [9].

Подробное описание ассирийского похода на север, в страны Наири, занимавшие широкую территорию к югу и западу от оз. Ван, которое ассирийцы называли «морем Наири», имеется также в надписи Тиглатпаласара I на глиняных призмах: «Ашур, владыка, послал меня на страны дальних царей, что на берегу Верхнего моря, не знающих подчинения, и я пошел. Трудными тропами, тяжелыми перевалами, чьей середины прежде не знал ни один царь, закрытыми путями, непроложенными стезями я провел мои войска... (далее говорится о покорении 16 сильных стран.— *Б. П.*) ... Я проходил удобную местность на колеснице, трудную — с помощью медных топоров. Я нарубил «урумы» — горные деревья, улучшил мосты для перехода моего войска (колесниц), переправился через Евфрат...[10] 23 царя стран Наири велели собрать в своих странах колесницы и войска и поднялись против меня на войну и на битву. Я надвинулся на них в ярости моего грозного оружия, я, как наводнение Адада, учинил истребление их многочисленного войска... 60 царей стран Наири, вместе с теми, что пришли к ним на помощь, я прогнал моим копьем до Верхнего моря. Их большие города я завоевал, их добычу, их имущество, их богатство я вывез, их поселения я спалил огнем... Всех царей стран Наири я захватил живыми. Этих царей я помиловал и спас им жизнь перед Шамашем, моим владыкой, я освободил их от плена и уз. Я заставил их присягнуть моим великим богам в службе мне на будущее время, на вечные времена. Сыновей их, царственных отпрысков, я взял в заложники. Я наложил на них дань — 1200 коней, 2000 голов крупного рогатого скота [и] отпустил их в их страны... Сени, царя страны Дайа[е]ни, который не склонялся перед Ашуром, моим владыкой, пленным и связанным я увел в мой город Ашур, но помиловал его и отпустил из моего города Ашура славящим моих богов, чтобы он славил их за спасение жизни. Обширными странами Наири до всех пределов их я овладел и склонил их к моим ногам».

Из приведенного текста видно, что походы ассирийцев на север преследовали главным образом грабительские цели; особенно их привлекал скот, являвшийся основным богатством тех областей. Походы ассирийцев в страны Наири снаряжались неоднократно, в частности, о третьем походе в страну Наири говорит надпись Тиглатпаласара I около его рельефа на скале у истоков Тигра[11].

Свою победную надпись Тиглатпаласар I оставил также и на завоеванной им территории стран Наири. У сел. Юнжалу в Малазгиртской низменности была открыта надпись этого ассирийского царя, говорящая о покорении стран Наири, от страны Тумме до страны Даяни: «Тукулти апал-ешар, царь сильный, царь вселенной, царь Ассирии, царь четырех стран света, покоривший страны Наири от Тумме до Даяни, покоривший страну Хабхи до Великого моря». Надпись у сел. Юнжалу является древнейшим свидетельством об ассирийских походах на Армянское нагорье. После похода к истокам Тиг-

---

[9] O. Schroeder, *Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts*, 11, № 63.

[10] В тексте дано перечисление имен 23 царей отдельных стран Наири. Особенно интересно то обстоятельство, что перечисление начинается со страны Тумме (старое чтение—*Нимми*) и кончается страной Даяни; среди стран упоминаются Химуа и Паитеру.

[11] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 17, 18; O. Schroeder, *Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts*, 11, № 68.

ра Тиглатпаласар I поднялся на горы между Тигром и Арацани и, перейдя Арацани, вступил в Малазгиртскую низменность, где разбил войско правителей стран Наири [12].

Страны Уруатри в надписях Тиглатпаласара I не упоминаются; вероятно, это обстоятельство объясняется некоторым ослаблением Урартского союза племен.

В литературе по истории древнего Востока можно часто встретить устаревшее указание на то, что в надписях Тиглатпаласара I страна Урарту встречается под названием *Урартина* (*Урартинаш*). В анналах рассказывается, что ассирийское войско, двигаясь из Куммуха и переправившись через Тигр, вступило в страну царя Шадиантеру, сына Хаттухи, где и захватило крепость, имя которой читалось как Урартинаш [13].

Отождествление Урарту с Урартинаш недопустимо, так как старое чтение *Урартинаш* считается неверным и название крепости надо читать как *Урахинаш*. Вместе с этим требует серьезного пересмотра и положение о том, что Урарту первоначально находилось в юго-западной части Армянского нагорья. А. Хачатрян, подробно рассматривая древние географические названия, писал: «Что эти три названия (Уруатри, Урартина, Урарту) являются названием одной и той же страны только в разные времена, с этим все согласны и нет оснований возражать. Но чтоб в разные времена упомянутая страна охватывала одну и ту же территорию, нам кажется, с этим нельзя согласиться и нельзя оставить без возражения» [14]. Но после установления неправильности чтения термина *Урартина* и неосновательности сопоставления его с названием страны Урарту это положение теряет под собой почву.

Вновь страна Уратри упоминается в тексте «сломанного обелиска» Ашурбелкала (1087—1070), второго сына Тиглатпаласара I. В I год правления Ашурбелкала предпринял поход в горы, в страну Урарту, захватив несколько поселений этой страны[15]. В III же год он двинулся в страны Химме и Баргун [16], которые согласно тексту Салманасара I раньше входили в состав Урартского союза племен. Это — лишнее доказательство ослабления мощи страны Урарту, уступившей свое положение как главы союза племен стране Наири.

В текстах Ададнирари II (911—891) страна Салуа, ранее входившая в состав страны Урарту, выделена особо. Про Ададнирари II в тексте говорится: «Могучий герой, который прошел с помощью Ашура, своего владыки, от той стороны Нижнего Заба, края стран Лулуме, Хабхи, Замуа, до перевалов Намара, обширную страну Кумани до страны Мехри, а также Салуа и Уратри к ногам своим склонил» [17].

Термин *страна Урарту*, заменивший старую форму *страна (страны) Уруатри*, впервые встречается в анналах Ашурнасирпала II (Ашур-насир-апли, 883—859), помещенных на монументальных скульптурах его дворца в Калху. В них говорится о завоевании ассирийцами земель «от истоков реки Субнат (в верхнем течении Тигра) до страны Урарту» [18].

В анналах Ашурнасирпала II есть также описание похода в страны Наири, разрушения большого числа крепостей и сбора жатвы. Ашурнасирпал, следуя примеру своего предка Салманасара, поселил ассирийцев в некоторых крепостях этих стран для закрепления господства над странами Наири.

До второй четверти IX в. в ассирийских летописях встречаются лишь отдельные упоминания стран Урарту, но со времени правления Ашурнасирпала II, когда Ассирия восстановила главенствующее положение в Передней Азии, описания походов ассирийцев против урартов стали постоянными.

---

[12] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 15—16; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*. II, 1, S. 115.
[13] [E. Schräder], *Keilinschriftliche Bibliothek*, I, Berlin, 1889, S. 21.
[14] А. Хачатрян, *Пересмотр древнейшего периода наири-урартской истории*, Ереван, 1932, стр. 21.
[15] E. F. Weidner, Die Annalen des Königs Assurbelkala von Assyrien (AO, VI, 2—3, 1930), S. 82—83.
[16] Ibid., S. 85.
[17] O. Schroeder, *Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts*, II, № 84.
[18] E. A. W. Budge and L. W. King, *Annals of the Kings of Assyria*, I, London, 1903.

Преемнику Ашурнасирпала II, Салманасару III (860—825), с первых же лет правления пришлось повести решительную борьбу с царством Урарту, представлявшим уже государство и препятствовавшим продвижению ассирийцев на север.

Приведенные нами сведения ассирийских источников XIII—IX вв., несмотря на их неполноту и отрывочность, все же с достаточной определенностью показывают постепенный процесс образования на территории Армянского нагорья государства Урарту.

В ассирийских надписях XIII в. Уруатри выступает как глава союза племен, объединившихся против Ассирии; позднее эту роль Уруатри уступает Наири, и в XI в. страны, входившие ранее в союз «стран Уруатри», или оказываются среди «стран Наири», или выделяются как самостоятельные государства.

Конечно, на основании чрезвычайно скудных источников, имеющихся в нашем распоряжении, невозможно установить время образования государства Урарту, но все же несомненно, что к середине IX в. и Урарту и Наири стали уже довольно сильными государствами, с которыми вела постоянные войны вновь усилившаяся Ассирия.

Разобранные нами материалы ассирийских источников имеют чрезвычайно большое значение для решения вопроса о происхождении урартов и Урартского государства. В этом вопросе до последнего времени господствовала теория миграции урартов из западной части Малой Азии.

Объяснение миграцией всех непонятных или малоизвестных явлений в истории того или иного государства было обычным для исторической науки XIX и даже начала XX в.

Теория миграции урартов с запада наиболее яркое выражение получила в работах Леман-Гаупта, но, кроме того, она нашла место и в общих трудах по истории древнего Востока [19].

Леман-Гаупт высказал предположение, что урарты-халды вторглись на Армянское нагорье в период между правлением Тиглатпаласара I и Ашурнасирпала II. Считая, что в Переднюю Азию урарты пришли с уже оформившейся культурой, Леман-Гаупт делал следующие выводы: так как наши знания не допускают мысли о приходе урартов с юга, востока и тем более с севера, то их прародину надо искать на западе [20].

В своем докладе, читанном в 1905 г. и посвященном малоазийским и греческим пещерным сооружениям, Леман-Гаупт особо подчеркивал общность урартов-халдов и греков, т. е. восточных и западных обитателей выделенного им культурного района [21]. Он отмечал в урартском искусстве общее с искусством Греции и Этрурии, признавая вместе с тем этрусков выходцами из Малой Азии.

Леман-Гаупт подчеркивал, что будто бы дохалдский термин *patari* (город) связан с Ликией, а ликийцы, согласно греческой традиции, были выходцами с Крита, поэтому элементы критской письменности у ликийцев могут быть легко объяснены; именно с с этим письмом связывалась урартская табличка с иероглифами, найденная на Топрах-кале, у Вана. Из всего этого Леман-Гаупт делал заключение, что при попытке установить древнее расселение урартов-халдов на западе Малой Азии его очаг надо искать в Ликии или же поблизости от нее; так же как все кавказские народы (грузины, армяне), урарты двигались с запада на восток, совершая тот же путь [22].

По поводу связей урартов со Средиземноморьем Леман-Гаупт писал: «Не следует поэтому удивляться, что невольно навязываются культурные взаимоотношения, происхождение которых можно лучше всего объяснить как продолжение взаимоотношений, базирующихся на прежнем соседстве, а именно на соседстве с греками, а также этрусками, жившими когда-то на западном побережье Малой Азии» [23].

---

[19] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 120—124; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, Kapitel XXIX.

[20] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 596.

[21] Ibid., S. 605.

[22] Ibid., S. 679.

[23] К. Ф. Леман-Гаупт, *Вступительная лекция по истории и культуре халдов* («Труды Тбилисского гос. ун-та», VI, 1937), стр. 264.

Развивая свою теорию миграции урартов с запада, Леман-Гаупт полагал, что пришлые урарты-индоевропейцы стали господствовать над местным населением, жившим до них на Армянском нагорье.

Для подкрепления своей теории Леман-Гаупт приводит и археологический материал (бронзовые фигурки крылатых женских божеств и головки быков, украшавшие крупные котлы), подтверждающий, по его мнению, древние связи Урарту и Средиземноморья. Но дело в том, что именно эта группа памятников не может быть отнесена к древнейшим урартским. Видимо, появление этих предметов в Урарту относится к тому времени (VIII в.), когда Урартское государство стремилось захватить и одно время держало в своих руках выход к Средиземному морю. Кроме того, следует отметить, что металлические изделия были основным предметом обмена и в странах древнего Востока. Древнейшие связи Передней Азии со Средиземноморьем отнюдь не обусловлены этнической общностью, а определяются историческими факторами и экономическими взаимоотношениями.

Связи Урарту со Средиземноморьем шли через Сирию и Финикию, в частности через Тир и Сидон, входивших в антиассирийскую коалицию. Несомненно, борьба Урарту с Ассирией за выходы к Средиземному морю усиливала связи Ванского царства с Малой Азией, по которой проходили очень древние торговые пути, связывавшие Переднюю Азию с западным побережьем Малой Азии (Иония, Лидия), находившимся в непосредственной близости с Грецией и Этрурией.

Нам пришлось довольно подробно остановиться на теории Леман-Гаупта относительно происхождения урартов-халдов лишь потому, что эта миграционная теория получила очень широкое распространение в литературе по истории древнего Востока. Несмотря на то что автору этой теории стали известны ассирийские тексты, приведенные нами выше, свидетельствующие о формировании Урартского государства в Передней Азии, он все же отказался от пересмотра своих явно устаревших положений и в 1936 г. при перечислении важнейших задач халдологии писал: «Нужно будет,— продолжая мои и Пауля Кречмера открытия,— расширить и углубить исследования о первоначальной родине халдов в западной Малой Азии» [24].

Выводы Кречмера [25] основаны главным образом на лингвистических данных и преимущественно на сопоставлении собственных имен. Но эти сравнения определяются лишь созвучием и совершенно лишены исторической обоснованности.

Таково, например, сопоставление имени урартского царя Менуаше (Менуа) с Миносом греческих легенд; не более убедительна также связь имени Менуа с именем малоазийского (фригийского) бога луны — Мена.

Кречмер этимологизирует имя Лутипри, отца Сардури I, как «властелин женщин» (ликийское — lada, урартское — luti — плюс митаннийское — ipir, урартское — eurі).

Название священного холма в Афинах (Ἄρδηττος) Кречмер связывал с именем урартского бога Арда [26], а его последователь Эйслер в слове *Афины* (Ἀθῆναι) видел урартские слова *Хатте-город* (Hat-te-nai). Последний с легкостью сопоставлял имена урартских царей с греческими: Руса (Ῥούσας) — красный, Эримена (Ἐριμένης) — долгоостающийся; Аргишти (Ἀργέστης) — сияющий [27].

Разумеется, такие сопоставления, вытекающие из предвзятого положения о миграции урартов с запада и их генетических связях с народами Средиземноморья, не могут представлять для нас интереса и должны рассматриваться лишь как курьез в науке.

С теорией миграции урартов из западной части Малой Азии связана также попытка причислить к эгейским языкам, кроме лидийского, ликийского, карийского и этрус-

---

[24] Там же, стр. 267.
[25] P. Kretschmer, *Glotta*, XVII, 1929, S. 195; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 901.
[26] P. Kretschmer, *Glotta*, XIV, S. 318; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 928—929.
[27] R. Eisler, *Caucasica*, V, 1928, S. 92; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 902.

ского, также и более далекий от них урартский, причем Бранденштейн нашел в последнем много общего с лидийским [28].

Теория миграции урартов с запада проникла и в очень популярные труды по истории древнего Востока. Так, Холл разделял мнение Кречмера относительно фригийского происхождения династии Сардури I и датировал вторжение фрако-фригийцев в Малую Азию временем около 1000 г.[29]

Наряду с отмеченными работами, в которых авторы упорно хотят доказать западно-малоазийское происхождение урартов, уже давно стали появляться работы, доказывающие связи урартов с народами Передней Азии, в частности с хеттами. В трудах о языках древнего Востока вполне обоснованно устанавливалась лексическая связь урартского языка с хеттским [30], а также с другими языками Передней Азии, особенно с кавказскими. Но даже эти работы не всегда были свободны от миграционных теорий. Так, Винклер, объединяя еще в 1897 г. урартов, хеттов, митаннийцев, мосхов и тибаренов в единую группу «народов Тешуба», приписывал урартам западное происхождение.

В последних работах, посвященных древнейшей истории Передней Азии, решительно отвергается старая теория «западного» происхождения урартов, их происхождение связывается с переднеазиатской народностью хурритами, имевшими большое значение в политической жизни древнего Востока в первой половине II тысячелетия [31].

В хеттских текстах определенно говорится о «странах Хурри» (Hurri), которые, по-видимому, представляли союз племен, группировавшихся вокруг страны Хурри (прежнее чтение — Харри), находившейся, по мнению некоторых ученых, в районе оз. Ван.

Те же ученые полагают, что ассирийцы называли страны Хурри «странами Наири», и в образовании Урартского государства (в начале I тысячелетия) видят возобновление «хурритской политической традиции».

Гётце придерживается мнения, согласно которому хурриты, митанни и урарты представляют один народ и являются лишь представителями различных государственных образований. По мнению Гётце, хурриты стран Наири в IX в. объединились под главенством Сардури, сына Лутипри, и создали Урартское государство, причем имя Лутипри он считает чисто хурритским.

История Передней Азии первой половины II тысячелетия имеет много неясностей, что определяется как характером источников, так и степенью их изученности.

Унгнад [32] полагает, что этническим субстратом Передней Азии были не хурриты, а субары, упоминаемые в ассирийских текстах, и что хурриты являлись лишь арийской верхушкой субарского народа, жившего на очень обширной территории. Шпейзер считает хурритскую и субарскую культуры различными, одну — верхнемесопотамской, а другую — периферийной по отношению к первой [33].

Несмотря на существенные различия приведенных теорий, предложенных учеными, работающими одновременно и в области лингвистики и в области древнейшей истории Передней Азии, они имеют одно общее положение, что древние государства Передней Азии — Ассирия и Урарту выросли на переднеазиатском субстрате. Особого внимания заслуживают работы Моортгата [34], подчеркивающего исключительную роль горных народов в образовании культуры Передней Азии, в частности связи ассирийского искусства с искусством горных народов.

---

[28] Эти теории изложены в статье: П. П. Ушаков, *Древнейшее население Малой Азии, Кавказа и Эгеиды* (ВДИ, 1939, № 4), стр. 50.

[29] H. R. Hall, *The ancient history of the Near East*, 8th ed., London, 1935, p. 458.

[30] Г. А. Капанцян, *Общие элементы между урартским и хеттским языками*, Эривань, 1936.

[31] A. Götze, *Kleinasien* («Kulturgeschichte des alten Orients», III, 1, 1933). — Второе издание книги А. Гётце вышло в 1957 г. в Мюнхене.— A. Götze, *Hethiter, Churriter und Assyrer*, Oslo, 1936.

[32] A. Ungnad, *Subartu*, Berlin — Leipzig, 1936.

[33] E. A. Speiser, *Ethnic movements in the Near East in the second millenium B. C.* («Annual of the American school of oriental research», XIII, 1933), p. 46.

[34] A. Moortgat, *Die bildende Kunst des alten Orients und die Bergvölker*, Berlin, 1932.

В последние годы вопросами древнейшей истории Наири-Урарту занимался Г. А. Меликишвили, написавший большое исследование по этой теме [35]. Им был привлечен громадный древний письменный материал, детально и критически разобранный, на основании которого он пытался определить этнический состав населения Наири — Урарту и соседних областей. В III и II тысячелетиях, как показал Г. А. Меликишвили, в Передней Азии доминирующую роль играли хурритские племена, которые имели два крупных, объединяющих их центра — верхнюю Месопотамию (Митанни) и район Ванского озера. Даже на территории Ассирии, где семитизация произошла очень рано, субстратом является определенный хурритский элемент. Урартские племена, без сомнения, относились к хурритской группе, что особенно четко выражается в урартском языке, имеющем, как показывают последние работы (Фридрих, И. М. Дьяконов), много общего с хурритским. Несколько другую, обособленную группу составляли племена, жившие в Нагорном Загре и юго-восточных районах Наири.

По мнению Г. А. Меликишвили, в середине II тысячелетия, в эпоху существования Митаннийского государства, основная территория Наири—Урарту входила в состав этого крупнейшего политического объединения хурритских племен.

Во второй половине II тысячелетия, еще до разгрома ассирийцами Митаннийского царства в XIII в., от него стали отпадать многочисленные хурритские племена, вступавшие в новые объединения. К таким образованиям следует отнести и Наири—Урарту.

Об объединении хурритских племен, называвшихся странами Уруатри, рассказывается в летописи Салманасара I, относящейся ко второй четверти XIII в. Г. А. Меликишвили локализует страны Уруатри верхним или средним течением р. Верхний Заб, т. е. сравнительно ограниченной территорией. По его мнению, именно в этом районе велись интенсивные и продолжительные войны с лулубийцами и другими племенами Нагорного Загра, что оставило глубокий след в урартском языке, где термины *враг* и *лулубей* стали синонимами. Г. А. Меликишвили и рассматривает район верхнего течения р. Верхний Заб как «древнейший центр политической и культурно-религиозной жизни урартских племен» [36], перемещение которых на север, в район Тушпы, произошло позднее. Он полагает, что город Мусасир (Ардини) был священным городом урартского народа, жилищем его верховного бога Халди. Вторым древнейшим урартским центром, связанным с богом Тейшебой, был город Кумену, упоминаемый в тексте Адад-нирари II, совершавшего походы в Наири: «... Я вышел на помощь городу Кумме, принес жертвы перед Ададом Куммейским, моим владыкой. Поселения Хабху, врагов Кумме, я сжег в огне, собрал урожай их страны, дань и подать я усилил и наложил на них» [37].

Г. А. Меликишвили взялся за решение труднейших вопросов урартской истории, недостаточно освещенных в ассирийских источниках. Многие из них можно считать уже решенными, но некоторые требуют дополнительных подтверждений и пока не могут быть окончательно приняты. Остаются еще непонятными постоянная обособленность Мусасира от урартского центра Тушпы, самостоятельные царские династии в каждом городе, а также некоторое различие в языке и религии и постоянная борьба за Мусасир между урартами и ассирийцами; помимо этого, неясно, в какой связи находится упоминание «бога города Ардини» и верховного божества урартов — Халди.

Несмотря на то что можно не соглашаться с решениями некоторых вопросов, еще недостаточно разработанных, общая линия развития древнейшей истории Наири-

---

[35] Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, гл. II. «К вопросу об этническом составе населения Наири-Урарту и соседних с ним областей» (стр. 70—147); гл. III. «Наири-Урарту до возникновения Урартского царства» (стр. 148—179).

[36] Г. А. Меликишвили, *К вопросу о древнейшем очаге урартских племен* (ВДИ, 1947, № 4), стр. 21; Г. А. Меликишвили, *Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен* (ВДИ, 1948, № 2), стр. 37.

[37] АВИУ, № 21.

Урарту, представленная в работах Г. А. Меликишвили, должна быть принята. В политической жизни Передней Азии конца X и начала IX в. наблюдается возвышение Ассирии, сопровождаемое походами в различные области. Особенно усилились походы против хурри-урартских племен Наири и племен Нагорного Загра. Ассирия присоединяет к себе Замуа, Хубушкиа, Кумме, Мусасир. Походы не преследовали грабительских целей. Они способствовали утверждению ассирийского господства в завоеванных районах, установлению регулярных поборов и созданию опорных пунктов — ассирийских крепостей.

Эти постоянные походы ассирийцев в страны Наири сплачивали племена страны для борьбы с врагом. В IX в. образуется одно крупное государство Урарту, в которое вошли не все племена обширного объединения Наири. Самостоятельной страной, в частности, была Хубушкиа, с которой Салманасар III вел войну, называя правителя этой страны «царем страны Наири».

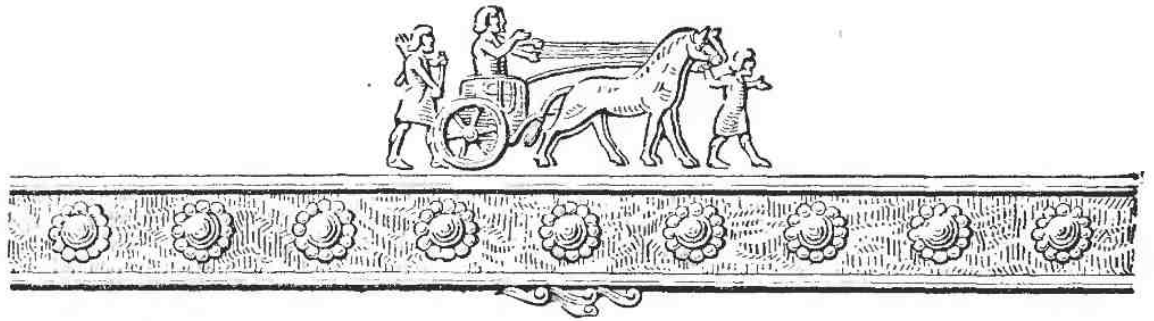
Ассирийские тексты XIII—IX вв. показывают нам постепенное преобразование союза племен Уруатри в государство Урарту как процесс, происходивший на Армянском нагорье, лишая тем самым оснований прежние представления о приходе урартов в центральную часть Передней Азии.

От этого далекого времени мы имеем лишь сведения ассирийских письменных источников, и до сих пор для Армянского нагорья мы не можем выявить комплекс памятников материальной культуры, твердо датируемый серединой и второй половиной II тысячелетия; возможно, что к этому времени должны относиться комплексы памятников, например так называемая расписная керамика, найденная на обширной территории Передней Азии, вплоть до Закавказья, как мы можем судить по получившим широкую известность богатейшим курганам Триалети и Кировакана.

Не случайно и то, что, как установили последние работы американской археологической экспедиции в Ванском районе, расписная керамика частью относится к урартскому времени, а частью предшествует ему.

Несомненно, интересные и чрезвычайно важные результаты даст сопоставление керамики нижнего слоя Топрах-кале с расписной керамикой холма Шамирамальти и крепости Каладжик в том же Ванском районе, а также с материалом из хорошо исследованных древнейших поселений на территории Ассирии (Тепе-Гавра и Арпачия) и в Анатолии (Алишар), давших ряд разновременных культурных слоев, частью точно датированных.

Для изучения культуры Армянского нагорья II тысячелетия, предшествовавшей культуре Урарту, решающее значение будут иметь археологические работы. Но это — дело будущего.



ГЛАВА IV

ПОХОДЫ САЛМАНАСАРА III ПРОТИВ УРАРТУ

Середина IX в. в истории Передней Азии характеризуется усилением грабительских войн Ассирии.

Военные успехи Ашурнасирпала снова укрепили пошатнувшуюся было мощь Ассирии и заглушили внутренние противоречия в стране. Покоренные народы подвергались жестокой эксплуатации, на них налагались непомерно тяжелые подати, которые назывались по-ассирийски *мандатту кабитту*, т. е. подать тяжелая. Господство Ассирии в покоренных странах закреплялось огнем и мечом, расправа с некоторыми народами производилась с неимоверной жестокостью.

Но сопротивление в странах, захваченных Ассирией, все возрастало, мелкие племена объединялись в союзы, которые не так легко было покорить. Постепенно на основе этих союзов образовывались государства.

В первой половине IX в. на севере Ассирии возникло Урартское государство, которое в середине IX в. представляло реальное препятствие для ассирийского вторжения в Закавказье.

Ассирийскому царю Салманасару III с самого начала царствования пришлось вести с Урарту решительную борьбу.

Летописи Салманасара III свидетельствуют о том, что поход на север против Ванского царства был снаряжен им уже в I году его правления. В тексте летописи от имени царя описывается успешное продвижение войска в страну Наири (Хубушкиа) и вторжение в Урарту:

«Я вышел из Ариду, бронзовыми и медными кирками расчистил трудный путь в крутых горах, которые направлены вершинами к небесам, подобно лезвию железного кинжала, привел мои колесницы и войско и подошел к Хубушкии, сжег в огне Хубушкию вместе с сотней поселений ее области. Какиа, правитель Наири, и остатки его войска испугались горечи моего оружия и поднялись на высокие горы; за ними поднялся и я, устроил я в горах большую битву и нанес им жестокое поражение, колесницы, воинов, коней подъяремных вывел я с гор. Ужас и блеск Ашура, моего владыки, поразил их, они спустились вниз, обняли мои ноги, подать и дань наложил я на них. Из Хубуш-

кии я ушел к Сугунии, крепости Араму Урарта, я приблизился, город обложил, захватил я, убил много их воинов, увел добычу, кучу из голов сделал я напротив их города, 14 поселений его области сжег я огнем. От Сугунии я ушел, спустился к морю Наири, мое оружие омыл я в море, жертву принес я моим богам» [1] (АВИУ, № 27).

В 1878 г. на холме Балават, к юго-востоку от Ниневии, в развалинах древнего города Имгур-бел (Имгур-энлиль) были найдены продолговатые бронзовые листы (длиной 1,75 *м*, шириной 0,27 *м*) [2], сплошь покрытые рельефными изображениями, поясненными клинообразными надписями. Эти бронзовые листы оказались обивкой больших деревянных ворот дворца или храма Салманасара III, а изображения — сценами походов первых девяти лет его царствования [3].

Большинство этих бронзовых пластин, представляющих исключительные памятники ассирийского искусства, было приобретено Рассамом, передавшим их Британскому музею, отдельные же обломки обивок попали в коллекции Шлумбергера и Клерка.

На одной из обивок имеются иллюстрации к походу Салманасара III против урартов, снаряженному в I год его правления (860 г.). Для ассирийского искусства очень характерна композиция изображений на обивке. Это так называемая повествовательная композиция, в которой передается действие как во времени, так и в пространстве, т. е. на ней представлены связанные события, разновременные и происходившие в различных местах. Изображения помещены в двух полосах, причем рассматривать их надо от нижнего левого угла, где показан укрепленный ассирийский военный лагерь. Из лагеря выступает ассирийское войско — колесницы и пехота, направляющиеся к урартской крепости Сугунии, упоминаемой в анналах.

Далее, в центре нижней полосы, изображено взятие Сугунии. Горящая крепость, расположенная на горе, осаждается с двух сторон. Штурм производится при помощи лестниц, приставленных к стенам. В крепости видны защитники, урартские воины, лучники и копейщики. Над всей сценой пояснительная надпись: «Покорил я город Сугунию, Араму Урартского». Справа от сцены взятия крепости изображена группа пленных урартов, уводимых в ассирийский лагерь. У пленных руки связаны за спиной, а на шею надеты колодки.

В верхней полосе изображен переход ассирийского войска (колесницы, конница и пехота) через три горных перевала к оз. Ван. В левом углу — изображение жертвоприношений. На берегу озера, на скале высечена стела с изображением царя, перед ней культовые предметы и жертвенники. Жертву приносит сам Салманасар, рядом с ним два жреца, а позади музыканты и жертвенные животные —быки и бараны. Два ассирийских воина бросают в озеро куски мяса. Сверху надпись: «Статую (изображение мое) у моря страны Наири я поставил, жертву богам моим я принес» [4].

Таким образом, изображения на бронзовой обивке Балаватских ворот представляют собой детальные иллюстрации к вышеприведенному отрывку летописи Салманасара III.

На другой обивке изображено разграбление урартской крепости. Крепость опустошена, защитники казнены, их головы отрублены и сложены у стены, три пленника посажены на кол. Ассирийские воины вырубают деревья, из крепости увозят добычу в большом сосуде, помещенном на четырехколесную повозку, которую тянут люди. Далее изображена битва с урартами, отряды которых отступают в горы. В нижней полосе — взятие урартской крепости и увод пленных.

Первые два года правления Салманасар III был занят главным образом упрочением ассирийского влияния в северной Сирии, являвшейся ключом к Средиземному морю

---

[1] [E. Schrader], *Keilinschriftliche Bibliothek*, I, Berlin, 1889, S. 155.

[2] Анализ бронзы Балаватских ворот см.: VBGAEU, 1891, p. 352.

[3] A. Billerbeck und F. Delitzch, *Die Palasttore Salmanassars II von Balawat* («Beiträge zur Assyriologie», VI, 1, 1908).

[4] М. В Никольский, *Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России* (ДВ, I, 3, 1893), табл. XIV.

и к Малой Азии. Тексты особо указывают, что в первый год своего правления Салманасар снарядил экспедиции за строительным лесом в горы Аману и Лаллар[5].

В 858 г. (III год правления) на обратном пути из похода в Сирию ассирийские войска вступили в страну Алзи и оттуда направились в Урарту.

В тексте черного обелиска из Нимруда уточняется путь ассирийской армии: «При возвращении переступил я границы страны Алзи: страны Алзи, Сухни, Даяни, Тумме, Арзашкун, царский город Араму Урартского, страны Гилзан и Хубушкиа (я покорил)»[6].

В этом походе важное место занимали взятие урартского города Арзашку (Арзашкуна) и борьба с урартами, во главе которых стоял урартский царь Араму.

Летопись об этом рассказывает: «Вышел из Даяени, к Аразашку, царскому городу Араму Урарта, я приблизился. Урарт Араму испугался горечи моего сильного оружия и сильной битвы и оставил свой город. В горы Аддури он поднялся; за ним поднялся и я, сильную битву устроил я в горах, 3400 воинов поверг я своим оружием, как Адад, тучу над ними пролил я дождем, их кровью окрасил я [гору], как шерсть, его лагерь я захватил, его колесницы, всадников, коней, мулов, лошаков, имущество и богатую добычу привел я с гор. Араму, свою жизнь спасая, убежал на недоступную гору. В моей могучей силе, как тур, раздавил я его страну, поселения превратил в развалины и сжег огнем. Город Арзашку и поселения его округи захватил, разрушил и сжег огнем. Кучи из голов устроил я напротив городских ворот. Одних [из людей] живыми свалил я в кучи, а других вокруг куч посадил на кол. От Арзашку я ушел, взошел на гору Эритиа, огромное изображение своего величества я изготовил и записал на нем хвалу Ашуру, моему владыке, а также и победу моего могущества, которую я одержал над Урарту, и поставил на горе Эритиа. Вышел от Эритиа и подошел к Арамали, разрушил, снес и сжег ее города. Я вышел из Арамали и подошел к Занзиуна...[7]. Я спустился к морю страны Наири, грозное оружие Ашура омыл я в море, принес жертвы, сделал изображение моего величества и записал на нем хвалу Ашуру, великому владыке, моему господину, пути моей отваги и славные дела. Я вышел [от морского берега] и подошел к стране Гилзан. Навстречу мне вышел Асау, царь Гилзана, вместе со своими сыновьями и братьями, и я принял от него подать и дань моему величеству — упряжных лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, вино и семь двугорбых верблюдов. Огромное изображение своего величества я изготовил и записал на нем хвалу Ашуру, великому владыке, моему господину, а также победу моего могущества, которую я одержал над Наири, и приказал поставить в его храме внутри города. Я вышел из Гилзана и подошел к Шилайа, укрепленному городу Каки, царя хубушкийского, осадил и захватил город, перебил множество его воинов, полонил 3000 пленных, крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, мулов, лошаков без числа доставил в свой город Ашур. Я вошел перевалом Энзите, а вышел к началу области Арбелы через перевал страны Куррури»[8]. Таким образом, в тексте отмечается весь путь следования ассирийского войска: Тил-Барсиб — перевал через Суму — Бит-Замани (район современного Диярбакыра) — перевал через Намдану и Мерхису — Энзите — переправа через Арацани — Сухму — Арамали — Занзиуи — море Наири — Гилзан — Шилайа, хубушкийский город — перевал Киррури — Арбелла.

В этом маршруте не совсем ясен переход из Гилзана к хубушкийскому городу Шилайа и далее в страну Киррури. Насколько нам известно, страна Хубушкиа была рас-

---

[5] [E. Schrader], *Keilinschriftliche Bibliothek*, 1, S. 120.

[6] АВИУ, № 28.

[7] В этом месте текст сильно поврежден.

[8] [E. Schrader], *Keilinschriftliche Bibliothek*, 1, S. 167 (АВИУ, № 27).— В другом тексте описывается этот поход по-иному: «Страны, от Энзите до Даяни, от Даяни до Тумме, от Тумме до Арзашкуна, покорил я. Арзашкун, царский город Араму Урарта, я захватил, разрушил, опустошил, сжег огнем. Пока я на Арзашкун шел, собрал Араму Урарт свои войска и вышел мне навстречу, чтобы дать бой. Я разбил его, рассеял его воинов, 3000 его воинов поверг я своим оружием. Его оружие, его царские сокровища, лошадей в большом количестве взял я. Чтобы спасти свою жизнь, скрылся он в горах» («Beiträge zur Assyriologie», VI, S. 138).

положена на юг от оз. Ван, в районе р. Бохтан, и отделялась от Гилзана Мусасиром. Возможно, речь идет о неглубоком рейде на восточную окраину этой страны, севернее Мусасира или же южнее. Любопытно также употребление в этом тексте термина *Наири*. Из слов о том, что после захвата урартского города Арзашку и прохода через страну Арамали, соседствующую с центром государства Урарту, Салманасар воздвиг в Гилзане стелу в честь победы над Наири, можно заключить, что этот термин употребляется как обобщающий, включающий в себя ряд стран, группировавшихся вокруг оз. Ван.

На одной из обивок Балаватских ворот изображены эпизоды похода III года правления Салманасара. В нижней полосе показано приношение дани из приурмийской страны Гилзан. Салманасар в боевом облачении принимает послов покоренной страны. Из крепости, расположенной на берегу озера, гонят стада крупного и мелкого скота, табун коней и верблюдов. Верхняя полоса занята сценой боя ассирийцев с урартами и взятия крепости Арзашку.

В центре верхней полосы изображена горящая крепость Арзашку, подожженная ассирийцами; справа — атака ассирийских колесниц и рукопашная схватка ассирийцев и урартов; слева от крепости дано продолжение сцены битвы и отступления урартов в горы Аддури.

Урартские воины, лучники и копейщики, изображены одетыми в длинные, до колен, рубахи с короткими рукавами, стянутыми широким кожаным или металлическим поясом. У копейщиков небольшие круглые щиты с коническим выступом в центре. На головах урартов надеты небольшие шлемы с гребнем, вероятно, изготовлявшиеся из кожи, на что указывает их форма[9].

Одежда и вооружение урартских воинов, изображенных на Балаватских воротах, очень близки к хеттским, лишь позднее урарты перешли на ассирийское вооружение.

Поход III года правления Салманасара был совершен в глубь страны Урарту, в то время как поход I года был проведен лишь на ее южные окраины[10].

Во время первого похода ассирийцы направились по труднопроходимым горам в Хубушкию и попали в долину р. Бохтан, а оттуда к урартской крепости Сугунии и затем через три горных перевала к оз. Ван.

Таким образом, Сугуния была, по-видимому, урартской крепостью на границе с Наири, на южном склоне одного из хребтов, расположенных между оз. Ван и р. Бохтан. После взятия Сугунии ассирийцы через горы прошли к южному берегу озера. Оттуда они взяли путь обратно на запад, о чем свидетельствует текст летописи, отмечающий, что на обратном пути в Ассирию Салманасар III получил дань страны Гузана, находившейся в верховьях р. Хабур.

Маршрут похода Салманасара III в Урарту в 860 г. был совершенно иным. Выше указывалось, что ассирийская армия двинулась на Урарту из северной Сирии. Поход Салманасара III в северную Сирию окончился успешно. У Ахуни, правителя Адини, был отобран город Тил-Барсиб, превращенный в ассирийский административный центр и получивший наименование Кар-Шульману-ашаред. Спустившись по Евфрату и переправившись на другой его берег, ассирийцы захватили город, называвшийся хеттами Питру (ассир. Ана-ашур-утир-асбат).

Закончив военные действия на Евфрате, Салманасар III повел свою армию на северо-восток, а затем из Бит-Замани прямо на север. Пройдя страны Намдану, Мирхису и Энзите, перевалив через Таврские горы и переправившись через р. Арзани (р. Арацани), ассирийцы попали в страну Алзи и прошли оттуда через страны Сухни, Даяни и Тумме к Арзашку, «царскому городу Араму Урартского». Ассирийскому войску приш-

---

[9] Возможно также, что шлемы были деревянные. Геродот (VII, 79), перечисляя народы, участвовавшие в походе Ксеркса, пишет: «Колхи на головах носили деревянные шлемы и имели небольшие сыромятные щиты и короткие копья, а кроме того ножи... Алароды и саспиры шли, вооруженные подобно колхам».

[10] Во время похода 860 г. ассирийцы не встречались даже с основной частью урартских войск во главе с урартским царем.

лось преодолеть трудные перевалы южного и среднего Армянского Тавра. В текстах Салманасара III придается большое значение взятию города, но вместе с тем в них ничего не говорится о покорении страны Урарту [11].

Относительно местоположения Арзашку существуют различные мнения. Сэйс утверждал, что он находится к северу от оз. Ван, южнее Малазгирта. Этого же мнения придерживался и Масперо, пытавшийся связать название «Арзашку» с географическими названиями, встречающимися у античных и средневековых писателей [12]. Бэрней, обследовавший в 1956 г. древние крепости Ванского района, считает крепость Бостанкая, к северо-востоку от Малазгирта, развалинами Арзашку [13]. Но отнесение Арзашку в район Малазгирта не подтверждается сведениями источников.

Больше оснований имеют те исследователи, которые считают, что Арзашку был расположен в верхнем течении р. Арзани, в районе современного Диядина, несмотря на то что отождествление гор Аддури с Араратом кажется неправдоподобным. Нельзя всерьез принимать и предложенный Я. А. Манандяном [14] маршрут походов Салманасара III, так как им совершенно не учтены данные урартских письменных источников относительно Даяени, локализуемой им к югу от Арацани, тогда как урартские надписи определяют положение этой страны в районе Эрзурума (УКН, № 36 и 37).

Для установления местоположения Арзашку большое значение имеет указание летописи на то, что из Арзашку Салманасар III направился к горе Эритиа, взошел на нее, вступил в страну Арамали и уже оттуда спустился к оз. Ван. Страна Арамали, о которой говорится позднее в текстах Саргона как об Армарили, бесспорно находилась к востоку или северо-востоку от озера. Поэтому следует думать, что Салманасар III вышел именно к северо-восточному побережью озера и оттуда направился в обратный путь в страну Гилзан (западное побережье оз. Урмии), по дороге через современные Сарай и Котур, а затем, возможно, через Келяшинский перевал — в восточную окраину Хубушкии, южнее Мусасира. Таким образом, армия Салманасара обогнула оз. Ван, вышла к его северо-восточному берегу, но не пошла к восточному побережью озера, где позднее (а может быть и в это время) находилась урартская столица Тушпа. Исходя из того, что Арзашку назван в ассирийских текстах «царским городом», обычно полагают, что центр Урарту находился в то время к северу от оз. Ван и лишь позднее был перемещен на место современного города Ван. Но это положение не может быть признано обоснованным, так как ассирийская идеограмма «царский город» вовсе не означает «центральный город», «столицу», ибо в стране, согласно источникам, бывало несколько «царских городов».

По-видимому, Салманасар III уклонился от вступления в центральную часть Урарту, в низменность восточного побережья оз. Ван, и именно поэтому тексты Салманасара III говорят не о покорении страны Урарту, а лишь о взятии Арзашку, «царского города Араму Урартского».

Надпись на крылатых быках (шеду) дворца Салманасара III, касающаяся событий XV года его правления (846 г.), говорит о захвате городов Араму Урартского от истоков Тигра до истоков Евфрата [15]. Эта надпись относится к первым шестнадцати годам прав-

---

[11] Только две короткие надписи на скалах у истоков Тигра говорят о покорении страны Урарту, но, по-видимому, они относятся к более позднему времени (VBGAEU, 1900, S. 432), так как в них упоминается двукратное получение дани из страны Гилзан и три похода в страну Наири (C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, № 21, 23). В надписи у истоков Тигра, помещенной у рельефа, изображающего Салманасара III, рассказывается о покорении города Арзашкун, но не страны Урарту (C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, № 20, 22).

[12] G. Maspèro, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, III, Paris, 1899, p. 61, remarque 4; W. Belck, *Beiträge zur Urgeschichte Armeniens* («Handes Amsorya», Wien, 1927, № 11—12, S. 84.

[13] C. A. Burney, *Urartian fortresses and towns in the Van region* («Anatolien studies», VI, 1957), p. 51.

[14] Я. А. Манандян, *О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении*, Ереван, 1956, стр. 25—30.

[15] «Beiträge zur Assyriologie», VI, S. 150.

ления ассирийского царя и дошла до нашего времени в разрушенном состоянии, в ней рассказывается: «В XV год правления я пошел на страну Наири. У истока Тигра я высек изображение моей царственности на скалах гор, где выходит вода, записал на нем победу моего могущества и пути моей отваги. Я прошел перевалом Тунибуни, поселения Араму Урартского до истока Евфрата я разрушил, снес, сжег огнем. Я подошел к истоку Евфрата, принес жертву моим богам, оружие Ашура омыл в нем. Асиа, царь Даяни (Даяени) обнял мои ноги. Подать и дань я получил от него, сделал изображение моей царственности и поставил его в городе» [16]. В этом тексте скупыми словами рассказывается о трудном пути ассирийцев с перевалом через главный Тавр, но не упоминается о походе ассирийцев в центральную часть Ванского царства. Это указывает на возраставшую мощь Урарту; очень возможно, что Салманасар III отлично видел надвигавшуюся с севера опасность, но не имел достаточных сил для ее предотвращения.

Основой политики Салманасара III было закрепление ассирийской власти на подступах к Средиземному морю. Походы на запад с переправой через Евфрат были самыми многочисленными. За тридцать шесть лет царствования Салманасара III, как сообщают нам ассирийские летописи, только четыре года были свободны от походов на запад, так как Ассирия в то время была занята войной с Вавилоном и приурмийскими областями.

В ассирийских текстах отмечаются неоднократные походы Салманасара III против царей хеттов Мелиту (Малатья), Хамата и Дамаска, причем особое внимание в них уделяется победе над коалицией царя Дамаска и 12 хеттских царей во время похода XI года. Салманасару платили дань даже финикийские города Тир, Сидон и Библ (поход XXI года), он ходил и до Киликии (Тарс), где получил серебро, золото, железо, а также крупный и мелкий рогатый скот (поход XXVI года). Экспедиции на горы Аману за строительным кедровым лесом были постоянными. Серебро и драгоценные камни доставлялись в Ассирию также из страны Табал (поход XXII года).

В северной Сирии и в восточной части Малой Азии сталкивались интересы Ассирии и Урартского государства, которое всячески противодействовало укреплению ассирийского влияния в этих областях, и мы видим, что в последние годы царствования Салманасару пришлось обратить серьезное внимание на своего северного противника.

На XXVII году правления Салманасар III предпринял поход в Урарту, что отмечено также в списках эпонимов (указывающих важнейшие события по годам) [17]. Но на этот раз ассирийское войско повел не сам царь, а его полководец (туртан) Даян-Ашур. На обелиске из Нимруда имеется следующее описание этого похода: «В XXVII год моего правления призвал я мои колесницы и войско и послал их. Поставил я Даян-Ашура, туртана, начальника войска, во главе отрядов и послал их в сторону Урарту. Он спустился к Бит-Замани, перешел перевал Амаштуби и р. Арзани. Сидури, правитель Урарту, услыхал об этом, понадеялся на силу своего многочисленного войска и выступил ко мне навстречу, чтобы принять битву. Я сразился с ним и победил его. Трупами его воинов заполнил широкое поле...» [18].

Таким образом, путь ассирийцев в Урарту был тем же самым, что и во время похода III года правления.

Ассирийцы двинулись из Бит-Замани, перевалили через горы в стране Энзите и переправились через Арзани. Но дальнейшее их продвижение было остановлено урартским войском, во главе которого стоял царь Сидури (Сардури). Судя по сдержанности сведений летописи о походе XXVII года, можно думать, что успех ассирийцев был невелик, и действительно, через четыре года туртану Даян-Ашуру пришлось снова вести войска на север.

На этот раз, в походе XXXI года правления Салманасара III, путь войска отличался от пути предыдущего похода: «Я направился к Сапарии, укрепленному городу

[16] АВИУ, № 31.
[17] A. Ungnad, *Eponymen* («Reallexicon der Assyriologie», II, 5, Berlin, 1938), S. 433.
[18] [E. Schrader], *Keilinschriftliche Bibliothek*, I, S. 145.

Мусасира, захватил Сапарию вместе с 46 поселениями мусасирцев. Направился я к крепости Урарту, разрушил, опустошил и сжег 50 их поселений» [19].

Таким образом, ассирийские войска вторглись в урартские земли с юга, через Хубушкию, захватив сначала поселения мусасирцев (в горах между озерами Ваном и Урмией). Обратный путь Даян-Ашура лежал по побережью оз. Урмии, через страны Гилзан и Парсуа, а затем через страну Наири и по реке Нижний Заб. И в этом походе ассирийцы не достигли центра Ванского царства, ограничив свои военные действия лишь его окраиной.

От третьей четверти IX в. дошли и древнейшие из известных нам урартских памятников.

У западного подножия Ванской скалы, цитадели урартской столицы Тушпы, сохранилась стена, сложенная из колоссальных камней, достигающих 0,75 *м* высоты и до 6 *м* длины. На камнях стены имеются три одинаковые по содержанию надписи на ассирийском языке, определяющие время ее сооружения именем урартского царя Сардури. Привожу перевод одной из них: «Надпись Сардури, сына Лутипри, царя великого, царя могучего, царя вселенной, царя страны Наири, царя, [который] равного себе не имеет, пастыря [достойного] удивления, не боящегося сражений, царя, склонившего непокорных ему. Сардури, сын Лутипри, царь царей; [от] всех царей подать я принял. Сардури, сын Лутипри, говорит так: я этот известняк из города Альниуну доставил, я эту стену воздвиг» [20].

Леман-Гаупт полагал, что урартского царя Сардури, сына Лутипри, следует считать современником Ашурнасирпала II и предшественником Араму, упомянутого в летописях Салманасара III. По его мнению, на это указывает своеобразная титулатура, отличная от более поздней урартской и сходная с ассирийской. Титул «царь страны Наири», также по мнению Леман-Гаупта, говорит о правильности датировки надписи на стене первой половиной IX в. [21].

Леман-Гаупт устанавливает такую последовательность правления древнейших известных нам урартских царей: 1) Лутипри, 2) Сардури I, сын Лутипри, 3) Араму, современник походов I и III годов царствования Салманасара III, 4) Сардури II (Сидури или Седури), современник похода XXVII года царствования Салманасара III и 5) Ишпуини, сын Сардури. При этом Леман-Гаупт замечает, что не исключена возможность отождествления Сардури I с Сардури II, хотя это ему кажется менее вероятным [22].

А между тем представляется более вероятным отождествление Сардури, сына Лутипри, с Сардури, упоминаемым при описании похода XXVII года царствования Салманасара III. Доводы Леман-Гаупта, приводимые им в пользу иной датировки, никак не могут быть признаны убедительными. Поскольку надпись Сардури начертана на ассирийском языке, она и передает ассирийскую титулатуру точно так же, как ассирийский текст Келяшинской двуязычной надписи. Кроме того, Ишпуини, сын Сардури, также именует себя «царем страны Наири», и сведения о захвате крепостей и поселений Ишпуини (Ушпина) во время второго похода Шамшиадада стоят в отчете о походе в Наири.

Особый интерес надпись Сардури, сына Лутипри, представляет тем, что по-ассирийски Сардури, так же как и его сын Ишпуини, именуется «царем страны Наири», а не «царем Биайны» (последнее обычно для более поздних урартских надписей). Это обстоятельство, несомненно, связано с тем, что в середине IX в. Урарту, входившее в коалицию стран Наири, заняло главенствующее положение среди других политических образований в районе оз. Ван.

Цитадель Сардури, сына Лутипри, сооруженная у Ванской скалы, представляет еще больший интерес тем, что она доказывает существование урартского центра на

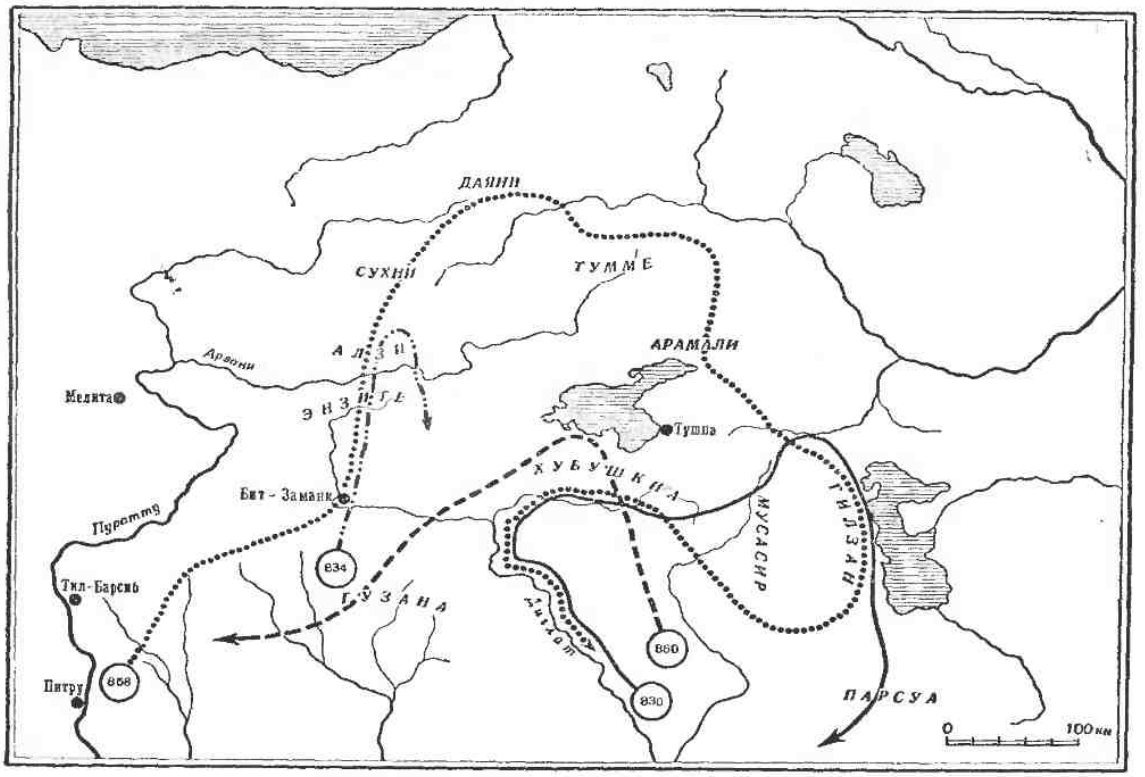
---

[19] Ibid., S. 149.

[20] Перевод А. П. Рифтина, приведенный в книге: И. И. Мещанинов, *Халдоведение* («Изв. ООИЛ», 1927), стр. 204—205.

[21] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 21—24.

[22] C. F. Lehmann-Haupt, CICh, I.— Примечание к таблице урартских царей.



Маршруты походов Салманасара III в Урарту

месте города Тушпы уже с древнейших времен. В надписи особо указывается, что камень, из которого сложена стена крепости, доставлен из города Альниуну. Леман-Гаупт и Бельк совершенно справедливо возражали Иенсену, считавшему Альниуну древним названием Тушпы, и полагали, что известняк, из которого сложена стена цитадели, отличался от камня других построек в районе Вана, так как был доставлен по озеру издалека (по их мнению, из района современного Малазгирта)[23]. Трудно судить о правильности установления места разработки камня, из которого сложена стена цитадели Сардури, но совершенно бесспорно, что камень этот привозной. Подобный факт указывает на особое значение строительства в Ванском районе во времена Сардури, сына Лутипри.

Начальный период истории Урартского государства слабо освещен письменными документами, и пока нам неизвестны в районе Вана памятники времени до правления Сардури, сына Лутипри. Г. А. Меликишвили, например, указывает, что, по ассирийским источникам, царем Урарту в 845 г. был Араму, а через двенадцать лет в тех же источниках урартским правителем называется Сардури (Сидури), который, согласно надписи на камнях крепости в Ване, был сыном Лутипри, а не Араму[24]; в 823 г. в надписях Шамшиадада упоминается уже Ишпуини. Г. А. Меликишвили обращает внимание на то, что с 845 по 823 гг., примерно за двадцатилетний период, на урартском престоле сменилось два царя — Лутипри и Сардури; это обстоятельство, полагает он, дает основание считать, что при Араму был другой центр государства. Мысль о перенесении центра Урарту после Араму возникала и у М. В. Никольского[25], полагав-

[23] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 19—20.
[24] Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, Тбилиси, 1954, стр. 200
[25] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи ванских царей*, стр. 24.

него, что древнейший урартский центр находился на территории Закавказья. Г. А. Меликишвили обращает внимание на то, что в первые годы правления Салманасара III Урарту еще не представляло прочного объединения, и высказывает мнение, что после поражения племени Араму главенство в союзе племен могло перейти к другому урартскому племени, вождем которого был Сардури, сын Лутипри, правивший в Тушпе. При этом город стал столицей Урартского государства. Это, по мнению Г. А. Меликишвили, вызывалось также и тем, что Тушпа была одним из древнейших религиозно-политических центров страны, центром культа третьего из верховных божеств урартского пантеона — бога солнца Шивини. Но этот вопрос при состоянии наших знаний не может быть решен. Отнесение трех главных урартских божеств к определенным древним центрам (Халди — к Мусасиру, Тейшебы — к Кумену и Шивини — к Тушпе) представляется весьма проблематичным, во всяком случае урартские письменные источники не дают основания для такого вывода: в Тушпе все важнейшие тексты обращены к Халди, а не к Шивини. Лишь имя Тушпуеа, супруги Шивини, может служить косвенным указанием на связь между именем Шивини и названием города Тушпы.

При Араму Урартское государство было уже обширным, Салманасар III разрушил два города — Сугунию, лежавшую к югу от Ванского озера, и Арзашку — к северо-западу от оз. Урмия, севернее Тушпы. Таким образом, Тушпа входила в состав государства Урарту, и очень возможно, что именно она была главным городом и при Араму, но этот вопрос без новых данных окончательно решен быть не может, так как и от времени Сардури, сына Лутипри, дошел лишь один памятник — крепостная стена со строительными надписями.

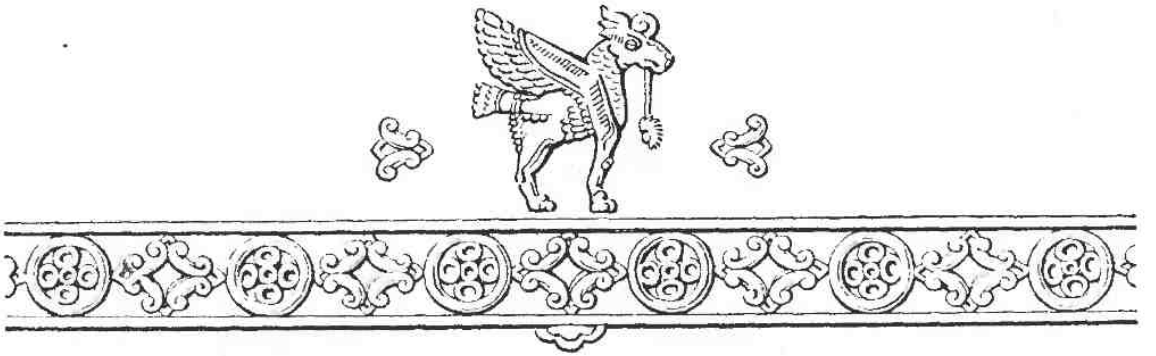
Археологический и эпиграфический материалы свидетельствуют о большом строительстве в районе Тушпы, проведенном со времени Ишпуини, сына Сардури. Постройки Ишпуини до нас не дошли, но сохранились отдельные камни от колонн с надписями: «Ишпуини, сын Сардури, этот храм построил». Такие камни были обнаружены как в самом Ване, так и в его окрестностях. Шесть камней баз колонн с надписями Ишпуини происходят из сел. Дзевестан, а один из Леска. Кроме того, три надписи Ишпуини на обломках колонн были найдены в сел. Патноц, на северном склоне Сипана.

Ко времени правления Ишпуини следует отнести начало усиления Ванского царства, когда оно стало крупнейшим государством Передней Азии.

Ассирия не могла в то время решительно противодействовать росту Урарту, так как сама была ослаблена не только непрерывными войнами, но и внутренними неурядицами в конце царствования Салманасара III.

Шамшиададу, занявшему ассирийский престол после смерти своего отца Салманасара III, с первых же лет правления пришлось вести военные действия на севере Ассирии. Три года подряд снаряжались походы в Наири, причем во время второго похода ассирийские войска под начальством туртана Муттарис-Ашура вторглись в Наири и захватили много городов и поселений, среди которых упомянуты 11 крепостей и 200 поселений Ишпуини.

Но если сообщенные летописью сведения правильны, то это был случайный успех ассирийской армии. Ассирия в то время начала уступать свое место Ванскому царству.



ГЛАВА V

УРАРТУ В КОНЦЕ IX И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII ВЕКА

Ишпуини, сын Сардури

Клинообразные надписи на урартском языке известны с конца IX в. Короткие строительные надписи на базах колонн, обычно повторенные на одном камне по нескольку раз, содержат имя царя Ишпуини, сына Сардури; другие же, более пространные надписи о походах или с религиозными текстами содержат два имени — Ишпуини и его сына Менуа, причем царский титул носил только отец[1], что противоречит высказывавшемуся ранее мнению о том, что Ишпуини одно время правил совместно со своим сыном. В надписи на скале у восточных ворот Ванской цитадели, повествующей о возведении культовых ворот для бога Халди, упомянуты Ишпуини, сын Сардури, Менуа, сын Ишпуини, и Инушпуа, сын Менуа[2].

Такое упоминание в надписях двух имен, а в одном случае даже трех, непонятно. Г. А. Меликишвили полагает, что Ишпуини в надписях упоминал имя своего сына Менуа для того, чтобы упрочить его на урартском престоле[3]. Но, кроме Менуа, он имел еще другого сына, Сардури, вероятно, старшего, так как тот носил имя деда. В тексте Саргона о взятии Мусасира рассказывается о бронзовой статуе Сардури, сына Ишпуини, и о бронзовых статуях быка и коровы с теленком, отлитых по его приказанию[4]. Но в урартских клинописных источниках имя Сардури не упоминается, возможно, что он при Ишпуини был наместником Мусасира.

В текстах военного содержания, дошедших от этого времени, отмечаются три основных пути урартских походов: в горные районы, к юго-востоку от столицы Урарту Тушпы, на южное побережье оз. Урмия и на север, в сторону Закавказья.

---

[1] См. надписи Келяшина (УКН, № 19) и Ашрут-Дарга (УКН, № 25).
[2] УКН, № 18.
[3] Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, Тбилиси, 1954, стр. 203.
[4] АВИУ, № 49.

В конце IX в. усиливается Ванское царство и значительно расширяются его границы. Урарты начали прочно осваивать территорию между озерами Ван и Урмия. Келяшинская двуязычная клинообразная надпись (на ассирийском и урартском языках)[5] свидетельствует о подчинении Ванскому царству города, названного в ассирийском тексте Мусасиром, а в урартском — Ардини. Этот город, находившийся в хорошо защищенной естественными условиями горной местности к юго-востоку от оз. Ван[6], позднее служил защитой Урарту с юга и имел большое значение во время войн Урарту с Ассирией.

Вторым районом, куда направлялись урартские походы, было южное побережье оз. Урмии. В надписях отмечается покорение страны Баршуа (ассир. Парсуа) к югу от Мана и города Меишта (УКН, № 29). В одном из текстов указывается также численность войска, направленного на юг от Урмии, перечисляется 106 колесниц, 9174 всадника и 2704 пехотинца[7]. Таким образом, уже в конце IX в. урарты овладели приурмийским районом, который на долгое время (вплоть до VII в.) стал яблоком раздора между Ассирией и Урарту.

Третий путь урартских походов лежал на север, в сторону Закавказья. В четырех надписях Ишпуини и Менуа (УКН, № 20—23), три из которых были обнаружены в центре Урарту, около Вана, а одна — около Алашкерта, рассказывается о набеге племен Уитерухи, Луша и Катарза[8] (в тексте перед названиями стоит детерминатив лица или племени, а не страны). Эти племена из долины Аракса доходили до города Анаше (Алашкерта), перевалив Средний Армянский Тавр, который при Ишпуини и Менуа был северной границей Урартского государства. По-видимому, эти военные действия очень беспокоили урартского царя, и для отпора вторгшемуся врагу на север было направлено войско, состоявшее из 66 колесниц, более тысячи всадников (в надписи число полностью не сохранилось) и 15 760 пехотинцев.

В одной из указанных надписей (УКН, № 20) отмечается, что на помощь племенам Уитерухи, Луша и Катарза пришли подкрепления царей страны Этиухи; это давало основание считать, что враги пришли из-за Аракса. Такое предположение подтверждается и более поздними текстами. Так, в надписи Аргишти в Ване (ClCh, 112) вместе с этими тремя странами называется еще Эриахи, страна, расположенная к северу от горы Арагац, а в Хорхорской летописи Аргишти страна Катарза упоминается наряду с Этиуни, Эриахи и Ишкиглу, отнесение которых к Закавказью не вызывает сомнений и подтверждается надписями в Эларе и Ганлидже.

Урарту в конце IX в. выступает уже как государство, имеющее крепкую центральную власть. Это нашло отражение и в религии. Надпись Мхери-дур (Мхер-капуси, ClCh, 18), содержащая перечень жертв урартским божествам, дает нам целый пантеон богов (прежде богов отдельных племен), во главе которых стоят боги центральной части страны — Халди, Тейшеба и Шивини.

У Ишпуини пышный царский титул (Келяшинская стела): «Царь могучий, царь страны Шура, царь страны Биайна, правитель города Тушпы». В ассирийском тексте этой же стелы мы читаем: «Царь великий, царь могучий, царь вселенной, царь страны Наири, правитель города Тушпы». Параллельные тексты Келящинской стелы дали основание сопоставить урартский титул «царь страны Шура» с ассирийским «царь вселенной» (ŠAR kiššáti), а «царь страны Биайна» — с ассирийским «царь страны Наири»[9].

---

[5] Надпись была открыта Шульцем еще в 1829 г. и издавалась неоднократно. Перевод текста и сопоставление ассирийской редакции с урартской см.: A. A. Götze, *Zur Kelischin-Stele* [ZA, V, 1—3, 1929, S. 99—128 (УКН, № 19)]; M. Tsereteli, *Études ourarteennes* (RA, XLVII, 3, 1953), p. 131.

[6] Об установлении местоположения города Мусасира и одноименной с ним страны см. в главе VII.

[7] Стела из Харакониса (УКН, № 24)

[8] И. И. Мещанинов, *Халдская надпись из села Гюсненц* (ДАН-В, 1930), стр. 32; И. И. Мещанинов, *Новая халдская надпись из Вана, Сурб-Погос* (ДАН-В, 1930), стр. 143.

[9] C. F. Lehmann-Haupt, ClCh, I, S. 30.— В книге крупного историка по средневековой Армении

Со вступлением на престол царя Менуа (Минуа)[10] (около 810 г.) начинается период наивысшего могущества Ванского царства, длившийся около семидесяти лет. За это время Урарту становится крупнейшим государством Передней Азии.

В Урарту проводится усиленное строительство, особенно в центральной части царства. С именем Менуа связано более сотни клинообразных надписей, во многих из них говорится о строительных работах, проведении каналов. По всей вероятности, именно к этому времени относится окончание возведения стен Ванской цитадели. На скале у восточных ворот (Тавризских) сохранилась клинообразная надпись (УКН, № 18), содержащая имена Ишпуини и его сына Менуа.

Кроме укрепления цитадели столицы, были возведены также крепости, защищавшие подступы к Тушпе. В надписях рассказывается о построении крепостей на северо-восточном побережье оз. Ван (УКН, № 65—67). Крепость мощной циклопической кладки была возведена на высоком холме у сел. Анзав (в 10 *км* северо-восточнее Вана), откуда происходят две клинообразные надписи Менуа (УКН, № 71 и 88) о строительных работах. С этой крепостью была связана другая крепость, развалины которой сохранились у сел. Хараконис, и, вероятно, прав Леман-Гаупт, считавший эти крепости звеном целой цепи укреплений, идущих от Ванской низменности на восток, соответственно древнему пути: Ван — оз. Арчак — Сарай — Хой и дальше[11].

Но кроме этих крепостей Менуа возвел большие укрепления в северной части своей страны, в районе Малазгирта (УКН, № 73), которая была исконной территорией Урарту, а также и в присоединенных землях. О постройке таких крепостей, служивших опорными пунктами и базами для дальнейших походов, рассказывается в надписях Гассан-кала (УКН, № 69) и Делибаба (УКН, № 68) в Эрзурумском районе.

Во многих областях Урарту были возведены дворцы и храмы, о которых мы узнаем из надписей. Все эти постройки Менуа давно уже разрушены, и камни из них, возможно, не раз служили материалом для более поздних построек. Но канал, по которому вода подходила к Тушпе, существует до настоящего времени. Современное население Ванского района называет его «каналом Шамирам» и связывает его название с именем царицы, матери ассирийского царя Ададнирари III, в период правления которой он был создан. Моисей Хоренский приписывает ей постройку города Вана с великолепными зданиями, украшенными разноцветными камнями. И теперь еще в Армении живут легенды об этой ассирийской царице.

«Канал Шамирам», по которому поливная и питьевая вода подводилась к городу Ван (озерная вода — соленая), берет свое начало от мощного родника в 5 *км* к югу от р. Хошаб, причем общая его протяженность достигает 70 *км*. Через р. Хошаб вода канала переводится по мосту, сложенному из стволов деревьев, сохранившему, вероятно, несмотря на неоднократные ремонты, свою древнюю форму. В низменных местах русло канала идет по кладке, достигающей иногда 10—15 *м* высоты. Эти стены сложены из огромных неотесанных каменных глыб. В кладке сохранились камни с клинообразными надписями (УКН, № 43—56), в которых сооружение этого канала приписывается Менуа, сыну Ишпуини, поэтому при жизни последнего канал назывался «каналом Менуа»[12].

Я. А. Манандяна «О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении», вышедшей посмертно без научной редакции, на основании созвучия слово *Шура* сопоставляется с названием местечка Шора на южных склонах Аладага, отмеченного на десятиверстной карте Кавказского генерального штаба.

[10] Фонетическое дополнение *i* после *me-* в имени Менуа (*me-i-nu-a*) указывает на то, что это имя следует читать: Минуа.

[11] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, 1926, S. 38.— К этой же цепи укреплений относится и урартская крепость Ашотакерт (Ашрут-Дарга) около Салхана.

[12] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, Kapitel XXI. «Der Menuas-Kanal».

Большие ирригационные работы проводились в это время и в других частях территории Урарту: на северо-восточном побережье оз. Ван (УКН, № 57), в районе Арджиша (УКН, № 58), а также в окрестностях Малазгирта (УКН, № 59—61), где канал, доходивший до «долины Менуа», также носил имя урартского царя.

Наряду с большими строительными работами в центральной части Урарту Менуа продолжал начатое его отцом укрепление и расширение Ванского царства, причем в надписях он титулуется: «царь могучий (taraie), царь великий (alsuinie), царь страны Шура, царь Биайны, царь царей, правитель города Тушпы» (надпись из Малазгирта, CICh, 64).

Территория Урарту времени царствования Менуа, по имеющимся данным, обрисовывается хорошо, но при этом надо постоянно учитывать крайнюю неустойчивость и изменчивость границ государства, что свойственно всем государствам древнего Востока.

В состав Ванского царства в начале VIII в. входили страны Мусасир и Мана в приурмийском районе и страна Наири, занимавшая южное и юго-западное побережья оз. Ван и граничившая с Ассирией. Так, в одной из надписей, обнаруженных в Ване (УКН, № 28), рассказывается о том, что войско Менуа доходило до границ Ассирии и страны Хати в северной Сирии, прочно освоив территорию долины р. Арацани (р. Мурат) от оз. Ван и до западной излучины Евфрата. В надписи Менуа, обнаруженной в Муше (УКН, № 40, 41), упоминается город Кулмери, хорошо известный по ассирийским источникам, и страна Урме (Урмеухи), которая при Сардури II носила название Арме.

На западе урарты достигли Евфрата у Малатии. Это отмечается в надписи из Палу (УКН, № 39) на р. Арацани, в которой рассказывается о покорении страны Цупани (арм. Цопк) и переправе через р. Евфрат во время похода до страны Хати. По-видимому, побережье Арацани, где были расположены страны, упоминавшиеся и в хеттских текстах, было уже прочно освоено урартами, которые сами назначали наместников — правителей областей (УКН, № 42).

В западных районах Ванского царства производились лишь разведочные археологические работы[13], и оттуда мы имеем главным образом отдельные клинообразные надписи, основной источник наших сведений. У селений Палу и Багин имеются урартские крепости, причем около последнего в кладке крепостной стены была обнаружена урартская клинообразная надпись[14].

Будущие археологические работы в районе между верхним течением Евфрата и Муратом, несомненно, откроют много археологических памятников и в первую очередь крепостей, которые строились во время походов урартов.

На северо-западе урарты, перейдя р. Аракс, достигли богатой страны Диауехи (см. Даиени)[15], что подтверждается надписью из сел. Зивин (УКН, № 36), рассказывающей о захвате города Шашилу[16], названного в надписи Язылы-таш (УКН, № 37) царским городом большой страны Диауехи, за обладание которой шла постоянная борьба между Ассирией и Урарту.

По отношению к северным областям, в частности к Закавказью, Менуа продолжал политику Ишпуини, и походы на север с переправой через Аракс, вероятно, не были редкими.

Для закрепления этих завоеваний Менуа создал на правом берегу Аракса, у современного сел. Ташбурун (на северном склоне Арарата) свой административный центр.

---

[13] F. Huntington, *Weitere Berichte über Forschungen in Armenien und Kommagene* (ZE, 1901), S. 173—209.

[14] C. F. Lehmann-Haupt, *Uber neugefundene Menuas-Inschriften* (VBGAEU, 1900), S. 572—574.

[15] Г. А. Меликишвили, *Диауехи* (ВДИ, 1950, № 4), стр. 26—42.

[16] И. И. Мещанинов, *Надпись Менуа из Зивина* (ДАН-В, 1931), стр. 69; см. также Г. В. Церетели, *Урартские памятники Музея Грузии*, Тбилиси, 1939, стр. 43.

Урартская крепость была построена на месте захваченного города Лухиуни, резиденции местного правителя Иркуа (Ирекуа, Ерикуа).

Важное стратегическое значение этого пункта подчеркивается также неоднократными упоминаниями его в урартских эпиграфических памятниках. Так, сведения о захвате города Лухиуни и победе над Иркуа имеются в шести надписях (УКН, № 30—35), три из которых обнаружены около Ташбуруна.

Одна из урартских надписей, открытых около Ташбуруна, содержит следующий текст: «Богу Халди, владыке, этот величественный храм Менуа, сын Ишпуини, построил, крепость величественную построил, установил ее имя — Менуахинили» (УКН, № 70). Это нередкий случай, когда вновь выстроенной крепости (в ассирийской клинописи эта идеограмма означает также дворец) было присвоено имя урартского царя.

В 1893—1894 гг. в районе Ташбуруна А. А. Ивановский по поручению Московского археологического общества произвел в нескольких местах раскопки[17]. Им были обследованы остатки большого поселения, где проведенные работы открыли остатки зданий, значительно перестроенных в средневековый период, когда на этом месте находился армянский город Цолакерт, и пяти крепостей, защищавших это поселение с юга и запада.

А. А. Ивановский обратил внимание на то, что керамический материал из раскопок в Ташбуруне оказался очень близким к материалу из закавказских могильников, в частности из каменных ящиков, раскопанных им же в Азербайджане[18].

Все клинообразные надписи, известные в окрестностях Ташбуруна, были открыты до раскопок. Надпись, текст которой был приведен выше, была найдена в развалинах крепости Башбулах, близ селения того же названия, в пяти километрах от Ташбуруна.

Одна надпись (УКН, № 31) на камне от строения, согласно сведениям, сообщенным местными жителями, найдена близ древнего поселения, где раскопками 1893—1894 гг. была открыта группа зданий. В надписи рассказывается о взятии города Лухиуни, покорении местного правителя Иркуа, а также об урартских строительных работах (постройке крепости и «ворот бога Халди»).

Большая наскальная надпись (УКН, № 30) была открыта в горном ущелье, где находились две небольшие крепости, обследованные А. А. Ивановским. Надпись содержит сведения о покорении страны Ерикуа[хи] и города Лухиуни. Заканчивается она формулой проклятия разрушителям надписи.

Район Ташбуруна, несомненно, имел для урартов большое стратегическое значение, и сооруженные там укрепления служили базой для дальнейшего движения урартов на север, за Аракс.

М. В. Никольский в комментариях к опубликованным им ташбурунским надписям с полным основанием писал: «... Найденные в этих развалинах клинообразные надписи проливают свет на то значение, какое имела эта местность за восемь веков до р. х., что именно она была для ванских царей ключом к Эриванской равнине, что здесь впервые стал твердою ногою первый из ванских царей, проникший в долину Аракса, Менуа»[19].

Аргишти, сын Менуа

В начале VIII в. Ванское царство начинает занимать главенствующее положение в северо-восточной части Передней Азии. Расширение его границ, особенно на западе, овладение средним течением Евфрата и продвижение в северную Сирию представляли для Ассирии серьезную опасность, так как это вторжение урартов перерезало пути сношений с Малой Азией.

---

[17] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья* (МАК, V), 1896, стр. 21.
[18] А. А. Ивановский, *По Закавказью* (МАК, VI, 1911), стр. 45.
[19] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, стр. 21.

Ассирия выступила на решительную борьбу с Ванским царством. В списках событий по годам из десяти лет правления ассирийского царя Салманасара IV шесть (781—778, 776 и 774 гг.)[20] были заняты походами «в страну Урарту», причем в 774 г. упоминаются походы в город Нисибин и в страны Урарту и Наири.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют с полной уверенностью решить вопрос, относятся эти сведения ассирийских эпонимов к последним годам царствования Менуа или уже к началу правления его сына Аргишти. Второе предположение кажется более вероятным.

Леман-Гаупт приобрел в Мосуле обломок камня с ассирийской надписью[21], происходящей из района Дехока, где находился перевал Андарутта, через который мимо гор Тас шел путь на Мусасир и далее, по р. Верхнему Забу, к Тушпе. В тексте, очень трудном для понимания, говорится о битвах ассирийцев под начальством туртана Шамшиилу с урартами, причем в тексте упоминается имя Аргишти.

Шамшиилу был одним из самых известных ассирийских туртанов, ставшим впоследствии наместником западных областей Ассирии (Тил-Барсиб); его имя встречается в эпонимах 780, 770 и 752 гг. При раскопках древнего города Тил-Барсиба, в северной Сирии, во дворце наместника были открыты две статуи львов с вырезанными на них ассирийскими надписями, повествующими также о победах Шамшиилу над царем Урарту Аргишти[22]. В тексте мы читаем: «Когда Аргишти урарт, чье название страшно, как тяжелая буря, чьи силы обширны, кто ни к кому из прежних царей не простирал свою руку, возмутившись, [людей] страны гутиев (архаичная форма слова *урарты.— Б. П.*) свел в отряды (?), стал готовить войну, все войско его среди гор подвигалось к сближению... Шамшиилу, туртан, великий глашатай, настоятель храмов, начальник обширного войска, среди этих гор укрепил своих воинов. Средь великого грома музыкантов ополченского оружия, что ревет, словно море, он повеял, как буря. Своих буйных упряжных жеребцов он пустил летать над ними, точно Зу (мифическая птица бури.—*Б. П.*), и нанес ему поражение. И покинул он свое войско, его рассеянные полки ужаснулись битвы. Как грабитель, я похитил у него его лагерь, его царские сокровища упустила (?) его рука, а моя захватила». В надписи не указывается, где эта битва происходила, но возможно, что рассказывается о той же битве, о какой говорится в тексте на камне из Дехока, которая произошла в горах, у северных границ Ассирии.

Аргишти, сын Менуа, вступил на престол[23] в тяжелое для Урарту время, с первых же лет царствования ему пришлось вести борьбу с Ассирией, но из этой борьбы Аргишти в конце концов вышел победителем.

Ценнейшим источником для изучения политической истории Урарту времени Аргишти являются его летописи. Одна из них, высеченная на юго-западной стороне Ванской скалы и известная под именем Хорхорской, была издана Сэйсом по копии Шульца, снятой в 1828 г. Второй текст летописи оказался на двух камнях, обнаруженных Лэйардом в церкви Сурб-Саак, в Ване.

Первая попытка сопоставления этих двух летописей была предпринята Бельком в 1901 г.[24]. В последнее время эти летописи снова привлекли внимание исследователей, Н. В. Арутюнян дал новый перевод Хорхорской летописи[25], а Г. А. Меликишвили[26] работал над сопоставлением обоих текстов летописей (УКН, № 127, 128),

---

[20] A. Ungnad, *Eponymen* («Reallexikon der Assyriologie», II, Berlin, 1938), S. 5, 430.

[21] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, № 25, S. 45; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 374; АВИУ, № 37.

[22] E. Thureau-Dangin, M. Dunand, *Til-Barsib*, Paris, 1936, p. 141; АВИУ, № 38.

[23] Судя по надписи у Тавризских ворот Ванской крепости, старшим сыном Менуа и престолонаследником был Инушпуа, имя которого встречается в урартских клинописях только один раз.

[24] W. Belck, *Mittheilungen über armenische Streitfragen* (VBGAEU, 1901), S. 298—300.

[25] Н. В. Арутюнян, *Хорхорская летопись Аргишти I* (ЭВ, VII, 1953), стр. 81—119; Н. В. Арутюнян, *Хорхорская летопись Аргишти I, царя Урарту* (Автореферат кандидатской диссертации, ЛГУ, 1951).

[26] Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, стр. 205—210.

решив восстановить структуру летописи, установить хронологическую последовательность сообщаемых в ней сведений и извлечь материал по вопросу о времени и продолжительности царствования Аргишти I.

Хорхорская летопись в семи столбцах клинописного текста, высеченного на поверхности скалы, рассказывает о событиях тринадцати лет царствования Аргишти I, но первый столбец, как видно по его содержанию, не является началом надписи, и ему должен был предшествовать текст, излагавший более ранние события.

По описанию, приведенному Леман-Гауптом, первые три столбца находились над лестницей, ведущей с вершины скалы, а слева от них, непосредственно перед первым столбцом, имеется вырубленная ниша[27], в которую, вероятно, была вставлена стела из другого камня с началом летописи, а возможно, и изображение урартского царя.

Остальные четыре столбца летописи расположены на площадке по сторонам входа в помещение, высеченное в скале. Над входом сохранились остатки надписи, которая, как указал Бельк, по форме знаков отличается от текста летописи и, вероятно, к ней не относится.

Исследователи, публиковавшие текст Хорхорской летописи по эстампажам без учета самого памятника, приводят различную, часто произвольную нумерацию столбцов. Мною принята нумерация столбцов, данная в своде «Урартские клинообразные надписи»[28].

Разделить текст Хорхорской летописи на сведения по годам не представляет труда, так как в конце рассказа о походах за год стоит стереотипная фраза: «Аргишти говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил». Но вместе с тем совершенно ясно, что летопись не охватывает все время правления Аргишти I. Остается неизвестным, за сколько лет события описаны в несохранившемся начальном столбце, да и последний столбец явно не относится к концу царствования Аргишти I.

Хорхорская летопись существенно дополняется текстом на двух камнях из церкви Сурб-Саак в Ване. Эти камни являются частями крупной стелы, сплошь покрытой клинописью на широких гранях, лицевой и оборотной, и имевшей текст в верхних частях боковых граней. Обломки стел не сходятся вместе, между ними имеется большой разрыв (примерно в пять годовых описаний событий), кроме того, отсутствует и нижняя часть памятника. Один из обломков имеет закругленный верх, так что в нем нетрудно узнать верхнюю часть стелы, и действительно, там высечена обычная для памятников этого рода начальная фраза: «Богу Халди, владыке, эту надпись Аргишти, сын Менуа, воздвиг...» и далее: «Могуществом бога Халди, по велению бога Халди, когда Халди Аргишти, сыну Менуа, дал царство, воссел он на отцовское место» (УКН, № 128, Д 3). На событиях I года царствования текст обрывается. Некоторые части летописи на стеле полностью совпадают с Хорхорской летописью (УКН, № 127, II, строки 25—41=№ 128 А 2; № 127, IV, строки 24—74=128 В 2 и 127 V, 80—VI, 6 = 128 А 4, 13—26). Эти сопоставления дали Г. А. Меликишвили основание восстановить весь текст летописи Аргишти I, но все же говорить о полной идентичности текста Хорхорской летописи и летописи на стеле не приходится, так как последняя никак не могла бы вместить такой громадный текст (значительно более 295 строк Хорхорской летописи). Реконструкция текста стелы, с учетом недостающих строк, выполненная Г. А. Меликишвили[29], вызывает большие сомнения из-за общего количества строк. Если стела действительно содержала бы до 250 строк на каждой стороне, то она должна была принять форму, совершенно не встречавшуюся в урартском монументальном искусстве, и тогда высота стелы в восемь раз превышала бы ее ширину. Разумеется, число недостающих строк в реконструкции следует значительно уменьшить, а это зна-

[27] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 120—122.— Там же приведена схема расположения столбцов.

[28] УКН, № 27.— В этом издании текст над входом в помещение опубликован как столбец VII, в публикации Н. В. Арутюняна он отсутствует, как не относящийся к летописи.

[29] Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, стр. 209.

чит, что на стеле, установленной, по-видимому, позже Хорхорской летописи, изложение некоторых событий давалось в сокращенном виде. Последовательность изложения событий на разных сторонах камней из церкви Сурб-Саак отвергает предположение о том, что камни принадлежат не одной, а двум стелам. Как выясняется, текст на стеле был высечен в следующей последовательности: сначала на широкой лицевой стороне, затем на широкой оборотной и далее на боковых гранях, левой и правой.

Трудно сказать, описания скольких лет отсутствуют на обоих памятниках. Г. А. Меликишвили полагает, что остаются неизвестными походы Аргишти первого или первых двух лет его царствования. Таким образом, текст Хорхорской летописи заканчивается описанием XIV или XV года царствования Аргишти I, но на стеле, по мнению Г. А. Меликишвили, имелись описания событий последующих восьми лет, так что вся летопись охватывала двадцать три года, т. е., вероятно, полностью царствование Аргишти. Приведу обзор событий по сводной летописи, предполагая, что в дошедшем до нас тексте отсутствует лишь описание походов одного года правления.

Во второй год своего царствования Аргишти отправился в поход на север, в страну Диауехи, оттуда в страну Забахае, затем в область города Макалтуни страны Игани (район оз. Чилдыр) и в страну Эриахи (к северу от современного Ленинакана). В записях на стеле поход в Диауехи описан значительно подробнее: царь Диауехи выплатил Аргишти дань в размере 41 мины золота, 37 мин серебра, нескольких десятков (цифра не сохранилась) тысяч мин меди, тысячи верховых лошадей и большого числа крупного и мелкого рогатого скота. Кроме того, на Диауехи была наложена ежегодная дань, состоящая из золота, 10 тыс. мин. меди, лошадей и рогатого скота.

В третий год урартские войска были также направлены на север, в страну Абилианихи, лежащую на Араратской низменности, южнее Эриахи, и в прилегающие к ней страны. В том же году состоялся поход и в приурмийский район, в страны Умелу, Уриани, Иркуини и др.

В четвертый год Аргишти повел свои войска в северную Сирию против страны Хати, завоевал долину страны Ниpиба и победил страну царя Хиларуади (Мелиту).

В пятом году урарты завоевывали Севанский район (текст восстанавливается по стеле). Был покорен город Киехуни на берегу озера, и войска дошли до города Алишту. В том же году Аргишти совершил еще один поход (вероятно, также на территорию Закавказья).

В шестом году состоялась встреча урартского войска с ассирийским. Летопись под этим годом отмечает также походы в приурмийский район. Возможно, встреча урартов с ассирийцами произошла на северной границе Ассирии.

В седьмом году Аргишти снова воевал с ассирийцами и, по словам летописи, «отбросил Ассирию». Борьба с ассирийцами происходила, по-видимому, в том же районе, что и в предыдущем году, так как далее упоминается поход в страну Бушту, хорошо известную по ассирийским источникам, расположенную по соседству с Баршуа (приурмийский район).

Восьмой год также был занят военными походами в район оз. Урмии. В летописи упоминается победа над странами Мана и Бушту.

Эти упорные военные действия в приурмийском районе продолжались и в девятом году. Летопись от имени Аргишти рассказывает: «Величием бога Халди выступил я на страну Мана, завоевал я страну Иркуини, дошел (?) я до гор (?) Ассирии». Вероятно, Ассирия противодействовала продвижению урартов на юго-восток и поддерживала страны приурмийского района. Этим объясняется необходимость повторных походов в покоренные страны. Из летописи видно, что и в десятом году Аргишти снова побеждал страны Мана и Бушту.

В одиннадцатом году Аргишти провел большие строительные работы в Араратской равнине, он построил город Аргиштихинили, ставший крупным административно-хозяйственным центром южного Закавказья, и отвел канал для страны Азы. В том же году манейцы вторглись на территорию Урарту, но были отброшены.

В двенадцатом году, согласно летописи, Аргишти совершил поход в долину страны Туарацини до страны Гурку, занимался работами по расширению ирригации и направил карательные отряды в Мана и Бушту.

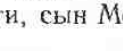
В тринадцатом году восьмой раз подряд направлялись урартские войска в приурмийский район, где была покорена страна Мана, а затем в том же году состоялся поход в Закавказье против стран Эриахи, Катарза и Ишкигулу.

В четырнадцатом году, последнем, по Хорхорской летописи, был совершен поход в горную страну Тариуни, а затем в страну Урме, лежавшую в районе Сасунских гор.

В надписи на правой боковой грани стелы на церкви Сурб-Саак рассказывается о победе Аргишти над Утупуршини, царем страны Диауехи, и над страной Абнулуани.

Последние сведения Г. А. Меликишвили условно относит к девятнадцатому году царствования Аргишти[30].

Как видно из приведенного перечня событий, основное внимание Урартского государства было направлено на укрепление своей власти в приурмийском районе и в южном Закавказье, в Араратской равнине. В приурмийском районе урарты встречали сильное сопротивление местных стран, которые получали поддержку от Ассирии. Подчинение Закавказья было более легким делом, и, прочно обосновавшись там, урарты создавали свои административно-хозяйственные центры и проводили большие работы по улучшению ирригационной системы. Это особое внимание к Закавказью подтверждается и тем обстоятельством, что из девятнадцати известных надписей Аргишти, сына Менуа, двенадцать найдены на территории Армянской ССР.

В пятый год правления Аргишти, согласно летописи, в Закавказье был построен город Эребуни (Иребуни) и в него были переселены пленные из стран Хати и Цупани, захваченные, по-видимому, в предшествующем году. Местоположение города удалось твердо установить при помощи строительной надписи. В 1950 г. на холме Арин-берд, на южной окраине Еревана, была обнаружена надпись следующего содержания: «Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, эту могущественную крепость (в тексте идеограмма  , означающая в ассирийских надписях «дворец».— *Б. П.*) построил; установил ее имя Эребуни (с детерминативом «город».—*Б. П.*) для могущества страны Биайни и для устрашения вражеской страны. Аргишти говорит: земля была пустынной, могучие дела я там совершил. Величием бога Халди, Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь страны Биайни, правитель города Тушпы»[31].

Холм Арин-берд (Ганли-тапа) стал известен после того, как там был найден в 1893 г. камень с клинописью Аргишти, сына Менуа, обследован тогда же А. А. Ивановским, опубликовавшим схематический план древних стен, сохранившихся на вершине холма[32].

В результате систематических раскопок Арин-берда в 1950 г. были открыты урартские постройки, в частности помещение, украшенное росписями, и небольшой храм (*суси*), у входа в который в 1956 г. были найдены две посвятительные надписи Аргишти богу Иуарше[33].

Город Эребуни был крупным военно-административным урартским центром в Закавказье, его цитадель имела богатые помещения дворцового типа. Возможно, она являлась и временным местопребыванием Аргишти, когда он руководил военными

---

[30] Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, стр. 222.

[31] УКН, № 138; К. Оганесян, *Арин-берд (Ганли-тапа) — урартская крепость города Ирпуни* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1951, № 8), стр. 75—87; М. А. Исраелян, *Две новые урартские надписи* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1951, № 8), стр. 98—99.

[32] УКН, № 139; М. В. Никольский, *Клинообразная надпись из Ганли-тапа около Эривани* (ДВ, II, 1894).

[33] О раскопках Арин-берда см. в главе 1.

действиями в Закавказье. В ее кладовых хранились богатства, которые после потери городом Эребуни своего положения были перевезены в другие центры. Так, в Тейшебаини (Кармир-блур), крепости середины VII в., найдены бронзовые щиты с посвятительной надписью Аргишти I, указывающей на то, что щиты были изготовлены для Эребуни. Один из этих щитов богато украшен изображениями быков и львов, помещенных в концентрических полосах.

Крепость Эребуни служила базой для урартских войск. Отсюда снаряжались походы в район оз. Севан. Путь к озеру шел по р. Раздан (Занга) и отмечен двумя надписями Аргишти I.

Около сел. Элар, расположенного вверх по Раздану, примерно в 15 *км* от Еревана, еще в 1862 г. была открыта клинообразная надпись Аргишти, сына Менуа.

Клинопись вырезана на громадном камне неправильной формы, находящемся на краю ущелья, против сел. Элар. Между селением и камнем с надписью находится холм с развалинами древней крепости и обширным поселением вокруг нее. В надписи рассказывается о походе в страну Этиуни и о захвате страны Улуани и страны города Дарани[34]. Вполне вероятно, что древняя крепость у сел. Элар и есть город Дарани, упоминаемый в надписи, тем более что сама крепость по характеру кладки и своему плану очень близка к известным нам урартским и, по-видимому, была сооружена в VIII в. Но она продолжала служить местом поселения и значительно позднее, о чем свидетельствуют результаты раскопок 1926—1927 гг., а также подъемный материал. Раскопки доказали, что и в более древний, доурартский период на месте крепости существовало поселение.

Локализация страны Этиуни, упомянутой в начале надписи, встречает большие затруднения. Название страны Этиуни имеется также в надписи Аргишти, сына Менуа, найденной в древней крепости у Сарыкамыша[35]. Впервые название страны Этиуни встречается в надписях Ишпуини и Менуа (ClCh № 13), где упоминаются страны Уитеру, Луша и Катарза. В надписи Аргишти из церкви Сурб-Саак в Ване рассказывается о походе в Этиуни и о покорении стран Диаухи, Луша, Катарза и Эриахи. В Хорхорской летописи название Этиуни встречается пять раз, причем в пятом столбце летописи оно стоит как вместе с названием приурмийской страны Мана и города Ардини, так и вместе с названием южнозакавказских стран Эриахи, Катарза и Ишкигулу.

Невольно возникает вопрос, не является ли термин *Этиуни* не собственным именем, а описательным названием страны, наподобие термина «страна Бабания», который теперь переводят как «горная страна».

Не помогают истолкованию названия страны Этиуни часто предлагавшиеся сопоставления этого названия с племенным названием удин и предположение об изменении территории страны Этиуни, связанном с миграцией закавказских племен. Также нет достаточных оснований для того, чтобы считать Этиуни общим (собирательным) названием мелких стран южного Закавказья, хотя некоторые указания урартских текстов, например «подкрепления царей страны Этиухи» (burgalali ŠARRĀNI MĀTU etiuhinili) (УКН, № 20), где слово *цари* дано во множественном числе[36], как будто делают возможным такое толкование.

Вторая надпись Аргишти, сына Менуа, была открыта у сел. Ордаклю, у северо-западной оконечности оз. Севан. На берегу озера, по дороге в сел. Севан (б. Еленовку), заметна небольшая гряда скал, на одном из камней которой и вырезана клинообразная надпись.

В надписи рассказывается о захвате страны города Киехуни, упоминаемого в летописи Аргишти I, до города Иштикуни. Неподалеку от клинописи имеются также раз-

[34] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, стр. 104.

[35] Там же, стр. 90.

[36] Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, *Крепости Армении доурартского и урартского времени* («Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6), стр. 56.

валины древней крепости, занимающие обширную площадь. Крепость расположена к юго-западу от селения, у шоссе, ведущего из Ордаклю в Нор-Баязет, и занимает группу невысоких холмов, подступающих к неширокой низменной части берега.

Массивные стены шириной до 4 *м* охватывают как вершины холмов, так и ложбины между ними, образуя целую систему отдельных замкнутых участков. Внешние стены, спускаясь к воде, пересекают побережье — единственный удобный для прохода путь.

Датировка наземных сооружений Ордаклинской крепости до раскопок весьма затруднительна. По всей вероятности, они относятся ко времени позже урартского, но не подлежит сомнению, что на этом месте и в урартский период существовало поселение-крепость. Среди материала, обнаруженного на крепостных холмах, имеются отдельные фрагменты древней керамики начала I тысячелетия. Неподалеку от надписи открыты богатые погребения в курганах, относящиеся к доурартскому времени.

Значение Ордаклинской крепости уже с первого взгляда представляется совершенно ясным: она преграждала с севера доступ к западному севанскому побережью (этим объясняются ее размеры и мощность сооружений).

Вопрос о том, проникал ли Аргишти, сын Менуа, далее в Севанский район, остается открытым, так как на западном и южном берегах озера его надписи отсутствуют, а в Хорхорской летописи не упоминаются страны Севанского района. Другой путь походов, снаряжавшихся в Эребуни, шел к западному склону горы Арагац.

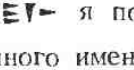
В надписи Аргишти на скале у сел. Гулиджан (северо-западный склон Арагаца) рассказывается о походе в страну Кулиаини и захвате города Дурубани (УКН, № 132).

Самая северная из урартских надписей, сохранившихся на территории Армянской ССР, находится на левом берегу Ахуряна (Арпачая), у сел. Ганлиджа, и содержит следующий текст: «Величием бога Халди Аргишти говорит: я завоевал страну Эриахи, я завоевал город Ирданиуни до страны Ишкигулу» (УКН, № 133).

Неподалеку от скалы, на которой вырезана надпись находится холм, возвышающийся над ущельем Ахуряна. На нем сохранились остатки построек, по всей вероятности, замка Вахрамашен, принадлежавшего князю Вахраму Пахлавуни (X—XI вв. н. э.). Предположение М. В. Никольского о существовании на этом месте крепости урартского времени, камни которой были использованы для более поздних построек, вполне вероятно.

Ганлиджинская надпись интересна для нас тем, что она дает возможность локализовать страны Эриахи и Ишкигулу, известные по ряду урартских текстов.

Совершенно иное значение, чем крепость и город Эребуни, имел административно-хозяйственный центр в Закавказье Аргиштихинили, построенный, согласно сведениям летописи Аргишти I, на шесть лет позже Эребуни. Он заменил прежний урартский центр Менуахинили, находившийся к югу от Аракса.

В 1892 г. в сел. Сардарабад (ныне Октемберян) был найден камень из стены постройки со следующей надписью: «Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит, могущественную крепость  я построил, установил ее имя — Аргиштихинили (с детерминативом собственного имени). Земля была пустынной, ничего там не было построено; я от реки четыре канала отвел, виноградник и сад насадил, совершил дела я там...» (УКН, № 137). Эта надпись, близкая по тексту к найденной на Арин-берде, полностью соответствует тексту летописи Аргишти I, где говорится о построении Аргиштихинили и канала.

Местоположение этой древней крепости, названной по имени урартского царя Аргиштихинили («постройки Аргишти»?), нам хорошо известно. Она находилась на холме у современного сел. Армавир (б. Курдуклю). Здесь же, по всей вероятности, была и древнейшая столица Армении Армавир, основанная, согласно преданию, приведенному Моисеем Хоренским, Армаисом, внуком Хайка. Армавир уже давно привлекал к себе внимание историков и археологов. Одним из первых ученых, высказавших такое

мнение, был Дюбуа де Монпере, путешествовавший по Армении в 30-х годах XIX в. Это мнение твердо установилось в исторических трудах по Армении. При описании холма Дюбуа де Монпере отмечал, что на его вершине сохранилась древняя стена, а сам город, расположенный на равнине, совершенно разрушен. Последнее он объяснял тем, что постройки в городе были преимущественно глинобитными[37]. Основательному разрушению крепости и города содействовало также расхищение камня местными жителями для строительства. С Армавирского холма брались камни и для постройки турецкой крепости в Сардарабаде.

В 1869 г. в этом районе была найдена первая клинообразная надпись, усилившая интерес к Армавиру. Обследование Армавира было поставлено в план работ Подготовительного комитета V археологического съезда.

Раскопки были начаты в мае 1880 г. А. Д. Ерицовым и продолжены осенью того же года А. С. Уваровым[38]. На холме Армавир были заложены три траншеи и в них обнаружены остатки очагов и большое количество обломков керамики. Кроме того, у холма были раскопаны два могильника, давшие разновременные погребения. В северном костяки лежали в направлении с востока на запад; при них были найдены бронзовые кольца и браслеты, а также стеклянные и сердоликовые бусы. Во втором, южном могильнике костяки лежали на правом боку с согнутыми ногами, «при них попадались горшки, обсидиановые ядрища и железные предметы». Могилы были обложены камнями.

А. С. Уваров приводит следующее описание стен, сохранившихся на вершине холма: «Как прямые стены, так и стены башни имеют одну и ту же ширину, аршина в четыре. С внутренней и внешней стороны они облицованы большими квадратными камнями из черносиневатой базальтовой лавы. Камни эти имеют два аршина в толщину, и в боках заметны углубления для прикрепления каких-нибудь металлических скоб. На лицевой поверхности, по краям, проведена правильная полоска, и затем вся средняя часть выступает вперед в виде босажа (bossage). Таким образом, камни, раз сложенные вместе, обрисовывают желобком всю четырехугольную поверхность, отчего босаж резко выделяется... Такая кладка стен, как я покажу далее,— писал А. С. Уваров,— тождественна с другим армянским памятником IV в., а следовательно, эти развалины не древнего Армавира, а какой-то крепости того же IV в. после р. х.»[39]. Для подтверждения своей датировки А. С. Уваров сравнивал строительные остатки на Армавирском холме с храмом в Гарни и с примыкающей к нему крепостью.

М. В. Никольский с полным основанием возражал против такой датировки стен Армавирского холма и указывал, что рустовка (bossage) характерна именно для урартских построек, приводя в качестве примера камень из стены с урартской надписью, найденной в районе Армавира[40].

Нам известно пятнадцать урартских клинообразных надписей, происходящих из окрестностей Армавирского холма, причем самые ранние относятся ко времени правления Аргишти, сына Менуа (вторая четверть VIII в.), а самая поздняя, повествующая о постройке крепости, содержит имя Русы, сына Эримена (начало VI в.). Эти надписи свидетельствуют о больших строительных работах, проведенных урартами в районе своего административного центра в южном Закавказье.

На заботу урартов об ирригационной системе в районе Армавира указывает надпись о постройке канала Аргишти, сыном Менуа. Она находилась у русла древнего канала,

---

[37] F. Dubois de Montpéreux, *Voyage autour de Caucase chez le tcherkesses et les abchases, en Colchide, en Arménie et en Crimée*, III, 1839, p. 418—419.

[38] А. С. Уваров, *Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира* («Протоколы Подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе», 1882), стр. 439—449.— Перепечатано в «Сборнике мелких трудов А. С. Уварова», II, 1910, стр. 140—148.

[39] Там же, стр. 443, 444.— Приводимая А. С. Уваровым датировка храма и крепости Гарни ошибочна.

[40] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, стр. 57.

отходившего от Аракса, неподалеку от места впадения в него р. Ахурян[41] (УКН, №136).

По всей вероятности, эти работы проводились с целью расширения ирригационной системы, сооруженной местными жителями еще до прихода урартов.

Из района Армавира известны также две базы от колонн с надписями: «Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, этот храм построил»[42], которые могут служить доказательством, что в южном Закавказье были храмы, посвященные урартским богам.

На основании большого числа клинописных памятников, отмечающих интенсивную строительную деятельность урартов в южном Закавказье, М. В. Никольский считал, что «по всему вероятию, Армавир имел значение в религиозном отношении еще в дованский период Урарту не меньше, чем город Ван в ванский период. Когда политический центр был перенесен на юг и северные страны, входившие в древнее царство Урарту, настолько отдалились от него, что ванским царям приходилось возвращать их вновь посредством завоевания, культ Армавира был в упадке, храмы пришли в ветхость, жертвы прекратились. Завоевав левый берег Аракса в нынешней Эриванской равнине, Аргишти восстановил прежнее религиозное значение этого места»[43].

Это свое предположение М. В. Никольский подкреплял ошибочным переводом часто встречающейся в урартских надписях фразы: ÊKÂLLU badusie šidištubi terubi.

Эту фразу, имеющуюся также в армавирских надписях, М. В. Никольский, следуя общепринятому тогда в урартоведении правилу, переводил: «дворец разрушенный я восстановил, обстроил». Такое понимание текста не может теперь считаться правильным, так как прилагательное badusie совсем не означает «разрушенный», а, по-видимому, отмечает качество постройки, например «мощный», «крепкий», имея в своей основе корень bad. Вместе с тем и глагол šidištubi terubi следует переводить не «я восстановил», а «я постройкой закончил», т. е. «я построил». При учете того, что идеограмму «дворец» (ассир. ÊKÂLLU) для урартских надписей в некоторых случаях надо переводить «крепость», «замок», вся вышеприведенная фраза получит перевод, совершенно противоположный старому, а именно: «крепость мощную я построил».

Из района Армавирского холма нам известен большой археологический материал, относящийся к различному времени, часть которого датируется концом III, II и началом I тысячелетия. Эти древнейшие памятники, совершенно аналогичные найденным в других районах Армении, не дают никакого основания говорить о наличии здесь в середине IX в. урартского центра.

Следует, конечно, пожалеть, что до сих пор из Армавирского района мы располагаем лишь подъемным материалом или же случайными находками. Систематические раскопки здесь не производились. В 1927 г. в план работ Кавказского историко-археологического института (Тбилиси) и Комитета охраны древностей Армении было включено исследование Армавира. Тогда же совместная экспедиция этих двух учреждений приступила к работе, отказавшись, однако, от раскопок и ограничив свою деятельность описанием наземных памятников и составлением генерального топографического плана[44].

Значение Аргиштихинили для истории южного Закавказья второй четверти VIII в. было очень велико, но уже в конце VIII или в начале VII в. он теряет свое прежнее положение, во всяком случае на его территории отсутствуют письменные памятники Русы I и Русы II, проводивших большие строительные работы в Закавказье.

/К середине VIII в., как мы видим, области южного Закавказья становятся частью Ванского царства/ которое, таким образом, приобрело горные районы, богатые скотом,

---

[41] Там же, стр. 37.

[42] УКН, № 140, 141; М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, надпись № IV; Б. Б. Пиотровский, *Шахриарская клинообразная надпись* (ДАН-В, 1931), стр. 25.

[43] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, стр. 38, 41.

[44] «Бюллетень Кавказ. ист.-архивного ин-та», Тифлис, 1928, № 1—3, стр. 19—20; № 4, стр. 15.

а также Араратскую долину, одну из лучших земледельческих долин Передней Азии. Эта территория прочно удерживается урартами, там создается крупнейший административно-хозяйственный центр, где, вероятно, пребывал и урартский наместник.

Основываясь на летописи Аргишти I, Г. А. Меликишвили попытался дать и абсолютную датировку правления этого царя. Он обратил внимание на то, что в царствование Салманасара IV в списках эпонимов походы против Урарту отмечены 781—778, 776 и 774 гг. В летописях Аргишти речь о столкновении идет при описании VI, VII, и IX годов. Если признать 781 год VI годом правления Аргишти, то начало его царствования следует отнести к 786 г., а конец, поскольку Г. А. Меликишвили полагает, что летопись содержала описание двадцати трех лет правления Аргишти, падает на 764 г.[45]. Эти свои выводы, встретившие возражение со стороны И. М. Дьяконова, Г. А. Меликишвили считает условными. И. М. Дьяконов, полагая, что надписи Шамшиилу относятся к 774 г., приходит к старому выводу о вступлении Аргишти на престол в 780 г.[46]. В настоящее время этот вопрос определенно решить невозможно, так как упоминания о взаимных столкновениях ассирийцев и урартов могут быть не отражены в обоих источниках, ибо побежденные часто не вспоминают о своих поражениях; сведения летописей всегда тенденциозны.

Урарту к концу царствования Аргишти, сына Менуа (середина VIII в), находилось в зените своего могущества. Прочно закрепилась власть урартов в Закавказье и в приурмийском районе, успехом завершились походы на запад, в Хеттское государство. Северная Сирия стала зависимой от Урартского государства, которое, таким образом, захватило все основные торговые пути Передней Азии.

Ассирия не могла противодействовать завоеваниям могущественного Ванского царства и начала терять область за областью. Ассирия в первой половине VIII в. (время царствования Ададнирари III, Салманасара IV, Ашурдана III и Ашурнирари IV) находится в состоянии экономического и политического упадка.

В результате всего этого главенствующее положение в Передней Азии перешло от Ассирии к Урарту.

---

[45] УКН, 1954, № 1, стр. 227; Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, стр. 210.

[46] Рецензия И. М. Дьяконова на книгу Г. А. Меликишвили «Наири-Урарту» в журнале ВДИ, 1956, № 2, стр. 69—71.

ГЛАВА VI

УРАРТУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VIII ВЕКА

Сардури, сын Аргишти

В 1916 г. экспедиция Русского археологического общества раскопала на южном склоне Ванской скалы две ниши с площадкой перед ними. В западной нише, верхняя часть которой с клинообразной надписью царя Сардури, высеченной на стене, была известна уже давно, И. А. Орбели обнаружил большую стелу на постаменте с текстом летописи Сардури, сына Аргишти (УКН, № 155). Слева от этой ниши была открыта вторая ниша, по размеру несколько меньшая, оказавшаяся пустой, но гнездо в полу для закрепления постамента свидетельствовало, что и в ней находилась стела с клинописным текстом[1].

Судя по расположению ниш, можно предполагать, что начало текста летописи Сардури находилось именно на отсутствующем памятнике.

В церкви Сурб-Погос, в Ване, еще Лэйардом были обнаружены два камня верхней части стелы с клинописным текстом Сардури, сына Аргишти, занимавшим все четыре грани стелы[2]. Вероятно, они и являются верхней частью памятника, некогда стоявшего в восточной нише (УКН, № 156). В надписи из церкви Сурб-Погос оказался и начальный текст летописи: «Богу Халди, владыке, эту надпись Сардури, сын Аргишти, воздвиг». Далее помещено указание о принесении в жертву овец богу Халди и божеству царя Сардури и обычная формула проклятия тем, кто уничтожит, повредит или же себе припишет надпись.

От описания событий первого года сохранилась только фраза о вступлении на престол: «Сардури, сын Аргишти, говорит: когда бог Халди дал мне царство, я воссел на отцовское царственное место». К первому году царствования Сардури II относится также текст, высеченный на стене западной ниши, позади стелы, общий смысл которого остается еще не понятным. Он начинается с фразы о вступлении Сардури на престол,

---

[1] Н. Я. Марр и И. А. Орбели, *Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван*, Пг. 1922; M. V. Tseretheli, *Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu* (SPAW, V, 1928).

[2] До экспедиции Леман-Гаупта была известна лишь одна сторона камня AI, так как камень находился в кладке стены церкви.

после чего идет перечисление колесниц, коней, воинов, скота, оружия, зерна, масла, меди и рабов.

По мнению Г. А. Меликишвили, надпись эта, возможно, является царским декретом, освобождающим определенные категории населения Урарту от некоторых государственных обязательств в отношении комплектования и снабжения войска[3].

На оборотной стороне стелы сохранился сильно разрушенный текст о походе урартов на запад, за Евфрат, в страну Мелиту. В нем рассказывается о тех же событиях, что и в надписи Сардури II на скале у сел. Изоглу, недалеко от сел. Кюмюр-хан (УКН, № 158). В надписи отмечается победа над Хиларуади, сыном Шаху, царем страны города Мелита (Мелиталхи), с которым воевал и Аргишти I. В надписи говорится о захвате и разгроме нескольких стран и городов и среди них города Сасини, царского города Хиларуади, и о добыче, состоявшей из 50 боевых колесниц, золота, серебра и скота. Побежденный царь был пощажен при условии выплаты дани. Кроме того, к Урарту были присоединены девять городов частью на левом берегу Евфрата (Тумушки), а частью на правом (Мелуиани).

На боковых гранях обломков стелы из церкви Сурб-Погос сохранились еще два разрозненных текста. Один из них, на левой грани, содержит рассказ о походе против страны Рихима и города Хура[4]. Второй текст вызывает настолько большой интерес, что я привожу его полностью: «Бог Халди выступил, своим оружием победил он Мурини, царя страны Уеликухи, победил он Циналиби, племени Луеху, царя страны города Тулиху, победил он Ашурнирари, сына Ададнирари, царя Ассирии, победил он страну Арме, победил он страну царского города Нихириани, поверг их перед Сардури, сыном Аргишти. Сардури говорит: выступил я против страны Уеликухи, завоевал я страну полностью, за один день захватил я ее, крепости разрушил, города сжег...» В этом тексте сведения о победе над Ассирией стоят в одном ряду со сведениями о завоеваниях в странах Закавказья. Ассирия уже не в силах активно бороться против Ванского царства. Ассирийская царская династия постепенно выпускает из рук то, что завоевали Ашурнасирпал II и Салманасар III. В Хорхорской летописи рассказывается о поражениях, нанесенных урартами ассирийским войскам; из приведенного текста Сардури II мы узнаем о его победе над ассирийским царем Ашурнирари, который назван сыном Ададнирари (в действительности он был сыном Ашурдана). Ванское царство, одерживая победы над Ассирией, распространило свое господство не только в северной Сирии, но и в районе верхнего течения р. Тигр. К этому району относились страна Арме (Урме) и страна города Нихириа. Вероятно, страна Арме находилась между Арацани и Тигром и граничила со страной города Нихириа, название которого близко к имени древнейшего армянского города Нефер (Непер, Непер-керт), где был построен Тигранакерт[5]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Н. Адонц[6], разбирая топонимику этого района, отмечал доармянскую основу термина *Нефер*. Против локализации страны Арме и страны города Нихириа, предложенной автором этой книги, выступил Я. А. Манандян[7]. По его мнению, страна Арме находилась далеко на юго-западе от Тигра и относилась к арамейским странам. Придется поэтому разобрать данные ассирийских источников, на основании которых сделаны два противоположных вывода. Оба текста Ашурнасирпала II (АВИУ, № 23, 26), на которые ссылается Я. А. Манандян, не дают точной локализации страны Аруму (Уруму), но в обоих случаях эти названия стоят рядом со страной Наири, и порядок их перечисле-

[3] УКН, 1953, № 3, стр. 193.

[4] Возможно, название этого города встречается и в ассирийских источниках как город в северной Месопотамии (АВИУ, № 1, примечание 9).

[5] Б. Б. Пиотровский, *О происхождении армянского народа*, Ереван, 1946, стр. 9.— Другого мнения придерживается С. Т. Еремян [см.: С. Т. Еремян, *Племенное объединение армян в стране Арме-Шуприа* («Историко-филологический журнал», 1958, № 3), стр. 41—58].

[6] Н. Адонц, *Армения в эпоху Юстиниана*, СПб., 1908, стр. 6—7.

[7] Я. А. Манандян, *О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении*, Ереван, 1956, стр. 135—141.

ния отводит их дальше от Ассирии. Определенные данные о стране Урме (Арме) содержатся в урартских источниках, например в надписи Менуа из Муша (УНК, № 40, 41), отмечающие территориальную близость страны Урме и города Кулимери, хорошо известного по ассирийским клинописям. Хеттские источники, в которых упоминается город Нихриа[8], не дают определенных оснований для локализации этого города. Но судя по тому, что Хаттушил III предпринял два похода на Ассирию, один из города Алатарма в стране Ишува, а другой из города Нихриа (город Нихриа также надо отнести к территории за пределами Ассирии, т. е. к северу от р. Тигр). Наконец, надпись на одной из стел в Ашуре — «Стела Ашуршезибани, туртана, наместника области города Ниневии, наместника области Кутмухи, наместника области Нихриа...» (АВИУ, № 40) — еще раз указывает на то, что Нихриа находилась дальше от Ассирии, чем область Кутмухи, расположенная к югу от Тигра и севернее гор Кашиари. Таким образом, следует думать, что страна Арме и страна города Нихриа находились близко к стране Шуприа, по непонятной причине не упоминаемой в урартских клинописях, хотя этот район был чрезвычайно важным в урарто-ассирийских взаимоотношениях. Возможно, гористость его способствовала успеху живших там племен в борьбе за самостоятельность.

При Сардури II продолжалось расширение урартских владений в Закавказье, начатое Аргишти I. В приведенном выше тексте рассказывается о победе над Мурини, царем страны Уеликухи, расположенной на западном побережье оз. Севан, в районе современного Нор-Баязета, и над Циналиби, царем страны города Тулиху, лежавшей южнее Уеликухи.

На скале у сел. Атамхан еще в 1863 г. была открыта клинообразная надпись Сардури, поступившая позднее в Кавказский музей (ныне Музей Грузии) в Тбилиси. В ней рассказывается о факте, упомянутом также и в тексте на обломке стелы из церкви Сурб-Погос в Ване: «По приказу бога Халди Сардури, сын Аргишти, говорит: город Тулиху, царский город Циналиби племени Луеху, в битве я взял, царя, мужчин и женщин я увел. Дошел до страны Удури — Эти[у]ни».

При археологическом обследовании Севанского района нам, по-видимому, удалось установить местоположение города Тулиху. Остатки этого укрепленного города находятся на низменном берегу озера, недалеко от шоссе, примерно между десятым и одиннадцатым километровыми столбами от Мартуни.

Невысокий крепостной холм является наиболее крупной возвышенностью на ровном берегу озера между селениями Атамхан и Эранос. Несмотря на то что крепость плохо сохранилась, все же можно проследить с северо-восточной ее стороны две линии ограждений, опоясывавших довольно широкие террасы, опускавшиеся к озеру. Обнаружены также участки стены, окружавшей площадку крепостного холма. Стены внешних ограждений сохранились в виде кладки в один ряд больших каменных глыб, стена же площадки холма представляет обычную для крепостей урартского времени кладку из двух рядов камней с завалом между ними[9].

Г. А. Меликишвили полагает, что на стеле, куски которой сохранились в Сурб-Погосе, были описаны события примерно тринадцати лет царствования Сардури, продолжение текста этой летописи за один год было перенесено на восточную стену западной ниши[10], а дальнейшее повествование о годах правления было помещено на дошедшей до нас стеле с постаментом, содержащей 265 строк клинописного текста. Трафаретная формула: «Для бога Халди я эти подвиги за один год совершил»— позволяет безошибочно разделить всю летопись по годам. К сожалению, поврежденность верхней

---

[8] Г. А. Капанцян, *Хайаса — колыбель армян*, Ереван, 1947, стр. 112, 193, 198.

[9] Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, *Крепости Армении доурартского и урартского периода* («Проблемы истории материальной культуры», 1938, № 5—6), стр. 58.

[10] Возможно и другое предположение, по которому на стене высечен текст, не поместившийся на стеле и постаменте западной ниши. В нем описываются походы в страны Мана, Бабилу, Арме и в Закавказье.

части стелы нарушает изложение, так как описание событий одного и того же года находится иногда в разных столбцах. Г. А. Меликишвили установил следующий порядок расположения текста, аналогичный порядку расположения летописи Аргишти I на стеле из церкви Сурб-Саак: лицевая сторона — оборотная сторона — левая грань — правая грань. Такой порядок последовательности не соответствует изданию летописи Н. Я. Марром, который ее начало видел на левой, узкой грани, исходя из того, что на оборотной стороне упоминается третий поход в страну Эриахи. Такой порядок чтения надписи был бы верным лишь в том случае, если бы мы первым походом в Эриахи признали поход, описанный на левой, узкой грани. Но нельзя считать исключенной возможность того, что сведения о первом походе в Эриахи находились в отбитой верхней части памятника или же на стеле восточной ниши.

Привожу изложение событий летописи Сардури II в той последовательности, которая была предложена Г. А. Меликишвили, учитывая, что годы летописи не совпадают с годами правления царя.

В тексте I года летописи рассказывается о походе в страну Кулха, о победе над Хахани, царем страны Хушаалхи, и о походе в закавказскую страну Абилианихи. Из побежденных стран было пригнано много пленных и большое количество крупного и мелкого рогатого скота (II, 1—16).

Во II год Сардури снова снарядил походы в страну Эриахи и Абилианихи. «Бог Халди выступил, своим оружием победил он царя страны Эриахи, победил он страну Абилианихи, поверг их перед Сардури, сыном Аргишти» (II, 19—22). «Сардури говорит: выступил я в страну Эриахи, захватил Эриахи, страну в один день покорил» (II, 25—27). После разгрома Абилианихи местный правитель сдался на волю урартского царя, о чем летопись говорит следующими словами: «Пришел Мурини Абилианихский, обнял Сардуровы колени...» (II, 36—38).

В III год был совершен поход на северо-запад от Урарту против Рашуни, царя страны Руишиани, и Диуцини, царя Иганни (II, 49—53).

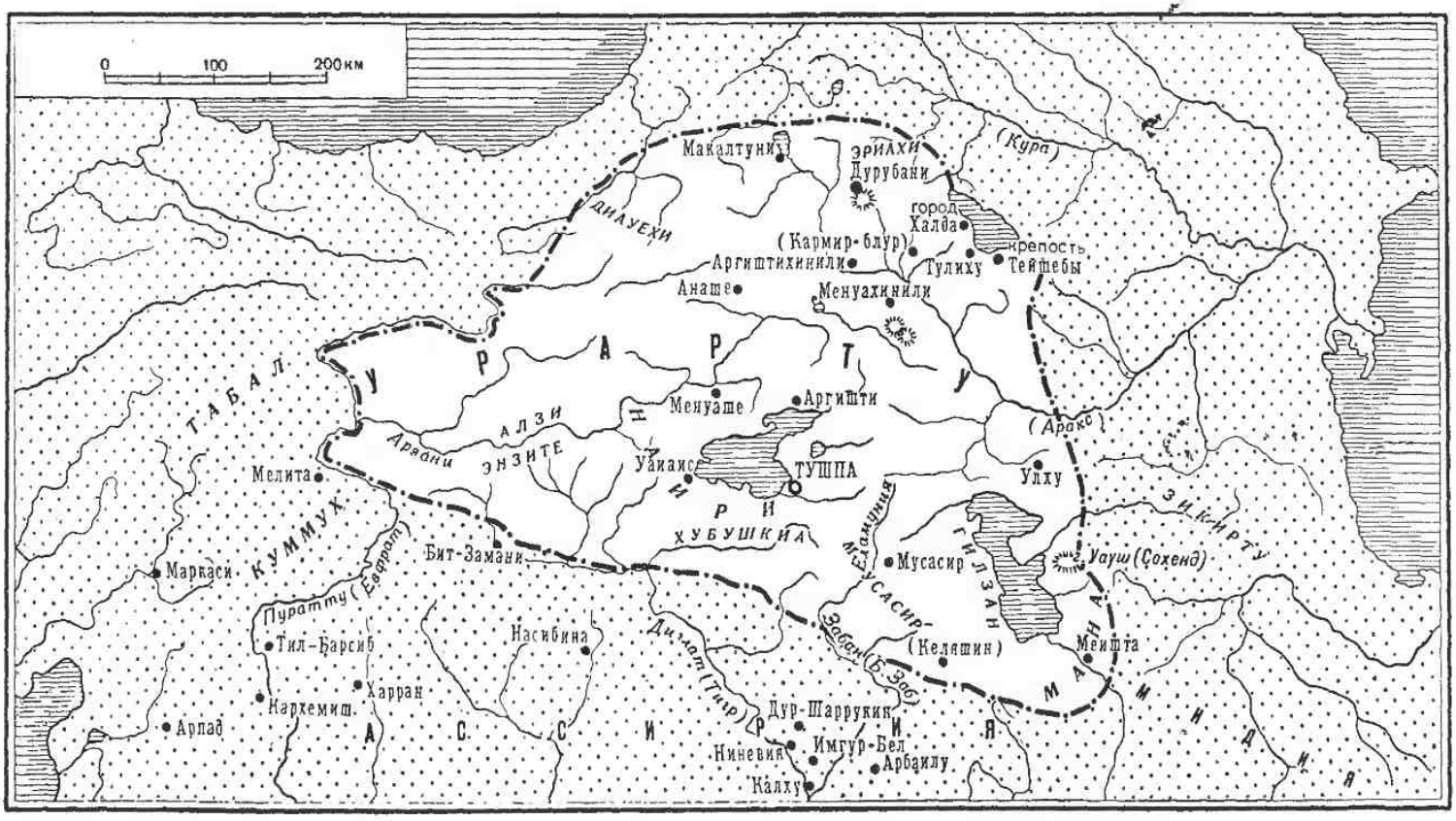
В IV году был снаряжен поход в страну Пулуа и в третий раз — в страну Эриахи: «Сардури говорит: в том же году третий раз направился я в страну Эриахи, страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил, мужчин и женщин угнал в Биайну, крепости там построил, страну в мою страну включил. Богу Халду великому Сардури говорит: пленными там сделал я, 6436 мужчин там я взял, 14 443 женщин угнал, всего 21 989 человек, некоторых убил, некоторых живыми увел. 1613 коней, 115 верблюдов, 16 529 голов крупного рогатого скота я угнал, 37 685 овец я угнал» (IV, 19—33).

В V год летописи Сардури был занят войной на западе, против Кушташпи, царя страны Куммух. Поход этот окончился успешно, Сардури удалось склонить Кушташпи на свою сторону и получить от него богатые дары: 40 мин (около 20 *кг*) золота, 800 мин серебра, ткани и большое количество бронзы (IV, 36—57).

В VI год были совершены походы в страны Мана, на юг от оз. Урмия, и в Эриахи, к северу от горы Арагац. «Сардури говорит: затем направился я в страну Мана, страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил[11], мужчин и женщин угнал я в Биайну. Город Дарабани, крепость укрепленную их, в битве захватил я, людей (отряд) там оставил я, страну в мою страну включил. В том же году затем направились войска в страну Эриахи, страну они захватили, поселения сожгли и разрушили, страну опустошили, мужчин и женщин в Биайну угнали. Халду великому Сардури говорит: всех (?) людей пленными там я сделал, 3225 мужчин там я взял, 4928 женщин, всего 8153 человека. Некоторых я убил, некоторых живыми увел, 412 коней, 6665 голов крупного рогатого скота, 25 735 овец я захватил» (I, 12—49).

К VII году относятся походы в страны Кулха и Уихи-рухи. Сардури жестоко расправился со страной Кулха, оказавшей ему упорное сопротивление. В побежденной

[11] Буквально «сожрал», так как в других местах текста этот глагол передан идеограммой рта.



Урартское государство в середине VIII в.

стране были сожжены не только поселения и крепости, но и люди. На развалинах и пепелище страны Кулха Сардури установил свои победные стелы (III, 5—15).

В VIII год был совершен поход в Закавказье, в район оз. Севан, где в стране Уедури-Этиуни покорены цари Аркукини, Каамни и Луеруни (III, 45—53).

События IX года изложены в тексте на постаменте стелы. Там упоминаются походы на северо-запад, в страны Куриани и Игани, причем царем Игани назван уже не Диуцини, упоминаемый при описании событий IV года, а Капурини. К IX году относятся и походы в Закавказье, а именно — в страны Абилианихи, Эриахи и Уеликухи, имя правителя последней страны — Нидини (V, 19—21). Осенний поход этого же года был направлен в Севанский район, в страны Аркукини, Адахуни, Луипруни, Эшумал, Каамни, Кухаалбани, Ухунини и Териани (V, 21—26).

Данные приведенной летописи отчетливо показывают, что при Сардури II, продолжавшем политику своего отца Аргишти I, территория государства Урарту расширяется, а его мощь возрастает; Урарту занимает ведущее положение среди стран Передней Азии. Урарты совершают походы на запад — в северную Сирию, в страны Мелита и Куммух. После присоединения к Урарту девяти городов, среди которых назван и город Тумишки (Томиса), р. Евфрат становится укрепленной западной границей Урартского государства. Таким образом, Ванское царство захватывает в свои руки основные транзитные пути средиземноморской торговли.

Продолжалось закрепление урартской власти и в горной местности, к юго-востоку от оз. Ван, в районе Шуприи. Летопись отмечает покорение страны Арме и страны города Нихириани. На северо-западе своего государства Сардури II вел борьбу с Игани и Куриани. Много внимания было уделено и странам, лежащим к юго-востоку от центра Урарту, в приурмийском районе. Упоминаются походы в страну Мана и Бабилу, близлежавшую к стране Баруата. Бабилу находилась к югу от оз. Урмия, и И. М. Дьяконов, полагая, что это урартское слово связано с названием «Вавилония», относил эту страну к долине р. Диала, где находилась к тому времени страна Намру. Продолжалось также освоение и присоединение к Ванскому царству и южных областей Закавказья [12].

Крупной военной крепостью при Сардури II оставался город Эребуни, где в 1950 г. была найдена надпись, рассказывающая о постройке закромов вместимостью 5100 капи (УКН, № 164). В Тейшебаини найдено большое количество высокохудожественных бронзовых изделий с именами Сардури I, часть которых ранее хранилась в Эребуни. Из этой крепости урарты направляли свои походы вверх по р. Раздан к оз. Севан.

В Севанском районе урарты подчинили себе западный и южный берега оз. Севан, о чем рассказывают как летопись, так и отдельные надписи, найденные на территории Закавказья. О покорении страны Уеликухи (район Нор-Баязета) мы знаем и из летописи Сардури и по тексту стелы из церкви Сурб-Погос в Ване. Последняя надпись отмечает также покорение города Тулиху, местоположение которого определяется Атамханской наскальной надписью на юго-западном берегу озера.

Летопись Сардури говорит также о покорении нескольких приозерных стран, среди которых находится и страна Аркукини. Эта страна была окраинной на юго-восточном побережье оз. Севан. У современного сел. Цовак, на массиве, перерезающем низменное побережье, расположена древняя крепость, напоминающая по местоположению крепость у сел. Лчашен (Ордаклю). На скале, под древней крепостью, находится клинообразная надпись, рассказывающая о покорении Сардури страны Аркукини [13].

Крепость у сел. Цовак представляет характерный образец сооружений урартского времени в Закавказье [14], но выделяется своими крупными размерами.

---

[12] АВИУ, № 3, стр. 298, примечание 20.

[13] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья* (МАК, V, 1896, № XV).

[14] Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, *Крепости Армении доурартского и урартского периода*, стр. 56.

Около крепости находится большой курганный могильник, материал из которого нам известен по раскопкам Е. А. Лалаяна в 1906 г.[15]. На террасе, ниже крепостной площадки, и в балке имеется ряд земляных курганов с каменными склепами.

Материал из раскопок у Цовака, хранящийся в Музее Грузии в Тбилиси, принадлежит разным эпохам, но в основном он датируется второй четвертью I тысячелетия, представляя близкую аналогию материалу, добытому Э. Реслером, В. Бельком и А. А. Ивановским в Азербайджане и Ж. де Морганом и Н. Я. Марром в Армении.

Надпись у Цовака территориально является наиболее восточной из известных урартских клинообразных надписей в Закавказье, но это обстоятельство не дает нам основания считать Цовак пределом урартских походов при Сардури. Летопись в нише Ванской скалы содержит ряд географических названий, связанных с Севанским районом, местоположение пунктов, носивших эти названия, мы не можем определить.

Из Аргиштихинили урарты совершали походы на север, в частности в страну Эриахи, но на этом пути клинообразные надписи Сардури, сына Аргишти, не обнаружены. О победе над Эриахи в летописи рассказывается следующее: «Сардури говорит: выступил я против Эриахи, завоевал я страну Эриахи, за один день захватил. Потаенные склады (?), которые создали отец и дед, и где богатство (?) был собрано, чтобы никогда цари другие не захватывали,— по господнему велению бога Халди я сто (?) пятьдесят потаенных складов (?) завоевал, увел в плен мужчин и женщин». Возможно также, что в страну Эриахи урарты проникали с запада, через побережье Чилдырского озера, на берегу которого была открыта клинопись, рассказывающая о захвате Сардури города Макалтуни страны Ухиме, города, упоминавшегося еще в Хорхорской летописи Аргишти. К оз. Чилдыр урартские войска могли двигаться также и из страны Диауехи, где власть урартов была довольно крепкой; через эту страну лежал путь урартских походов на северо-запад и в восточную Каппадокию.

Во времена Сардури урартским административно-хозяйственным центром в Закавказье оставался Аргиштихинили. Из района Армавирского холма происходят шесть клинообразных надписей строительного и культового характера с именем Сардури, сына Аргишти. В них отмечается постройка крепостей, храмов, разведение виноградников, сооружение стел с культовыми надписями («ворота бога Халди») и приношения жертв. По этим надписям, Аргиштихинили представляется урартским центром, жившим полнокровной жизнью.

Вместе с тем интенсивная строительная деятельность проводилась и в центре государства. Сохранились надписи о постройке закромов около Вана (УКН, № 163) и около Патноца (УКН, № 163) и о разведении виноградника на севере от оз. Ван, названного именем царя (УКН, № 167). Все это говорит о больших богатствах, скапливавшихся в центре Урартского государства.

В середине VIII в. Ванское царство находилось в расцвете своего могущества, и Сардури, сын Аргишти, носил титулы царя «страны стран» и «царя царей». В это время господство Ванского царства в Передней Азии не встречало противодействия.

Походы Тиглатпаласара III против Урарту

В начале второй половины VIII в. положение дел в Передней Азии изменяется. В 745 г., после восстания в Калху, на ассирийский престол вступил Тиглатпаласар III. Произведя реорганизацию армии, значительно усилившую мощь ассирийского войска, Тиглатпаласар приступил к восстановлению прежних границ Ассирии и к возврату потерянных владений.

Естественно, Ассирию особенно тревожило Ванское царство[16] и в первую очередь укрепление урартов в северной Сирии, через которую шли все торговые сношения

[15] „Ազգագրական Հանդես“ («Этнографическое обозрение»), XV, 1907, եջ 165—206.

[16] Б. Б. Пиотровский, *Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э.* (ВДИ, 1939, № 1 [6]), стр. 65

с Малой Азией. Можно проследить все этапы усиления урартского влияния в северной Сирии с целью захвата основных узлов транзитной торговли (особенно железом) и изоляции Ассирии[17]. Этот процесс вторжения Урарту в северную Сирию, начавшийся при Менуа и особенно усилившийся во времена Аргишти I и Сардури II, т. е. в первой половине и середине VIII в., совпал с сильным экономическим и политическим упадком Ассирии. Урартам в это время удалось создать военный союз Урарту и сирийских стран, направленный против Ассирии.

Северная Сирия как центр транзитной торговли была жизненно нужна Ассирии: без восстановления ассирийского влияния в Сирии возрождение Ассирийского государства было бы непрочным. Это отлично сознавал Тиглатпаласар.

По дошедшим до нас ассирийским перечням событий[18] мы знаем, что в III год своего правления, т. е. в 743 г., Тиглатпаласар двинулся в северную Сирию, к городу Арпаду, и одержал победу над урартским войском. Следующие три года он был занят укреплением ассирийской власти в Сирии, после чего стал готовиться к походу на Урарту, который и осуществил в 735 г.

/Сведения о войне Тиглатпаласара с урартами имеются в его анналах, в двух надписях из Нимруда и в тексте на глиняной табличке Британского музея[19]/

Анналы дошли до нас в сильно разрушенном состоянии, так как большинство камней с текстом было использовано при постройке дворца Асархаддона, причем поверхность камней с клинописью подвергалась отеске. Это весьма затруднило установление последовательности частей текста, вырезанного на отдельных камнях[20]. Изложение событий в надписях Тиглатпаласара группируется в большинстве случаев не по годам, а по отдельным областям, что затрудняет решение вопроса, к какому году (743 или 735) относятся сообщаемые ассирийскими текстами сведения о военных действиях ассирийцев против урартов.

Текст анналов, в котором рассказывается о победе Тиглатпаласара над Сардури следует, по-видимому, датировать 734 г. Там сообщается о союзе Сардури с четырьмя сирийскими князьями: Матиилу из страны Агуси, Суламалом, князем Мелиты (район Малатьи), Тархулара из Гургума (Мараш) и Кушташпи из Куммуха (Коммаген), упомянутом в летописи Сардури в нише Ванской скалы. Далее говорится о победе над этой коалицией и захвате огромного числа пленных, которые были уведены в Ассирию. Сам Сардури бежал под прикрытием ночи, и Тиглатпаласар преследовал его только до границ Урарту, до моста (точнее переправы) через р. Евфрат. В анналах перечисляется богатая добыча, захваченная в урартском военном лагере, среди которой находились походное ложе урартского царя, его драгоценности, кольцо-печать и царская колесница[21].

В надписях из Нимруда (I и II) рассказывается о союзе Сардури с Матиилу и о поражении урартов в местности между Киштан и Халпу (области страны Куммух). В одной из надписей (II) сообщается, что Сардури после разгрома своего войска спасся бегством. «Весь его стан я отнял у него, горечи оружия моего он убоялся, и, ради спасения своей жизни, на кобыле ускакал он и ночью бежал на недоступную гору Сибан (или Сиху)» (АВИУ, № 43). Указание на то, что урартский царь ускакал на кобыле, является, по-видимому, насмешкой над воином, потерявшим своего боевого коня[22].

---

[17] P. Rost, *Die Keilschrifttexte Tiglat-Pilesers III*, Leipzig, 1893, S. XII; A. Ungnad, *Eponymen* («Reallexikon der Assyriologie», II, 5, Berlin, 1938), S. 430, 431.

[18] Все надписи приводятся в указанной книжке Роста; кроме того, надпись из Нимруда (I) и текст глиняной таблички опубликованы Шрадером в серии «Keilinschriftliche Bibliothek», II, 1890, S. 2, 8.

[19] E. Schrader, *Zur Kritik der Inschriften Tiglat-Pilesers II* («Abhandl. d. Königl. Akad. d. Wissensch.», 1879) (отдельный оттиск, 1880).

[20] С. М. Бациева, *Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию* (ВДИ, 1958, № 2), стр. 18.

[21] P. Rost, *Die Keilschrifttexte Tiglat-Pilesers III*, S. XII.

[22] C. F. Lehmann, *Tiglat-Pileser III gegen Sardur von Urartu* (VBGAEU, 1896), S. 321.

Далее рассказывается о походе ассирийцев в Урарту и об осаде цитадели города Туспы (Турушпы), в которой отсиживался Сардури. «Сардури урарта в Турушпе, его главном городе, я запер, большое побоище устроил перед городскими воротами, изображение моего величества установил я напротив города».

Разгромив город у Ванской скалы, Тиглатпаласар направился в глубь Урарту и прошел страну «сверху донизу», не встретив сопротивления. «60 беру пути по обширной стране Урарту сверху донизу победоносно я прошел и не встретил соперника. Страны Уллуба и Хабху, расположенные у подножия горы Нал, я завоевал целиком и включил в границы Ассирии. Изображение моего величества я установил в стране Кулимери; в стране Уллуба я построил город и назвал его имя —Ашурикиша» (АВИУ, № 43). В конце описания похода в Урарту сообщается, что несколько урартских крепостей (поселений) и р. Каллама были присоединены к провинции ассирийского туртана, а частью — и к стране Наири [23].

По-видимому, в обоих текстах из Нимруда рассказывается о событиях 735 г., но вполне возможно, что они содержат сведения о войне ассирийцев с урартами сразу за два года (743 и 735). В научной литературе существуют различные мнения относительно маршрута похода Тиглатпаласара в Урарту.

Бельк полагал, что ассирийская армия двигалась прямо из Ассирии, и считал возможным два пути: первый — из Ниневии или Каляху по Большому Забу до Джуламерка и далее до Башкала, а оттуда по урартской военной дороге в Ван; второй — из Джуламерка, через Били — Мерване — Шатах и Мукус, к южному берегу оз. Ван.

Но Леман-Гаупт справедливо возражал Бельку, говоря, что путь, восстанавливаемый Бельком, очень труден и почти невозможен для продвижения войска, и считал, что Тиглатпаласар двигался в Ванское царство с запада. На это указывают и ассирийские тексты, в которых страны перечислены в последовательности завоевания, начиная с города страны Энзите (район истоков Тигра). По всей видимости, опорой для походов в Урарту был город Арпад [24].

Мы очень мало знаем о конце царствования Сардури. Я думал раньше, что установление летописи Сардури в нише Ванской скалы следует отнести ко времени после 735 г.[25]. Но это предположение подвергается сомнению в связи с тем, что в летописи упоминается подчинение царя Куммуха Кушташпи, а это могло произойти только до 743 г.

Можно полагать, что летопись Сардури, охватывающая события с самого начала его царствования, была написана на двух стелах, причем летопись о первых годах была установлена в восточной нише, а о последующих — в западной. На стеле, открытой И. А. Орбели, нет описаний походов в Ассирию, совершенных в первой половине царствования Сардури, и отсутствуют описания тех событий, о которых рассказывается в обломке стелы из церкви Сурб-Погос, несомненно, относящейся к началу правления Сардури, на что указывает имя ассирийского царя Ададнирари. Выше я уже писал о том, что обломки стелы из церкви Сурб-Погос являются частями памятника, находившегося в восточной нише.

Трудно сказать, кем и когда была разрушена стела восточной ниши. Возможно, она была разбита ассирийцами при осаде Ванской цитадели, так же как урарты после снятия осады до основания уничтожили рельеф с изображением Тиглатпаласара, который был высечен на скале около Туспы, о чем рассказывает ассирийская летопись.

Военные успехи Тиглатпаласара нанесли серьезный удар Ванскому царству и привели к тому, что при ослаблении центральной урартской государственной власти от Урарту стали отпадать области, входившие в его состав, и преемнику Сардури, Русе, пришлось заново собирать земли Урарту.

---

[23] E. Klauber, *Assyrisches Beamtentum nach Briefen der Sargonidenzeit*, Leipzig, 1910.
[24] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 77.
[25] Б. Б. Пиотровский, *Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э.*, стр. 67.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению истории Ванского царства, следует кратко остановиться на характерных чертах государств Передней Азии I тысячелетия. В первую очередь следует отметить крайнюю непрочность государственных объединений и неустойчивость их границ. Эта особенность, присущая всем государствам древнего Востока, проходит красной нитью через всю историю Урарту.

Естественное разделение труда между отдельными районами, особенно между горными и низменными областями, очень рано привело в Передней Азии к широкому междуобщинному обмену, а затем к развитой торговле.

В начале III тысячелетия в Каппадокии существовала аккадская торговая фактория, и купцы, отлично знавшие караванные пути, предлагали Саргону I свои услуги в качестве проводников его армии, которая доходила до «кедрового леса» и «серебряных гор», т. е. до Ливана и Тавра. В середине III тысячелетия правитель Лагаша Гудеа, как рассказывается в его надписях, доставлял в Шумер строительный лес с гор Амана и диорит для статуй из Аравии, для чего снаряжались специальные караваны.

Передняя Азия начала I тысячелетия была перерезана путями, связывавшими ее отдельные районы, в общих чертах совпадавшими с более поздними караванными дорогами, имевшими немалое значение при возвышении того или иного государства древнего Востока [26].

Сохранились обломки позднеассирийских написанных на глиняных табличках дорожников, составленных, как и арабские дорожники IX—X вв., с указанием расстояний в днях между отмеченными в них местностями [27].

Металл к тому времени (I тысячелетие) стал уже обычным предметом обмена, и в закавказских могильниках встречаются бронзовые браслеты, связываемые по весу с основной древневосточной мерой веса — миной [28]. В могильниках Нагорного Карабаха, который не входил в состав Ванского царства, но был с ним в постоянных сношениях, обнаружены отдельные золотые предметы переднеазиатского происхождения. Так, в Арчадзорском кургане, раскопанном в 1894 г. Реслером, был найден цилиндр из листового золота с изображениями животных. А в Ходжалинском могильнике, откуда происходит агатовая пронизка с ассирийской клинописью, в которой упоминается имя царя Ададнирари, в кургане № 20 был обнаружен золотой обломок в виде головы льва.

На связи Дальнего Востока с Кавказом в начале и середине II тысячелетия до н. э. указывают находки как Майкопского кургана, так и курганов эпохи ранней бронзы в Триалети и Кировакане.

Широкие торговые сношения и междуобщинный обмен обусловливали также частые войны между отдельными областями, во время которых обмен заменялся насильственным захватом. При непрочных политических объединениях война приобретала исключительное значение как своеобразная форма обогащения; куда не мог проникнуть торговец, туда пробирался воин, и ассирийские цари в своих надписях именуются иногда «доблестными героями, открывающими горные пути».

Войны сопровождались походами на дальние расстояния. Во время похода Саргона в 714 г., который по сравнению с другими не может считаться особенно далеким, ассирийская армия прошла около двух тысяч километров. Эти далекие походы совершались не в неведомые страны и никогда не являлись случайными.

---

[26] A. Billerbeck und A. Jeremias, *Der Untergang Nineveh's* («Beiträge zur Assyriologie», III, 1898), S. 174; И. Б. Янковская, *Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы* (ВДИ, 1956, № 1), стр. 28.

[27] B. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I, Heidelberg, 1920, S. 339.

[28] J. de Morgan, *Mission scientifique au Caucase*, I, Paris, 1889, p. 110.

Клинописные ассирийские документы показывают, что походам предшествовали подготовительные работы, в частности наблюдения за действиями противников, о чем свидетельствуют донесения ассирийских разведчиков, направлявшихся во вражеские страны со специальными заданиями.

Эти постоянные войны приносили огромные разрушения, особенно ирригационной системе. Ассирийская литература оставила нам описания опустошений захваченных областей и жестокой расправы с непокорными противниками.

Урарты в этом отношении мало в чем уступали ассирийцам, и в летописях урартских царей постоянно встречается ставшая стереотипной фраза: «страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил, мужчин и женщин увел в Биайну».

Древневосточные источники постоянно отмечают переселение и угон жителей из захваченных областей, особенно четко это отражено в ассирийских источниках как письменных, так и изобразительных. Плененные жители вместе со скотом, а часто и со всем имуществом переселялись на другие места, иногда чрезвычайно удаленные от их родины.

Как использовались такие переселенцы, можно видеть из текста, помещенного на рельефах Ашурнасирпала II: «Древний город Калху, выстроенный Салманасаром, царем Ассирии, моим предшественником, пришел в ветхость и разрушился. Этот город я вновь выстроил и в нем поселил людей, захваченных моей рукой, из стран, которые я победил» [29]. Далее идет перечень местностей, откуда происходят переселенцы. В строительных надписях Синахериба и Асархаддона неоднократно приводятся перечни местностей, где были захвачены пленные, участвовавшие в строительных работах.

Часть пленных уводили в Ассирию в качестве рабов. На рельефах дворца Синахериба имеются изображения носильщиков, выполнявших тяжелую работу по переноске корзин с землей и крупных камней, людей, закованных в кандалы, что указывает на их подневольное положение [30]. И в Урарту, как во всяком раннеклассовом обществе, рабство имело большое значение. До нас дошли сведения о переселении пленных для построек урартских административных центров (города Эребуни в Закавказье).

Урартские письменные источники и археологические материалы содержат мало данных для разрешения основных вопросов социально-экономической истории Ванского царства, но, несмотря на скудость источников, все же работа в этом направлении предпринята и дала уже некоторые результаты [31].

Как и все государства древнего Востока, Урарту было рабовладельческим государством. Это, конечно, не означает, что в Ванском царстве были только рабовладельцы и рабы, безусловно существовали и земледельческие общины, но основная форма эксплуатации была рабовладельческой, а главный источник рабской рабочей силы — военнопленные. Руками рабов возводились величественные, монументальные постройки крепостей, дворцов и храмов, сооружались каналы, обрабатывалась земля государственных хозяйств. На свободное население также накладывались повинности — строительные и военные, часто тяжелые, но все же рабская сила при сооружении тех грандиозных памятников Урарту, которые дошли до наших дней, была основной. Возможно, что вражеские воины, захваченные во время походов, так же как и в Ассирии, включались в урартское войско, хотя Г. А. Меликишвили справедливо указывает на то, что Урарту никогда не достигало такого могущества, такого распространения своей власти, как Ассирия, и не привлекало чужеземцев в свое войско.

---

[29] В. С. Голенищев, *Описание ассирийских памятников Государственного Эрмитажа*, Пб., 1897, стр. 42.

[30] A. Patterson, *The Palace of Sinacherib*, Hague, [S. a.], tab. 34—35.

[31] Г. А. Меликишвили, *Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту* (ВДИ, 1951, № 4), стр. 22; И. М. Дьяконов, *К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту* (ВДИ, 1952, № 1), стр. 90; В. С. Сорокин, *Археологические данные для характеристики социально-экономического строя Урарту* (ВДИ, 1952, № 2), стр. 17; Г. А. Меликишвили, *К вопросу о царских хозяйствах и рабах-пленниках в Урарту* (ВДИ, 1953, № 1), стр. 22.

Во главе Урартского государства стоял царь, власть которого, как во всех древневосточных рабовладельческих государствах, была наследственной, неограниченной и деспотической. В руках царского рода сосредоточивалась и верховная жреческая власть. Царь был собственником больших земельных территорий, его именем назывались крупные центры (не только военные крепости, но и царские хозяйства), долины и виноградники. Члены царского дома также были владетелями земельных участков. Как подтверждение этой мысли можно привести текст, в котором рассказывается о том, что сделал Саргон после разгрома области Армарили, на северо-востоке от оз. Ван. Он «мимоходом пошел на Арбу, население рода Урсы, и на Рийар, поселение Сардури; семь окрестных селений, где были поселены его братья, семья его царственности, и где охрана была сильна,— эти города я разрушил, сравнял с землей, разрушил его святилище».

Храмы и представители знати, которые постоянно обогащались во время войн, имели также крупные хозяйства. В этих хозяйствах рабский труд применялся, вероятно, очень широко. И в данном случае можно провести аналогию с Ассирией. В надписях Асархаддона отмечалось, что он пленных из Шуприи распределил, как овец, между своими дворцами, своими вельможами, занятыми в его дворцах, и жителями Ниневии, Калху, Какзу и Арбеллы. В этом же тексте пишется о том, что беглым, которые оставили своих господ и бежали в Шуприю, он велел отрезать нос, ухо и выколоть глаз, а затем вернуть этих рабов их владельцам. В Шуприи было большое количество и урартских беглых рабов, которых царь этой страны, несмотря на требования урартского царя, не выдавал. После победы над Шуприей Асархаддон вернул их в в Урарту. «Об этих людях я вопрошал, расследовал и дознавался; ни одного беглеца-урарта я не задержал, ни единого не оставил, вернул их в их страну» (АВИУ, № 67).

Частые войны, которые вели урарты, преследовали цель — захват пленных, скота и богатой добычи, а также расширение территории Ванского царства.

Покоренные области обычно включались в состав государства, что в урартских летописях выражалось фразой: «страну в свою страну включил». Описание взятия Мусасира Саргоном заканчивается следующими словами: «Людей области Мусасир к людям Ассирии я причислил, повинности воинские и строительные я наложил на них, как на ассирийцев» [32]. По-видимому, и урартская политика по отношению к завоеванным странам была близкой к ассирийской.

В покоренные области назначался наместник, обычно военачальник, становившийся там полным хозяином; он следил за порядком и принимал меры к своевременной уплате податей и налогов. Таких наместников, называвшихся в урартской клинописи термином «Bêl pehâti», Урартское государство назначало в завоеванные области, ставшие его окраинами. Из текстов нам известно, что урартские наместники направлялись и в те районы, где сохранялся местный правитель. Так, в Мусасире наряду с местным правителем Урзаной был урартский наместник Аналукуну, известный нам по ассирийским текстам. В тех же текстах говорится и об урартском наместнике в стране Алзи.

Система управления на местах и разделение царства на отдельные округи, во главе которых находились наместники, была проведена в Урарту с большой последовательностью, что, несомненно, имело исключительное значение для укрепления Ванского царства. Форрер полагал даже, что реформа административного управления Ассирии, проведенная Тиглатпаласаром III, имела в качестве образца урартское административное управление. Но в целях борьбы с чрезмерным усилением наместников округа Ассирии были меньше по размерам [33]. Дальше мы убедимся в правильности такого деления территории, проведенного Тиглатпаласаром. В Урарту же административные районы были крупнее, и чрезмерно усилившиеся урартские наместники пытались нанести решительный удар царской власти.

---

[32] F. Thureau-Dangin, *Une relation de la huitième campagne de Sargon*, Paris, 1912, p. 65.
[33] E. Forrer, *Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches*, Leipzig, 1921, S. 49.

До Тиглатпаласара III Ассирийское государство делилось на крупные области во главе с наместниками (SAKNU), и только в середине VIII в. в Ассирии была введена система округов во главе с начальниками («Bêl pehâti»), которые в Урарту были известны еще при Менуа (о назначении Титиа правителем одной из областей западной части Ванского царства см. УКН, № 42). Как указывает И. М. Дьяконов, идеограмма наместника, шумерская по происхождению, употреблялась в Вавилонии и в Ассирии в XV—XII вв. По форме знаков урартская идеограмма ближе к вавилонской, оттуда она и была заимствована, так как в Ассирии в X—IX вв., когда формировалось урартское письмо, она не употреблялась [34].

Но все же, несмотря на продуманную организацию государственного управления, окраины Урарту были ненадежны. Там постоянно вспыхивали восстания отдельных племен, объединявшихся в союзы против урартов. О непрочности урартской власти на периферии свидетельствуют неоднократные походы урартов в те области, которые считались уже входящими в состав Ванского царства.

Подвижность непокорных небольших племен очень затрудняла борьбу с ними (когда приходили войска из центра государства для их усмирения, они легко снимались с места и уходили в горы). В ассирийских летописях часто употребляется выражение, что при приближении ассирийцев они «улетали, подобно птицам», или «уплывали, подобно рыбам».

Вполне понятно, что отдельные племена окраинных областей больших государств, приведенные в покорность лишь силой оружия, при ослаблении государственной власти восставали и добивались независимости. В свою очередь эта борьба обусловливала постоянные передвижения отдельных племен, теснимых неприятелем или же теснящих своих соседей.

Кроме того, следует отметить, что большинство переднеазиатских государств, как и Урарту, не имели этнического и культурного единства, их окраины существенно отличались от центральной части. Так, области Закавказья, входившие в состав Урарту, по своей культуре были ближе к другим районам Закавказья, не подчиненным урартам, чем к центральной части Ванского царства.

Указанными особенностями переднеазиатских государств объясняется непрочность и Урартского государства, от которого каждый год то отпадали, то снова присоединялись целые области. Все это делает понятным, почему после поражения, нанесенного урартам войском Тиглатпаласара III, государство Сардури распалось.

Руса, сын Сардури

Наши знания по урартской истории ограничены. Некоторые периоды остаются совершенно неосвещенными, и по существу мы располагаем лишь фрагментами истории Ванского царства. К таким малоизученным периодам истории Урарту относятся последние годы правления Сардури и начало царствования Русы, вступившего на престол около 730 г.

Руса стал царем Ванского царства в тяжелое для Урарту время. Кроме собирания земель, отпавших после 735 г., ему пришлось также вести упорную борьбу с наместниками областей, стремившимися к самостоятельности.

В ассирийском тексте о VIII походе Саргона рассказывается, что в Мусасирском храме находилась статуя Русы с надписью: «С моими двумя конями и моим возничим, моими руками завоевал я царство Урарту» [35]. Издатель этого текста Тюро-Данжен из приведенной надписи сделал заключение, что Руса не был сыном своего предшественника Сардури, а явился узурпатором, основателем новой династии. Он полагал, что

---

[34] И. М. Дьяконов, *Заметки по урартской эпиграфике* (ЭВ, IV, 1951), стр. 111—112.
[35] F. Thureau-Dangin, *Une relation de la huitième campagne de Sargon*, p.63.

царем Сардури, сыном Аргишти, закончилась династия Менуа, и отождествлял Русу I с Русой, сыном Эримена, надписи которого сохранились на обломках бронзовых щитов, найденных при раскопках храма на Топрах-кале.

Леман-Гаупт также считал, что в конце царствования Сардури наступило смутное время и что престол был узурпирован Руса, происходившем из рода Сардури, сына Ишпуини[36]. Однако Леман-Гаупт возражал против отождествления Русы I с Русой, сыном Эримена, как это делал Тюро-Данжен, которому были неизвестны урартские надписи, где Руса I именовался сыном Сардури. Леман-Гаупт считал, что имя отца Русы лишь случайно совпало с именем его предшественника — Сардури, сына Аргишти. Прямое указание на узурпацию Русой урартского престола Леман-Гаупт видел в надписи на статуе Мусасирского храма. Вторым основным доводом Леман-Гаупта в пользу насильственного захвата Русой престола Сардури является перенос царской резиденции с Ванской скалы на отроги горной цепи Зымзым-даг (Топрах-кале).

Все же доводы, приводимые Леман-Гауптом, нельзя признать убедительными. Перенос резиденции урартских царей с Ванской скалы на Топрах-кале вполне естествен, так как при осаде Тиглатпаласаром цитадели города Тушпы поселение около Ванской скалы было, вероятно, основательно разрушено ассирийцами, а сады вырублены. Надпись же на статуе, по-видимому, указывает вовсе не на узурпацию власти, а на собирание областей, отпавших от Урарту при временном ослаблении государственной власти.

Если бы Руса действительно был узурпатором, то вряд ли стал бы он так четко выписывать свое отчество — Руса, сын Сардури, где имя отца совпадало с именем свергнутого им царя, тем более что упоминание отчества не является обязательным для урартских надписей. Кроме того, если бы Руса был незаконным наследником престола, в ассирийских текстах о войнах Ассирии с Урарту была бы непременно отмечена незаконность его власти, как это часто делалось в отношении узурпаторов.

С самого начала правления Руса принужден был принять меры для защиты своего государства от Ассирии. Именно об этом рассказывается в двуязычной надписи на ассирийском и урартском языках, высеченной на стене, установленной на перевале, связывавшем приурмийский район со страной Мусасир.

Привожу выдержки из этого текста: «Руса, сын Сардури, говорит: Урзана, царь города Ардини (Мусасира), явился перед мной. Взял я заботу о пропитании всего его войска. По причине этой милости, богам, по велению Халди, я воздвиг постройки на высокой дороге, для благоденствия царя Руса. Урзану я поставил правителем области, посадил я его в городе Ардини. В том же году я, Руса, сын Сардури, пришел в город Ардини, Урзана на высокий трон своих предков царей посадил меня... Урзана перед богами в храме богов перед мною совершал жертвоприношения... Урзана предоставил мне вспомогательные войска... боевые колесницы, какие имелись; я повел вспомогательные войска и по велению Халди я, Руса, пошел к горам Ассирии, устроил я резню. Вслед за этим Урзана я взял под руку, я позаботился о нем... посадил я его на его место владыки для царствования».

Из приведенной надписи видно, что Мусасир для урартов играл роль не только защитной крепости, но и плацдарма для нападения на ассирийские земли.

Руса продолжал политику Сардури по расширению границ Ванского царства и укреплению государственной власти на окраинах, причем главное его внимание было направлено на Закавказье.

В Закавказье в это время произошли большие изменения. Аргиштихинили, прежде единый административный центр урартского Закавказья, по-видимому, потерял свое значение, так как Закавказье было разделено на несколько округов, во главе которых стояли самостоятельные наместники. В этом и состояли необходимые меры, направленные против роста силы наместников. Из района Армавира (Аргиштихинили) нам изве-

[36] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 1931, S. 461, 685, 855.

стна только одна строительная надпись Русы, сына Эримена, относящаяся ко времени после правления Сардури, сына Аргишти.

Кроме того, в Закавказье Руса I проводил широкую строительную деятельность, не ограничиваясь районом Аргиштихинили, причем вновь выстроенные крепсcти в некоторых случаях становились местом пребывания урартского намсстника.

В Севанском районе имеются две крепости, построенные, согласно связанным с ними клинообразным надписям, урартами, причем нам известны и их названия: одна крепость носила имя бога Халди, а другая — Тейшебы.

Первая из них находится на высокой скале, господствующей над городом Нор-Баязет. На угловом камне из кладки стены этой крепости сохранилась клинообразная надпись следующего содержания: «...Руса, сын Сардури, говорит: царя страны Уеликухи я покорил, рабом я его сделал, из страны я его удалил, наместника («Bêl pehâti») там я поставил, ворота бога Халди и крепость мощную построил, установил имя — город бога Халди» [37].

Название страны Уеликухи, упоминаемой в этой надписи, встречается не только в другой надписи Руса из Севанского района (около Цовинарской крепости), но и в эпиграфических памятниках из центральной части Ванского царства.

Так, в вышеприведенной надписи Сардури из церкви Сурб-Погос в Ване упоминается о покорении Мурини, царя Уеликухи, а в столбце V летописи Сардури говорится о захвате в стране Уеликухи (Уеликуни) двадцати двух крепостей и о подчинении ее правителя Нидини.

На археологической карте Нор-Баязетского района, составленной С. Г. Бархударяном для Исторического музея Армении, отмечен ряд поселений, центральным из которых является крепость у Нор-Баязета. Камень с надписью Русы из кладки стены свидетельствует о том, что сохранившиеся участки стен относятся к урартскому времени.

Значительная по площади крепость [38], имеющая в плане соответственно занимаемому ею массиву вытянутую форму, разделялась поперечной стеной на две части. Восточная часть (над обрывом), меньшая по площади, но обнесенная более мощной стеной, представляла, вероятно, цитадель, в которой находился урартский наместник, заменивший местного правителя.

По всей видимости, «город царский» страны Уеликухи, упоминаемый в летописи Сардури, и есть Нор-Баязетская крепость. Нет достаточных оснований считать «городом царским» крепость, расположенную ниже по р. Гавар, у сел. Кишляг. Эта небольшая крепость (Кишляг), так же как и две другие (Кишляг II, Мртби-дзор), в отношении Нор-Баязетской крепости выполняли лишь защитную роль. Две крепости около сел. Кишляг, расположенные на берегу Гавара, друг против друга, как раз в том месте, где возвышенный массив граничит с прибрежной низменностью, по своим размерам и положению указывают на то, что они не имели самостоятельного значения.

От крепости на правом берегу Гавара сохранились небольшие участки стен, сложенных из крупных каменных глыб.

Левобережная крепость представляет несколько иную картину. В ней, кроме цитадели с довольно хорошо сохранившейся стеной, есть еще внешнее ограждение из крупных камней, не составляющее замкнутой линии. Стены цитадели сложены из двух рядов каменных глыб с завалом из мелких камней между ними. На угловых частях стены, так же как и на прямолинейных ее участках, имеются выступы, как в Нор-Баязетской крепости, наподобие контрфорсов, характерные для урартских построек. Въезд в цитадель находился в ее юго-восточной части.

---

[37] *Գր. Ղափանցյան, Նոր-Բայազետի սեպագիր արձանագրությունը, Գիտության և Արվեստի Ինստիտուտի Տեղեկագիր*, IV- Երևան, 1930, էջ 75—108 (Г. Капанцян, *Клинообразная надпись из Ново-Баязета)*; И. И. Мещанинов, *Халдская надпись из Нор-Баязеда* (ДАН-В, 1928), стр. 168—174; J. Friedrich, *Inschrift des urartischen Königs Rusa I aus Nor-Bajazet* («Archiv Orientální», III, 2, 1931).

[38] Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, *Крепости Армении доурартского и урартского времени*, стр. 51.

Третья крепость, очевидно также связанная с Нор-Баязетской, расположена к югу от нее, у оврага Мртби-дзор, или Мтриби-дзор. По внешнему виду она близка к правобережной Кишлягской. Ограда из больших камней, кладкой в один ряд, закрывает северную и восточную стороны крепостного участка, тогда как с юга и запада естественную защиту создает крутой каменистый склон возвышенности. Около укрепления, у восточной его части, находится ряд погребений с остатками каменного навала и круглого в плане ограждения. Эти погребения были раскопаны Е. А. Лалаяном в 1906 г., во время его работ в Нор-Баязетском районе [39].

Но кроме отмеченных крепостей, связанных с центральным укрепленным поселением, в Нор-Баязетском районе отрыты другие крепости самостоятельного назначения. Среди них выделяется крепость южнее сел. Кулали с хорошо сохранившимся древним поселением.

Не считая все крепости района Нор-Баязета одновременно построенными, вполне возможно основную их часть датировать первой половиной I тысячелетия и относить к древней стране Уеликухи.

Страна Уеликухи, по всей вероятности, занимала долину р. Гавар и прибрежную полосу от древнего монастыря Айраванк и до сел. Башкянд.

Эта небольшая по площади и населению страна, входившая в коалицию приозерных областей, оказывала упорное сопротивление продвигавшимся урартам, на что указывают неоднократно приводимые в урартских надписях сведения о ее покорении.

Вторая урартская крепость, связанная с клинообразной надписью Русы, сына Сардури, находится на южном побережье оз. Севан, между селениями Цовинар и Алучалу [40]. Крепость была сооружена на возвышенности, перерезающей низменный берег озера.

В северной части этой возвышенности, над озером, находится высеченная на скале клинообразная надпись, неоднократно привлекавшая внимание исследователей [41]. Основным изданием этого текста являлось издание М. В. Никольского, пользовавшегося эстампажем, снятым А. А. Ивановским. Все предыдущие издания по копиям Месропа Смбатянца и Белька передавали надпись в крайне искаженном виде.

В 1927. Комитетом охраны древностей Армении была снаряжена экспедиция, снявшая новый эстампаж с этой труднодоступной надписи. Текст надписи по новому эстампажу был переиздан Г. А. Капанцяном и И. И. Мещаниновым, причем чтение надписи оказалось существенно отличным от чтения М. В. Никольского. Передача текста исследователями, работавшими над эстампажем независимо друг от друга, совпадает в основном, но имеет некоторые разночтения, разрешение которых оказалось возможным лишь при дополнительной работе над подлинником.

Надпись у Цовинарской крепости была мною обследована дважды, в 1932 и 1934 гг. В первый раз я сверял копию эстампажа с подлинником, подплыв на лодке, во второй же раз — спустившись на канате сверху. Ныне уровень воды в озере понизился, и к надписи можно подойти посуху. При уходе воды под скалой с клинописью появились древние стены, сложенные из крупных камней.

Неровности поверхности скалы при нанесении клинописного текста не были сглажены и зачастую смущали исследователей, работавших по эстампажу. Надпись сохра-

---

[39] „Ազգագրական Հանդես" («Этнографическое обозрение»), XIV, 1906, кн. 5—37; Е. А. Лалаян, *Раскопки в Ново-Баязетском уезде ССР Армении* («Русский антропологический журнал», XVII, 3—4, 1929), стр. 59.

[40] Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, *Крепости Армении доурартского и урартского времени*, стр. 57; B. Piotrowsky und L. T. Güsalyan, Kyklopische Festungen am Südufer des Sewansees [Сб. кружка по изучению древнего Востока при Государственном Эрмитаже, № I (8), 1933 стр. 39—51].

[41] Впервые надпись опубликована Месропом Смбатянцем в журнале Лазаревского института «Русский вестник», 1863, № 53.—Последующие основные издания: М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья* (МАК, V, надпись № 18); Г. А. Капанцян, *Халдская надпись Руса I из Келанкрана*, Эривань, 1931; И. И. Мещанинов, *Колагранская надпись* («Изв. АН», 1932), стр. 73; И. И. Мещанинов, *Восточное Закавказье времен халдских завоеваний* (ВДИ, 1937 № I), стр. 73.

нилась лучше чем можно было предполагать: сбита средняя часть двух верхних строк и нижняя часть правой стороны текста. Остатки нижних строк во многих местах покрыты известковым налетом, закрывающим некоторые знаки.

Ниже приводится перевод надписи на основании транскрипции текста, полученной при сверке с подлинником трех копий по эстампажу (копии, сделанные Г. А. Капанцяном, И. И. Мещаниновым и автором этих строк):

«Могуществом Халди, владыки, Руса, сын Сардури говорит: я эти страны в один поход подчинил (?), рабами полонил (?) страны Адахуни, Уеликухи, Луерухи, Аркукини; четырех царей с этой стороны озера, а также страны Гуркумели, Шанатуаини, Териуишаини, Ришуаини ...зуаини, Ариаини, Замани, Иркиматарни, Елаини, Ериелтуани, Аидаманиуни, Гуриаини, Ализирани, Пируаини, Шилаини, Уидуаини, Атазааини Ери —...аини, Азамерунини; девятнадцать царей с той стороны озера в горах высоких. Всего двадцать три царя в один год я захватил, мужчин и женщин в Бнайни увел. Во второй год я пришел, построил эти крепости... области... покорил. Эту крепость мощную построил, установил имя — город Тейшебы для могущества страны Биайни и на устрашение вражеских стран» (УКН, № 286).

Над надписью на скале находятся развалины древней крепости, на которую уже давно было обращено внимание. Бельк[42] считал Цовинарскую крепость урартской постройкой, поместив ее в список известных ему образцов ванского строительства.

Самая высокая часть крепостной площадки занята цитаделью, обнесенной со всех сторон стеной, с въездом в северо-западной стене. Кладка стен состоит из двух рядов крупных камней с завалом из мелких камней между ними. Ширина стен достигает 3,2 *м*. Следы сглаживания камней незаметны, видна лишь грубая отеска выступающих поверхностей. Как и для всех известных нам циклопических крепостей Армении урартского периода, сохранившиеся участки стен следует расценивать как основания, на которых возводилась кладка из сырцового кирпича. При разрушении стен крепости обвалившаяся часть сырцовой кладки легко смывалась и тогда обнажалось каменное основание.

На территории крепости, по-видимому, находился и древний могильник, разрушенный местными жителями. Могилы в виде небольших курганов с каменной насыпью или кромлехов, встречаются на холмах к востоку и юго-востоку от крепости. В этих древних могилах найдены две урартские конические печати, поступившие в 1915 г. в Музей армянского этнографического общества [43]. Раскопки в крепости, произведенные в 1934 г. экспедицией Эрмитажа, также дали материал урартского времени.

Надпись Руса, сына Сардури, высеченная на скале под Цовинарской крепостью, представляет большой интерес. Как мы видели, в ней сообщается о покорении двадцати трех стран, разделявшихся на две группы. Первая группа состоит всего из четырех названий стран: Адахуни, Уеликухи, Луерухи и Аркукини. Вполне убедительно предположение, что в первой группе перечислены страны побережья оз. Севан; местоположение двух из них, а именно Уеликухи и Аркукини, определяется бесспорно. Страна Уеликухи занимала среднюю часть западного побережья, а Адахуни — восточную часть южного берега. Если мы допустим, что в Цовинарской надписи перечисляются присеванские страны соответственно движению урартского войска (т. е. с севера на юг по западному побережью и затем с запада на восток по южному), то мы должны будем предположить, что страна Адахуни находилась севернее Уеликухи, в районе сел. Лчашен, а Луерухи — в западной или центральной части южного побережья, так как на юго-западном берегу находилась страна города Тулиху.

Если локализация стран первой группы по Цовинарской надписи не вызывает, в общем, сомнений, то установление местоположения девятнадцати стран, перечисленных во второй группе, встречает серьезные затруднения, так как ни одна из них не имеет

---

[42] W. Belck, *Bauten und Bauart der Chaldir* (VBGAEU, 1895), S. 602.

[43] Б. Б. Пиотровский, *Урарту и Закавказье* (КСИИМК, III, 1940), стр. 33.

достоверного соответствия среди названий, упоминаемых в урартских клинообразных надписях. Уже давно высказывалось предположение, что эти страны находились к востоку от оз. Севан, на территории Азербайджанской ССР; но существует и другое мнение, что все двадцать три страны находились в Севанском районе. Предположение, что девятнадцать стран второй группы находились к востоку от оз. Севан, не вызывает серьезных возражений: со стороны озера нет никаких естественных препятствий для продвижения на восток, вплоть до Нагорного Карабаха, который был связан с Арменией. Но если продвижение урартов на восток от озера представляется правдоподобным, то совсем проблематичным остается вопрос относительно присоединения этих областей к Урарту.

Существует и третья возможность локализации этих девятнадцати стран, а именно — отнесение их к областям Передней Азии, выходившим за пределы Закавказья. В этом случае Цовинарскую надпись надо рассматривать как описание походов, совершенных урартским царем за один год. На допустимость этого предположения указывают некоторые названия стран: Замани (ассир. Бит-Замани), Гуриаини (Куриаини летописи Сардури) и Алзирани (ассир. Алзи).

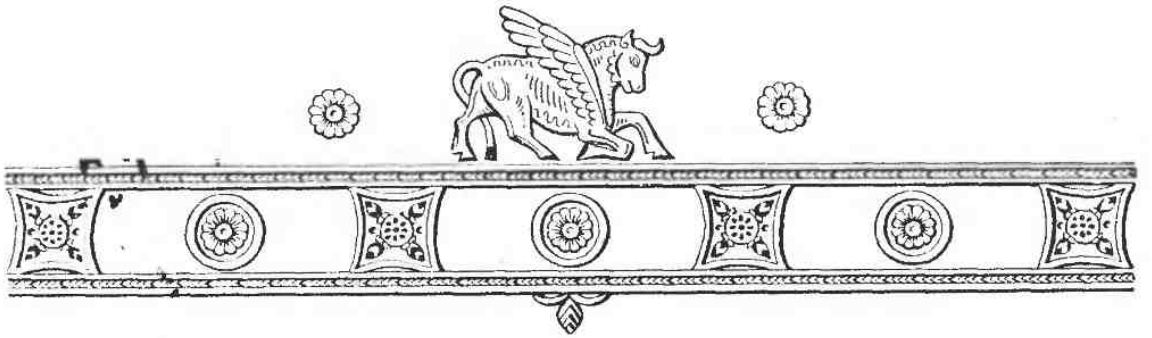
Разумеется, Руса I не ограничивался укреплением своих границ на севере, он вел также упорную и длительную борьбу за влияние в южных от Урарту областях — как в странах Мана, Парсуа так и в странах Мусасир и Наири.

Крайне сложной была обстановка внутри государства Урарту. Руса I вступил на урартский престол в то время, когда после поражения, нанесенного ассирийцами Сардури II, центральная власть пошатнулась, что естественно вызвало усиление наместников отдельных областей Урарту. Они, как это видно по ассирийским источникам, разбираемым в следующей главе, открыто встали на путь борьбы с царем, организуя мятежи, которые Руса успешно подавил. Но внутренняя борьба осложнилась еще внешними условиями — нападением киммерийцев на северные границы Ванского царства, о чем также много сведений дают ассирийские письменные источники, отмечающие поражение урартов.

В трудных условиях внутренней и внешней борьбы старался Руса, сын Сардури, укрепить мощь Ванского царства и, как кажется, в этой деятельности он достиг определенных успехов.

В центре Урартского государства и на окраинах продолжалось строительство, но в силу каких-то причин не в прежних центрах, а на новых местах. Неизвестен пока ни один пункт, где были бы обнаружены надписи Русы I вместе с надписями Аргишти I и Сардури II. Возведение новых построек на Ванской скале, в цитадели Тушпы, в Аргиштихинили, в Эребуни прекратилось. Возникли новые административные центры, а царская резиденция, по-видимому, была перенесена с Ванской скалы на Топрах-кале.

Руса искусно проводил внешнюю политику. Учитывая возрастающую опасность со стороны Ассирии, он избегал открытых столкновений с вновь окрепшим постоянным врагом Ванского царства, но старался обеспечить безопасность границ своего государства путем соглашений с правителями соседних стран или поддержкой сторонников Урарту, возводя их на престол правителей.



ГЛАВА VII

ПОХОД САРГОНА ПРОТИВ УРАРТУ В 714 ГОДУ

Ассирийские летописи, содержащие чрезвычайно важный материал для истории Ванского царства, при всей их торжественности и славословии победам ассирийского войска, очень скупо и сжато, в однообразной, трафаретной форме рассказывают о событиях. По сведениям, приводимым летописями, трудно судить о характере того или иного похода и совсем нельзя представить себе его подготовку и ход военных действий.

Но один из эпизодов военной истории Ассирии известен нам довольно хорошо. Это — поход VIII года правления Саргона, снаряженный в 714 г. в страны, находившиеся к северо-востоку от Ассирии. Упоминание об этом событии часто встречается в ассирийских исторических текстах, а в списках событий по годам отмечено, что в 714 г. происходил поход ассирийцев против страны Урарту и города Мусасира [1].

Давно стали известны изображения, иллюстрирующие этот эпизод истории Передней Азии.

При раскопках, произведенных французским консулом в Мосуле Ботта, в развалинах дворца Саргона — Дур-Шаррукина (совр. Хорсабад) в 1842—1843 гг. были открыты два зала, украшенные рельефами с военными сценами похода 716 г. в страну Мана, к южному побережью оз. Урмии (зал XIV), и похода 714 г. в Мусасир (зал XIII). К сожалению, оба этих зала находились в сильно разрушенной северо-восточной части дворца, и ко времени раскопок Ботта на стенах сохранились лишь отдельные камни с рельефами [2].

Рельефы XIII и XIV залов дворца Саргона известны нам по рисункам Фландена, так как сами памятники частью были оставлены на месте раскопок и засыпаны землей, частью затонули в Тигре при их перевозке во Францию. Рисунки Фландена выполнены чрезвычайно точно и тщательно, и по ним мы в полной мере можем получить представление даже о деталях изображений.

В 1912 г. ассириолог Тюро-Данжен опубликовал текст большой таблички, поступившей в Лувр из частных рук, рассказывающий о событиях, изображенных на стенах

[1] A. Ungnad, *Eponymen* («Reallexicon der Assyriologie», II, Berlin, 1938), S. 433.
[2] P. E. Botta et E. Flandin, *Monument de Ninive*, II, Paris, tabl. 139—147.

3. Саргон. Рельеф из дворца Саргона. (Выс. ок. 40 *см.*)
Туринский музей

XIII зала. 430 строк клинонисного текста[3] в форме реляции богу Ашуру содержат красочное и детальное описание похода 714 г.

Один край таблички был отбит и не поступил в Лувр. Этот недостающий кусок Лувркой таблички был обнаружен среди материалов германской археологической экспедиции, производившей раскопки в городе Ашуре. В 1922 г. текст этой таблички был

[3] F. Thureau-Dangin, *Une relation de la huitième campagne de Sargon*, Paris, 1912. — Далее этот текст будет именоваться Луврской табличкой или текстом Саргона (сокращенно: «Саргон»)

опубликован Мейсснером[4]. Вполне вероятно, что табличка Луврского музея была открыта при раскопках германской экспедицией в Ашуре, но прошла мимо рук немецких археологов.

Детальный рассказ об этом походе Саргона позволил многим ученым заниматься его специальным изучением. Кроме указанной книги Тюро-Данжена и работы Мейсснера, походу 714 г. посвящены две специальные статьи Леман-Гаупта[5], а также работы Пинчеса[6], Олбрайта[7], Вайднера[8], Ригга[9], Райта[10] и Эль Амина[11]. Помимо того, в общих трудах по истории древнего Востока этому походу обычно уделяется много внимания. Кроме фактических сведений о походе, мы располагаем большим количеством совершенно исключительных документов, позволяющих изучать события и отношения Ассирии с соседними странами.

В Ниневии во дворце Ашурбанипала, уже давно был найден клинописный архив, из которого громадное большинство памятников поступило в Британский музей.

Текст большой группы табличек этого архива[12], представляющих письма, в клинописной транскрипции стал известен с 1892 г. благодаря труду Гарпера[13]; перевод их, выполненный Вотерменом, издан в четырех томах[14] в период 1930—1936 гг.

Тексты эти содержали сообщения ассирийских разведчиков и агентов относительно соседних с Ассирией стран, причем большое количество писем касается Ванского царства. Они представляют для нас совершенно исключительную ценность потому, что в них сообщаются такие сведения, о которых ничего нет в других источниках.

На основании их оказалось возможным дать общую характеристику отношений стран Передней Азии в конце VIII и начале VII в. Из числа этих работ следует упомянуть работы Клаубера[15], посвященные политике и культуре эпохи Саргонидов, Форрера[16] о делении Ассирийского государства на провинции и Олмстэда[17], издавшего в 1918 г. книгу о культуре Передней Азии времени Саргона. В своей «Истории Ассирии»[18] Олмстэд специальную главу посвятил табличкам Куюнджикского архива, обратив особое внимание на те, которые касаются взаимоотношений Ассирии с Урарту.

Олмстэд в своих работах датировал все письма, касающиеся Урарту, временем не ранее 710 г., считая, таким образом, что в них рассказывается о событиях после 714 г., а упоминаемый урартский царь не Руса, сын Сардури, а его преемник — Аргишти. С этим мнением, разделяемым многими специалистами по древнему Востоку, трудно согласиться.

Несомненно, значительную часть писем Куюнджикского архива, относящихся к

---

[4] B. Meissner, *Die Eroberung der Stadt Uthu auf Sargons 8. Feldzug* (ZA, XXXIV, 1922), S. 105.

[5] C. F. Lehmann-Haupt, *Musasir und der achte Feldzug Sargons II* (MVAG, XXI, 1916), S. 119—151; C. F. Lehmann-Haupt, *Zu Sargons II Feldzug gegen Urartu, 714 v. Chr.* («Klio», XV, 1918), S. 439—440.

[6] T. G. Pinches, *Sargons eighth campaign* (IRAS, XLV, 1913).

[7] W. F. Albright, *The eighth campaign of Sargons* (JAOS, 35), p. 226—232.

[8] E. F. Weidner, *Neue Bruchstücke des Berichtes über Sargons achten Feldzug* (AO, XII, 3, 1938).

[9] H. A. Rigg, *Sargons eighth military campaign* (JAOS, 62, № 2, 1942).

[10] E. M. Wright, *The eighth campaign of Sargon II of Assyria (714 b. C.)* (JNES, II, 3, 1943).

[11] M. El-Amin, *Notes on the eighth campaign of Sargon II* («Sumer», V, 2, 1949).

[12] Сокращенно: «Письма Куюнджикского архива»; в скобках ставится номер письма по изданию Вотермена.

[13] R. F. Harper, *Assyrian and Babylonian letters belonging to the collection of the British Museum*, I—VIII, 1892—1902 (изданне Чикагского университета).

[14] Leroy Waterman, *Royal correspondence of the Assyrian Empire*, I—IV («University of Michigan studies», XVII—XX, 1930—1936).

[15] E. G. Klauber, *Politisch-religiose Texte aus Sargonidenzeit*, Leipzig, 1931; E. G. Klauber, *Zur Politik und Kultur der Sargonidenzeit* («American journal of semitic languages and literatures», XXVIII, p. 101; XXX, p. 233).

[16] E. Forrer, *Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches*, Leipzig, 1921.

[17] A. T. E. Olmstead, *Western Asia in the days of Sargon of Assyria*, New York, 1918.

[18] A. Olmstead, *History of Assyria*, New York, 1923.

Урарту, следует датировать именно временем борьбы Саргона с урартским царем Русой. Теперь стали известны документы и из самого Калху[19].

После постройки дворца Саргона прежняя резиденция ассирийских царей — Калху — остается резиденцией наследника престола. До нас дошли сводки сообщений ассирийских агентов, составленные для Саргона его сыном Синахерибом. В письме Синахериба (№ 198) прямо говорится о приходе гонцов в Калху, и на этом основании Олмстэд делал вывод, что вся корреспонденция относится ко времени после постройки Дур-Шаррукина и в ней описываются события в Урарту, происходившие при царе Аргишти, сыне Русы.

К сожалению, в информационных сообщениях об урартском царе постоянно говорится без упоминания его имени, но один раз в письме Уппахир-бела Саргону (№ 424) сообщается о прибытии гонца от Аргишти. Казалось бы, что этим все сомнения разъяснены, но в действительности дело значительно сложнее.

На одной из сильно разрушенных табличек (№ 441), на которую не обращалось внимания, явственно читается имя урартского царя Руса в обычной ассирийской транскрипции: *Урса*.

В письмах Куюнджикского архива действительно часто упоминается Дур-Шаррукин, что явилось решающим доводом для датировки Олмстэда, но дело в том, что в группе писем, касающихся Урарту, мы не находим названия Дур-Шаррукин. Среди писем, опубликованных Вотерменом, название дворца Саргона вместе с названием страны Урарту встречается только один раз, в очень непонятном письме (№ 544), имеющем совершенно особый характер.

Правда, упоминание о Дур-Шаррукине встречается в посланиях четырех корреспондентов, сообщавших в других своих письмах сведения об Урарту. Таково письмо Габбуана-Ашура (№ 122), извещающее царя о том, что им вся солома переправлена в Дур-Шаррукин, а также письма Табшар-Ашура (№ 107 и 433), Ша-Ашурдуба (№ 138) и Шулму-бела (№ 890).

Но все они писали царю не один год, и отдельные их письма могли быть написаны через большие промежутки времени. Так, в частности, один из основных агентов, информировавший Саргона о событиях в Урарту, писец гарема Ашуррисуа, нес долголетнюю службу, пережил, по-видимому, самого Саргона и при его сыне Синахерибе впал в немилость.

Среди писем Британского музея есть очень интересное письмо (№ 382) Ашуррисуа, одного из самых деятельных разведчиков ассирийского царя, адресованное приближенному царя: «Второму начальнику, моему господину,— твой раб Ашуррисуа. Привет моему господину. Почему господин мой молчит? Я, как пес, бегаю и молю? Я написал три письма моему господину, почему же господин мой не благосклонен и не пошлет мне ответ? На должность мою, господин мой, пусть я вернусь! Я, который, как сын, бегал (?) для твоего отца, который для тебя... (непонятный текст—*Б. П.*)... Как я писал, господин мой, пусть сделают. Сейчас я написал моему господину, пусть он скорее пошлет ответ на письмо».

В этом письме провинившегося агента говорится о его долголетней службе как самому царю, так и отцу царя. Так почему же мы должны считать, что другие корреспонденты Саргона писали ему в течение короткого времени, и ограничивать всю корреспонденцию, касающуюся Урарту, 710—709 гг., как это делает Олмстэд?

Несомненно, в письмах Куюнджикского архива, имеющих отношение к Ванскому царству, охватывается большой промежуток времени и повествуется о событиях, происшедших в Урарту как при Русе, сыне Сардура, так и при Аргишти, сыне Русы.

Сопоставляя эти письма, мы можем проследить изменения отношений Урарту с другими странами; так, в частности, в письме № 515 страна Зикирту упоминается как союз-

---

[19] H. W. Saggs, *The Nimrud letters*, 1952. IV *The Urartian frontier* («Irag», XX, 2, 158), p. 128—212.

ник Ванского царства, а в письме № 205 нашли отражение совершенно иные отношения урартского царя к Зикирту.

Для датировки писем Куюнджикского архива большое значение имеет заключительная фраза в сводке донесений, составленной Синахерибом (№ 197): «Письмо, которое принес из Табала Набули, начальник дома Ахатабиши, я отправил царю, моему господину». Саргон свою дочь Ахатабиши выдал замуж за царя Табала Амбариса, который в 713 г. восстал против Ассирии, был побежден Саргоном и уведен в плен. Таким образом, это донесение не может быть позже 714 г.[20].

Вряд ли можно отнести ко времени после 714 г. сообщение Ашуррисуа о том, что «манеи восстали в поселениях урартского царя в области морского побережья» (№ 381), так как после похода 714 г., как мы увидим ниже, урарты потеряли власть над страной Мана и вообще над всем южным и юго-восточным побережьем оз. Урмии. Несомненно, другие сообщения в письмах Куюнджикского архива относятся ко времени похода Саргона против Русы. Последнее может быть показано при сопоставлении с другими ассирийскими источниками.

Большое значение для датировки некоторых писем Куюнджикского архива имеют заключительные строки Луврской таблички, содержащей описание похода 714 г., так как они донесли до нас имя автора реляции, участника похода. Это — главный *абаракку* Табшар-Ашур[21], хорошо нам известный по информационным донесениям из архива, где сохранилось 17 его подлинных писем, часть которых касается Урарту. Разве это не является убедительным доводом, что часть куюнджикской корреспонденции относится именно ко времени VIII похода Саргона?

Здесь пришлось более подробно задержаться на вопросе датировки писем Куюнджикского архива потому, что в научной литературе, как указывалось выше, распространено мнение, недостаточно обоснованное.

Следует также указать, что в вопросе о датировке писем этого архива немалую роль при отнесении их ко времени после VIII похода сыграли сведения о неурядицах и смутах в Урартском государстве, которые обычно связывались с положением Ванского царства, создавшимся после поражения, нанесенного ему Саргоном. Но это соображение ни в коей мере не может быть признано убедительным, так как оно продолжает чрезвычайно распространенное представление о конце истории Урарту в 714 г., опровергаемое нами при внимательном изучении последующих ассирийских источников и материалов раскопок на Топрах-кале и на Кармир-блуре.

Из предыдущей главы мы уже знаем, что после нанесения поражения Сардури Тиглатпаласаром урартская государственная власть сильно ослабла и от Ванского царства стали отпадать входившие в его состав страны, особенно на окраинах государства. Русе, вступившему на престол после Сардури, пришлось заново собирать Урартское государство и, кроме того, вести тяжелую борьбу с усилившимися наместниками областей, стремившимися выйти из-под зависимости от урартского царя.

Закончив внутренние дела, Руса стал проводить политику своих предшественников по расширению территории Урарту, но теперь это расширение шло главным образом за счет областей южного Закавказья.

Такая политика не вызывала противодействия Ассирии, для которой особенно опасным было укрепление Урарту в северной Сирии и в приурмийском районе. В 20-х годах VIII в. отношения Ассирии к Ванскому царству носили мирный характер. Салманасар V, занятый внутренними делами страны, не обращал особого внимания на Урарту.

Но это положение изменилось после 722 г., когда на ассирийский престол вступил Саргон, родной сын Тиглатпаласара III и брат свергнутого им ассирийского царя. Пос-

---

[20] АВИУ, № 50, строка 10; см. также: А. А. Барамидзе, *К вопросу о датировке проникновения киммерийцев в Переднюю Азию* («Сообщения Акад. наук ГрузССР», XVI, № 8, 1955), стр. 647—654.

[21] Текст Луврской таблички, № 427: «Я послал доставить донесение Ашуру, моему владыке, Табшар-Ашура, главного абаракку».

леднее стало известно из надписи на зигатти (декоративном гвозде), находящемся в Стамбульском музее[22]. С самого начала своего правления Саргон стал внимательно следить за событиями, происходившими в соседних странах. Об этом свидетельствуют письма ассирийских разведчиков в Куюнджикском архиве. События в Урарту особенно интересовали Саргона.

В этом отношении очень характерно письмо Уппахир-бела Саргону (№ 424), в котором, между прочим, сообщается: «Я послал специального гонца, чтобы узнать новости страны Урарту. Он возвратился и сообщил по этому поводу следующее: правитель, который находится против нас в городе Харда, отправился с другим правителем... от города к городу до Турушпы я установил наблюдение...»

Габбуана-Ашур из пограничной ассирийской крепости писал (№ 123): «Мои гонцы пойдут к Набули, Ашурбельдану и Ашуррисуа, которые должны были отправиться. Мы не преминули записать имена всех людей. Каждый выполняет свою работу, нет никакого упущения. Мы многократно слыхали следующее: урартский царь из Турушпы не вышел, и мы будем вести наблюдения, как приказал господин, мой царь. 16 (?) числа месяца Таммуза я прибыл в город Курбан. 20 числа месяца Аб я отправил письмо царю, моему господину».

Интересно, что лица, упоминаемые в приведенном письме, сами были засланы в Урарту ассирийским царем. В коллекции Британского музея среди табличек Куюнджикского архива хранится одиннадцать подлинных писем Ашуррисуа, а в восьми письмах других корреспондентов приводятся сообщенные им сведения[23]. Подлинных писем Набули не сохранилось, но его информации приводятся в трех письмах[24].

Сводки донесений составлялись наследником ассирийского царя Синахерибом. До нас дошел ряд клинописных табличек, в которых Синахериб докладывает Саргону сообщения, полученные от разных лиц. Все эти донесения представляют для нас громадный интерес. В частности из них мы узнаем о военных столкновениях урартов с киммерийцами, появившимися в Передней Азии в конце VIII в. Вот что сообщал о них Саргону Синахериб (№ 197): «Царю, моему господину,— твой раб Синахериб. Привет царю, моему господину. Ассирия благополучна, храмы благополучны, все царские крепости благополучны, пусть сердце царя, моего господина, будет весьма довольно. Мне писали уккийцы: когда царь урартский пошел на страну Гамир, все его войско было побито, сам он, его наместники с их войском были отброшены... Вот сообщение уккийцев... Набули, наместник города Хальсу, писал мне — я писал страже пограничных крепостей относительно вестей об урартском царе. Когда он отправился в страну Гамир, все его войско было побито, трое из его начальников со своими отрядами убиты, сам же он бежал и вступил в собственную землю; его лагерь до сих пор не достигнут. Вот сообщение Набули...».

О неудачном походе урартов против страны киммерийцев, во время которого был убит правитель страны Уаси (к юго-западу от оз. Ван), есть также сообщение Ашуррисуа, приведенное им со слов Урзаны, правителя Мусасира (№ 1079). В нем указывается, что поражение урартского войска вызвало в стране смуту. Воспользовавшись временным ослаблением центральной государственной власти, окраинные области Ванского царства стали отделяться. В письме Ашуррисуа сообщает Саргону (№ 381): «Манеи восстали в поселениях урартского царя, в области морского побережья, унесли добычу и поднялись в горы. Аналукуну (Абалукуну), наместник Мусасира, и Тунаун, наместник Кар-Сипара, отправились на манейскую границу для охраны».

Но кроме восстаний в окраинных областях Ванского царства, произошел мятеж и в центре Урарту, вызванный борьбой за власть между отдельными правителями урарт-

---

[22] E. Unger, *Sargon II von Assyrian, der Sohn Tiglatpilesers III* («Publikationen der Kaiserl. Osmanischen Museen», IX, 1933).

[23] Leroy Waterman, *Royal correspondence of the Assyrian Empire*, № 101, 123, 144, 145, 146, 147, 148, 197, 198, 380, 381, 382, 383, 488, 490, 491, 492, 619, 1079.

[24] Ibid., № 123, 197, 1307.

ских областей. Несомненно, это было также самым тесным образом связано с разделением урартских наместничеств на более мелкие, с борьбой государственной власти против чрезмерно усилившейся местной администрации.

Во главе восстания стоял урартский полководец (туртан) Каккадану. Ашуррисуа писал Саргону (№ 444): «Пять наместников страны Урарту вошли в страну Уаси. Ситину, наместник страны... тени, Каккадану, который находится против страны Уккая, Сакуата из страны Каниун, Сиплиа из страны Алзи, Туту из страны Армиралиу — вот их имена... в Уаси они вошли, теперь силы свои отдаленные они приблизили, войска усилились. Царь вышел из Турушпы и направился в Каниун».

По-видимому, к мятежникам присоединилась и часть урартского войска, о чем рассказывается в другом письме Ашуррисуа (№ 492): «В начале месяца Нисан урартский царь вышел из Турушпы и направился в город Елизаду. Каккадану, его туртан, пошел в страну Уаси, войско всего Урарту схватил, царь спустился в Елизаду».

Русе удалось довольно скоро подавить этот мятеж, о чем сообщают ассирийские источники, опять-таки со слов Ашуррисуа (№ 197): «Весть об урартском царе. Прежнее, что я писал, подтвердилось, у них произошла большая резня, теперь страна его успокоилась. Начальники его — каждый в свою страну отправились. Каккадану, его туртан, схвачен. Царь урартский находится в стране Уаси».

Но, по-видимому, в то время как Руса ходил усмирять восстание в Уаси, за его спиной, в Тушпе, также произошло восстание, которое вскоре было подавлено, о чем сообщал Саргону основной разведчик ассирийского царя в Ванском царстве — Ашуррисуа (№ 144): «По поводу Нарагу, командира, о котором я писал господину моему, царю. Вместе с ним 20 начальников, которые злоумышляли против царя, схвачены. Теперь царь урартский вошел в Турушпу и стеснил их. Остальные, которые следовали (?) за ними... всего 100 воинов — убиты. Урсине, второй туртан, брат Аплиукну, схвачен в Турушпе» (сводка Синахериба).

Восстановив порядок в стране, Руса приступил к укреплению границ Урартского государства.

По-видимому, киммерийцы не особенно тревожили урартов, защитой которым служило Закавказье, где урарты построили ряд своих крепостей. Особую опасность для государств Передней Азии киммерийцы стали представлять несколько позднее, в первой половине VII в.

Создав крепкую защиту северных частей Ванского царства, Руса, сын Сардури, приступил к скрытой борьбе против Ассирии.

На западе он заключил соглашение, направленное против Ассирии, с Амбарисом, правителем страны Табал, и с Мита, правителем мушков[25]. Но в 713 г. Саргон направил свое войско в Табал и увел пленного Амбариса в Ассирию.

На юге Руса укрепил свое влияние в стране Мусасир, в главном городе которой находился храм бога Халди. Мусасир, по всей вероятности, входил в состав Ванского царства, так как там, наряду с местным правителем Урзаной, находился урартский наместник.

В горах к юго-западу от оз. Урмии, на перевале дороги, ведущей из Ревандуза в Ушне, врачом американской миссии Лобделлем в 1855 г. была открыта стела Русы с текстом на урартском и ассирийском языках. Памятник этот находится неподалеку от Келяшинской стелы, в полутора километрах от сел. Топузава, по дороге к сел. Сидикан. Топузавскую стелу курды в отличие от стелы Келяшин (Синий столб) называют «Келягяур» (Серый столб). К сожалению, надпись стелы сильно разрушена[26] и нет возможности восстановить ее полностью, но в сохранившихся строках речь идет о продви-

[25] H. Winckler, *Die Keilschrifttexte Sargons*, I, Leipzig, 1899, S. 130.

[26] Разрушение стелы Леман-Гаупт относит к 714 г. На повреждение текста стелы именно ассирийцами указывает то обстоятельство, что на памятнике особенно тщательно выбит титул бога Халди — «владыка мира», совпадающий с обычным титулом бога Ашура. На Топузавской стеле также бесследно сбито и имя ассирийского царя (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 299).

и играла активную роль в наступательных действиях. Сила ассирийской пехоты была в том, что в ней эти два вида пехоты были слиты воедино. Боевое звено ассирийской армии состояло из двух или трех человек: легко вооруженного лучника или двух лучников, действовавших под прикрытием воина, имевшего щит и вооруженного лишь копьем или мечом. Благодаря такой организации и наступательная и оборонительная сила армии была очень велика.

Организация ассирийской конницы совпадала с организацией пехоты. Там также основное боевое звено составляли два воина; один, вооруженный луком, другой — копьем и щитом.

Большую силу в ассирийском войске, особенно при атаках на открытом месте, представляли колесницы (правда, ввиду значительной материальной ценности число их было ограничено). Увеличение числа колесниц ассирийские цари считали своей заслугой, и Тиглатпаласар I особо отмечал, что он для укрепления своей страны умножил, по сравнению с прежним, число боевых колесниц.

На рельефах, в сценах осады и штурма крепостей, показаны также и стенобитные машины-тараны. Они устанавливались на повозках и подкатывались к стенам крепости по особо сооруженному деревянному настилу. Устройство таранов было простым: на высокой деревянной конструкции, на цепях или канатах, опускавшихся сверху, подвешивалось тяжелое бревно, на передний конец которого надевалась металлическая оковка, а к заднему прикреплялся груз. Бревно, служившее тараном, приводилось в действие раскачиванием. При такой конструкции таран мог пробить не только основания крепостных стен, но также и верхние их части на высоте 8—10 *м*[29].

Войска Саргона, вступившие в 716 г. в страну Мана, легко одержали победу. На одном из рельефов XIV зала Дур-Шаррукина изображены ассирийский военный лагерь и сцена переписи взятых в плен манейцев, закованных в кандалы[30]. Уллусуну, отдавший себя в руки победителя, был прощен. Саргон вернул ему престол, установил в стране Мана угодную ему власть и в подтверждение этого в столице Изирту поставил свою статую.

Но на следующий год Руса опять организовал в Мана восстание, во главе которого встал Даиукку. И снова, сразу же после ухода урартских войск, Саргон появился в мятежной стране, подавил восстание и пленного Даиукку увел в Хамат[31]. Вместе с тем он проводил подготовку решительной борьбой с Урарту, широко пользуясь информациями о внутреннем положении своего противника.

В 714 г., в VIII год своего правления, Саргон снарядил поход в страны к востоку от оз. Урмии. Этот поход нам хорошо известен благодаря тексту Луврской таблички.

Заключительные строки текста сохранили, кроме имени его автора, абаракку Таб-шар-Ашура, также и имя писца: «Таблица Набу-Шалимшуну, великого царского писца, главного мудреца, везира Шаррукина царя Ассирии, старшего сына Хармакку, царского писца из Ашура»[32].

В XIII зале Дур-Шаррукина, на его стенных рельефах, были изображены отдельные эпизоды этого похода. К сожалению, сохранилась лишь часть рельефов юго-западной половины зала. Они относятся к концу похода, к взятию города Мусасира, прекрасно дополняя и иллюстрируя соответствующую часть Луврской таблички[33].

В начале лета 714 г. войско Саргона с большим караваном верблюдов и ослов выступило из Калху. Переправившись через Верхний и Нижний Заб во время половодья, Саргон вступил в ущелье гор Куллар и взял путь на север, третий раз снарядив свою

---

[29] Б. Б. Пиотровский и Н. Д. Флиттнер, *История техники древнего Двуречья* («Очерки по истории техники древнего Востока», М.— Л., 1940), стр. 116—121.

[30] P. E. Botta et E. Flandin, *Monument de Ninive*, II, tabl. 146

[31] H. Winckler, *Die Keilschrifttexte Sargons*, I, S. 17.

[32] F. Thureau-Dangin, *Une relation de la huitième campagne de Sargon*, p. 66.

[33] P. E. Botta et E. Flandin, *Monument de Ninive*, II, tabl. 140—143.

армию «внутрь гор»: «К странам Зикирту и Андиа направил я дышла колесниц Нергала и Адада» (14)[34].

Прежде чем попасть в приурмийскую низменность, ассирийцам пришлось преодолеть трудные горные пути с переходами через перевалы и переправами через горные реки: «Я прошел между Никиппой и Упой, горами высокими, поросшими всякими деревьями, чья поверхность мятежна, перевалы опасны, простирающими тень над окрестностями, подобно кедровому лесу, так что тот, кто идет их путями, не видит сияния солнца, а реку Буйа, что между ними, переходил я двадцать шесть раз». Движение армии проходило успешно, и, согласно тексту, воины, как «храбрые орлы, перелетали через горы», а верблюды и груженые ослы «перепрыгивали подобно козерогам горным» (18).

Перевалив через шесть гор (Синахулзи, Бируатти, Туртани, Синабир, Ахшуру и Суйа) и переправившись через две реки (Раппа и Аратта), Саргон спустился в Сурикаш, провинцию страны Мана, граничившую со странами Карраллу и Аллабриа, правители которых, Ашурли и Итти, еще в 716 г. выступали против ассирийского царя.

Правитель Мана Уллусуну вышел навстречу ассирийскому войску, приветствовал Саргона в своей пограничной крепости и привел ему в дар табун коней, а также стада крупного и мелкого рогатого скота (32—36). Подобные подарки Саргон получил и от царя Аллабриа Бел-апал-иддина (38), по-видимому, ставленника Саргона, заменившего Итти.

Впоследствии Саргон так описывал свой поход: «Уллусуну с людьми страны своей в сердечной готовности служить мне поджидал моего подхода в своей крепости Сирдакка. Подобно моим доверенным, ассирийским наместникам, он устроил склады муки и вина для прокорма моего войска, поручил мне своего старшего сына с подношением и приветственным даром и для укрепления своего царства посвятил мне свою стелу».

Саргону принесли дары также правители малых стран, которые просили ассирийского царя заставить Русу уйти из страны Мана. Саргон обещал нанести Урарту поражение, освободить страну Мана и восстановить ее прежние границы (56). Но все же сразу он не стал предпринимать против Урарту никаких военных действий, а взял путь на восток, в страны Зикирту и Анди. По пути ассирийцы создавали свои базы (по всей видимости, на случай вынужденного отступления или же перехода к обороне).

Так, в Панзиш, мощной пограничной крепости между странами Зикирту и Анди, были сложены зерно, масло и вино (76—78). Только после этого Саргон вторгся в пределы Зикирту. Метатти, правитель Зикирту, союзник урартского царя, не принял битвы и скрылся в горах, так что ассирийцы не смогли его обнаружить. «Метатти, зикиртиец, сбросивший ярмо Ашура, презревший Уллусуну, своего владыку, забывший свою службу, полагался на Урсу, урарта,— что, как и сам он, не ведал порядка,— на союзника, неспособного спасти его жизнь,— в страхе поднялся он на Уаппдирикку, трудную гору, и как увидал он издали движение моего войска — оцепенела плоть его; всех людей страны своей он собрал, заставил их подняться с трудом в далекие горы, и не было найдено их место». Свой город Парда он бросил, оставив сокровища дворца на разграбление (80—84)[35].

Прекратив преследование врага, Саргон вдруг резко изменил путь своего войска. Дело в том, что ассирийский царь неожиданно узнал, что Руса вместе со своими союзниками, вождями горных племен, взошел на гору Уауш (Сохенд) и в горном ущелье построил свою боевую армию (96—111). Об этом рассказывается в следующих словах: «После прежних своих грехов он совершил великое безрассудство на разгром страны своей и истребление своим людям: на Уауше, большой горе, чья глава воздвигнута посреди небес, наравне с облаками, где от века не проходила ни одна живая душа, чьих путей не видывал путник, да и крылатые птицы небес не летали над нею, не выводили

[34] В скобках указываются строки текста Луврской таблички.
[35] H. Winckler, *Die Keilschrifttexte Sargons*, I, S. 27.

птенцов, не вили гнезда на высокой горе, что торчит словно острие кинжала, и где зияют пропасти и далекие горные ущелья. В сильную жару и сильные морозы гора эта — гибель, утром и вечером на ней сияние, день и ночь на ней копится снег, во весь рост она покрыта льдом; у того, кто переходит ее предел,— тело его поражают порывы бури, а от холода горит его плоть. Здесь он (Урса) собрал свое многочисленное войско и своих союзников и для отмщения за Метатти зикиртца выстроил боевые силы, бойцов своих, опытных в битве... построил, посадил их на верховых быстрых коней и вручил оружие». В Луврской табличке мы читаем, что о подготовке нападения урартов Саргону сообщил его разведчик: «В ущелье этой горы он построил войско; о сближении и умножении боевых сил меня известил мой гонец».

Среди писем Куюнджикского архива сохранилось одно письмо (№ 515), в котором можно видеть донесение, упоминаемое в Луврском тексте, об урартском царе: «Гонец андийского правителя и гонец правителя Зикирту прибыли в Уаси и сказали ему: царь Ассирии против нас. Как только он повидался с гонцами, он вступил в страну Зикирту. Он был со своими войсками и хубхийским правителем в 5 переходах, но вернулся. Среди своих вельмож он сказал: собирайте ваши воинские силы для истребления царя Ассирии обходом...». Письмо написано на плохом ассирийском языке с грамматическими ошибками и описками.

Очень заманчиво предположение, что автор этого письма Бел-Иддина и правитель страны Аллабриа Бел-апал-иддина, упоминаемый в тексте Луврской таблички (38), одно и то же лицо.

Саргон, получив сведения о том, что в его тылу находится урартское войско, решительно изменил свой путь и стремительно двинулся в страну Уишдиш против Русы. Ассирийский царь направился на врага лично, в боевой колеснице, в сопровождении всадников и отряда Синахусура (132), своего близкого друга, которому Саргон построил дворец в Дур-Шаррукине, рядом со своим дворцом.

Внезапно, среди ночи, напал он на лагерь урартов и разбил их наголову. Урартские воины — лучники и копейщики — не выдержали нападения, «ущелья гор были заполнены их трупами, и кровь убитых врагов текла как река». Много всадников, знатных урартов, было взято в плен. «Войскам Урарту, злого врага, и его союзникам нанес поражение, на горе Уауш обратил их в бегство; их конями я наполнил горные пропасти и ущелья, а сами они, как муравьи в беде, отправились трудными путями».

Сам Руса, как рассказывается в тексте, бросил свою боевую колесницу и был принужден спасаться верхом на кобыле[36]. В образной форме переданы испуг и отчаяние урартского царя: «Как у птицы ущелий, что спасается от орла, содрогнулось его сердце, как проливший кровь, он покинул Турушпу, свой царский город, и, как бегущий от охотника, он достиг краев своих гор; как роженица, бросился он на ложе, отвергал от уст своих хлеб и воду, неизлечимый недуг на себя навел он» (148).

И в заключение в тексте говорится, что поражением Русы был нанесен решительный удар антиассирийскому союзу стран Урарту, Зикирту и Андиа, и Саргон торжественно заявил: «Стопы злого врага отвратил я от страны манеев» (154).

После поражения, нанесенного ассирийцами урартскому войску в стране Уишдиш, Саргон двинулся в Урарту по восточному побережью оз. Урмии. «Уишдиш, область страны манеев, которую отнял и взял себе Урса (Руса),— ее многие поселения, что как звезды небесные, не имели числа, покорил я, их укрепленные стены вместе с насыпью их основания я разбил, как горшки, и сравнял с землею, многочисленные их амбары без числа я открыл и ячменем без счета накормил мое войско» (162). Сломив сопротивление мощной пограничной крепости Ушкайа, стены которой на высоком основании достигали 8 локтей (4 *м* толщины), Саргон двинулся к северу, вступив в провинцию Суби, где разводились верховые лошади для урартской конницы (167—177).

---

[36] О битве на склоне Сохенда подробно рассказывается и в анналах Саргона; в них же говорится о том, что Саргон вернул Уллусуну, царю страны Мана, часть захваченной у Русы территории.

По тексту Луврской таблички можно заключить, что восточное побережье оз. Урмии было богатым земледельческим районом, так как при описании захвата отдельных крепостей и поселений этой провинции особо отмечается разграбление закромов с ячменем.

Очень красочно описывается взятие города Улху, находившегося в районе современного Маранда. Эта часть текста сохранилась на том обломке таблички, который поступил в Берлинский музей [37].

Вначале рассказывается о работах, проведенных урартским царем Русой, в результате которых пустынная местность превратилась в цветущий район. К городу была подведена питьевая вода, безводные участки стали орошаться при помощи каналов с отходящими от них арыками. Не орошаемая прежде земля использовалась под пашнями и плодовыми садами, большие участки стали пастбищами для скота. Далее говорится о роскошном дворце, выстроенном на берегу канала.

Жители, узнав о приближении ассирийцев, скрылись в горы, оставив свой город. Ассирийские воины ринулись, «подобно урагану и ливню», и, вступив в захваченный район, смели все на своем пути.

Каменная стена города была разрушена, «как глиняный горшок», «железными кирками и мечами» и сравнена с землей. Та же судьба постигла и дворец. «Полные закрома города» и винные погреба были отданы ассирийскому войску на разграбление. «Устье канала было запружено, и его воды превращены в болото». Во всем районе «гремел грохот железных топоров», сады вырубались, а срубленные деревья складывались в кучи и тут же сжигались. Посевы были уничтожены до последнего колоса, а луга вытоптаны конницей и пехотой. В тексте отмечается, что эти опустошения совершались для того, «чтобы в битве никогда жители не оставляли сердечного страха, вовеки веков чтоб томились неисполнимым желанием».

Особым богатством отличалась провинция Сангибуту (северо-восточное побережье оз. Урмии), имевшая много городов, которые «на высотах хребта Арзабиа сверкали мощными стенами». Очень высокие стены (в 120 рядов кирпича, т. е. около 14 *м*) были обнесены глубокими рвами, а около ворот находились башни. Кроме того, для наблюдения в горах были построены небольшие сторожевые башни, на которых постоянно дежурили дозоры, и в случае опасности зажигались сигнальные огни (239—249). При приближении ассирийской армии жители Сангибуту покинули свою страну и скрылись в горах (249).

В тексте Луврской таблички от лица Саргона рассказывается: «Как темная туча вечера, покрыл я эту страну, все покрыл я, подобно стае саранчи... Громадные запасы ячменя и пшеницы, которые за большое время они собрали в свои амбары, я приказал нагрузить на спины лошадей, мулов, верблюдов и ослов. В лагере своем зерно я нагромоздил, подобно холмам», зерно было отдано воинам (253, 262—264).

Из Сангибуту ассирийцы двинулись в страну Армарили, упоминаемую в донесениях ассирийских разведчиков [38], и взяли город Арбу, «город рода отца Русы», и Риар, «город Сардури» (277). Семь укрепленных городов, где помещались гарнизоны и жили родственники урартского царя, Саргон сравнял с землей (278—279).

Далее путь ассирийского войска шел через «гору Уизукки, гору кипарисовую, из пестрого мрамора», в страну Аиади (280), в которой было «30 городов, укрепленных на берегу волнующегося моря, у склонов великих гор».

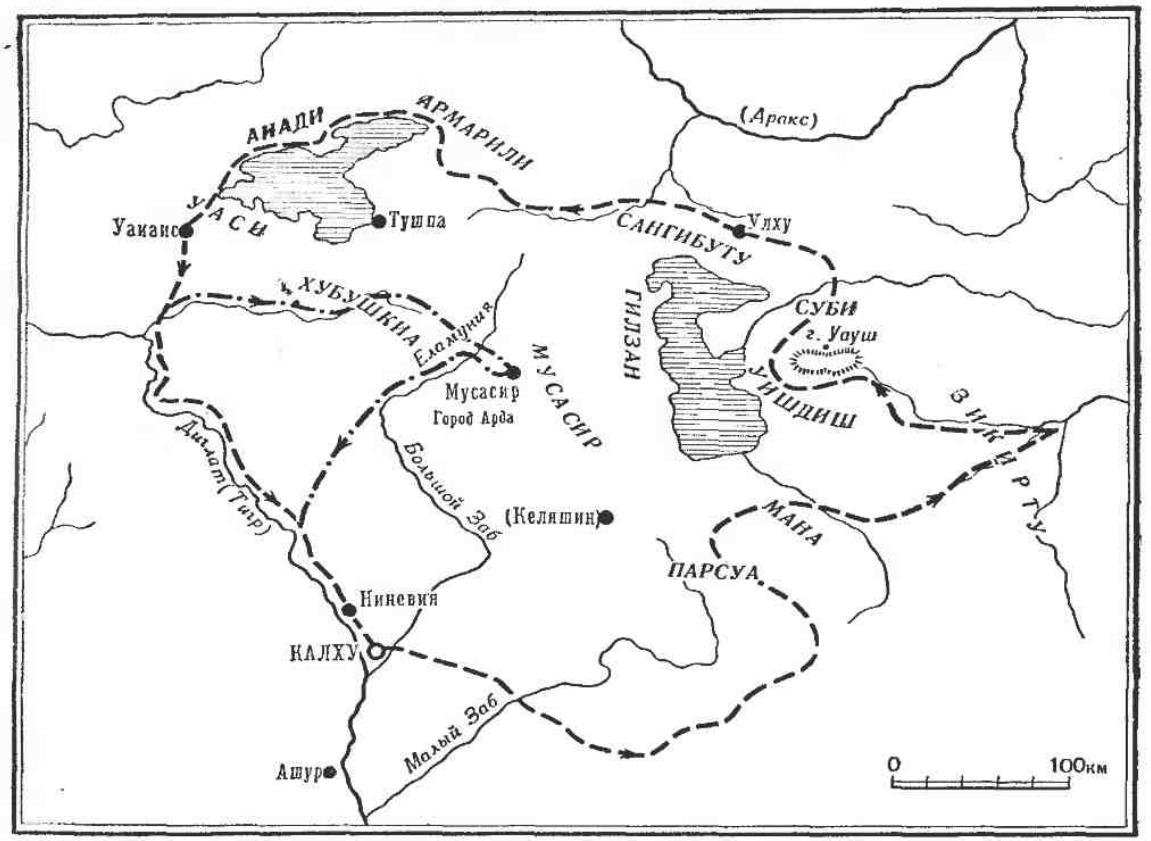
В тексте особо отмечены города Аргиштиуна и Каллания. Эти крепости «сверкали, подобно звездам», и «основания их достигали высоты 4 раза 60 локтей» (около 120 *м*) [39].

---

[37] B. Meissner, *Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8. Feldzug*, S. 113—122.

[38] Leroy Waterman, *Royal correspondence of the Assyrian empire*, № 44.— В этом донесении упоминается наместник «страны Армиралиу» — Туту.

[39] По-видимому, речь идет о высоте скал, на которых были построены крепости.



Маршрут похода Саргона 714 г. (по Тюро-Данжену)

Далее ассирийские войска выступили из Аиади, перешли реки Аллуриу, Калланиа и Кинайа и прибыли в Уаиаис «его (Урсы) опорную область, конец пределов Урарту, что рядом с Наири» (297).

Тюро-Данжен, опубликовавший текст Луврской таблички, в комментариях к изданию дал детальный разбор маршрута ассирийской армии во время похода Саргона. Но маршрут, установленный Тюро-Данженом, вызвал возражения со стороны Леман-Гаупта[40]. В основном их расхождения начинаются с локализации страны Аиади(Аиаду). Леман-Гаупт признавал правильным восстановление пути движения ассирийского войска до горы Сохенд и согласился с тем, что урартская пограничная крепость Ушкайа находилась в районе современного Тебриза, а город Улху — поблизости от современного Маранда.

Но Леман-Гаупт решительно возражал против локализации страны Аиади на северном побережье оз. Ван и полагал, что она занимала низменное восточное побережье озера, т. е. находилась в центральной части Ванского царства[41]. Свое мнение он подкреплял отождествлением лесистых гор Уизукки, богатых мрамором, о которых говорится в Луврском тексте, с Зымзымдагским хребтом, действительно имеющим выходы мрамора. А в упоминаемых в тексте крепостях страны Аиади, сооруженных на горных вершинах, Леман-Гаупт видел крепости Ванского района, как, например, Анзав, Каладжик (Аралезк) и Хуркум. Указывая на то, что ни одна из этих крепостей не связана с име-

[40] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 317—323.
[41] Ibid., S. 320.

нем Аргишти, он высказал предположение, что под городом Аргиштиуна следует подразумевать Ванскую цитадель. Леман-Гаупт считал также, что, вероятно, в той нише Ванской скалы, где имеются следы стесанной клинообразной надписи, была вырезана победная надпись Саргона, позднее уничтоженная Аргишти, сыном Русы.

Леман-Гаупта в этом вопросе поддержал также Г. А. Меликишвили, который страну Аиаду(ни) и город Уишини, встречающиеся в надписи, находившейся в Ахтамарском монастыре (УКН, № 62), отождествляет, так же как и И. М. Дьяконов, со странами Аиади (Аиаду) и городом Уаиаис текста Саргона. Локализация этих местностей южным берегом оз. Ван основывается на предположении о том, что надпись на острове Ахтамар могла быть привезена только с южного берега озера, из района Хуркума[42]. Если даже согласиться с отождествлением приведенных терминов, то первоначальное нахождение камней с клинописью все же остается неясным: они могли быть привезены в Ахтамарский монастырь и с северного и с восточного берега озера. Линч рассказывает о лодочниках, совершавших постоянное каботажное плавание по озеру, у Ахтамара он встретил тех лодочников, которые его доставили из Арджиша в Ван[43]. Таким образом, надписи, хранившиеся в монастыре на острове Ахтамар, никак не могут служить твердым основанием для локализации имеющихся в них названий стран и городов.

Локализация страны Аиади имеет решающее значение для ответа на вопрос, проникал ли Саргон в центральную часть Урарту. Если мы примем маршрут, предложенный Тюро-Данженом, то на этот вопрос мы принуждены будем дать отрицательный ответ, в то время как Леман-Гаупт твердо был уверен в том, что Саргон прошел через самый центр Ванского царства. Если мы сопоставим эти два довода и обоснования, то увидим, что мнение Леман-Гаупта оставляет больше неясностей и спорных моментов.

Представляется совершенно невероятным, чтобы в тексте о походе ассирийцев в самое сердце Урарту не была упомянута столица этого государства Тушпа, тем более что ее название часто встречается в информационных письмах, связанных с подготовкой похода 714 г. У нас нет никаких данных для отождествления города Аргиштиуна с цитаделью Ванской скалы, сооруженной в главной ее части Менуа, и более вероятно сопоставление древнего Аргиштиуна с современным городом Арджишем[44]. В Луврском тексте говорится о тридцати укрепленных городах страны Аиади, находившихся «на берегу волнующегося моря, у склонов великих гор». И эта фраза делает более вероятным предположение Тюро-Данжена, так как такому описанию соответствует северное побережье оз. Ван.

Мне представляется, что маршрут похода 714 г. установлен Тюро-Данженом с большей обоснованностью, нежели маршрут, предложенный Леман-Гауптом, и поэтому в дальнейшем изложении я буду придерживаться мнения французского ученого.

Нам неизвестны причины, по которым Саргон отказался от похода к столице Ванского царства Тушпе, но следует думать, что это не было случайностью и что Саргон, учтя полученные им сведения относительно положения в Урарту, не рискнул двинуться в самый центр страны.

Надо заметить, что все ассирийские походы имели более тщательную подготовку, чем нам это обычно представляется, и их маршруты далеко не были случайными.

Обойдя оз. Ван с севера и запада, ассирийское войско попало в область Уаси, часто упоминаемую в информационных письмах Куюнджикского архива, и осадило город Уаиаис, «крепость великую, могущественную более других крепостей» (299). В ней содержался большой урартский гарнизон, а также разведчики-шпионы (amil da-a-li).

Гарнизон города заперся в крепости. Город этот был взят с тыла, и в Луврском тексте от лица Саргона написано: «Воинов его я перебил перед воротами, как ягнят» (301).

---

[42] Г. А. Меликишвили, *Урартоведческие заметки* (ВДИ, 1951, № 3), стр. 177.

[43] Х. Ф. Б. Линч, *Армения*, II, Тифлис, 1910, стр. 166.

[44] М. В. Никольский, *Об одном из древних названий Ванского озера и о современном названии города Арджиш* («Сб. статей в честь П. С. Уваровой», М., 1916), стр. 167—175.

После этого, покинув район современного Битлиса, армия Саргона вошла в страну Наири, находившуюся в долине р. Бохтан. Саргона встретил местный правитель Ианзу, который в своей царской резиденции, городе Хубушкии, принес ассирийскому царю богатые дары: лошадей, крупный и мелкий рогатый скот (306).

При обратном движении армии Саргон внезапно принял новое решение — предпринять поход против страны Мусасир. Об этом существует следующая запись в Луврской табличке: «При моем возвращении Урзана Мусасирский, совершивший грех и преступление, нарушивший клятву богов, непокорный владычеству, злой горец, который согрешил против договора с Ашуром, Набу и Мардуком и затем возмутился против меня, прервал мое продвижение вперед при возвращении с похода, так как со своими тяжелыми подношениями он не поцеловал мои ноги; подать, дань, свои подношения он удержал и ни разу не послал своего гонца, чтобы приветствовать меня» (309—312).

На обратном пути Саргон с тысячным отрядом направился к Мусасиру. Текст дает подробное описание трудного пути к Мусасиру, расположенному в лесистых горах; а лесистые горы служили обычно самым тяжелым препятствием, так как в них всегда можно было ждать внезапного вражеского нападения. «С одной только колесницей ног моих и 1000 моих всадников горячих, лучников, людей, вооруженных щитом и копьем, моих яростных воинов, сведущих в сражении, я привел в порядок и затем дорогу на Мусасир, путь трудный, я взял, на Арсиу, гору могучую, склоны которой подобны острию и не имеют подъема, я заставил подняться мои войска. Реку Верхний Заб, которую жители Наири и Килху называют Еламуниа, я перешел между Шейак, Ардикши, Илайау, Аллуриу, горами высокими, гребнями возвышенными, остриями трудных гор, которые исключают всякое описание. Между ними нет пути для продвижения пехоты, внутри их образуются могучие водопады, шум падения которых... гремит, как гром; они покрыты всевозможными деревьями и всеми желаемыми плодовыми деревьями и виноградными лозами, куда никакой царь еще не проходил и властитель, бывший до меня, не видел их пути. Их большие стволы я срубил и затем крупные их острия медными кирками вытесал. Дорогу узкую, проход, тропинку, которую пехотинцы прошли бочком, для прохода моих войск между ними я устроил, колесницу ног моих я положил на затылки людей, а я верхом на лошади стал во главе моего войска» (320—331)[45].

Относительно местоположения Мусасира, страны и одноименного ей города (поурартски «город бога Арда»), до сих пор нет единого мнения.

Тюро-Данжен полагал, что страна Мусасир была расположена на западном склоне горного хребта, отделяющего бассейн оз. Урмии от Тигра. По его мнению, в Келяшинской и Топузавской стелах отмечалась южная граница страны в хорошо укрепленной естественными условиями горной местности, в районе современного Диза, сам же город Мусасир находился в северной части страны. В Луврском тексте написано, что ассирийская армия, прежде чем вступить в город Мусасир, должна была переправиться через р. Верхний Заб, «которую жители Наири и Килху называют Еламуниа». Тюро-Данжен полагал, что место переправы армии Саргона через Верхний Заб было несколько севернее впадения в него р. Нигзиль-чая. По его мнению, такое местоположение Мусасира в труднодостигаемой горной местности вполне соответствует описанию на цилиндрической печати Урзаны[46], в котором Мусасир образно называется змеей в горах, раскрывшей свою пасть.

Леман-Гаупт не согласился с локализацией Мусасира, предложенной Тюро-Данженом, и считал, что страна Мусасир была небольшой, но имела несколько городов; на западе она простиралась до Ревандуза, на юге вряд ли доходила дальше долины р. Топузава, и только на севере она могла уходить в глубь гор. Город Мусасир, по его мнению, находился в непосредственной близости от Келяшинской и Топузавской стел, подтверждение чему он видел в тексте Келяшина. Леман-Гаупт предполагал, что город был на

---

[45] Перевод А. П. Рифтина.

[46] J. Menant, *Recherches sur la glyptique orientale*, II, Paris, 1886, p. 95—96, fig. 92.

холме, к востоку от стелы. Там сохранились остатки крепостной стены и развалины каменных построек[47].

Внутренняя стена крепости охватывает площадь примерно 36 на 32 метра. В. Ф. Минорский считал, что эта площадь слишком незначительна для Мусасира, и на этом основании отвергал локализацию Мусасира, предложенную Леман-Гауптом[48]. Но последний, как бы предвидя это возражение, указывал на то, что внутри стен могли поместиться и дворец и храм, так как урартские храмы были небольшого размера.

Леман-Гаупт высказывал мнение, что ассирийское название *Мусасир* можно этимологизировать как «Нора (выход) змеи» (muṣa-ṣiri), что подтверждается также метафорическим образом текста печати Урзаны. Он пытался объяснить эту метафору местоположением города; «голова змеи» в таком случае находилась около Сидекана, где сливаются реки Бора и Топузава. Гётце полагал, что название *Мусасир* связано со словом *сверчок* или *саранча*[49].

Так как ассирийские цари бывали в Мусасире еще до 714 г., Леман-Гаупт предполагает следующий путь из Ниневии в Мусасир: Ниневия — Малтайа — Дехогский перевал — Дауджиа — Гавар, с выходом на урартскую военную дорогу Ван — Мусасир. Но во время похода 714 г. ассирийцы шли другим путем, с запада.

Следует признать, что до археологических исследований как в районе Келяшина и Топузавской стелы, так и в районе Диза, где, по мнению Тюро-Данжена, находился Мусасир, вопрос о местоположении Мусасира остается открытым.

Но в предположениях Леман-Гаупта имеется еще одно затруднение — локализация страны Уаси и города Уаиаис, упоминаемого в Луврском тексте.

По мнению Леман-Гаупта и Белька, страна Уаси находилась поблизости от Мусасира, так как из письма Урзаны известно, что среди лиц, сопровождавших урартского царя к Мусасиру, были наместники Уаси, страны уккийцев. Главный город Уаси, Уаиаис, представлял собой мощную крепость с большим гарнизоном и центр разведки. Несомненно, эта крепость находилась в чрезвычайно важном в стратегическом отношении пункте.

Леман-Гаупт отождествлял крепость Уаиаис-Уаси с современным городом Башкала, к юго-востоку от Вана. Он указывал, что название *Башкала* (*головная*, или *главная крепость*) говорит об исключительном стратегическом значении этого пункта. Крепость действительно расположена на перекрестке двух важных дорог: Ван — Диза — Нери — Ревандуз и оз. Урмия — перевал Чух — Ван.

По Луврскому тексту, крепость Уаиаис (Уаси) называлась «пограничной ногой» Урарту и находилась по соседству с Наири-Хубушкиа, в то время как крепость Ушкайа (в районе современного Тебриза) называлась «пограничной головой» и находилась против страны Мана. Таким образом, обе эти крепости, по ассирийским источникам, являлись главными крепостями на западной и восточной окраинах южной границы Ванского царства. По мнению Леман-Гаупта, Тюро-Данжен отметил это совершенно правильно, но отнес Уаиаис-Уаси слишком далеко на запад[50].

Здесь пришлось много внимания уделить вопросу о местоположении Мусасира, относительно которого существуют две изложенные выше точки зрения. Находящийся в нашем распоряжении материал не дает возможности определенно принять одну из них но все же вполне вероятно, что старое мнение Тюро-Данжена более обосновано, страна Аиади (Луврский текст) гораздо легче отождествляется с названием страны на северном побережье оз. Ван, чем с именем центральной части Урарту, и вместе с тем есть больше оснований для отнесения страны Уаси в район Битлиса, нежели в район

---

[47] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 299—300.

[48] В. Ф. Минорский, *Келяшин, стела у Топузава и древнейшие памятники вблизи Урмийского озера* (ЗВО, XXIV, 1917), стр. 145—193.

[49] A. Goetze, *Musas(s)ir* (RA, XLVI, 3, 1952), p. 158—150.

[50] Леман-Гаупт в своей заметке, посвященной походу 714 г. («Klio», XV, 3—4, S. 439—440), справедливо отвергает отождествление Уасн с Ушне.

Башкала. Но несомненно, что страна Уаси находилась в труднодоступной горной местности к юго-востоку от Тушпы.

Очень возможно, что Руса, ожидая вторжения Саргона в центральную часть своего государства, перевез царскую казну в страну Мусасир, правитель которой был союзником ванского царя. Может быть, именно это обстоятельство и толкнуло Саргона на чрезвычайно трудный поход через лесистые горы.

Но вернемся к тексту Луврской таблички, который дополняется также анналами и другими надписями Саргона.

Внезапно подступив к Мусасиру, ассирийское войско, «подобно саранче»[51], покрыло всю местность. Правитель Мусасира Урзана бежал в горы, оставив в городе свою жену и детей[52]. При приближении ассирийцев в Мусасире началась паника, и в Луврском тексте подробно описывается смятение, охватившее город.

Жители взывали о помощи к своему богу: «Больших быков, жирных баранов без счета они перед ним приносят в жертву, бога Халди они венчают короной владычества, они дают ему держать скипетр царства Урарту.... Над этим городом клич моего войска я заставил греметь, как гром... Его люди, старики и старухи поднялись на крыши своих домов и горько плачут, ради спасения своих жизней они ползают передо мной на четвереньках. Так как Урзана, царь их, правитель, по слову Ашура не смирился и затем сбросил ярмо моего владычества и пренебрег служением мне, я задумал взять в плен людей этого города; увод бога Халди, опоры Урарту, я повелел. Перед большими его воротами победоносно я посадил его, его (Урзаны) жену, его сыновей, его дочерей, его людей, семя дома отца его я взял в плен. Я присчитал их к 6110 людям, 12 мулам, 380 ослам, 525 быкам, 1235 баранам, и затем ввел их в укрепление моего лагеря[53]. В Мусасир, местопребывание Халди, победоносно я вошел и во дворце, жилище Урзаны, я воссел как властитель» (341—350).

С кладовых, переполненных нагроможденными в них сокровищами, были сбиты «печати их хранения». Все содержимое стало добычей ассирийского царя. В тексте приводится длинная опись захваченной добычи, причем одного только золота было взято около 1040 *кг* (34 таланта и 18 мин), а серебра — 5060 *кг* (167 талантов и полмины)[54]. Кроме того, во дворце были взяты чистая медь, свинец, сердолик, лазурит и несметное количество разных драгоценных камней (351—352).

Далее приводится перечень отдельных, главным образом металлических, вещей, причем в некоторых случаях особо отмечается их урартское производство. Захватив имущество в кладовых дворца, Саргон направил своих приближенных и начальников отрядов в храм бога Халди, где добыча оказалась еще более значительной.

На рельефах Дур-Шаррукина имелось изображение разграбления ассирийцами Мусасирского храма. В центре этой сцены изображен храм, соответствующий описанию ассирийского текста, в левом верхнем углу — ассирийский чиновник, ведущий счет захваченным богатствам. Перед ним стоят два писца, один из которых записывает клинописью на глиняной табличке, а другой — арамейским письмом на папирусе. Рядом находился другой рельеф с изображением взвешивания добычи на весах.

Согласно сведениям Луврской таблички в храме было взято, кроме большого количества золота (цифра не сохранилась), около 500 *кг* серебра (162 таланта и 20 $^{6}/_{36}$ мины) и 109 080 *кг* меди в слитках (369). В тексте приводится пространное описание отдельных вещей, захваченных в храме.

---

[51] [E. Schrader], *Keilinschriftliche Bibliothek*, II, S. 63.

[52] H. Winckler, *Die Keilschrifttexte Sargons*, I, S. 31.

[53] В анналах и торжественной надписи Саргона даются другие цифры: людей 6170 (анналы), 20 170 (торжественная надпись). В анналах говорится о 690 мулах и ослах, 920 быках и 100 225 овцах.

[54] В анналах Саргона даются следующие цифры: золота 34 таланта и 18 мин, серебра 160 талантов и $2^{1}/_{2}$ мины.

В храме находились также большие бронзовые статуи урартских царей (Сардури, сына Ишпуини, не известного по урартским источникам, являвшегося, по-видимому, правителем Мусасира, Аргишти и Руса со своим возничим на колеснице) и другие монументальные скульптуры из металла (статуи «великих привратников»), фигуры быка и коровы с теленком.

Описание колоссальной добычи, захваченной в Мусасире, заканчивается словами: «Имущество дворца Урзаны и храма бога Халди с его несметными богатствами, которые в Мусасире я захватил, я нагрузил во всей их бесчисленности на мое многочисленное войско и в Ассирию заставил я тащить эту добычу. Людей области Мусасира к людям Ассирии я причислил, повинности воинские и строительные я наложил на них, как на ассирийцев» (408—410).

Разгромом Мусасира Саргон сильно ослабил Урарту, лишив эту страну надежного союзника, защищавшего с юга центральную часть Ванского царства.

В летописи Саргона рассказывается, что когда «Руса (Урса), правитель Урарту, услыхал, что Мусасир разрушен, его бог Халди увезен, то собственной рукой, железным кинжалом своего пояса лишил себя жизни», и в заключение говорится: «на Урарту и всю его область нанес я несчастье и заставил людей, живущих там, стонать и плакать»[55].

Так окончился снаряженный в 714 г. поход Саргона против Урарту, хорошо нам известный благодаря разнообразным и подробным источникам.

Мы не знаем потерь ассирийской армии во время этого похода, хотя в Луврском тексте и указывается, что «начальник колесницы, два всадника и три сапера были убиты» (426). Можно думать, что в данном случае упомянуты лишь командиры и не отмечены потери рядовых воинов, но все же кажется более вероятным, что этот перечень убитых является обычной формулой реляции богам, так как дословно то же перечисление убитых имеется и в текстах Асархаддона[56].

Поход VIII года правления Саргона является характерным образцом грабительских войн того времени. Ассирийская армия, за которой упрочилась слава непобедимой, держала Переднюю Азию в подчинении лишь недолгое время.

Народы, захваченные Ассирией, объединялись против своего могучего врага, и в конце царствования Саргона его военная слава стала меркнуть.

До сих пор не установлены обстоятельства смерти Саргона; некоторые из источников указывают как будто на то, что он пал на поле битвы, а другие позволяют думать, что он был убит во время дворцового заговора.

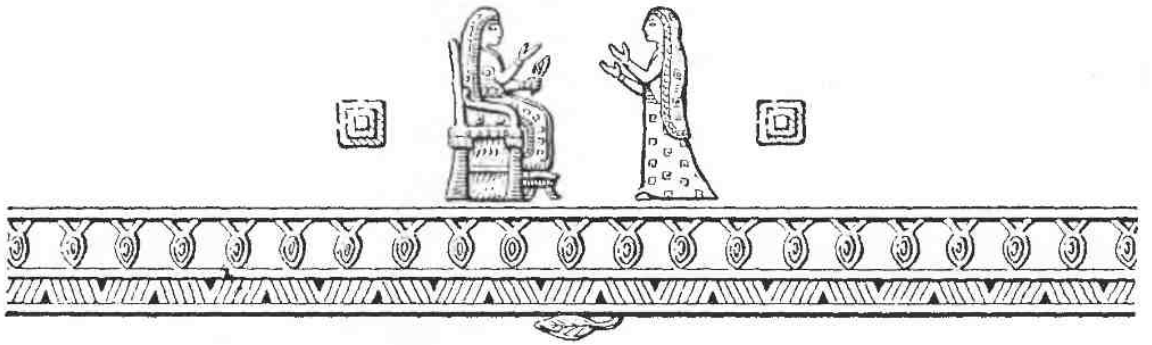
Несмотря на исключительный успех похода 714 г., Ассирия все же не смогла сломить окончательно мощь Ванского царства, хотя и нанесла ему жестокое поражение.

После этого похода Урарту продолжало еще существовать около 130 лет и даже пережило своего постоянного соперника — Ассирийское государство, которое через 100 лет после похода VIII года правления Саргона пало под ударами союзной армии вавилонян, мидян и скифов.

---

[55] [E. Schrader], *Keilinschriftliche Bibliothek*, II, S. 63.— Сведения о самоубийстве Русы встречаются очень часто в надписях Саргона (H. Winckler, *Keilschrifttexte Sargons*, I,S. 177), в частности, об этом рассказывается и в тексте стелы от монументальных скульптур дворца Саргона, хранящейся в Государственном Эрмитаже. В Луврском тексте говорится только об отчаянии, охватившем Русу, который «упал на землю, разорвал свои одежды и опустил свои руки» (411).

[56] D. Luckenbill, *Ancient records of Assyria and Babylonia*, II, Chicago, 1927, p. 99.



ГЛАВА VIII

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ УРАРТУ

После смерти Русы урартским царем стал его сын, Аргишти, от времени которого до нас дошли только три клинописных памятника (УКН, № 275—277).

Сохранившиеся и известные нам документы очень слабо освещают историю Ванского царства этого времени. Хотя в одной из своих надписей Саргон при перечислении завоеванных стран, среди которых упоминается также Урарту, говорит, что он своих «приближенных (šutreši-šu) наместниками (šaknu-ti) над ними поставил, дань и подать, как на ассирийцев, наложил»[1], все же Урарту после похода VIII года правления Саргона не потеряло своей самостоятельности.

В 713 г. Саргон предпринял поход против Амбариса, правителя стран Табал и Мита, правителя мушков (мосхов), прежних союзников Русы[2], а в следующем, 712 г., он возводил укрепления на границе урартов и мушков.

В ассирийских надписях рассказывается также о расправе в 708 г. (XIV год правления Саргона) с Муталлу, правителем Куммуха, который приносил дары и платил ежегодную дань урартскому царю Аргишти, рассчитывая на его помощь [3].

И после похода 714 г. Саргон продолжал внимательно следить за событиями в Урарту, о чем свидетельствуют информационные письма Куюнджикского архива. В письме Уппахир-бела ассирийскому царю (№ 424) рассказывается об организации наблюдения в районе города Харда, севернее современного Диярбакыра, и о том, что туда прибыл гонец Аргишти, который передал приказ урартского царя не выполнять его прежнего указания и беречь коней до прибытия второго гонца. Тут же говорится о вооруженном столкновении в связи с противодействием увозу ассирийцами бревен. В другом письме (№ 548) Уппахир-бел сообщает о движении урартского войска к городу Харда.

---

[1] [E. Schrader], *Keilinschriftliche Bibliothek*, II, Berlin, 1890, S. 41 (текст на глиняном цилиндре); H. Winckler, *Die Keilschrifttexte Sargons*, I, 1889, S. 5, 11.

[2] H. Winckler, *Die Keilschrifttexte Sargons*, I, S. 31.

[3] [E. Schrader], *Keilinschriftliche Bibliothek*, II, S. 67; H. Winckler, *Die Keilschrifttexte Sargons*, I, S. 117.

В последние годы царствования внимание Саргона было отвлечено от севера. Да и после смерти Саргона в Ассирии произошли политические осложнения, возможно, даже попытки государственного переворота, о чем рассказывается в одном из документов Куюнджикского архива (№ 473). Таким образом, Урартское государство имело возможность оправиться после поражения, нанесенного ассирийцами. Клинописные памятники свидетельствуют нам об интенсивных строительных работах Аргишти, проводившихся в центре государства и, в частности, в тех местах, через которые прошла армия Саргона. Две его стелы, найденные около Арджиша, рассказывают о постройке города, сооружении искусственного озера и о постройке канала.

По-видимому, Аргишти был царем Урарту почти на протяжении всего царствования Синахериба (705—681 гг.). Ассирийские источники этого времени умалчивают о событиях, происходивших в Урарту. Синахериб был занят войнами с Вавилоном, Сирией и Палестиной, а также подготовкой похода в Египет и не вел, во всяком случае открытой, борьбы со своими северными соседями, несмотря на то что граница Урартского государства была в это время сравнительно близко от центра Ассирии. Судя по текстам Синахериба, гора Тас (современный Бавиан), где ассирийский царь устроил свой охотничий парк, находилась «на границе Урарту»[4].

В 681 г. Синахериб был убит во время дворцового заговора, причем после вступления на престол Асархаддона убийцы царя бежали в страну Шуприю. В Библии, сохранившей эти сведения, сообщается, что сыновья Синахериба, убившие отца, бежали в Урарту: «И когда он (Синахериб. — *Б. П.*) поклонялся в доме Нисроха, бога своего, Адрамелех и Шарецер, сыновья его, убили его мечом, а сами убежали в землю Араратскую»[5].

Моисей Хоренский в новой «Истории Армении» передал этот же рассказ. Он писал, что Сеннахерим, царь ассирийский, был «умерщвлен своими сыновьями — Адрамелом и Санасаром, которые спаслись бегством к нам» (I, 23).

Санасар, по рассказу Моисея Хоренского, поселился на юго-востоке Армении, на границе с Ассирией. Впоследствии его потомки, «показав на службе верность нашим царям, удостоились получить достоинство бдешха в этих странах. Аграмозан (Адрамел) поселился на юго-востоке той страны, от него произошли роды Арцруни и Гнуни».

Армянский народный эпос также сохранил рассказ об убийстве Синахериба его сыновьями. Но там ассирийский царь выступает в образе багдадского халифа, идолопоклонника, которого убивают его сыновья Санасар и Багдасар.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности установить время окончания царствования Аргишти. В текстах Асархаддона (681—668 гг.) мы встречаем также имя нового урартского царя, Русы, сына Аргишти.

Среди оракулов Асархаддона, вопросов к богу Шамашу, сохранился текст, в котором ассирийский царь спрашивал бога о том, осуществятся ли замыслы Русы (Урсы), правителя Урарту, или народов гимирра (киммерийцев). Его беспокоил также вопрос, двинутся ли урарты и киммерийцы походом в страну Шуприа[6]. В другом тексте Асархаддон спрашивал Шамаша о том, удадутся ли планы «воинов гимирра, или воинов мидийских, или воинов манейских»[7].

Таким образом, мы видим, его тревожили северные соседи — киммерийцы, урарты, мидийцы и манейцы. И не случайно Ашуршалим в письме к Асархаддону говорит об организации наблюдения в странах Урарту, Мана, Мидии и Хубушкии (АВИУ, № 434).

---

[4] D. Luckenbill, *The Annals of Sennacherib*, Chicago, 1927, № 79, 12; № 84, 54.

[5] II «Книга царств», гл. XIX, ст. 37, а также «Иеремия», гл. II, стр. 27 и «Исайя», гл. XXXVII, ст. 38 — Иосиф Флавий в своей истории иудеев (X, гл. 1, 2) приводит этот рассказ со слов Бероза, называя сыновей Сеннахерима Адрамелеком и Селенаром.

[6] J. A. Knudtzon, *Assyrische Gebete an den Sonnengott für Staat königliches Haus der Zeit Assarhaddons und Assurbanipals*, II, Leipzig, 1893, № 48.

[7] J. A. Knudtzon, *Assyrische Gebete an den Sonnengott...*, № 1.

В том же письме дается также инструкция для приема и допроса перебежчиков из вражеских стран.

Но, по-видимому, ассирийцы не желали вести открытую борьбу со своими северными соседями, и, когда Асархаддон во время похода в страну Шуприа (673—672 гг.) захватил в крепости Уппум скрывавшихся в ней урартских беглецов, он вернул их урартскому царю[8]. Возможно, что и урарты в свою очередь избегали столкновений с Ассирией.

Период правления Русы, сына Аргишти, по дошедшим клинописным источникам, представляется нам периодом интенсивного строительства и укрепления мощи Урарту. Поэтому некоторые историки называют Русу II «реставратором Ванского царства». Он вел также борьбу на западе за восстановление урартского владычества над выходом к Средиземному морю, и в одной из его надписей в Адильджевазе, на северо-западном побережье Ванского озера, упоминаются пленные, захваченные в странах Мушкини, Хати и Халиту[9].

Громадное большинство археологического материала, дошедшего до нас, относится к концу Ванского царства, начиная со времени царствования Русы II. При раскопках на Топрах-кале, у Вана, кроме остатков древнего города, обнаружены также развалины храма и дворца. Посвятительная надпись на бронзовом декоративном щите из храма, содержащая имя Русы, сына Аргишти, указывает на то, что Руса III, сын Эримена, не строил храм заново, а только его обновлял.

На Топрах-кале были найдены также таблички из клинописного архива урартской столицы, причем один из документов был датирован так: «[в] год Русы, сына Аргишти, когда Сагаштара, царь Ишкигулу, пошел на страну Мана».

Урартские надписи свидетельствуют о больших строительных работах, проведенных Русой II на севере государства, в частности в Закавказье.

Об этом говорится в надписи, открытой в Маку [10], а также в тексте большой стелы, обнаруженной при раскопках Звартноца, древнего армянского храма VII в. н. э. около Эчмиадзина [11]. Стела эта, высотою в 2,7 *м*, содержит сорок семь строк клинописного текста, в котором рассказывается о крупных строительных работах, проведенных Русой II. В надписи содержатся сведения о разведении виноградников, плодовых деревьев и о каких-то посевах, об отводе канала от р. Ильдаруни (вероятно, Раздан) и о жертвоприношении животных богам Халди, Тейшебе и Шивини. Кончается надпись обычной формулой проклятия разрушителям памятника.

Одни исследователи полагали, что эта стела происходит из ближайших окрестностей Звартноца, а Ильдаруни — это р. Касах; другие относили ее к числу армавирских надписей.

Мне оба эти предположения кажутся маловероятными. В районе р. Касах нет ни одного большого городища урартского времени, с которым можно было бы связать эту стелу, рассказывающую о больших строительных работах. А из округи Армавирского холма нам неизвестен, за исключением небольшой строительной надписи Русы III, ни один памятник позже времени Сардури, сына Аргишти, в котором говорилось бы о строительстве в этом районе. Как уже было указано, по-видимому, в связи с политикой Русы I, направленной на ослабление наместников областей Ванского царства, Армавир (Аргиштихинили) потерял свое прежнее значение единого урартского административного центра в Закавказье, уступив место нескольким новым центрам. Более вероятно, что Звартноцская стела происходит из такого нового административного центра, а именно из района древнего города Тейшебаини. Возможно, стела находилась на правом берегу р. Раздан, против города и цитадели Тейшебаини, около прору6-

[8] Th. Bauer, *Ein Erstbericht Asarhaddons* (ZA, VI, 3—4, 1931), S. 246—249.

[9] Г. А. Меликишвили, *Фрагменты урартской клинообразной надписи из Адыльджеваза* («Сообщения Акад. наук ГрузССР», XII, 2, 1951), стр. 123—127.

[10] Н. Я. Марр, *Надпись Русы II из Маку* (ЗВО, XXV, 1922), стр. 1.

[11] В. С. Голенищев, *Надпись древневанского царя Русы II* (ЗВО, XIII, 1901), стр. 86.

ленного в скале древнего канала, действующего и поныне. Я думаю, что о пуске именно этого канала и приуроченных к этому событию жертвоприношениях и говорит Звартноцкая надпись.

Город Тейшебаини, цитадель которого находилась на холме, называемом ныне Кармир-блур, был крупнейшим урартским административным центром в Закавказье. В него стекалась и в нем обрабатывалась богатая дань, собранная в закавказских областях (в цитадели находились закрома для зерна, кладовые для вина, мастерская для изготовления кунжутного масла). В цитадели хранились роскошные бронзовые изделия, выдающиеся памятники урартского искусства, ткани и пряжа, железное и бронзовое оружие и орудия, различные украшения и среди них золотые и бронзовые изделия. Найдены предметы ассирийского, малоазийского и египетского происхождения, обнаружены также и отдельные скифские вещи (удила, бусы, резьба из рога). Последние, по-видимому, указывают на то, что урартские административные центры Закавказья были посредниками при связях скифов с Передней Азией.

Раскопки Кармир-блура показывают, что город Тейшебаини был одним из важных оплотов урартской власти в Закавказье.

Такое укрепление урартов в Закавказье в середине VII в. не было случайным. Можно предположить, что в это время урарты вступили в союз с киммерийцами и скифами, проникшими в Закавказье. Именно это обстоятельство, вероятно, и тревожило Асархаддона, который в своих вопросах к богу Шамашу спрашивал о намерениях Урсы урартского и киммерийцев [12]. Но нам известно, что Руса не вступал в борьбу с Ассирией, и летописи Ашурбанипала рассказывают о прибытии в Ассирию около 654 г. урартского посольства: «В то время урартский царь Руса услышал о могуществе моих богов и страх перед моим величием победил его. Он послал своих князей приветствовать меня в Арбеле».

Урартские послы прибыли в Арбелу сразу же после победы Ашурбанипала над Теумманом эламским и взятия Суз [13]. На рельефах Куюнджикского дворца изображен даже прием урартских послов ассирийским царем. Очень характерно переданы низкорослые фигуры послов, один из которых — молодой, безбородый, а другой — бородатый. На них длинные одежды, украшенные бахромой, поверх которых накинуты плащи, на головах мягкие, вероятно войлочные, шляпы с кистями, ноги обуты в высокие зашнурованные сапоги [14].

В одном ассирийском тексте, относящемся к этому изображению, говорится: «Урса, царь Урарту, отправил послов вопросить о моем благополучии. Я поставил им в пример Набудамика и Умбадару, послов Элама, принесших письмо с дерзким посланием. Перед ними Манукиахе, помощнику Дунану, и Нинуртаусалл, коменданту его города, я вырвал язык, кожу их содрал».

Сохраняя мир с Ассирией, Руса II все же продолжал военные действия на западе — в восточной части Малой Азии и в северной Сирии. В Мазгерде, на юге Дерсимских гор, т. е. на западной окраине Ванского царства, в урартской крепости сохранилась клинообразная надпись Русы II при входе в обширное помещение, высеченное в скале [15].

В этой надписи, так же как и в надписи из Адильджеваза, рассказывается об урартских военных походах. Тут упоминаются походы против хеттов и мушков. Мазгердская надпись свидетельствует также и о том, что Урарту в это время не потеряло своих западных владений и его западной границей, по-видимому, оставался Евфрат.

Нам неизвестны обстоятельства и время окончания царствования Русы, сына Ар-

---

[12] J. A. Knudtzon, *Assyrische Gebete an den Sonnengott*..., № 48.

[13] M. Streck, *Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige*, I, Leipzig, 1916, S. 286.

[14] G. Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, III, Paris, 1899, p. 412—413. — В этой работе автор ошибочно считает, что урартское посольство после Эламского похода отправил Сардури, а не Руса.

[15] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, I, S. 467.

гишти, по летописи Ашурбанипала отмечают около 639 г. (после второго аравийского похода) прибытие посольства нового урартского царя, Сардури III [16]: «Сардури, услышав о мощи и подвигах, которые судили мне великие боги, приветствовал мое величество, как сын отца, и соответственно этому писал: привет царю, моему господину. В почтении и смирении тяжелый дар свой он послал мне» [17].

Урартский царь Сардури, наследник Русы, сына Аргишти, известен нам только по приведенному тексту ассирийских летописей. Связанные с его именем урартские памятники найдены лишь на Кармир-блуре (клинописная табличка, передающая от имени Сардури, сына Русы, приказ относительно передела земли, и надпись на печати, оттиснутой на булле от кладовой для зерна).

Мы довольно хорошо знаем культуру последнего периода Урарту, но плохо осведомлены относительно его истории, в то время как для раннего периода — картина обратная: имея представление о политической истории того времени, мы не располагаем достаточным материалом для изучения культуры.

Во второй половине VII в. в Ванском царстве, по-видимому, последовательно царствовали три царя, но памятники дошли только от времени последнего из них, Русы, сына Эримена. И если Сардури упоминается в ассирийских источниках, то следующий урартский царь, Эримена, известен нам лишь по отчеству его сына Русы.

Отсутствие памятников, как урартских, так и ассирийских, которые бы с уверенностью можно было отнести к периоду правления Эримена, дало основание некоторым историкам исключить его имя из списков царей Урарту, ибо, по их мнению, нет истории без письменных документов.

Было высказано и другое предположение, что Эримена не существовал вовсе и что отчество последнего царя Русы следует понимать как Руса страны Эримены (Армении) [18].

Но оба эти предположения представляются неубедительными, и я думаю, что нет оснований подвергать сомнению существование урартского царя Эримена лишь вследствие того, что до нас не дошли его памятники и упоминания его имени в письменных источниках. Если мы исключим его из списка урартских царей, то правления Сардури и Русы III окажутся очень долговременными. А относительно умалчивания о нем ассирийских текстов следует заметить, что после правления Ашурбанипала в Ассирии наступил период упадка, окончившийся гибелью этого некогда могущественного государства Передней Азии. То, что Эримена не упоминается ассирийцами, не удивительно, например урартский царь Сардури III, в существовании которого никто не сомневается, в ассирийских письменных источниках упоминается всего лишь один раз.

В храме на Топрах-кале было найдено большое количество бронзовых художественных предметов, относящихся ко времени правления Русы, сына Эримена. На обломках шести декоративных бронзовых щитов сохранились его посвящения, а на куске бронзовой обивки дверей храма имеется надпись, говорящая о том, что этот храм построил Руса, сын Эримена [19]. Другие надписи этого урартского царя из центральной части Ванского царства нам неизвестны, но в Закавказье, в окрестностях Армавирского холма, был найден камень из кладки стены, с клинообразным текстом, рассказывающим о постройке зернохранилища [20]. По содержанию эта надпись аналогична надписи Аргишти, сына Менуа, найденной у Ганли-тапа.

Определение времени правления Русы, сына Эримена, представляет большие трудности. Леман-Гаупт, исходя из того, что Ванское царство прекратило свое существование около 585 г., т. е. когда мидийцы прошли через его территорию перед встречей с лидийскими войсками Алиата на р. Галис, и считая Русу, сына Эримена, последним

[16] M. Streck, *Assurbanibal und die letzten assyrischen Könige*, I, S. 286.
[17] [E. Schrader], *Keilinschriftliche Bibliothek*, II, S. 231.
[18] И. И. Мещанинов, *К анализу имени Эримена* («Язык и мышление», I, 1933), стр. 37.
[19] CICh, p. 157—163.
[20] М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья* (МАК, V, № XIX).

урартским царем, окончание его царствования относит именно к 585 г.[21], а начало его правления условно датирует 605 г.

Неясными до сих пор остаются еще обстоятельства и время гибели Тейшебаини. И. М. Дьяконов полагает, что эта крепость скорее всего была разрушена мидийцами[22], я же остаюсь при старом мнении, что последний удар был ей нанесен закавказскими племенами, среди которых были и скифы. Исследуя скифские предметы конца VII в., происходящие из Кармир-блура, Сулимирский[23] полагает, что время гибели Тейшебаини следует отнести именно к VII в. (не позднее 625 г.). Но он не учитывает того обстоятельства, что указанные скифские предметы хранились в кладовых цитадели, где было много вещей VIII в., и не являлись украшениями коней врагов, разрушивших крепость. Урартские надписи, найденные на Кармир-блуре, как указано выше, содержат имя царя Сардури, сына Русы. Если разгром Тейшебаини, положивший конец Урартскому господству в Закавказье, действительно произошел бы при Сардури, то остается непонятной находка на Араратской равнине надписи Русы, сына Эримена, о постройке зернохранилища. Вряд ли после этого разгрома Урарту смогло восстановить главенствующее положение в Закавказье.

Урартское государство пережило Ассирию, которая во второй половине VII в. стала терять свои владения, вступив в тяжелую борьбу с отпавшей от нее Вавилонией и возвысившейся к тому времени Мидией. Союз с Египтом не спас Ассирию; в 614 г. мидийцы взяли и разрушили Ашур, в 612 г. после длительной осады Ниневии вавилонянами, мидийцами и скифами пала вторая столица Ассирии. Последний ассирийский царь Ашурубалит должен был отступить в Харран, где он смог продержаться до 610 г., и в 605 г., после падения Кархемиша, Ассирийское государство перестало существовать.

Вавилонская хроника (клинописная табличка Британского музея № 21 901), описывающая события 616—609 гг.[24], рассказывает о походе, по-видимому, Набупаласара в 609 г. в Урарту (область города Урашту), но результаты этого похода остаются нам неизвестными, так как текст хроники обрывается.

Некоторые историки считают 609 год годом гибели Урартского государства, разрушения Тушпы и перехода урартской территории во владение Мидии. Но это предположение опровергается как недавно опубликованным текстом продолжения Вавилонской хроники, так и сведениями Библии. На клинописной табличке Британского музея (№ 22047) оказалось описание событий 608—605 гг.[25]. В тексте рассказывается о походе против Урарту, о продвижении к Тигру и вступлении в горную местность Бит-Хануния, «область страны Урарту». Возможно, что и поход 609 г., так же как и поход 608 г., был направлен на окраины страны Урарту, а не в ее центральную часть. В Библии, в пророчестве Иеремии, в части, датированной IV годом царствования Цидкия (т. е. 594 г.)[26], против Вавилона призываются мидийцы, урарты (Арарат), манеи и скифы (LI, 27). Значит, Ванское царство продолжало существовать и после похода Набупаласара в 609 г.

Таким образом, более правильно предположение о гибели Урарту в начале VI в. К этому времени Ванское царство окончательно потеряло свое прежнее значение, чему содействовали также и кочевые племена, проникшие в Переднюю Азию с севера, из-за Кавказского хребта. Этими кочевыми племенами, как показывают раскопки на Кармир-блуре, в начале VI в. были разгромлены урартские административные центры в Закавказье.

---

[21] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2.

[22] И. М. Дьяконов, *История Мидии*, Л., 1956, стр. 318.

[23] T. Sulimirski, *Scythian antiquities in Western Asia* («Artibus Asiae», XVII, 3—4, 1954), p. 313.

[24] G. J. Gadd, *The fall of Nineveh*, Oxford, 1923, p. 24, 36, 42.

[25] D. J. Wiseman, *Chronicles of Chaldean kings (625—556 b. C.) in the British Museum*, London, 1956, p. 65.

[26] И. М. Дьяконов, *Последние годы Урартского государства* (ВДИ, 1951, № 2), стр. 33.

В начале VI в. Урартское государство перестало существовать. На смену ему пришли новые государства Передней Азии. Район оз. Ван, прежний центр Урарту, сначала стал мидийским владением, а затем на долгое время перешел к ахеменидской Персии. На Ванской скале сохранилась клинообразная надпись ахеменидского царя Ксеркса, рассказывающая о его строительных работах. Поэтому трудно согласиться с мнением Леман-Гаупта, считавшего, что в это время бывшая столица Урарту, город Тушпа, представляла собой развалины, а урарты покинули свою страну, переселившись на север.

Владычество Мидии в Передней Азии было недолгим: уже в 550 г. столица Мидии Экбатаны была взята персами.

В середине VI в. западная часть территории Ванского царства была занята новым союзом племен, во главе которого стояли армены.

Об этом нам говорят ахеменидские клинообразные надписи. В перечнях стран, покоренных Дарием (около 520 г.), в вавилонском тексте Накширустемской и Бехистунской надписей стоит еще древнее название Урарту (в вавилонской форме —mâtu U-ra-aš-ṭu, которая читалась как Oralṭ), в то время как в древнеперсидском и эламском текстах оно заменено термином *Армения* (др. перс. Armina, эламск. Har-mi-nu-ia)[27]. Таким образом, территория Ванского царства стала называться по имени нового политического объединения, захватившего значительную ее часть.

Термин *Урашту* имеется также и в надписях Ксеркса (начало V в.). Последний раз он встречается в надписи печати Шамаш-баракку, сына Нидинту-бела, «начальника (*šaknu*) над людьми Урашту и Мелиду», оттиснутой на табличке времен Дария II (около 415 г.)[28].

В античной литературе название *урарты* сохранилось только у Геродота, сообщавшего, что в восемнадцатый податной округ Персии входили матиены, саспиры (саспейры) и алароды.

Матиены могут быть локализованы без труда, так как, по сведениям Геродота, «река Аракс течет из земли матиенов» (I, 202). На это указывает и Страбон (XI, 14,13). Таким образом, Матиенскими горами мы должны считать горы в районе Эрзурума, что согласуется и со сведениями Гекатея Милетского, сообщавшего, что матиены — соседи колхского племени мосхов.

По тексту Геродота легко устанавливается и место обитания саспиров, а именно: по среднему течению Аракса или Куры, при описании пути из Меотиды в Мидию указывается: «а из Колхиды недалеко уже пройти в Мидию; между этими странами живет только один народ — саспиры; миновав его, будешь в Мидии» (I, 104).

Несмотря на то что точных указаний для локализации алародов у Геродота нет, все же мы можем отнести их к югу от саспиров, к району оз. Ван. В «Истории» Геродота алароды упоминаются еще один раз при описании войска Ксеркса (VII, 79), причем и там они называются вместе с саспирами.

Судьба урартов после падения Ванского царства интересовала многих историков. В западноевропейской литературе наибольшее распространение имеет теория Леман-Гаупта, считавшего, что урарты под давлением арменов отступили на север, причем часть их, ушедшая в Понтийские горы, сохранилась под именем халдаев (χαλδαῖοι), встречающихся у античных и средневековых писателей[29].

При этом сопоставлении была допущена неправильная предпосылка, определившая весь ход догадок и предположений. Дело в том, что в истории древнего Востока было принято неверное положение Леман-Гаупта, согласно которому урарты якобы называли себя халдами, а свою страну Халдией[30]. Это его положение, на основании кото-

---

[27] F. H. Weissbach, *Die Keilinschriften der Achämeniden*, 1911, S. 10—13, 88—89.
[28] E. Unger, *Urartu* («Reallexicon der Vorgeschichte», XIV, 1928), S. 32.
[29] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 708.
[30] C. F. Lehmann-Haupt, *Chaldische Forschungen*, I. *Der Name «Chalder»* (VBGAEU, 1895), S. 578.

рого он делал выводы, уже давно вызвало возражение таких историков, как Иенсен и Мейер[31], а в последнее время и лингвистов, занимавшихся урартским языком[32].

Предположение Леман-Гаупта зародилось давно, в то время, когда при переводах урартских надписей ученые шли ощупью, без достаточного знания структуры урартского языка.

Дело в том, что в клинописи имя главного урартского бога Халди, которому посвящаются многие надписи, встречается иногда в формах *Халди-ни* и *Халди-ни-ни*, отягченных суффиксами, в которых Леман-Гаупт, так же как Сэйс и М. В. Никольский, неправильно принимал их за показатели множественного числа.

Исходя из необоснованной предпосылки о теократизме Урартского государства, Леман-Гаупт полагал, что как страна, так и ее жители назывались по имени бога Халди. Он писал: «Главным богом был Халди, „божествами Халди" или „детьми Халди" („халдини") назывались, как видно, собирательно все другие боги. Но все члены халдского народа считались детьми или подчиненными бога („халдини")... Навряд ли известен другой случай, в котором идея теократизма получила бы столь точное проведение в жизнь, заметное также и во внешних формах»[33].

Но именно это обстоятельство является особенно сомнительным во всей концепции Леман-Гаупта. Термины *Халдиа* и *халдинини*, в которых австрийский ученый хотел видеть название страны и народа, в урартской клинописи всегда пишутся с детерминативом бога, а не страны или же народа, причем нет ни одного отступления от этого правила, и мы не знаем случая, когда в клинописи названию страны или народа предшествовал бы детерминатив бога.

Такое положение в корне противоречило бы основным принципам клинообразного письма, в котором детерминативы имеют решающее значение.

Кроме того, в истории древнего Востока трудно найти пример, чтобы страна и народ носили имя бога. Обычно в этом случае указывают на Ассирию, полагая, что название этой страны и народа происходит от имени бога. Но необходимо учесть, что название страны Ассирии и ее народа произошло непосредственно от названия города Ашура, центра страны, имевшего, правда, своего локального бога Ашура, который впоследствии был поставлен во главе ассирийского пантеона.

Не стоит останавливаться на вопросе о несостоятельности с лингвистической стороны перевода термина *халдинини* (*халдейцам*, т. е. *людям Халди*) как формы дательного падежа множественного числа, на чем основываются все переводы этого термина. Фридрих очень четко показал грубую ошибку такого перевода и доказал, что такое понимание Сэйса было основано на неверной копии одного урартского текста[34].

Неправильность применения термина *Халдия* как названия Ванского царства очень четко показывает и титулатура урартских царей, из которой становится совершенно очевидным, что сами урарты свою страну называли *Биайни(ли)*.

Приведенный материал неоспоримо свидетельствует о неправильности предположения, что урарты называли себя халдами, а свою страну — Халдией. Это — недоразумение, к сожалению, надолго укоренившееся в изучении истории древнего Востока. Даже и теперь, когда специалисты по урартской клинописи с полным основанием отвергли термин *халды* в применении к урартам, некоторые ученые, как например Кёниг, все еще продолжают его употреблять[35].

Не стоило бы останавливаться на этом вопросе дольше, если бы Леман-Гаупт не

---

[31] E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, II, 2-e Auflage, Berlin, 1928, S. 419.

[32] J. Friedrich, *Chalder oder Urartäer* (ZDMG, XC, 1, 1936), S. 60—82; И. И. Мещанинов, *Древневинский бог Халд-Халдин* («Восточные записки», 1927), стр. 173—181; Գ. Ղափանցյան, Ուրարտուի պատմություն, Երևան, 1940, էջ 16, 32 (Г. А. Капанцян, *История Урарту*).

[33] К. Ф. Леман-Гаупт. *Вступительная лекция по истории и культуре халдов* («Труды Тбилисского гос. ун-та», VI, 1937), стр. 259.

[34] J. Friedrich, *Chalder oder Urartäer*, S. 63.

[35] F. W. König, *Handbuch der chaldischen Inschriften*, Graz, 1955.

сознавал всех трудностей предлагаемого им перевода. Отлично понимая их, он упорно с ними не считался, полагая, что решающими в вопросе о племенном названии урартов являются сведения античных писателей, из которых, по его мнению, с очевидностью вытекает, что ассирийскому термину «урарты» соответствовал местный — «халды». На этом основании он и отождествлял халдаев (халдеев) античных авторов с урартами.

Еще Ксенофонт, описывая отступление десяти тысяч греков после неудачного похода Кира Младшего (конец V в.), упоминает халдаев (χαλδαῖοι). При переправе греков через р. Бохтан, отделявшую страну кардухов от Армении, они встретились с войском Оронта, среди воинов которого были наемники-халдаи. Ксенофонт замечает: «Говорили, что халдаи свободны и сильны; оружием им служат большие плетеные щиты и копья» (VI, 3, 4). В двух других местах (V, 5, 17; VII, 8, 25) Ксенофонт снова упоминает о халдаях, как о воинственном и независимом племени, с которым грекам пришлось воевать, но район их обитания не указывает.

Остановимся кратко на маршруте отступления греков. Перейдя через р. Заб и выйдя к Тигру, войско шло по его левому берегу до тех пор, пока путь не был прегражден горами, спускавшимися к самой реке. В этих горах, к югу от оз. Ван, носящих ныне название Курдистанских, жило воинственное племя кардухов. Не имея возможности переправиться через Тигр, греки с боем стали продвигаться по Кардухским горам и дошли до р. Кентрит (современный Бохтан), отделявшей область кардухов от Армении. Далее путь шел к истокам Тигра, а оттуда на север, с переправами через реки Телебой и Евфрат. Миновав еще одну реку, названную Фасис, греки вступили в области, где жили независимые племена таохи и халибы, и подошли к р. Арпа. Пройдя эти страны, они поднялись на высокие горы и оттуда увидели Черное море. Миновав область макронов, греки пришли в Трапезунд, а оттуда двинулись на запад по побережью, встречая на своем пути племена мосинойков, халибов и тибаренов, нам хорошо известные по многочисленным сведениям античных авторов.

Таким образом, в «Анабасисе» нет описания похода через страну халдаев, несмотря на то что в перечислении областей, через которые прошли греки, названы как автономные племена кардухи, халибы, халдаи, макроны, колхи, мосинойки, кеты и тибарены (VII, 8, 25).

Диодор (XIV, 29), описывая маршрут отступления десяти тысяч греков, при перечне местных племен несколько расходится с Ксенофонтом. По его сведениям, греки после переправы через Фасис попали в область хаев и фасианов и затем через халдайскую область прошли к р. Арпаг. Вместо таохов Ксенофонта Диодор называет хаев, а вместо халибов — фасиан, причем страну он именует Халдайской областью. Получается впечатление, будто бы названия *халибы* и *халдаи* или равнозначны, или близки друг другу.

Это подтверждается также и Страбоном (XII, 3), указывавшим, что халдеи живут в районе Трапезунда и Фарнакии и что «нынешние халдеи в древности назывались халибами». Евстафий (XII в. н. э.) писал, что халдаи жили в Малой Армении, а за ними жили халибы.

Надо заметить, что в античной и средневековой литературе не было достаточной ясности относительно халдаев, и Стефан Византийский даже указывал: «Есть и халдеи — народ вблизи Колхиды, однако более сведущие говорят, что они живут около Вавилона». Тут произошло смешение двух совершенно различных племенных названий, обозначавшихся, согласно греческой фонетике, одним именем, и совершенно очевидно, что южномесопотамские халдеи (древнее *калду*, *кашду*) никакого отношения к припонтийским халдаям не имеют.

Отождествляя последних халдаев с древними урартами, Леман-Гаупт приводит сведения, согласно которым название области Халдия дожило до современности.

Действительно, на южном берегу Черного моря существовала область, называвшаяся Халдейской, в которую входил Трапезунд. По Константину Порфирогенету

(X в н. э.), восьмая фема Византии называлась Халдией, а по грузинской хронике Багдатидов византийский император Василий (XI в. н. э.) зимовал «в стране Халдейской, в городе Трепизонде», о чем упоминают и армянские источники.

Рюи Гонзалес де Клавихо в описании своего путешествия (начало XV в.) рассказывает, что, выехав из Трапезунда в Эрзинджан, он должен был перевалить снежные горы провинции Халдия.

При отождествлении античного народа халдаев с халдами-урартами основным источником для Леман-Гаупта была «Киропедия» Ксенофонта, где дается характеристика халдаев как племени, живущего войной, «ибо страна их гориста и в незначительной части плодородна». Прямое указание на тождество халдаев с урартами Леман-Гаупт находил в сообщении о том, что армены, заняв лучшие земли, пригодные для земледелия, оттеснили халдаев в горы.

Не останавливаясь на критике этого источника и указав лишь, что «Киропедия» является литературным произведением дидактического характера, в котором уже давно были замечены исторические неточности, следует подчеркнуть, что в «Киропедии» не может идти речь о вытеснении урартов из района оз. Ван. В этом произведении, так же как и в «Анабасисе», говорится лишь о западной Армении, без района оз. Ван, т. е. основной территории бывшего Урартского государства.

Н. Я. Марр уже давно указал на неправильность отождествления жителей Ванского царства с халдаями (*καλδαῖοι*) античных авторов[36]. Он разъяснил, что этот термин является греческой передачей местного термина, встречающегося в армянских источниках как *Хагтик* (*Խաղտիք*) *ḫağ-iiq* (* *ḫal-ti-q*), причем термин *ḫağ-iiq* представляет форму множественного числа на *-te -ti* со вторым суффиксом *-q*. В кавказских языках при образовании множественного числа часто встречается сочетание двух (а иногда даже и больше) показателей множественности. Так, в данном термине *ḫağ-ti-q* имеются два показателя: *-ti* и *-q*. Таким образом, основой племенного термина, передаваемого греками как *καλδατος*, является не *ḫald*, а только *ḫal*. Эта же основа есть и в другом племенном названии, а именно *ḫal-ib/ub* с суффиксом множественного числа *-ib*.

Разъяснение рассматриваемого термина, данное Н. Я. Марром, объясняет и смешение античными авторами терминов *халибы* и *халдаи*. По всей вероятности, различие этих терминов основано на том, что греки получили их из разных источников и что соседи халибов-халдаев прибавляли к слову признак множественности соответственно своему языку, причем армяне к суффиксу *-ti* прибавили еще показатель множественности *-q*.

В этой связи уместно напомнить, что термин *Халтик* (*Хагтик*) сопоставляется со страной Халиту, название которой прочитано в надписи Русы, сына Аргишти, из Адильджеваса (УКН, № 278).

Для нашей темы большой интерес представляет уточнение местоположения страны Халтик (ḫağ-ti-q), приводимое армянскими источниками. Так, Моисей Хоренский пишет в «Истории Армении», что император Тацит был убит в «Джанике Понтийском, т. е. в Халтике» (III, 76). В другом месте той же книги эта страна упоминается вместе с Лазикой (II, 4).

В «Армянской географии» VII в. н. э. мы находим следующий текст: «Колхида, т. е. Егер (Мегрелия), находится к востоку от Понтийского моря, близ Сарматии, и сопредельна с Иверией и Великой Арменией; Егер разделяется на четыре провинции: Манрили, Егревина, Лазив, Джанив, т. е. Халтик»[37].

В обоих приведенных текстах указывается, что Халтик — то же самое, что и Джанив, т. е. Чаны, которые Арриану были известны под именем (Σάννος), а Прокопию — ζάννοι.

---

[36] Н. Я. Марр, *Надпись Русы II из Маку*, стр. 41.
[37] К. П. Патканов, *Армянская география VII века*, СПб., 1877, стр. 39.

Таким образом, мы видим, что предположение Леман-Гаупта о тождестве урартов с халдаями, упоминаемыми античными и средневековыми авторами, рушится, а вместе с ним рушится и утверждение, что урарты называли себя халдами, так как Леман-Гаупт оба своих недостоверных положения доказывал одно другим.

Для того чтобы окончательно убедиться в несостоятельности отождествления урартов с припонтийскими халдаями, следует рассмотреть методологические корни этой теории. Они становятся совершенно ясными из текста работы Леман-Гаупта, который, намечая основные задачи урартоведения, писал: «Надо систематически и энергично бороться с лишенными всякого исторического понимания попытками, доказывающими на основании самых узких мелкофилологических исследований, что названия народов и империи „Хайды" и „Халдия" неправильны. Нужно будет, продолжая мои и Пауля Кречмера открытия, расширить и углубить исследования о первоначальной родине халдов в западной Малой Азии»[38].

В главе III я пытался показать ошибочность теории Леман-Гаупта относительно прихода урартов из западной части Малой Азии. Эта теория оказывается теснейшим образом связанной с вопросом о племенном термине урартов и представлением об их переселении после падения Ванского царства. Как было уже отмечено выше, ассирийские источники начиная с XIII в. показывают шаг за шагом образование Урартского государства в районе оз. Ван и тем самым лишают оснований поиски прародины урартов на западе, поиски, основанные на миграционной теории, не опирающейся на конкретный материал. По этой миграционной теории, господствовавшей одно время в западноевропейской исторической науке, урарты приходили в район оз. Ван для создания Ванского царства и после его падения куда-то ушли. Эта теория обусловила поиски путей, по которым якобы двигались урарты в VI в.

Урарты, не составлявшие в своем государстве большинства населения, так как при помощи оружия в состав Ванского царства были включены многочисленные мелкие племена Передней Азии, после падения Урартского государства никуда не ушли, а остались жить в Ванском районе, сохраняя племенное название, переданное Геродотом в греческой форме,— алароды.

При решении вопроса о судьбе урартов после падения Ванского царства необходимо рассмотреть также древнюю историю армян, народа, обитавшего на территории Урарту и позднее создавшего свое государство. В исторической литературе господствует мнение, согласно которому армяне появляются в Передней Азии лишь в начале VI в. Это убеждение основывалось на представлении о том, что в надписях царя Дария на победном памятнике в Бехистуне и на гробнице в ущелье Накши-Рустем в первый раз упоминается страна Армина и народ армены. В связи с этим и возникла теория, согласно которой армены признаются пришлыми из западных областей Малой Азии или же с Балканского полуострова.

Специальной работой, посвященной происхождению армян, является небольшая книга Маркварта[39], который критически принимает сведения античных писателей относительно связи армян с фригийцами. Он считает, что армяне пришли на территорию Передней Азии в отдаленнейшие времена, лежащие за пределами исторических знаний.

Европейское происхождение армян Маркварт обосновывал лингвистическим материалом, утверждая, что на основании данных сравнительного языкознания армянский язык — это язык индоевропейский, принадлежащий к европейской группе этой семьи. По фонетике он стоит между славяно-литовскими и албанским языками, а в словаре встречаются соответствия греческому и фракийскому. Это положение, по мнению Маркварта, свидетельствует о том, что армяне некогда жили в Европе поблизости от предков греков и фракийцев. Вместе с тем он подчеркивал, что большая часть армянских слов заимствована из какого-то чуждого, неиндоевропейского языка. Кроме

---

[38] К. Ф. Леман-Гаупт, *Вступительная лекция по истории и культуре халдов*, стр. 267.
[39] J. Marquart, *Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation*, Potsdam, 1919.

того, по физическому типу армяне не имеют никакого сходства с индо-германцами, и, скорее всего, они ближе к народам, изображенным на древних скульптурах Малой Азии и северной Сирии (т. е. хеттам). Маркварт полагал, что армянский народ сформировался в процессе весьма древнего скрещения различных этнических групп, и считал возможным сближение армянского языка с хеттским, как это делал Иенсен. Небольшая книжка Маркварта является единственной работой, посвященной вопросу происхождения армян, основанной на материале более широком, чем лингвистический. Остальные же труды о происхождении армян целиком основаны на лингвистическом материале и направлены на исследование вопроса о происхождении армянского языка.

Виднейшие индоевропеисты, такие, как Петерман, Виндишман, Мюллер и ряд других, выдвинули теорию, по которой армянский индоевропейский язык принадлежит к иранской подгруппе. В 1854 г. была опубликована анонимная работа, в которой автор пытается связать армянский язык с санскритом[40]. Теория происхождения армянского языка от иранских была вскоре отвергнута. Гюбшман доказал, что иранизмы в армянском языке являются заимствованием и что другие индоевропейские черты армянского языка заставляют выделить его в самостоятельную ветвь индоевропейской группы. Невозможность доказать близость армянского языка к какому-либо определенному индоевропейскому языку заставила виднейшего индоевропеиста и армениста Мейе[41] утверждать, что вообще фонетическая и морфологическая система армянского языка резко отличается от системы индоевропейского языка. В том же 1903 г., когда вышла в свет книга Мейе, устои чистого индоевропеизма в армянском языке были еще более поколеблены Н. Я. Марром, показавшим в «Грамматике древнеармянского языка», что сближение индоевропейских черт армянского языка с чертами какого-либо определенного из существующих ныне индоевропейских языков невозможно. Исследование этого вопроса развил Г. А. Капанцян[42], который пришел к следующим выводам: 1) армянский язык с типологически-конструктивными и стадиально-идеологическими проявлениями или свойствами несомненно роднится с древними малоазийскими (азианическими) языками, а не с индоевропейскими; 2) звуковой феномен армянского языка с его артикуляционными навыками определенно тяготеет к малоазийскому (азианическому) языковому субстрату и 3) количество точно установленных слов индоевропейского происхождения составляет не более десяти процентов. Следовательно, вся остальная масса незаимствованных слов, которые в большинстве несомненно исконные, армянские, должны считаться местными, азианическими по происхождению. Г. А. Капанцян, таким образом, полагает, что армянский язык вырос на малоазийской языковой основе и имеет связи с хеттским, хуррито-урартским и грузинским языками. Свое положение Г. А. Капанцян обосновал рядом специальных работ, показывающих связи армянского языка с другими древними языками Передней Азии. Лингвистические данные оказываются неполноценными в разрешении вопроса происхождения армянского народа, тем более что языки индоевропейской группы на территории Передней Азии отмечены еще во время, предшествующее образованию Урартского государства (первая половина II тысячелетия). Таким образом, языковый материал никак не может служить основой теории прихода армян из Европы после падения Хеттского царства. А между тем именно лингвистический материал, подкрепленный сведениями античных писателей, является главным источником всех миграционных представлений.

Геродот считал армян «фригийскими выселенцами» и указывал на то, что «армении, потомки фригийцев», были вооружены подобно последним (VI, 73). Но следует подчеркнуть, что Геродот «земли армениев», которые «живут выше ассирийцев» (I, 194), рассматривал преимущественно как приевфратские земли, считая, что граница между

---

[40] «Zur Urgeschichte der Armenier», Berlin, 1854.

[41] A. Meillet, *Esquise d'une grammaire comparée de l'arménien classique*, Vienne, 1903, p. III.

[42] Г. А. Капанцян, *К происхождению армянского языка* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1946, № 7), стр. 3—30.

Арменией и Киликией проходила по р. Евфрат (I, 52). Поэтому и сведения о населении этой области нельзя переносить на всю Армению, ибо во времена Геродота территория, называемая Арменией, была заселена не одним народом, а многочисленными племенами и мелкими народами, отличными по этническим и языковым признакам, оставшимися там после распада Урарту.

Некоторые античные писатели приводят мифологические сказания о происхождении армян. Так, Страбон (кн. IX, гл. IV, § 8) писал: «Армен (спутник Язона) происходил из Армении, одного из городов, лежащих у Вивендского озера, между Ферами и Ларисой, спутники его (будто бы) заселили Акилисену и Сиспириту до Калахены и Адиабены. От имени Армена осталось и название Армении». По Стефану Византийскому, Антипатр в трактате о Родосе утверждал, что Армен — родосец. Евстафий в комментариях к труду Дионисия скептически приводил все разноречивые мнения, не давая ни одному из них предпочтения. Он писал, что Армения получила свое название или от указанной Армянской горы, или от какого-то родосца Армена. По другим источникам, эта страна названа Арменией по имени героя Армена, происходившего из фессалийского города Армения и сопутствовавшего Язону в его походе... Нужно знать, что Геродот называл армян фригийскими выселенцами, говоря также, что они богаты овцами. И Евдокс в «Объезде земли» говорил о том, что армяне ведут род из Фригии и что в их языке есть много фригийского (§ 694). Направленность всех этих сведений ясна. Они стоят в тесной связи с колонизационными стремлениями господствующего класса античного мира и со своеобразным отношением к географии и этнографии со стороны античных писателей. Совершенно очевидно также и то, что рассказы о предках армян, якобы живших в пределах древней Греции и Малой Азии, отражают намерения авторов подобных рассказов закрепить этим колонизационный приоритет родного города или родной области. Вспомним, что античные писатели предками мидийцев, персов и даже египтян считали выходцев из Греции, но эти высказывания никто серьезно не принимал.

В древнеармянской литературе мы встречаем другое объяснение происхождения армян, хотя оно также построено на отождествлении имени страны и народа с именами предков. Моисей Хоренский эпонимом Армении называет Арама, считая его прямым потомком библейского мифического предка Яфета. В 12-й главе своей первой книги он писал: «Рассказывают, что Арам совершил много воинских подвигов в боях, что он раздвинул пределы Армении на все стороны, что все народы стали называть нашу страну по его имени: греки — Армен, персы и сирийцы — Армни». В анониме, приписанном к истории Себеоса, и у Нерсеса Шноргали эпонимом армян считается не Армен, а Арменак, что стоит в связи с другим циклом сказаний. Надо заметить, что Моисей Хоренский включил в «Историю Армении» различные самостоятельные циклы сказаний: о Хайке, о его сыне Арменаке, об Арме, о Шамирам и Ара. Эти сказания уже давно обратили на себя внимание историков Армении, считавших, что в них получили отражение реальные исторические события [43]. Все эти сказания повествуют о борьбе народов, населявших южные части Армянского нагорья, с ассирийцами (Нином), вавилонянами (Белом) и мидийцами. Но почему-то при написании древнейшей истории армян оказывалось предпочтение античным сказаниям перед местными армянскими.

Индоевропейский характер армянского языка служил достаточным основанием для того, чтобы считать армян не коренным народом Передней Азии, и обычно при исследовании вопроса о происхождении армян главное внимание уделялось установлению их первоначального местожительства и тех путей, по которым они пришли в Переднюю Азию. А между тем в армянских сказаниях сохранилось много данных по древнейшей истории тех племен, которые вошли в состав армянского народа. Внимательное

---

[43] К. П. Патканов, *Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии* [ЖМНП, 1881 (отдельный оттиск)]; Я. А. Манандян, *О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении*, Ереван, 1956, стр. 145—155.

отношение к этим данным позволяет связать их с действительными событиями древней истории Передней Азии.

Урартские материалы также дают много важных сведений по древнейшей истории современных народов Закавказья, отражающих процесс их образования.

В состав Урартского государства входили отдельные страны, имевшие династии своих правителей, и многие названия этих стран, как указывалось выше, сохранились в армянской средневековой топонимике. Особенно интересно то обстоятельство, что наименования урартского времени сохранились в названиях именно тех областей, которые имели чрезвычайно важное значение в политической жизни Армении с самого начала образования Армянского государства. Это обстоятельство приобретает еще большее значение при учете того, что на древнем Востоке названия страны и ее населения обычно совпадали, так что топонимические термины можно рассматривать и как этнонимические (урарт. Цупа-ни, греч. Софе-на, арм. Цоп-к; ассир. Энзите, греч. Анзитена, арм. Андзит; хетт. Алше, ассир. Алзи, арм. Алдзник и др.).

Эти сопоставления, отмечавшиеся уже давно, дополняются еще одним, свидетельствующим о древнем происхождении и автохтонности того термина, который лег в основу слова *Армения*. Я имею в виду название страны Арме в надписи Сардури, сына Аргишти (УКН, № 156). В тексте имя царя упомянуто рядом со «страной города Нихириа», что подтверждает локализацию Арме районом к юго-западу от оз. Ван. В этом урартском тексте середины VIII в. говорится о стране Арме, название которой созвучно с термином *Армина* в древнеперсидских надписях и словом *Армина* в греческих источниках. Действительно, обычным суффиксом в названии стран в урартской клинописи является *-ни-*, а клинописный знак второй части названия Арме может передавать слоги *-ме* и *-ми*. Таким образом, полное название этой страны, находившейся вблизи от Нефферкерта (арм. Неф-керт), будет Арме-ни или Арми-ни. Итак, вопреки прежнему мнению, термин, который стал племенным названием армян, появился не в VI, а в VIII в., в период могущества Урарту. Маркварт[44] был совершенно прав, когда он предположил, что древнеперсидский термин *Армина* происходит от корня *Арм-* и урартского суффикса *-ини-*, принявшего под влиянием мидийского языка форму *-ина*, и противопоставлял свое объяснение старому мнению о том, что термин *Армина* состоит из двух частей *-хар* и *мини*, означая «горы страны Мини (Мана)».

Маркварт также оказался прав, сопоставляя термин *Армина* с ассирийским и урартским термином *Урме-ни*.

Связи древних армянских терминов с урартскими можно наблюдать не только в географических названиях. Не раз с полным основанием указывалось, что и древнейшие родовые фамилии армянских князей восходят к урартскому времени, поскольку конечный суффикс *-ни-* особенно характерен для урартского языка. Таковы древние фамилии армянских князей: Рштуни, Бзнуни, Мандакуни, Хорхоруни и др.

В этом отношении значительный интерес представляет и армянская историческая традиция, по которой первый армянский царь жил во времена гибели Ассирии, в конце VII в. Моисей Хоренский, например, 21-ю главу первой книги «История Армении» посвящает «Паруйру, сыну Скайорди, первому венценосцу Армении».

Далее приводится текст из книги Моисея Хоренского: «Последним из живших во время ассирийского царства, со времен Шамирам и Нина, был наш Паруйр при Сарданапале. Он оказал немалую помощь мару Варбаку, который отнял у Сарданапала его царство... Варбак родом из одной из крайних, небольших, но сильно укрепленных областей Мидии, муж хитрейший в житейских делах, замечательный в бою, зная женоподобный нрав и сладострастную изнеженность слабохарактерного Конхолероса, хитростью и щедрыми дарами окружает себя приверженцами из людей мужественных и полезных, которые в то время, как известно, твердо правили ассирийской монархией.

---

[44] J. Marquart, *Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation*, S. 67.

Он склоняет на свою сторону храброго нахарара нашего Паруйра, обещая ему царские почести и венец, и многих мужественных воинов, искусно владеющих копьем, луком и мечом».

Таким образом, Варбак, завладев царством Сарданапала, господствует над Ассирией и Ниневией. Поставив здесь других правителей, он переносит царский престол в Марк (Мидию).

В приведенном отрывке рассказывается об армянском князе Паруйре, который оказал помощь мидийскому Варбаку, разгромившему Ассирию, за что Варбак дал ему самостоятельность и объявил его царем Армении.

М. Чамчан в первом томе «Истории» (Венеция, 1785), на основании не известных нам источников, приводит список древнейших правителей Армении с точным указанием продолжительности их царствования. По-видимому, автор «Истории» имел в своем распоряжении рукопись, в которой список правителей содержал указания на время правления каждого из них. М. Чамчан начало правления Паруйра относил к 748 г. до н. э., а смерть Сарданапала и свержение ассирийского ига к 743 г. до н. э., т. е. допуская ошибку примерно на 130 лет.

Уже давно была отмечена близость текста 21-й главы I книги «Истории» Хоренского к тексту хроники Евсевия Кесарийского, который в свою очередь заимствовал рассказ у Ктесия и Диодора Сицилийского (кн. II, гл. XXIV).

Евсевий, описывая время Сарданапала, царя Ассирии, рассказывал следующее: «Некто Варбак (или Арбак), родом мидиец, человек добродетельный по мужеству своему и прекрасным качествам души, был военачальник мидийцев, один из тех, которые ежегодно отправлялись в город Нина. Во время своего военачальства, при личном свидании с полководцем вавилонским он подружился с ним и, будучи упрашиваем им, он сокрушил царство Ассирийское». И в другом месте: «Тоннос Конхолерос, которого греки называют Сарданапалом, потерпев поражение от Варбака и Белесиса, предал себя в жертву пламени... Отняв царство ассирийское, Варбак назначил Белесиса царем над вавилонянами, а сам перенес престол в Мидию».

Таким образом, Евсевий рассказывал (по Диодору) о личном свидании и заключении союза между Варбаком и Белесисом, о победе их над Ассирией и об уходе Варбака в Мидию.

Сравнение текста книги Хоренского с приведенным отрывком из хроники Евсевия обнаруживает их близкое сходство с той только разницей, что Хоренский ничего не говорит о Белесисе, а приводит рассказ об армянском князе Паруйре.

Этого сопоставления текстов Моисея Хоренского и Евсевия было достаточно для того, чтобы считать сведения армянского историка лишенными оснований (К. Патканов, Г. Халатьянц). Действительно, текст Моисея Хоренского настолько близок к тексту Евсевия, что вопрос их зависимости совершенно очевиден: можно предположить, что армянский историк в свой текст включил сведения, взятые им из хроники Евсевия, вставив в них рассказ о выдуманном им самим Паруйре, сыне Скайорди.

Поэтому историки часто игнорируют сведения Моисея Хоренского о первом армянском царе Паруйре. Те исследователи, которые обвиняли Моисея Хоренского в недобросовестности, в подлоге, в переписывании рассказов античных и византийских историков с некоторыми видоизменениями и включением вымышленных им армянских имен, не учли одного весьма важного обстоятельства, что Моисей Хоренский — писатель раннего средневековья и что зависимость текста его книги от текста использованных им историков является своеобразным литературным приемом. Они не учли также, что во времена Хоренского писали именно так и что средневековый армянский историк, рассказывая о древних временах, и не мог писать иначе. Они не могли этого учесть потому, что подходили к Хоренскому с требованиями современной им науки, а не средневековой.

Моисей Хоренский при написании древнейшей истории Армении за основу брал доступные ему рукописи историков (в данном случае, вероятно, армянский перевод

хроники Евсевия, и включал в него сведения из других источников: из не дошедших до нас хроник, а также легенд, рассказов и песен, сохранившихся в народе).

В этом нас убеждают сопоставления текста Хоренского с текстами античных историков, неоднократно приводимыми исследователями, желавшими уличить в подлоге и Хоренского и источники (например, книга Мар-Абас Катина), которыми он пользовался. Возьмем для примера 16-ю главу «Истории Армении», рассказывающую о постройке ассирийской царицей Шамирам города Ван.

Г. Халатьянц[45], установив зависимость текста этой главы от рассказов Диодора, Иосифа Флавия и Евсевия, считал, что Хоренский снабдил «Историю» вольными добавлениями, пересказом книг указанных историков, описавших строительство в Вавилоне и Экбатанах при Шамирам. Но он не учел того, что Хоренский при описании приводит детальные сведения, которые могут относиться только к Вану. В «Истории» точно описана Ванская скала, ее форма, расположение пещер и клинописей. И не будет большим преувеличением утверждение, что до последнего времени самыми точными описаниями Ванской скалы являлись описания Моисея Хоренского и Шульца. Г. Халатьянц допускал, что при изложении рассказа о строительстве при Шамирам Хоренский мог исходить от топонимических названий. Но мне кажется, следует держаться обратного мнения, а именно, что топонимика средневековья была тесно связана с известными в то время народными легендами, которые вряд ли были созданы Диодором, Иосифом Флавием и Евсевием. Имелся обширный цикл южноармянских народных легенд о Шамирам; вероятно, они и являлись главным источником для Хоренского, когда он писал 16-ю главу «Истории Армении».

Вернемся к рассказу Моисея Хоренского о Паруйре и связи рассказа с хроникой Евсевия.

Совершенно очевидно, что в текстах Евсевия и Хоренского говорится о тех же событиях, что и в приведенной выше хронике Набупаласара. В этом нет никаких сомнений.

Хоренский рассказывает об армянском князе Паруйре, жившем при Ашурбанипале, которого он, так же как и античные писатели, называет Сарданапалом, т. е. собирательным именем последних ассирийских царей.

Под именем Варбака следует подразумевать мидийского царя Киаксара или же мидийского военачальника, а возможно, их обоих вместе (т. е. как собирательную личность).

Для нашей темы особый интерес заключается в том, что хотя в хронике Евсевия и в «Истории» Моисея Хоренского говорится о тех же событиях, что и в хронике Набупаласара[46], однако содержатся отличные друг от друга сведения, совпадающие с данными вавилонской хроники и других античных источников.

Евсевий говорит только об одном союзнике Киаксара (Варбака) — о Набупаласаре (Белесисе). Хоренский же, не упоминая о вавилонском царе, приводит сведения об армянине Паруйре, сыне Скайорди, князе одной из тех зависимых стран, которые оказали помощь мидийцам и вавилонянам при взятии Ниневии, т. е. при окончательном разгроме Ассирии. Вавилонская хроника называла их «ummân manda», а Геродот — «скифским войском». Примечательно и то обстоятельство, что отец Паруйра носит имя Скайорди, причем в некоторых рукописях «Истории Армении» это имя пишется раздельно: «скай» и «орди». В переводе оно означает «сын исполина» или «сын скифа». Н. Я. Марром уже давно было разъяснено, что грузинский термин «гимир» — «герой» — связан с племенным названием киммерийцев, так же как и армянское слово «hcka» — «великан» — с именем скифов-саков. Раскопки в Мингечауре, проведенные археологической экспедицией Академии наук Азербайджанской ССР, показали, что такая взаимосвязь указанных терминов возможна. При исследовании скифских погребений, откры-

---

[45] Г. Халатянц, *Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского*, М., 1896, стр. 145—146.

[46] G. J. Gadd, *The fall of Nineveh*.

тых в Мингечаурском могильнике, были обнаружены костяки, отличающиеся исключительным ростом (более 2 *м.*)

Рассмотрим теперь сведения о Скайорди, приводимые Хоренским в виде добавления к 23-й главе. Там мы читаем: «Около 80 лет до воцарения Навуходоносора жил Сеннакирим, царь ассирийский, который осадил Иерусалим при Езекии, начальнике евреев. Он умерщвлен своими сыновьями — Адрамелом и Саннасаром, которые спаслись бегством у нас. Одного из них, т. е. Саннасара, мужественный родоначальник наш Скайорди поселил на юго-востоке нашей страны, близ пределов Ассирии. Его потомки, размножившись, населили гору, называемую Сим».

Таким образом, по тексту Хоренского об убийстве Синахериба устанавливается, что Скайорди был современником ассирийских царей Синахериба и Асархаддона. Он был князем, но не царем страны, граничившей с Ассирией и, по сведениям Библии, входившей в состав Урарту. Сасунские горы (гора Сим) находились близ юго-восточных пределов этой страны.

Паруйр, сын Скайорди, был современником Ашурбанипала и последних ассирийских царей. В Урарту в это время правили цари Сардури и Эримена, от которых до нас не дошла ни одна клинописная надпись; первый из них известен по летописи Ашурбанипала, а второй — по надписям своего сына.

По-видимому, Урарту, подобно Ассирии, переживало тяжелые времена и не участвовало в войне против своего векового врага — Ассирии, и противники Ассирии в 609 г. выступили в поход против Урарту. Об этом рассказывают последние из сохранившихся строк хроники Набупаласара.

В этот период истории Передней Азии, в период падения могущественных государств древнего Востока, особенно усилились племена, которые мы называем скифскими.

То, что древневосточные государства имели связи с киммерийцами и скифами, подтверждается многими источниками. Поэтому нет ничего удивительного, что, по армянской традиции, первым царем считается сын Скайорди, внук скифа. Паруйр, по-видимому, был князем одной из небольших стран, которая, согласно «Истории» Хоренского, входила в состав Урарту и находилась у северо-западной границы Ассирии. Другими словами, та страна, князем которой считался Паруйр, находилась в непосредственной близости со страной Арме, если не являлась ею. Возможно, что это обстоятельство, а вернее, одноименность страны Арме и Армении, послужило поводом для предположения, что Паруйр был первым армянским царем.

Паруйр, сын Скайорди, оказал военную помощь мидийцам и вавилонянам в разгроме Ассирии и за это получил самостоятельность и царский венец в 612 г.

Вскоре начался распад Ванского царства, территория которого до 585 г. была захвачена Мидией.

/Уже в конце VII в., при ослаблении урартской государственной власти, от Ванского царства отделились мелкие страны его западной и юго-западной частей, которые до того находились под постоянной угрозой со стороны Ассирии и стран восточной части Малой Азии. Первая угроза отпала, вторая же оставалась еще реальной. Поэтому страны, входившие раньше в состав Урарту и защищавшиеся урартской армией, принуждены были сами объединяться, чтобы сохранить свою самостоятельность/Новый союз охватил примерно ту же территорию, которую пятьсот лет до этого занимали страны Наири. В истории Передней Азии второй раз, но уже на новой основе, образуется союз стран западной части Армянского нагорья. Рабовладельческие государства, объединявшие большое число разнородных маленьких стран, не создали еще прочной общности людей. Основой этих государств был не один народ, а конгломерат малых народов, находившихся под властью господствующей страны. Но в отличие от племенных догосударственных объединений эти малые народы, входившие в состав государств, были примерно на одинаковой ступени развития. Тот уровень производительных сил, которого достигли малые народы в недрах древневосточных

государств, они не могли поддерживать, будучи разъединены, и это обстоятельство явилось важнейшей предпосылкой для возникновения новых объединений уже путем ассимиляции. Во главе стран юго-западной части нагорья, по-видимому, встала страна Арме (Армина), и соседние народы (персы) стали называть эту область Арминой, в то время как вавилоняне продолжали именовать ее старым термином — Урарту. Греки называли этот союз племен Армениа.

При падении Урартского государства в его бывшем центре, в районе оз. Ван, возникло, как думает С. Т. Еремян, новое политическое объединение, во главе которого стояла армяно-мидийская династия Еруандуни[47]. Таким образом, центр бывшего Урартского государства подвергся армянизации значительно раньше, чем это было принято думать. Остававшиеся там жить урарты-алароды были ассимилированы армянами. По этому вопросу существуют работы А. С. Гарибяна, изучавшего диалекты армянского языка. Он обратил внимание на то, что армянский диалект в Ванском районе сохранил древнюю урартскую фонетику. Фонетика оказалась более устойчивой, чем словарный запас языка, и теперь по произношению легко отличить ванского армянина. Языковая ассимиляция произошла очень быстро, и Страбон отмечал, что в его время все области Великой Армении были одноязычными.

В то время как на юго-западе Армянского нагорья образовался союз стран Армина, на северо-западе его укреплялся другой союз, находившийся в сфере культурных влияний стран Малой Азии. Он так же, как и союз стран, на основе которого сформировался грузинский народ, усваивал культурное наследие, главным образом Хеттского царства. Это был хайский племенной союз.

Адонц совершенно правильно отмечал, что деление Армении на две части относится к отдаленным временам, далеко отстоящим от 189 г., когда, согласно Страбону, Артаксий и Зариадр, разделив Армению на две части, объявили себя самостоятельными царями. Деление Армении на две части существовало уже в ахеменидский период. О восточной и западной Армении, имевших наряду с сатрапами и местных царей, рассказывает Ксенофонт (около 400 г.), отмечавший различие культуры, в частности поселений, в этих двух областях. Правителем восточной Армении был Оронт (арм. Ерванд), а западной — Тирибаз.

Позднее в битве при Гавгамелах участвовали два армянских сатрапа — Оронт и Митраваст.

Западная Армения была обширной областью и включала значительное число небольших стран, входивших некогда в состав Ванского царства и объединившихся после его распада в союз, существовавший наряду с союзом Армина. Обе эти области слились, когда стал формироваться армянский народ, но два элемента в культуре армян продолжали жить и дальше, что отчетливо замечается и на языковом материале[48].

Существует предположение, что Малая Армения была древнейшим центром армянской культуры. Так, Маркварт выводит все миграционные волны армян именно из этого центра, считая, что приход армян из Европы в Малую Азию лежит за пределами наших исторических знаний. Я также думаю, что при рассмотрении вопроса происхождения армянского народа мы ни в коей мере не должны недооценивать значение стран верховьев р. Евфрат и Малой Армении. Еще Страбон указывал на то, что первоначальными областями Армении была область Акилисена (арм. Екелеац), т. е. район нынешнего Эрзинджана, и область Супиритис-Шуприи, т. е. верховьев р. Тигра.

В этой работе уделяется больше внимания второй области только потому, что она лучше освещена в источниках. Несомненно, что изучение древнейшего центра западной Армении — Ани Даранахийского (Камах), на верхнем Евфрате, даст совершенно неожиданные результаты, отражающие связи армянской области с древнейшими восточными культурами. Но это дело будущего. Для нас особенно интересен тот факт, что

---

[47] С. Т. Еремян, *К вопросу об этногенезе армян* («Вопросы истории», 1952, № 7) стр. 140.
[48] Н. Я. Марр, *Грамматика древнеармянского языка*, СПб., 1903.

Страбон сохранил сведения о двух центрах древнейшей армянской культуры времени, предшествовавшего образованию Армянского государства.

Иенсен еще в 1898 г. связывал армянский племенной термин *хай* со словом *хатти*, т. е. с названием народа Хеттского государства, установив связи армян с хеттами. Это имеет, несомненно, больше оснований, чем сопоставление имени хаев с корнем *пай-* — в названии Паиония, страны в Македонии, считавшейся родиной фригийцев. Справедливая, но чрезмерно резкая критика работы Иенсена охладила на некоторое время эти очень для нас интересные по своему направлению искания. Только гораздо позже к этой работе приступил Г. А. Капанцян, на большом количестве примеров показавший, что есть много общего в армянском и хеттском словарях.

Термин *хай*, которым именуют себя армяне, уже давно привлекал исследователей. К. Патканов высказывал предположение, что хаи вначале были отдельным племенем, которое, достигнув господства над другими племенами, передало им свое название.

Когда стали известны хеттские тексты, исследователи обратили внимание на то, что в текстах XIV в. до н. э. области северо-западной Армении называются страной Хайаса. Ряд ученых, независимо друг от друга, высказали предположение, что племенной термин *хай* связан с этим древнехеттским названием страны.

В армянской научной литературе этот вопрос был подробно рассмотрен А. Хачатряном. Но все же оставалось много неясностей; трудно было объяснить, почему термин *Хайаса*, встречаемый только в древних текстах, перешел в армянский язык. Вопрос о происхождении армянского народа, а также о хеттской стране Хайаса был подробно исследован Г. А. Капанцяном. В самом термине *Хайа-са* он видел корень *ḫai-* с характерным для языков Малой Азии суффиксом, при помощи которого образуются названия стран и местностей: *-sa-* или *ša-*. В книге Г. А. Капанцяна собран и систематизирован большой материал относительно страны Хайаса и показано ее влияние на формирование армянского и грузинского народов.

Пауль Кречмер, занимавшийся вопросами лингвистики и этногенеза Передней Азии, связал термин *Хайаса* с названиями племен северо-западной Армении — хоями или хаями, полагая, что они близки к термину, которым обозначается племя армян. Действительно, это наблюдение, которое связало армянский термин с хеттским, заслуживает серьезного внимания.

Из всего сказанного мы видим, таким образом, что в формировании армянского народа исключительное значение имели два союза племен: один — на юго-западе Армянского нагорья, союз Армина, или восточная Армения, другой — на северо-западе — Хайский союз, т. е. западная Армения.

В конце IV в., после смерти Александра Македонского, существовали четыре крупных армянских объединения: восточная Армения (южные области Армянского нагорья, включая Ванский район) и западная Армения (Софена), вошедшие в состав государства Селевкидов как отдельные сатрапии, Малая Армения (с центром Ани Камах на Евфрате) и область Айрарат (в Закавказье, с центром Армавир), отказавшиеся признать власть Селевкидов. Позже, во II в. до н. э., происходит слияние этих четырех частей в единое государство [49]. Так заканчивается длительный процесс формирования армянского народа.

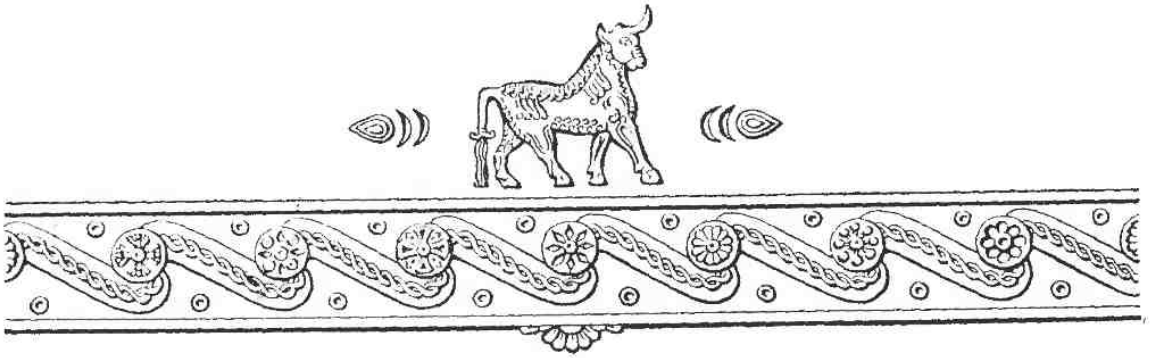
Но не все малые народы были быстро ассимилированы армянами; во многих местах, особенно в горах, оставались еще племена, чуждые армянам, говорившие на непонятном для них языке. Так, при описании жителей Сасуна Фома Арцруни (X в. н. э.) указывал, что часть хутцев говорила на каком-то чужом языке; он называл их «сирийскими (ассирийскими) простолюдинами». Я. А. Манандян видел в них остатки урартских племен [50].

---

[49] С. Т. Еремян, *К вопросу об этногенезе армян*, стр. 107.

[50] Я. А. Манандян, *Народные восстания в Армении против арабского владычества*, Ереван, 1939, стр. 26.

Как мы видим, процесс образования современных закавказских народов — процесс очень сложный, который нельзя рассматривать в рамках одного Закавказья, так же как нельзя искать на древнем Востоке прямых предков современных народов. От могущественных государств Передней Азии осталось большое культурное наследие и незначительное этническое. Как мы указывали, урарты, продолжавшие и после распада Урартского государства жить в районе оз. Ван, быстро потеряли свой язык, были ассимилированы армянами, которые унаследовали их культуру. Уже давно была замечена близость урартов и армян даже в одежде. Так, головные уборы урартских послов, изображенных на рельефах Ашурбанипала, имеют большое сходство с такими же мягкими шляпами, с завязками, какие носят армены, изображенные на ахеменидских рельефах. Материальная культура древнейших армянских государств еще мало изучена, но, несомненно, изучение ее выявит элементы урартского культурного наследия.



ГЛАВА IX

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

Природные условия

Ванское царство занимало высокий горный массив Передней Азии, так называемое Армянское нагорье (средняя высота 1500—1800 *м* над уровнем моря), находящееся между двумя другими нагорьями — Анатолийским и Иранским[1].

С севера Армянское нагорье ограничено Понтийскими горами, спускающимися к южному побережью Черного моря, с северо-востока — системой горных хребтов, образующих Малый Кавказ, а на юге оно отделяется от Верхней Месопотамии высокими Таврскими и Курдистанскими горами.

Рельеф, растительность и климат отдельных частей Армянского нагорья отличаются друг от друга настолько большим разнообразием, что Армению справедливо называют «страной контрастов».

Центральное вулканическое плато, имеющее сравнительно сглаженный рельеф, куполообразные вершины, пологие склоны и котловины с озерами, ограничено высокими складчатыми горами со скалистыми вершинами, крутыми склонами и глубокими ущельями. Таким образом, территория, на которой протекала жизнь Ванского царства, представляла собой как бы естественную крепость, хорошо защищенную с севера и юга высокими, труднопроходимыми, лесистыми горами.

Вот как описывается поход в горную область юго-восточной части Урарту, на восток от оз. Урмия в тексте Саргона: «Симмирия, большой горный пик, что вздымается, словно острие копья, возвышаясь главой над горами, жилищем владычицы богов, главой вверху упирается в небо, а корнями внизу достигает глубин преисподней и со склона на склон, как рыбий хребет, не имеет прохода,— по бокам его извиваются пропасти и горные ущелья, и при взгляде очам посылает он ужас — для подъема и бега коней неудобен и для прохода пехоты пути его трудны».

---

[1] О природе Армянского нагорья см.: R. Blanchard, *Asie occidentale* («Géographie universelle», VIII, 1929); Х. Ф. Б. Линч, *Армения*, II, Тифлис, 1910, стр. 494—525.

Центральное плато также имеет несколько мощных хребтов, разделяющих его на отдельные районы. Например, Агридаг несколько походит на окраинные горы и имеет в восточной части самую крупную горную вершину Передней Азии — Большой Арарат (Масис), высотой 5156 *м* над уровнем моря. Некоторые из этих огражденных горами районов связаны друг с другом лишь путями через перевалы, становящимися иногда в зимнее время непроходимыми.

На Армянском нагорье берут свое начало самые большие реки Передней Азии — Евфрат и Тигр.

В центральной части Армянского нагорья имеются две большие реки, текущие в разные стороны: Аракс (Араз) — с запада на восток и Арацани (Мурат), протекающая с востока на запад и вливающаяся в Евфрат.

Аракс, самая большая река нагорья (длиной 915 *км*), берет свое начало от многочисленных горных родников и речек Бингельдага и на всем протяжении часто меняет облик. В верхнем течении Аракс имеет характерный вид горной реки, в среднем же течении он проходит через плодороднейшую Араратскую равнину, лежащую на высоте 700—900 *м* над уровнем моря, славящуюся как житница Передней Азии. Далее, ниже Нахичевана, Аракс пробивает себе путь через горное ущелье и вступает в Мегринскую теснину. В нижнем течении он проходит через степи. Аракс полноводен в мае, летом он сильно мелеет и во многих местах доступен для перехода вброд. Течение Аракса очень быстрое, что делает реку непригодной для судоходства. Бурный характер реки отмечался в свое время античными писателями, и Вергилий называл его «не терпящим мостов».

Берега Арацани на всем протяжении также разнообразны; река много раз меняет свое направление, пробивается через горные ущелья или течет по широким низменностям, разветвляясь на множество рукавов. Арацани протекает через плодородные Малазгиртскую и Мушскую низменности. Мушский бассейн (1260 *м* над уровнем моря) связан во всякое время года с соседними районами и отличается большим плодородием (хлебные злаки и виноград). Однако превращению его в хлебный район Армении мешает заболоченность берегов, вследствие чего требуются сложные ирригационные сооружения.

Три больших озера на территории древнего Урарту также отличаются друг от друга.

Оз. Ван находится на высоте 1720 *м* над уровнем моря и занимает площадь 3690 *кв. км*; уровень воды в нем изменяется. Вода озера насыщена содой и непригодна для питья. Об очищающих свойствах щелочной воды озера знали еще античные писатели. В озере водится только один вид рыбы — тарех, и то главным образом у устья рек, впадающих в озеро. Восточный и северо-восточный его берега имеют мягкий климат и удобны для ирригационного земледелия при использовании воды горных речек, стекающих к озеру. Не случайно именно здесь возникла столица Ванского царства Тушпа.

Второе озеро — Урмия, лежащее на высоте около 1250 *м* над уровнем моря, отличается от Ванского. Вода его насыщена солью с превышением в шесть раз количества соли в воде океана. Низменное побережье озера Урмии весьма благоприятно для земледелия.

От этих двух озер существенно отличается высокогорное оз. Севан (Гокча), находящееся в Закавказье, на высоте 1915 *м* над уровнем моря. Вода в нем пресная; озеро богато рыбой.

Климат Армянского нагорья чрезвычайно разнообразен; в основном он резко континентальный, близкий к степному. Особой суровостью отличается северо-западная часть нагорья (в частности, Эрзурумское плато, расположенное на высоте около 1800 *м* над уровнем моря), представляющая собой высокогорные степи с длительными, до семи месяцев, снежными зимами, с морозами, доходящими до 40°. Страна лишена леса, но имеет чрезвычайно плодородную почву. Земледелие в этих районах, несмотря на дол-

гую зиму, возможно и на высоте до 2600 *м* над уровнем моря (культуры пшеницы, ячменя и овса). Горные луга являются прекрасными пастбищами для скота.

Низменные районы Армянского нагорья бедны осадками; особенной сухостью отличается Араратская равнина, плодородие которой обеспечивается искусственным орошением.

На юго-востоке нагорья находится плато с мягким климатом, непродолжительными зимами, покрытое растительностью, близкой к средиземноморской.

Растительность Армянского нагорья необычайно разнообразна, так как нагорье находится как бы на стыке двух резко различных ботанико-географических районов: влажного, лесистого Понто-Гирканского и сухого, безлесного Иранского[2].

В Армении есть незначительные участки пустынь, полупустыни с бедной травяной растительностью, степи, леса и альпийские высокогорные луга (2700—2950 *м* над уровнем моря).

Лесов в Армении мало, и только окраинные хребты нагорья — Потийские и Курдистанские горы — покрыты лесом, в остальных же местах можно наблюдать лишь остатки древесной растительности. В древности лесов было значительно больше, и их исчезновение должно быть отнесено за счет деятельности человека (особенно при развитии скотоводства).

Рудные богатства Армянского нагорья довольно значительны: в центральной его части имеются богатые месторождения железа, а также меди, свинца и олова.

Приведенный краткий обзор природных условий Армянского нагорья, территории Ванского царства, имеет целью показать то природное разнообразие, которое до некоторой степени обусловило и разнообразие форм хозяйства. Естественно, на низменных плодородных землях занимались земледелием, в то время как на высокогорных лугах — скотоводством. Это повлекло за собой и естественное разделение труда между населением низменных и горных районов, создало преобладание земледелия в долинах и низменностях и скотоводства — в горах.

Прежде чем приступить к характеристике основных видов хозяйства Ванского царства, следует подчеркнуть, что речь может идти только о преобладании земледелия или скотоводства в той или иной части Армении. Как археологические материалы, так и исторические сведения показывают, что на Армянском нагорье в древности не было племен, занимавшихся исключительно земледелием или скотоводством; земледелием занимались также в горных районах, а скотоводством — на равнинных.

Земледелие

О высоком уровне урартского земледелия красноречиво свидетельствуют как клинописные источники, так и данные археологических исследований.

На Армянском нагорье, где имеются благоприятные условия, появление земледелия восходит еще к неолиту. В тот период оно развивалось в нагорных и предгорных районах, причем для орошения использовались горные речки, и только позднее земледелие было перенесено в долины больших рек, где при сложной ирригационной системе получило интенсивное развитие.

Ботанические исследования подтверждают это положение. Армения отличается богатством видов и сортов культурных пшениц и многообразием диких — однозернянок и двузернянок; в высокогорных районах широко распространена рожь.

Древнейшие поселения на территории Армении, относящиеся к III тысячелетию до н. э., позволяют восстановить картину развития земледельческой культуры. Иссле-

---

[2] А. Л. Тахтаджян, *Ботанико-географический очерк Армении*, Ереван, 1941, стр. 7.

дование зерновых остатков, добытых при раскопках этих поселений, произведенное М. Г. Туманяном, дало весьма интересные результаты[3].

По остаткам зерен можно предположить, что в то далекое время еще не культивировались чистые сорта злаков и посев был смешанным; вместе с пшеницей и ячменем возделывалась также полба. Для ячменя и пшениц этого времени характерны круглозерные формы, отсутствие остей и голозерности. Двурядный ячмень, составляющий основную массу возделываемых в настоящее время в Армении ячменей, среди остатков древних поселений III тысячелетия до н. э. отсутствует.

М. Г. Туманян полагал, что биологические условия того периода не благоприятствовали формированию двурядного типа ячменей и что круглозерность пшеницы и ячменя свидетельствует о значительно более влажном климате сравнительно с современным. Сопоставление материалов из Шенгавитского поселения энеолитического периода с материалами из Кармир-блура, а также со средневековыми отчетливо выявляет процесс изменения климата Армении от влажного к более сухому.

Палеоботанические исследования установили, что в Армении к урартскому периоду времени произошла окончательная дифференциация культур пшеницы и ячменя, причем круглозерные, реликтовые пшеница и ячмень, обычные в энеолитическую эпоху и приспособленные к более влажным почвенно-климатическим условиям, в начале I тысячелетия до н. э. постепенно исчезли, уступив место новым видам, близким к современным.

Урартские земледельческие культуры были тесно связаны с ассирийскими. В Ассирии[4] ячмень был наиболее широко распространенным злаком, на что указывает и его термин «*še'u*», означающий также и вообще «зерно», а также полба-эммер (*kunâšu*, *bututtu*, *alappânu*), употреблявшаяся для хлебопечения и пивоварения.

Пшеница (*kibtu*), несмотря на то что она культивировалась с древнейших времен, ценилась примерно вдвое дороже ячменя и полбы.

Древние письменные источники и археологические находки говорят о возделывании в Ассирии проса (*duḫnu*), причем, по Геродоту (I, 193), просо в Месопотамии достигало высоты дерева.

Из масличных культур особенно был распространен кунжут (*šamaššammu*), из которого вырабатывалось растительное масло, употреблявшееся почти на всем древнем Востоке. Наряду с кунжутом разводился также и лен (*kitu*, *pištû*).

О древнем земледелии Армянского нагорья (в начале IX в.) рассказывается в ассирийских источниках при описании добычи, захваченной у племен, входивших в союз Наири.

Так, Ашурнасирпал II в своих летописях рассказывает о том, что он «собрал жатву Наири». Несомненно, в период образования Урартского государства земледельческая культура была достаточно развита, и, надо думать, будущие археологические работы это подтвердят.

Урартское земледелие ярко описано в тексте Луврской клинописной таблички. Согласно этому тексту в стране Уишдиш, на западном берегу оз. Урмии, в руки ассирийцев попали закрома с большим количеством ячменя (163). Такие же кладовые, переполненные зерном, оказались и в городе Аниаштания, на границе Сангибуту, страны, расположенной на северо-восток от оз. Урмии. В Луврском тексте страна Сангибуту упоминается как богатый земледельческий район; описываются горы ячменя и пшеницы, ставшие добычей ассирийского войска (262—264).

Сведения Луврской таблички касаются и центральной части Ванского царства. На северном побережье оз. Ван ассирийцы также захватили закрома с большим количеством ячменя (295).

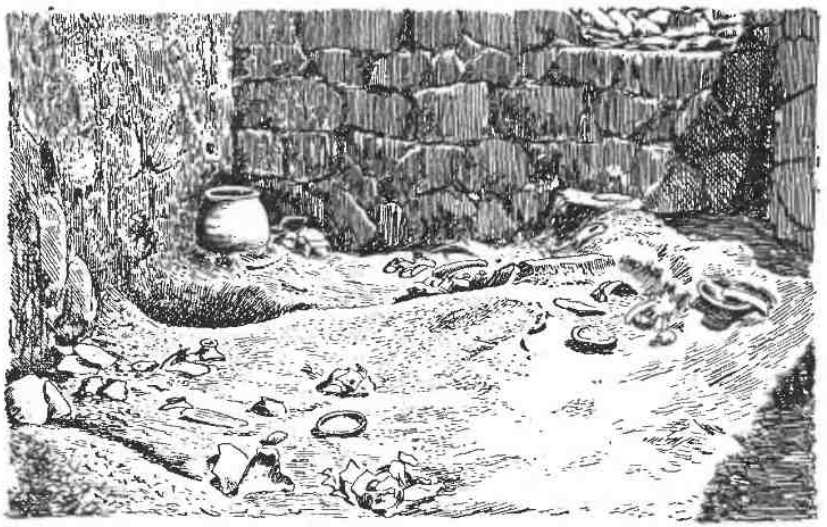
---

[3] М. Г. Туманян, *Культурные растения урартского периода в Армянской ССР* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1944, № 1—2).

[4] B. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I, Heidelberg, 1920, S. 198—199.

Урартские клинообразные надписи содержат очень скудный материал, относящийся к земледелию. Некоторые из них говорят о полях с посевами *ú-še* (надписи Русы без отчества у оз. Кешишгель и Русы II из Звартноца; УКН, № 268, 281). В обоих случаях перед *ú-še* стоит детерминатив *дерево* (растение) и идеограмма *поле*. С названием этих посевов можно сопоставить и название зерна *ú-ša* (с детерминативом *зерно*), встреченное в перечне добычи в летописи Сардури, сына Аргишти (VI, 10), которое, возможно, следует понимать как общее название для зерна (ср. ассир. *še'u*).

Громадный материал, показывающий высокий уровень урартского земледелия, дали раскопки урартского административного центра в Закавказье — города Тейшебы.



4. Жилище у стен цитадели. Кармир-блур

В надписи на стеле Русы, сына Аргишти, найденной в 1901 г. при раскопках Звартноцкого храма, рассказывается о больших работах, проведенных урартами на правом берегу р. Раздан, напротив Кармир-блура: «Руса, сын Аргишти, говорит: в долине Каурлини (или Кублини) обработанной земли там никогда не существовало. По приказу бога Халди я этот виноградник развел, поля с посевами, плодовые сады кругом устроил я там, города я ими окружил. Канал из реки Ильдаруни я провел». Далее идет предписание о принесении жертв богам в честь пуска воды в канал. Из этого текста видно, какое большое значение придавали урартские цари ирригационным работам; красноречивым свидетельством размаха этих работ является упомянутый в тексте канал. Через большой тоннель, пробитый в толще андезито-базальтовых скал, проложен древний канал. Он подвергался неоднократным переделкам, но до наших дней сохранился тоннель, пробитый урартами. От тоннеля в восточную сторону отходит рукав, круто опускающийся вниз. Возможно, он служил также резервуаром для воды.

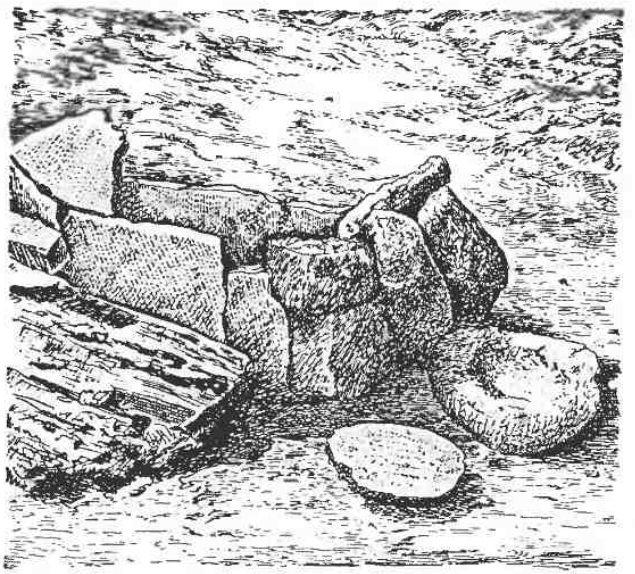
Зерновые остатки, найденные при раскопках Кармир-блура, обработаны М. Г. Туманяном, В. А. Петровым, М. М. Якубцинером и Ф. Х. Бахтеевым. Цитадель города Тейшебы являлась местом, где хранились запасы зерна, собранного на землях вокруг города и поступившего в виде дани из закавказских областей.

Среди хлебных злаков наиболее широко были распространены мягкая пшеница (Triticum vulgare Will.) и многорядный ячмень (Hordeum vulgare L.) различных сортов, происходивших от аборигенных форм этих злаков. М. Г. Туманян, обработавший

кармир-блурский материал, отмечает чистоту и сравнительную однородность зернового материала, а также отсутствие семян сорняков[5].

Наряду с высокими сортами пшеницы [6], представленными крупными, иногда круглыми, зернами, встречается низкокачественная мелкозернистая пшеница. Обильны были и запасы ячменя[7] (в некоторых случаях ячмень извлекался из хранилищ целыми ведрами).

Весьма распространенной зерновой культурой в Урарту было просо (Panicum miliaceum); из сортов проса на Кармир-блуре особенно хорошо представлено итальянское просо-могар (Setaria italica), найденное как в виде ококсовавшихся, плотно спекшихся кусков, так и в виде необугливших, сохранивших даже свой цвет остатков зерна, наполнявшего крупные сосуды и зернохранилища. Известны и немногочисленные остатки зерен сорго (Sorghum, по определению В. О. Гулканяна).



5. Очаг в жилище у стен цитадели. Кармир-блур

В 1948 г. при раскопках одного из помещений в северо-западной части цитадели среди пищевых запасов были найдены остатки хлеба, выпеченного из просяной муки крупного помола. Хлеб этот был плоским, имел овальную форму с утолщенными краями и отверстием посредине[8]. Такой формы хлеб выпекают в Закавказье и в наши дни. На Кармир-блуре обнаружены также остатки пшенной каши и лепешки, выпеченные из непромолотого зерна проса.

Из проса также приготавливалось пиво. В жилище, во дворе цитадели, в 1940 г. был обнаружен крупный сосуд удлиненной формы, сходный с тем, в котором был найден солодоватый ячмень (рис. 6). Зерно и в этом сосуде носило явные следы солодования, чешуйки проса были растопырены и слабо удерживали зерно. На дне сосуда, так же как и в сосуде с ячменем, находился фильтр из соломы, который удерживал зерно в сосуде при смачивании осоложенного зерна кинятком. Сосуд для приготовления просяного пива был обнаружен в хорошо сохранившемся углу жилища, среди другой посуды. Там находились два караса с пшеницей, сосуд с семенами рыжика, масличного крестоцветного растения (Camelina microcarpa), а в чашке, сделанной из разбитого горшка, лежали рубленые листья и стебли одного из видов закавказского чабреца (Thymus). Это растение в сушеном виде и в настоящее время в Закавказье примешивают как пряность в сыр или кислое молоко; употребляют его также и для приготовления настойки.

[5] М. Г. Туманян, *Культурные растения урартского периода в Армянской ССР*; М. Г. Туманян, *Основные этапы эволюции ячменей в Армении* («Изв. Акад. наук АрмССР» 1948, № 1), стр. 76.

[6] М. М. Якубцинер, *К истории культуры пшеницы в СССР* («Материалы по истории земледелия СССР», II, М., 1956), стр. 63.

[7] Ф. К. Бахтеев, *К истории культуры ячменя в СССР* («Материалы по истории земледелия СССР», II, М., 1956), стр. 220—224.

[8] «Кармир блур», I, стр. 29.

В одном из сосудов, найденном на Кармир-блуре, оказались, по определению П. М. Жуковского, бутоны растения ночная красавица (Mirabilis jalapa), обладавшего в свое время приятным запахом.

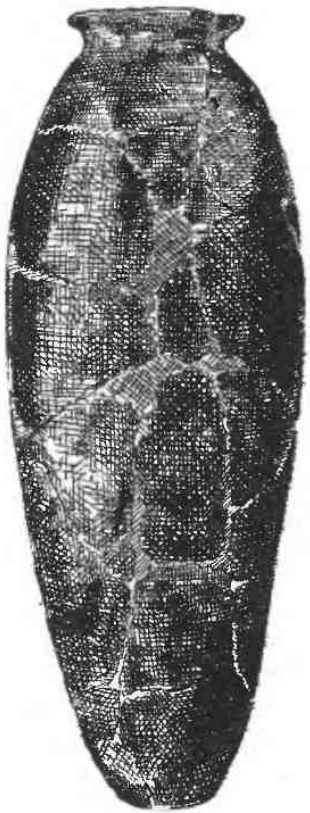
В Урарту, как и в Ассирии, широкое распространение получила культура кунжута (Sesamum orientale L.), из которого приготовлялось растительное масло[9]. На Кармир-блуре запасы кунжута были обнаружены в четырех карасах, помещенных в небольшой кладовой (№ 7) северной части цитадели.

Три обширных помещения в северо-западной цитадели (№ 1—3) были предназначены для изготовления кунжутного масла. В одном из них (№ 3) была установлена большая ванна, высеченная из одного куска туфа, от которой шел каменный желоб, по нему отработанная жидкость отводилась за пределы цитадели. Эта ванна служила для размачивания кунжутного зерна до его обработки. Тут же лежали каменные ступки с пестами и терки, предназначенные для очистки от шелухи вымоченного и подсушенного зерна. В помещении, находившемся рядом (№ 2), в углублении глинобитного пола обнаружено большое количество кунжутных жмыхов. Обилие жмыхов и размеры каменной ванны говорят о значительном количестве кунжутного масла, производившегося в урартском административном центре.

Пресс для выжимания масла, изготовленный из дерева и находившийся, вероятно, в помещении № 2, сгорел без остатка во время пожара. Оба помещения, так же как и крайнее (№ 1), где, возможно, хранились бурдюки с кунжутным маслом, носят следы пожара, при котором глиняные кирпичи стены не только приобрели красный цвет от сильного огня, но частично и оплавились.

Следует отметить, что техника производства кунжутного масла в Урарту мало чем отличалась от современного кустарного способа приготовления в Закавказье[10].

Кунжут был найден также и в смешанном запасе зерна, среди ячменя и семян двух бобовых: нута (Cicer arietinum) и чечевицы (Ervum len).



6. Глиняный сосуд для приготовления пива. (Выс. 62 *см.*) Кармир-блур. Гос. Эрмитаж

Урарты не только жестоко эксплуатировали области южного Закавказья, но и содействовали развитию земледелия, улучшая и расширяя ирригацию как необходимое условие поднятия плодородия.

Забота о воде, об орошении была постоянным делом урартов. Воду приходилось подводить к крепостям, расположенным на скалистых отрогах, через овраги по акведукам, по глиняным или каменным трубам, подобным обнаруженным в крепости Эребуни, на холме Арин-берд. Воду приходилось подводить и к большим поселениям и на поля, расположенные в местах с непригодной для питья водой.

Сохранилось значительное количество урартских клинописей, рассказывающих о проведении каналов; одни надписи вырезаны на камнях ирригационных сооружений,

---

[9] И. М. Дьяконов сведения о масле видит в летописи Сардури (VI, 10), где говорится о 86 акарки, 7 теруси и 20 кали масла(?), т. е. о громадном запасе (более 20 тыс. литров).

[10] К. Хатисов, *Кустарные промыслы Закавказского края. Отчет 1891 г.* («Отчеты и исследования по кустарной промышленности России», 11, СПб., 1894), стр. 365—366; Г3 Касабян, *Изготовление растительного масла в Урарту* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1957, № 4), стр. 107—116.

другие — на скалах над каналами. Упоминание о проведении каналов часто встречается в строительных надписях урартских царей.

Остатки древних урартских каналов сохранились как в центре Урарту, так и на его окраинах, причем некоторые и в наши дни орошают поля. Их русла или прорыты в грунте, или прорублены в скалах, а иногда каналы проходят по искусственным тоннелям.

Урартское государство проявляло постоянную заботу об ирригации, о чем рассказывается в тексте Саргона: «царь Урса (Руса), правитель их, по желанию сердца своего... указал выход вод, он вырыл канал, несущий проточную воду... (воду) изобилия, как Евфрат, он заставил течь. Он вывел бессчетные арыки от его русла и... воистину оросил нивы... как дождь пролил плоды и виноград. Платану, дереву высокому, украшению дворца его... как лесу над его окрестностями, он дал простереть тень... и как бог дал его населению возглашать радостные „алалу" (может быть, „песни жатвы"), 300 имеров посева... хлеба при урожае (?) он дал течь» [11].

Остатки ирригационных сооружений, дошедшие до нас от Ванского царства, грандиозны и многочисленны. Кроме целой сети каналов, имеются также искусственные озера, служившие резервуарами для воды. Так, к востоку от Вана сохранилось искусственное оз. Кешишгель, имевшее целью, как указывает найденная около него стела с клинообразной надписью, водоснабжение города Русы (Топрах-кале) [12]. Вдоль речки, вытекающей из этого озера по направлению к Вану, сохранились еще участки плотин, сложенных из громадных камней. К сожалению, клинописный текст стелы труден для понимания, и я привожу наиболее доступную переводу часть надписи: «[провел] воду там для каналов и арыков, установил ему имя „Русы озеро", отвел арык оттуда в Русахинили». Далее говорится о том, что на землях, ставших плодородными, начали разводить виноград, сады и засеяли поля.

Из всех ирригационных сооружений Ванского царства особой известностью пользуется канал, протяженностью свыше 70 *км*, построенный урартским царем Менуа, сыном Ишпуини. По этому каналу, который существует до сих пор и носит имя легендарной царицы Шамирам, вода подводилась к урартской столице — городу Тушпа [13].

Вода в канал поступала из многочисленных родников в скалах к югу от р. Хошаб, у сел. Верхний Мешинкерт. Эти родники бьют из трещин, встречающихся на протяжении 30—40 *м*, и, по подсчету Белька, дают около 1500 литров воды в секунду. Вода, собранная в искусственное древнее русло, быстрым и шумным потоком, подобно водопаду, устремляется вниз, к р. Хошаб. Есть сведения, что на скале над источниками была клинообразная надпись, но она не сохранилась. Русло канала имеет 4,5 *м* ширины, при 1,5 *м* глубины, а скорость течения в нем достигает 3 *м* в секунду. Канал проходит по мосту из бревен через р. Хошаб, а затем резко поворачивает на запад. Примерно в 100 *м* от моста, на скале, на высоте 15 *м* обнаружена первая строительная надпись Менуа, к сожалению, плохо сохранившаяся.

В настоящее время известны 14 надписей, связанных с этим каналом (УКН, № 43—46). Они находились в разных местах (обычно там, где прокладка канала была особенно трудной) и содержали от трех до четырнадцати строк клинописного текста. В надписях постоянно встречается следующая фраза: „Menuaše Išpuiniḫiniše ini pili aguni Menuai—pili tini...'Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел, «канал Менуа» имя его'.

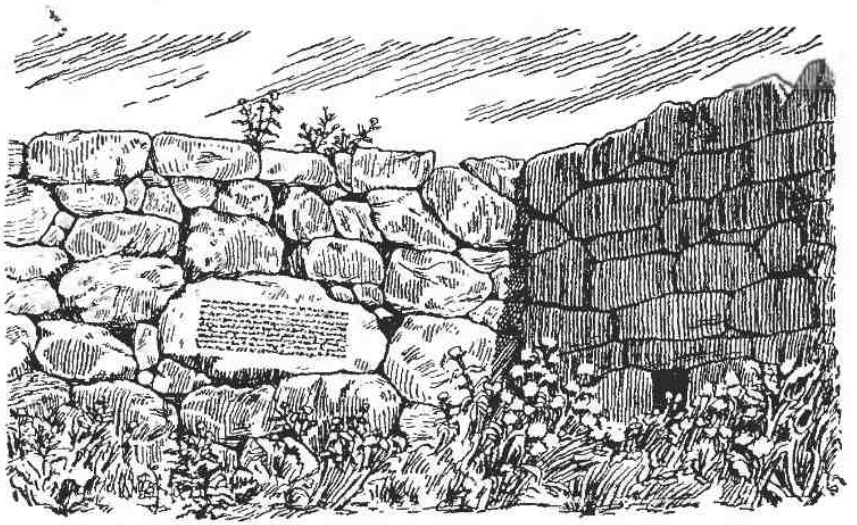
Иногда за этой фразой следует угроза разрушителям надписи или канала или тем, кто припишет себе его постройку.

---

[11] B. Meissner, *Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8. Feldzug* (ZA, XXXIV, 1922), S. 115.
[12] И. М. Дьяконов, *Заметки по урартской эпиграфике* («ЭВ», IV, 1951), стр. 112.
[13] W. Belck und C. F. Lehmann, *Ueber neue armenische Keilinschriften* (ZE, 1892), S. 133; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, p. 95.

Большие трудности представляло проведение канала через ущелья. Там канал устроен весьма своеобразным способом: по краю ущелья возводились громадные подпорные стенки циклопической кладки, достигавшие иногда 20 *м* высоты, в верхних частях которых проходило русло канала (рис. 7). Но не всегда канал шел по верху этой стены, иногда его русло, высеченное в скале, отходило в бок, примерно на расстояние 20 *м*. В этих случаях циклопическая стена служила для предотвращения обвала склона под действием быстро текущей воды.

Путешественников обычно поражали чистота и прозрачность воды «канала Шамирам» («канала Менуа») и быстрота ее течения.



7. Стены «канала Шамирам». Клинопись у северо-западного угла оврага около сел. Катепанц (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 108)

От канала на всем протяжении были устроены отводы — небольшие каналы; на некоторых из них теперь стоят водяные мельницы; очень возможно, что такие же мельницы существовали и в древности. Если каменный жернов с горы Вараг, хранящийся в Государственном музее Грузии, действительно относится к урартской эпохе, то он будет лучшим подтверждением существования в Ванском царстве водяных мельниц [14].

Грандиозное сооружение, каким был «канал Менуа», несомненно охранялось в древности. Следы урартских укреплений такого назначения, по-видимому, сохранились на полуострове у сел. Хуркум. Эта небольшая крепость господствовала над всей низменностью юго-восточного берега оз. Ван, над устьем Хошаба и каналом.

Менуа, сын Ишпуини, проводивший ирригационное строительство, не ограничился сооружением в центральной части своего государства только одного мощного канала.

От времени Менуа до нас дошло еще шесть клинообразных надписей (УКН, № 57—62), отмечающих проведение других каналов. Один из камней с такой надписью был найден в Беркри, у северо-восточного берега оз. Ван[15]. По-видимому, надпись относится к ныне еще существующему каналу, отходящему от реки Бендимахи, при выходе ее в долину. Канал этот, отводящий воду в сторону, выше уровня реки, имеет русло,

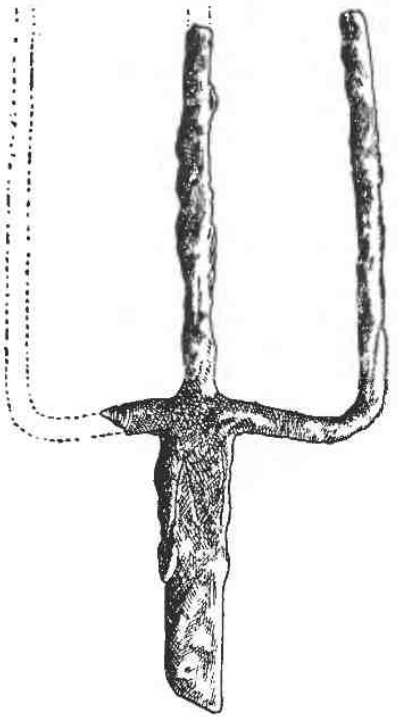
---

[14] Г. В. Церетели. *Урартские памятники Музея Грузии*, Тбилиси, 1939, стр. 63.

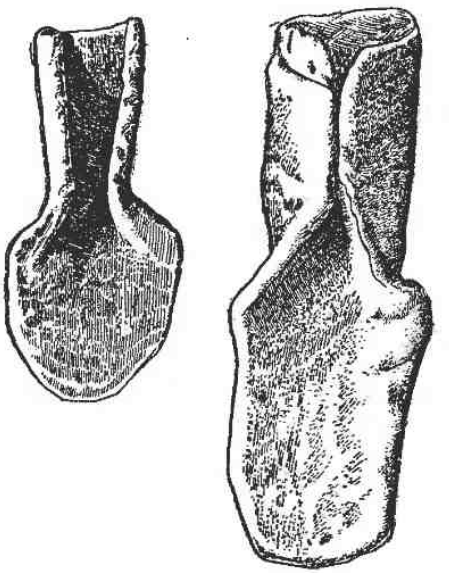
[15] W. Belck, *Die Bewässerung der Ebene von Bergri und der Bendimahi-Tschai* (ZE, XXXI, 1899), S. 241—248.

укрепленное мощной циклопической кладкой. Каналы, сооруженные при Менуа, встречаются и к северу от оз. Ван, в районе Арджиша, а два мощных канала орошали долины Малазгирта и Хотанлу, по левому берегу Арацани[16].

Ирригация имела исключительное значение в Ванском царстве; без искусственного орошения вся растительность погибла бы. Путешественник Линч писал о восточном береге озера: «Я уже несколько раз имел случай заметить, как незначителен человеческий элемент в этих армянских ландшафтах. В Ване, в первый раз, мы получаем другое впечатление, зависящее, однако, вовсе не от людей, населяющих теперь эту страну, но от памятников давно прошедшей цивилизации, которыми изобилуют окрестности Вана и от которых на нас через много веков еще веет духом древней культу-



8. Железные вилы. Топрах-кале. Берлинский музей (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 546)



9. Железные сошники. Топрах-кале. Берлинский музей (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 547)

ры,— здесь массивный фундамент акведука, там остаток циклопической стены повествуют нам о господстве человека над природой и невольно воскрешают перед нашим умственным взором равнину, пересеченную большими дорогами, реки с переброшенными через них мостами, водопроводы, приносящие издалека оплодотворяющую воду»[17]. И действительно, многочисленные древние памятники свидетельствуют о том, что тут подчинение природы человеком представляло многовековой процесс.

Все поля с посевами также орошались искусственно. Трудно сейчас представить себе вид урартского поля и его размеры. Но можно предположить, что урартские поля располагались на тех же местах, где и современные. На южном берегу оз. Севан, у сел. Цовак, есть поля, орошаемые древним каналом (возможно, урартского времени), русло

---

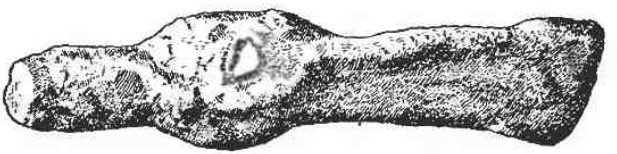
[16] «*Bericht über die armenische Forschungsreise der Herrn W. Belck und C. F. Lehmann*» (VBGAEU, 1900), S. 57.

[17] Х. Ф. Б. Линч, *Армения*, II, Тифлис, 1910, стр. 68—69.

которого вырублено в скале. На полях к западу от Цовинарской крепости мною был случайно найден обломок обсидианового лезвия серпа. Так как, несмотря на тщательный осмотр места, я никаких других предметов древности там не обнаружил, то остается предположить, что этот обсидиановый вкладыш серпа выпал в древности во время работы и что на этом самом месте, где находятся современные посевы, и в урартское время были поля.

Урартская техника земледелия была очень высокой. Основные земледельческие орудия, известные по раскопкам на Топрах-кале и на Кармир-блуре, изготовлялись из железа. На Топрах-кале найдены железные лемехи (сошники) плугов или мотыги, серпы и вилы (рис. 8, 9, 10)[18].

Плуг (соха) в странах Передней Азии известен с древнейших времен. Первоначально он был деревянным, на что указывает и его шумерское название giš-apin, но металлические принадлежности плуга встречаются уже с III тысячелетия. В древней Месопотамии было два типа плугов — легкий и тяжелый. Легкий плуг, по изображению на одной шумерской цилиндрической печати, имел сошник, представлявший собой заостренный кусок дерева, закрепленный в двух рукоятках; такой плуг обычно тянули ослы, реже — быки.



10. Железный топор. Топрах-кале. Берлинский музей (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 545)

Тяжелый плуг, наиболее распространенный в Ассирии, изображение которого есть на плитках дворца Саргона и на одном рельефе Асархаддона, состоял из деревянного сошника, закрепленного в рукоятках, и дышла, к которому была присоединена трубасеялка с воронкой для посева. Обслуживался плуг тремя людьми, и в него впрягалась обычно пара, а реже — четверка быков.

Судя по массивности железных лемехов, найденных на Топрах-кале, надо думать, что этот урартский плуг был тяжелым, вероятно, близким к ассирийскому. Его лемех имел вид узкой лопаты, напоминающий по форме наконечники мотыг.

В 1949 г. в поселении Тейшебаини в одном из его домов был найден тяжелый наконечник мотыги, весьма близкий по форме к происходящим из раскопок на Топрах-кале. Возможно, что железные лопатовидные наконечники меньших размеров служили одновременно наконечниками мотыг и для земледельческих работ и для замешивания глины. Мотыга и лопата были незаменимыми орудиями при регулировании воды в арыках.

Железные серпы слегка изогнутой формы, найденные на Топрах-кале и Кармир-блуре, существовали в Закавказье наряду с серпами из кремневых или обсидиановых вкладышей, закрепленных в деревянную или костяную рукоятку.

При раскопках поселений урартского времени было найдено громадное число каменных пестов, ступок, чаш и зернотерок, служивших для обработки зерна.

В большинстве временных жилищ, раскопанных во дворе цитадели, в их центре, иногда около стены, имелись очаги, наподобие современных закавказских тондыров, или вкопанные в земляной пол, или возвышающиеся над полом, как в Ассирии. Третьим видом очага являются плоские жаровни с высокими бортами, вылепленные из глины.

В жилищах около очагов постоянно лежали зернотерки и ступки из пористого базальта. Зернотерки состояли из двух либо одинаковых, либо различных по размерам и виду камней овальной формы, с плоской рабочей стороной и выпуклой тыльной. Иногда нижний камень достигал значительных размеров и был прямоугольной формы.

---

[18] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, Zeichnung 72; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 546–547.

Эти ручные зернотерки нам хорошо известны по древневосточному археологическому и изобразительному материалу.

Каменные чаши, часто хорошо обработанные, снабженные пестами, служили для рушения зерна перед растиранием на ручных зернотерках. Жерновов с осью вращения среди находок не было. В цитадели Тейшебаини нередко находили запасы пшеничной и просяной муки крупного помола.

Урартские зернохранилища были различных типов. Раскопки на Кармир-блуре открыли хранилища в виде углублений, высеченных в скале (зерновые ямы), в виде больших карасов, помещенных иногда в особую пристройку, и, наконец, в северной части цитадели обнаружена целая комната, засыпанная пшеницей.

При обработке зерна из этой комнаты М. Г. Туманяну удалось найти даже остатки древних вредителей — долгоносиков.

В урартских клинообразных надписях зернохранилища обозначаются термином 'arі[19], емкость сыпучих тел — kapi. В надписях постоянно указывается количество зерна, которое могут вместить зернохранилища: например, от 1432 до 18 400 капи. Надписи, обнаруженные на холме Арин-берд, около Еревана, рассказывают о двух зернохранилищах; одно сооружено Аргишти I, а другое — его сыном Сардури.

Садоводство и виноградарство

Передняя Азия — родина многих плодовых деревьев, разводимых там с древнейших времен. Исторические документы свидетельствуют о пышном расцвете садоводства в древних странах Месопотамии и в горных областях. Постоянные культурные сношения стран Передней Азии друг с другом привели к тому, что достижения в культуре садоводства одного района передавались другому, так что теперь очень трудно установить действительную родину того или иного культурного растения. Возможно, что культура винограда возникла в нескольких местах земного шара, независимо друг от друга, и это привело не только к созданию различных видов винограда, но и к различным способам его возделывания. То же можно сказать и про многие фруктовые деревья. Значение заимствования культурных растений отразилось в языке и в терминах.

Согласно ассирийскому преданию, Саргон Древний (начало III тысячелетия), совершив поход в Каппадокию, вывез оттуда два сорта смоковниц, виноградную лозу, розу и другие растения. Ассирийские тексты рассказывают нам и о более поздних попытках акклиматизации растений. Так, Синахериб в садах Ниневии разводил плодовые деревья и растения других стран. Он даже отмечал, что некоторые из них растут у него лучше, чем на своей родине. Интересно указать, что Синахерибом было ввезено в Ассирию «дерево, приносящее шерсть» (т. е. хлопок)[20].

Урартские цари также уделяли большое внимание садоводству. В строительных надписях часто можно прочитать: iese ini (GIŠ) uldie terubi (поле) (GIŠ) uše (GIŠ) ṣari ... ištini terubi (УКН, № 281) 'я этот виноградник устроил, поле посевов, плодовые деревья там устроил'. Приведенный текст, взятый из надписи, обнаруженной в Звартноце, рассказывает, таким образом, о разведении виноградников и о посевах. Урартский термин ṣari с детерминативом «дерево» уже давно и вполне правильно сопоставлялся с армянским словом дерево (*ծառ*). И очень возможно, что тут идет речь именно о плодовых деревьях. О насаждении деревьев (ṣari) говорится в трех урартских надписях из Закавказья, рассказывающих о больших работах на Араратской равнине (УКН, № 126, 141, 143).

Садоводство в Закавказье существовало задолго до прихода урартов, и поэтому в урартскую эпоху происходит расширение территории садов.

---

[19] Г. А. Меликишвили, *Некоторые вопросы социально-экономической истории Урарту* (ВДИ 1951, № 4), стр. 25.

[20] B. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I, S. 209.

Несомненные следы садоводства были обнаружены при раскопках древних поселений конца II или же начала I тысячелетия у Ханлара (Азербайджанская ССР)[21]. Наряду с органическим материалом, свидетельствующим о большом значении собирательства (косточки караса — Celtis caucasica Wild, семена лебеды — Atriplex и мари — Chenopodium), в древнем поселении были обнаружены косточки винограда (Vitis vinifera), находившиеся в большом карасе, заделанном в пол жилища, и косточка персика (Prunus persica) или миндаля (Prunus amygdalus).

При раскопках на Кармир-блуре обнаружено пока небольшое количество остатков плодов. В одной кладовой оказалась кучка слив-алычи, в других найдено несколько половинок яблок, целый плод айвы, косточки мелкой вишни (определение А. М. Вермишян). А в одном сосуде сохранились остатки плодов граната (куски корки плода). Обнаружены также орехи, обугленный цветок граната и одна бусина, изготовленная из косточки персика.

В 1948 г. были найдены также семена культурного арбуза (Citrullus aedulis Pang). Принадлежность этих семян культурному арбузу, а не дикому (Citrullus colocynthis L.) подтверждается хорошо сохранившимся и ясно выраженным ободком и рубчиком по краю семян, что совершенно отсутствует у диких арбузов (определение С. С. Хачатряна).

Кроме садов, урарты насаждали также и рощи деревьев. В надписи у оз. Кешишгель говорится об устройстве «виноградника, рощи, посевов и сада», причем для слова «роща» употреблена соответствующая ассирийская идеограмма: kištu.

Виноградники в урартских текстах упоминаются очень часто; иногда в виде ассирийской идеограммы, а иногда и в урартской фонетической передаче — (GIŠ) uldi; отождествление этого урартского термина с ассирийской идеограммой «*виноградник*» в настоящее время бесспорно. В Ванском царстве виноградарство было широко распространено и имело многовековое развитие, так как Армянское нагорье является одним из мест, где культивировалась виноградная лоза. Были даже сделаны попытки искать прародину винограда в Армении[22].

В древности особенно ценилось вино из горных районов Передней Азии, и недаром даже во времена Геродота славилось вино из «земли армениев». Оно привозилось и в северную Месопотамию, несмотря на то что виноградная лоза культивировалась там с древнейших времен. В южном Двуречье из-за неблагоприятного климата виноградарство развито слабо.

Ассирийские изображения передают нам виноградники двух видов: один, состоящий из пышных кустов, другой — из лоз, свободно вьющихся по деревьям. Оба эти вида встречались в центре Ассирии; первый дан в сцене возведения дворца Синахериба в Ниневии, а второй — на изображении дворцового парка Ашурбанипала.

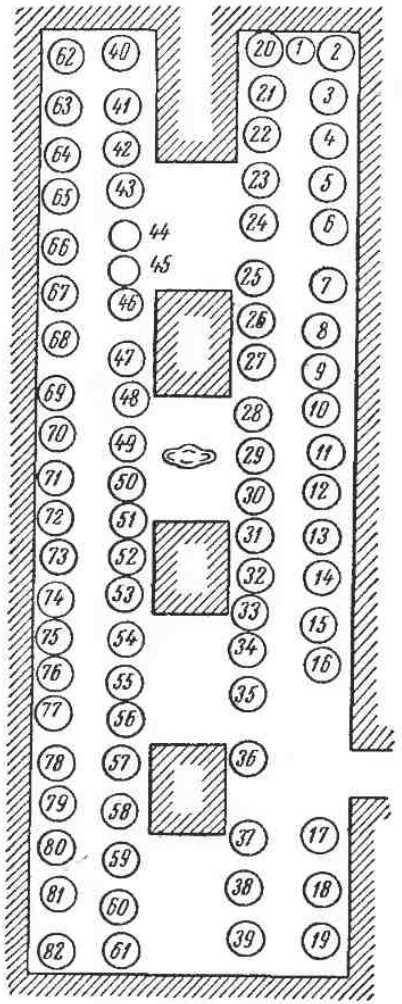
Сорта винограда, разводившегося урартами в Закавказье, нам хорошо известны по кармир-блурским материалам. Раскопки дали большое количество углей виноградной лозы и семян винограда, свидетельствующих о разнообразии культивируемых сортов. Обнаружены семена винограда не только сортов воскеат (харджи), но и мсхали, арарати (хачабаш), кишмиша (назели, еревани), а также некоторых сортов черного винограда. На одном деревянном блюде были найдены остатки изюма из сорта типа кишмиш. Изюм этот хранился в прессованном виде (определение С. А. Погосяна).

Виноградники в Ванском царстве находились как в частном, так и в государственном владении; существовали также виноградники, принадлежавшие и царствующему дому. Около сел. Катепанц, на левом берегу «канала Шамирам», был обнаружен камень с трехстрочной клинообразной надписью, повторенной дважды: «Таририи, дочери Менуа, этот виноградник. Тариахинили имя (его)». Этот камень с надписью, показы-

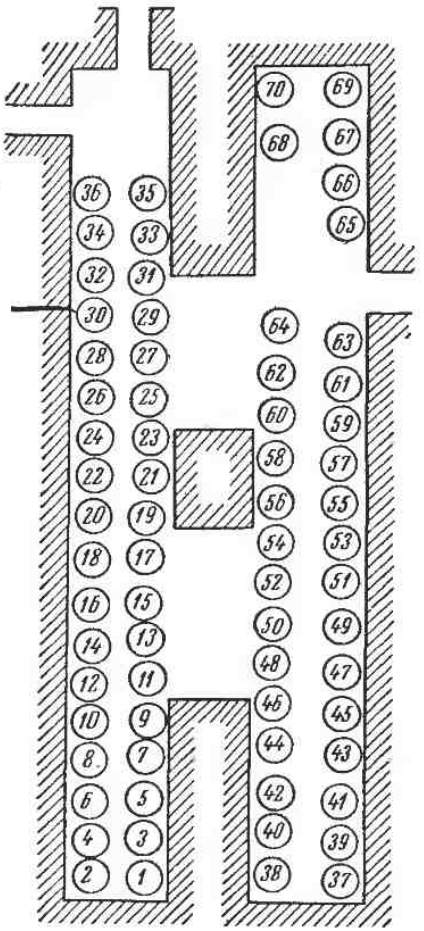
---

[21] Я. И. Гуммель, *К проблеме археоботаники Закавказья*, I («Сообщения Груз. фил. Акад. наук», I, № 10, 1940), стр. 745; Я. И. Гуммель, *Археологические очерки*, Тбилиси, 1940, стр. 98.

[22] V. Hehn, *Kulturpflanzen und Haustieren in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland und Italien, sowie in das übrige Europa*, 8, Auflage, neu herausgegeben von O. Schroeder, Berlin, 1911, S. 65.



11. Кладовая для вина (№ 25). План расположения карасов. Кармир-блур



12. Кладовая для вина (№ 28). План расположения карасов. Кармир-блур

вающей, что виноградник принадлежал урартской царевне и носил ее имя, лежал на искусственной террасе, т. е. на том месте, где был разведен сад. Таким образом, мы можем судить и о размерах сада: терраса имеет в ширину около 18 *м* и в длину около 70 *м*; с нее открывается очень красивый вид на Ванское озеро, на цепь гор и на Сипандаг[23]. Вряд ли выбор этого места для разведения виноградника царевны был случайным.

У нас недостаточно сведений об урартском виноделии[24]. По существу говоря, мы

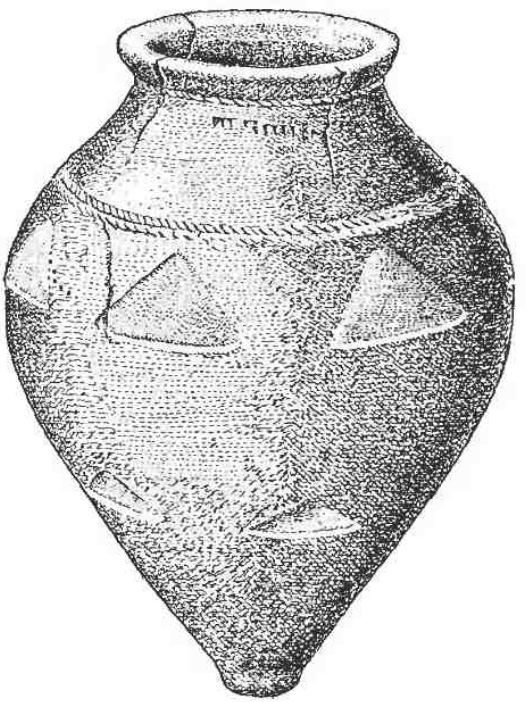
[23] W. Belck, *Mitteilungen über armenische Streitfragen* (VBGAEU, 1901), S. 310; C. F. Lehmann Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 108.— Возможно, сад занимал несколько террас.

[24] Б. Б. Пиотровский и Л. М. Джанполадян, *Виноделие в Урарту* («Виноделие и виноградарство в СССР», 1956, № 1).

только знаем, что у урартов было вино, но способ его приготовления, сорта́ и качество остаются неизвестными.

Очень вероятно, что обломки крупных сосудов с клинописными отметками емкости, найденные на Топрах-кале и в Хайкаберде, являются остатками карасов для хранения вина. На Топрах-кале была раскопана часть кладовой для вина, в которой находилось около 20—25 крупных карасов, вкопанных в земляной пол. Небольшая кладовая с подобными карасами была обнаружена и в Дур-Шаррукине, в здании около дворца Саргона.

Надпись царя Менуа, сына Ишпуини, найденная на холме Бостанкая, около Малазгирта, где и поныне имеются обширные виноградники, рассказывает о постройке крупной кладовой для вина (урарт. gie), общей емкостью в 900 акарки. Урартская мера жидких тел — акарки и ее дробные части — теруси (ранее читалось *хируси*) — оказались выписанными на обломках крупных карасов, найденных на Топрах-кале и в Хайкаберде. На основании того, что на этих обломках и в других клинообразных надписях число теруси не превышает 9, Леман-Гаупт считал, что акарки делилась на 10 или 12 теруси. А после реконструкции сосудов, на обломках которых были отмечены меры емкости, он заключил, что акарки равнялись примерно 120—150 литрам, и соответственно этому теруси была не меньше 10 литров. Но оказалось, что величину акарки Леман-Гаупт преуменьшил.



13. Карас для вина с клинописью. Кладовая для вина № 25. Кармир-блур

При раскопках 1949, 1950, 1953—1955 гг. в цитадели города Тейшебы, на Кармир-блуре, было открыто и исследовано семь кладовых, предназначенных для хранения вина. Первая из них (№ 25), площадью более 300 *кв. м*, содержала 82 караса (рис. 11), вделанных в земляной пол и расположенных в четыре ряда [25]. Все карасы имели обозначения емкости в мерах акарки и теруси, частью выполненные клинописью, а частью иероглифами. Удалось установить, что акарки равнялась примерно 240 литрам, почти вдвое превышая величину, установленную Леман-Гауптом. Теруси равнялась ее девятой или десятой части.

Вторая кладовая (№ 28), отделенная от первой проходной комнатой, по размеру немного меньше первой, вмещала 70 карасов (рис. 12), на которых были только иероглифические обозначения мер. Винные карасы имели емкость 800—1200 литров [26].

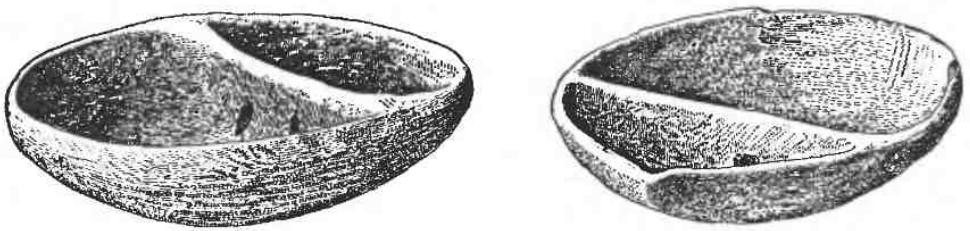
Таким образом, две винные кладовые насчитывали 152 караса вместимостью около 150 тыс. литров.

В небольшой кладовой (№ 29) около этих винных погребов был открыт склад посуды для вина, состоявший из 1036 красных лощеных кувшинов с одной ручкой, 55 плоских чаш и 16 сосудов разного рода. Такое громадное количество кувшинов вполне соответствовало большим запасам вина, хранившимся в цитадели города Тейшебы.

---

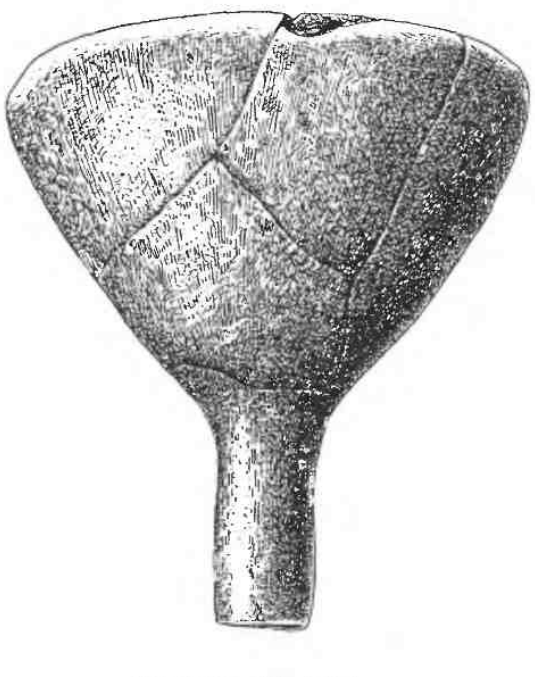
[25] «Кармир-блур», II, стр. 16—27.
[26] Там же, стр. 28—40.

В 1953 и 1954 гг. в центральной части цитадели Тейшебаини открыто еще четыре кладовые для вина (№ 40, 46, 47, 48), в которых было не менее 130 карасов (одна кладовая в разрушенном состоянии). Карасы имели как иероглифические, так и клинообразные обозначения емкости или количества вина, так как на некоторых карасах видны два различных обозначения.



14. Глиняные светильники. (Диам. 16 и 14 *см.*) Кладовая для вина (№ 28). Кармир-блур

Седьмая кладовая для вина с 48 карасами, имевшими лишь иероглифические обозначения, была обнаружена в 1957 г., в северо-западной части цитадели.



15. Глиняная воронка для вина. (Выс. 27 *см.*) Кладовая для вина № 28. Кармир-блур

Все упомянутые кладовые находились в первом этаже, в сырых помещениях, лишенных дневного света. Большое количество глиняных светильников (рис. 14), обнаруженных как в самих кладовых для вина, так и в помещениях, где были сложены кувшины, подтверждает предположение, что в кладовых было темно, а о сырости свидетельствуют косточки жаб (определение С. К. Даля), найденные около карасов. От кладовых, размещенных в первом этаже, отличается крупная кладовая для вина (№50), площадью около 132 *кв. м*, расположенная на уровне второго этажа. Так как деревянное перекрытие или сырцовый свод не смогли бы выдержать тяжесть карасов, заполненных вином, то помещение первого этажа было целиком забутовано камнем. Карасы в этой кладовой установлены по пяти в ряд, без проходов, и общее их число было около ста (сохранились лишь днища карасов в западной части помещения).

Эта кладовая, очевидно, не имела крыши, назначение ее не совсем ясно, но несомненно, что большая работа по забутовке помещения первого этажа была произведена для того, чтобы создать, по мнению Л. М. Джанполадян, на возвышенной части цитадели хорошо прогреваемую солнцем и защищенную от пыли площадку для каких-то процессов виноделия. Выдержанное на солнце вино становилось густым и сладким, а мы знаем, что такое вино было распространено в древности в Греции. Араратская равнина дает виноград высокой сахари-

стости, из которого можно получить густое и сладкое вино, выдерживая его длительное время в карасах на открытом воздухе, под лучами солнца.

Раскопки Кармир-блура до 1958 г. показали, что в крепости находились кладовые для вина, вмещавшие около 400 карасов, каждый емкостью от 800 до 1200 литров. Карасы не были однотипными, они отличались и формой венчика и приемами украшения. Видимо, они изготовлялись в разных мастерских, на что указывают и различные знаки, помещенные на массивном венчике караса до его обжига (кресты, пятилучевые звезды, три углубления, вертикальные линии с кружками).

Раскопки кладовых выявили также некоторые детали, связанные с хранением вина. Найдены крупные глиняные воронки для переливания или смешивания вин. В одном из помещений (№ 33) обнаружены не вкопанные, а стоящие и лежащие на полу карасы, около которых лежали куски серы. Это обстоятельство указывает на то, что уже в урартское время применялось окуривание карасов серой (для дезинфекции).

Винные погреба были обязательной принадлежностью каждой крупной урартской крепости. Так, при описании похода Саргона в Урарту указывалось, что в пограничной крепости Панзиш имелись, кроме запасов зерна и масла, запасы вина.

В том же тексте Саргона рассказывается о разграблении ассирийцами в городе Улху «потаенных винных погребов», переполненных вином, и о том, как ассирийские воины тянули душистое вино через трубки, как речную воду[27].

На Арин-берде в 1948 г. была обнаружена кладовая с остатками одиннадцати карасов. В летописи Сардури, сына Аргишти, в числе добычи упоминается 111 акарки вина (ассир. идеограмма), что составляет приблизительно 26 тыс. литров (VI, 10). В перечнях жертвоприношений в одной из надписей Аргишти, сына Русы, упоминается 6 теруси вина (т. е. около 150 литров).

Наряду с вином излюбленным напитком в Передней Азии было пиво; оно приготовлялось обычно из ячменя, но существовало пиво, приготовлявшееся из эммера или проса. По древним переднеазиатским клинописным текстам известно большое число названий различных сортов пива; дошли до нас также и рецепты их приготовления. Во время раскопок на Кармир-блуре были обнаружены чан для вымачивания ячменя и два крупных сосуда удлиненной формы, в которых приготовлялось пиво; в одном из них был солодовый ячмень, а в другом — просо.

Скотоводство

На Армянском нагорье скотоводством люди занимались еще в неолитическую эпоху; природные условия страны оказали существенное влияние на весь ход развития этой отрасли хозяйства.

Задолго до возникновения Урартского государства скотоводство наряду с земледелием стало основным видом хозяйства, а скот — главным источником накопления богатства и собственности.

На основе скотоводства еще в глубокой древности усилилось имущественное неравенство отдельных племен, а затем и классовое расслоение внутри них. Развитие скотоводства обострило враждебные отношения между племенами Армянского нагорья, главным предметом раздора были скот и пастбища.

История отчетливо показывает нам, что в развитии общества Передней Азии скотоводство играло весьма важную, первостепенную роль. Скот был основной добычей ассирийцев во время их походов в страны Наири. В надписи Тиглатпаласара I об успешной борьбе ассирийцев против союза стран Наири упоминается также дань, наложенная на побежденных и состоявшая из 1200 коней и 2000 голов крупного рогатого скота.

---

[27] B. Meissner, *Die Eroberung der Stadt Uthu auf Sargons 8. Feldzug*, Zeile 220.

Древнейшие памятники, освещающие культуру древневосточных государств Передней Азии, дают картину развитого скотоводства, прошедшего многовековую историю. В Урарту существовала полукочевая отгонная форма скотоводства, явившаяся закономерным следствием его развития в горных условиях. Для увеличивающихся стад не хватало прежних пастбищ, расположенных около поселений. Стремясь расширить пастбища, урарты начали постепенное освоение горных и высокогорных (альпийских) лугов. Скот на летнее время угонялся в горы, на пастбища, куда вместе с ним перекочевывала и часть племени. Скотоводство приобрело полукочевой (яйлажный) характер, что вместе с тем определило разделение труда между горными и долинными районами Армянского нагорья.

Этот процесс развития скотоводства можно проследить на археологическом материале Закавказья и представить историю скотоводства Армянского нагорья, не документированную еще археологическим материалом [28].

Урартские клинообразные надписи содержат много данных относительно скотоводства. В них уже с конца IX в. постоянно упоминается крупный и мелкий рогатый скот, причем названия животных переданы ассирийскими идеограммами, иногда раскрытыми фонетически, что позволяет установить их урартское чтение. Таковы идеограммы *бык* (урарт. paḫini), *бычок*, *дикий бык*, *корова*, *овца* (урарт. šuše) и *ягненок*. Возможно, что идеограммами *бык* и *овца* передавались также понятия «крупный рогатый скот» и «мелкий рогатый скот» независимо от их вида и пола.

К сожалению, изображениями урартского скота мы не располагаем вовсе, если не считать рельефов Балаватских ворот Салманасара III, где показан угон скота из страны Гилзан (на северо-западном побережье оз. Урмия), входившей позднее в состав Урарту, да сильно стилизованных орнаментальных фигур быков.

Кости животных из раскопок на Топрах-кале не были определены, и археологи не обратили на них внимания.

Громадный материал об урартском животноводстве дали раскопки цитадели Тейшебаини. Материал этот, детально обработанный и изученный С. К. Далем [29], весьма значителен по объему и делится на три основные группы: 1) комплектные костяки животных, погибших от пожара во время штурма цитадели, 2) отдельные кости (видимо, остатки мясной пищи) и 3) сильно пережженные кости от жертвоприношений.

Во время пожара цитадели, возникшего при штурме крепости, на крыше ее находились животные — крупный рогатый скот, лошади и ослы, поднятые туда во время осады. Когда деревянная кровля помещения была объята пламенем, обезумевшие животные, сорвавшись с привязи, метались среди огня, попадали на перегоревшие перекрытия и вместе с ними обрушивались вниз. Раскопки неоднократно устанавливали факт падения животных с большой высоты, на что указывали положение скелетов и сильное повреждение костей. От животных, погибших в пожаре, сохранились не только костяки, но и ошлакованные остатки мяса и кожи, а также некоторые внутренности и содержимое желудков.

Крупный рогатый скот, представленный несколькими костяками, по типу был весьма близок к Bos primigenius; на это указывают также и бронзовые головки бычков, украшавшие ведерко, найденное в одной из кладовых.

Особенно хорошо нам известны материалы о скотоводстве Закавказья со времени энеолита (III тысячелетие до н. э.), дающие определенную картину развития древних аборигенных пород домашнего скота. Но эта стройная линия развития скотоводства нарушается иногда побочным явлением — одомашнением диких видов. Так, в погребениях вождей закавказских племен середины II тысячелетия до н. э. встречаются кости

---

[28] Б. Б. Пиотровский, *Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье* («Советская археология», XXIII, 1955), стр. 5—15.

[29] С. К. Даль, *Результаты изучения млекопитающих из раскопок урартского города Тейшебаини* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1952, № 1), стр. 75—86.

весьма крупного рогатого скота, близкого к дикому туру и не связанного с низкорослыми породами, разводившимися в Закавказье издревле.

Во время гибели цитадели Тейшебаини мелкий рогатый скот находился еще на горных пастбищах, поэтому раскопками обнаружено небольшое количество костей овец и коз.

С. К. Даль различает овец двух типов (Ovis aries); один из них является древней тонкорунной овцой (меринос), на что указывают также остатки высококачественной шерстяной пряжи; другой тип отличается крупными размерами и грубым руном. Козы, кости которых найдены на Кармир-блуре в сравнительно незначительном количестве, близки современной местной породе (Capra domestica). Среди костных остатков был обнаружен один скелет полностью и много отдельных костей домашней свиньи (Sus scrofa domestica).

Богатый остеологический материал из раскопок на Кармир-блуре дополняется находками из Цовинарской крепости, находившейся на южном берегу оз. Севан, на самой окраине Урарту. Среди костей, найденных во время раскопок 1934 г., В. И. Громова определила кости крупного рогатого скота (Bos taurus), домашней овцы (Ovis aries) и домашней свиньи (Sus scrofa domestica).

По сравнению с Кармир-блуром в Цовинарской крепости обнаружено бо́льшее количество костей диких животных, убитых на охоте, что объясняется географическим положением крепости. Нельзя забывать, что в урартское время берега оз. Севан были покрыты густыми и высокоствольными лесами, впоследствии истребленными человеком.

Летописи Аргишти и Сардури, описывающие победоносные походы урартов в страны Передней Азии, в перечнях добычи дают громадные цифры скота, угнанного в центральную часть Ванского царства, причем в этих текстах явно выступает значительное преобладание мелкого рогатого скота над крупным. Согласно сохранившемуся тексту летописи за все отмеченные в ней походы Сардури, сын Аргишти, привел в Биайну около 110 тыс. голов крупного и около 200 тыс. голов мелкого рогатого скота (I, 46—47; II, 44; III, 39—40; IV, 32—33; V, 31; VI, 7—8).

Только за два похода в Закавказье из страны Эриахи было угнано 23 194 головы крупного и 63 420 голов мелкого рогатого скота. Из этой сводки мы видим, что число захваченных овец и коз почти в три раза превышает число быков и коров. Кстати, можно отметить, что по переписи 1916 г. в Александропольском уезде Эриванской губернии насчитывалось 132 тыс. голов крупного и 157 тыс. голов мелкого рогатого скота. Если мы учтем, что страна Эриахи занимала лишь часть территории б. Александропольского уезда и что урарты завладели не всем скотом страны Эриахи, то цифры летописи Сардури еще ярче будут свидетельствовать о громадном количестве скота у племен древнего Закавказья, входивших в состав Ванского царства.

Весьма интересны сведения летописей о том, что походы урартских царей совершались в году дважды, по-видимому, весной и осенью. Это обстоятельство связано не столько с климатическими особенностями, сколько с основной формой скотоводства, господствовавшей в Передней Азии, а именно — с полукочевым (яйлажным) скотоводством. Урартские войска появлялись или весной, когда скот еще не ушел на горные пастбища, или осенью, по его возвращении с гор, когда была обеспечена богатая добыча. Основной целью урартских походов в Закавказье был захват скота и людей.

Мясо было, вероятно, основной пищей урартов. Например, в перечнях жертв, приносимых богам (надпись на скале «Дверь Мхера»), упоминаются одни только жертвенные животные.

В 1949 г. на Кармир-блуре была обнаружена кладовая, засыпанная пережженными костями жертвенных животных. Все кости принадлежали крупному и мелкому рогатому скоту, причем среди них отсутствовали кости голов и нижних частей конечностей. Таким образом устанавливается, что шкура жертвенного животного, отделенная с головой и конечностями, выделялась особо; это хорошо иллюстрируется и кавказским эт-

нографическим материалом. Во всяком случае роль животных в урартской религии выступает особенно четко, если мы сравним перечни жертв в урартских текстах хотя бы с шумерскими и древнеегипетскими.

Крупный рогатый скот в Урарту имел важное значение, так как давал мясо и молоко. На изготовление масла указывают крупные «маслобойки», сосуды с одной горизонтальной ручкой для раскачивания и отверстием для заливания молока в верхней части боковой стенки. Такие сосуды были найдены как в цитадели Тейшебаини, так и в поселении. Интересной деталью, отличающей эти «маслобойки» от закавказских, является наличие клиньев, налепленных на внутренней поверхности сосудов. Эти клинья содействовали убыстрению процесса сбивания масла.

Урартам было знакомо и сыроварение. В нескольких помещениях цитадели Кармир-блура были обнаружены крупные воронки из туфа, диаметром около одного метра, установленные на деревянных конструкциях над плоским каменным чаном с желобом, по которому ненужная жидкость отводилась за пределы крепости. Очень вероятно, что такие конструкции использовались при сыроварении для процеживания молока в сосуды, устанавливавшиеся в плоском чане под воронкой. Тут же происходила и мойка сосудов.

На связь этих конструкций с сыроварением указывает и одна находка в помещении № 51, объясненная В. О. Гулканяном. Около каменного желоба и лежавшей около него туфовой воронки (диаметром 1,06 *м*) был обнаружен небольшой сосуд, состоящий из двух отдельных сосудиков высотой около 8 *см*, слепленных вместе и соединенных сквозным отверстием. В одном из них оказалась спекшаяся масса, которую В. О. Гулканян, произведший тщательный анализ, считает остатком сычужной закваски для сыра. В этой массе оказались зерна сорго, ягоды винограда (изюма, судя по их внешнему виду) и обуглившееся органическое вещество, вероятно сычуг (вырезка из желудка животного). Это вполне соответствует и современной закваске, употребляемой в Закавказье, которая изготовляется из сычуга, зерен пшеницы или гороха и сушеных ягод винограда или кизила.

Двойной сосуд применялся для предохранения от попадания в молоко веществ закваски, находившейся в одной части сосуда, в другой же была жидкая закваска, которую и сливали в приготовленное для сыра молоко.

Важное значение в хозяйстве урартов имела и кожа животных. Так, в одном из документов кармир-блурского хозяйственного архива сохранилось перечисление шкур животных и шерсти. В ней упоминается в одном случае 23 шкуры, а в другом 196 шкур телят, 162 шкуры овец и 16 шкур коз.

Некоторые породы овец разводились в Урарту специально с целью получения шерсти, обработка которой в Передней Азии известна с чрезвычайно отдаленных времен. При раскопках урартских поселений и крепостей часто встречаются дисковидные или полушаровидные пряслица от примитивного веретена, дожившего в своей архаической форме и до наших дней.

На Кармир-блуре были найдены не только крупные глиняные грузила от ткацкого станка, имеющие форму усеченной пирамидки, с отверстием в верхней части, но также клубки и мотки шерстяных ниток и обрывки тканей различных типов; есть ткани из очень тонкой шерсти, а в одном случае найдены обрывки толстой и плотной ткани с участками хорошо сохранившейся ворсовой поверхности.

О существовании в Урарту высококачественных шерстяных тканей, окрашивавшихся в различные цвета, рассказывают ассирийские клинописные тексты.

В тексте Саргона, в перечне добычи, захваченной в Мусасирском храме (366), упоминаются «130 одежд многоцветных и туник из льна, шерсти голубой и шерсти пурпурового цвета стран Урарту и Хапху». В 1952 г. на Кармир-блуре были обнаружены части кафтана из шерстяной ткани, на подкладке, с вшитыми вставками из ткани с узорами, выполненными гобеленовой техникой. Эта находка подтверждает сведения ассирийских источников о высоком уровне ткацкого дела у урартов.

Коневодство

По ассирийским источникам известно, что в Ассирию с древнейших времен лошади доставлялись из соседних стран, находившихся на северо-востоке.

Тиглатпаласар I после победы над союзом «царей стран Наири» наложил на них дань — 1200 коней и 2000 голов крупного рогатого скота. Салманасар III большое количество лошадей получал из приурмийского района; на рельефах Балаватских ворот изображен, в частности, угон из страны Гилзан целого табуна жеребцов. В урартских клинообразных надписях неоднократно рассказывается о захвате и угоне из покоренных стран (часто из областей Закавказья) в центр Ванского царства лошадей, причем в перечнях добычи лошади упоминаются в первую очередь.

В урартской клинописи для термина *конь* употребляется ассирийская идеограмма, буквально означающая *осел гор*, причем фонетическое ее чтение еще не установлено.

В летописи Сардури, сына Аргишти, отчет о каждом походе обычно сопровождался перечнем громадной добычи, главным образом скота, среди которой были и кони (I, 45; II, 15, 43; III, 38; 31; V, 31 и VI, 6). Общее число захваченных лошадей, по сохранившимся данным летописи, было около 18 тыс., но это значительно меньше общего числа угнанного из тех же областей крупного и мелкого рогатого скота.

Лошадь в Урарту была наиболее распространенным домашним животным, что характерно для общества с полукочевым скотоводством, и отдельные районы Ванского царства, вероятно, даже славились своим коневодством. Так, судя по тексту Луврской таблички (169—170), в провинции Суби, на восточном побережье оз. Урмия, специально разводили верховых лошадей и оттуда доставлялись жеребцы для урартской конницы. «Люди, живущие в этой области,— говорится в тексте,— во всем Урарту не имеют равных в умении обучать лошадей для конницы». В том же тексте, при описании города Улху (район современного Меренда), рассказывается, что урартский царь Руса устроил вокруг города роскошные пастбища для коней.

В местности Сигкех, к северо-востоку от Вана, там, где в средние века находился ипподром армянских князей, был найден камень с коротким клинообразным текстом: «Менуа, сын Ишпуини, говорит: с этого места конь по имени Арциби («Орел») под Менуа прыгнул 22 локтя»[30]. Таким образом, в этом тексте отмечается «выдающееся спортивное достижение» урартского царя в конной езде. Конь под ним прыгнул на 22 локтя, т. е. на расстояние около 11,4 *м*.

Уже самые ранние урартские тексты (конец IX в.) говорят о наличии в урартском войске как конницы, так и колесниц (и в этом случае термины переданы ассирийскими идеограммами), изображения же их нам известны только от позднего времени истории Ванского царства. Изображения всадников и колесниц имеются на бронзовых шлемах и колчанах, найденных на Кармир-блуре; рисунок колесницы обнаружен также на поврежденном оттиске печати при раскопках на Топрах-кале (рис. 16)[31].

По типу урартские боевые колесницы очень близки к ассирийским. Они имеют тот же легкий кузов, сильно выгнутое вверх дышло и колеса, помещенные не посередине дна кузова, а у заднего его края.

Имеющиеся материалы позволяют нам даже в деталях проследить совершенствование форм ассирийской колесницы, особенно эволюцию колеса.

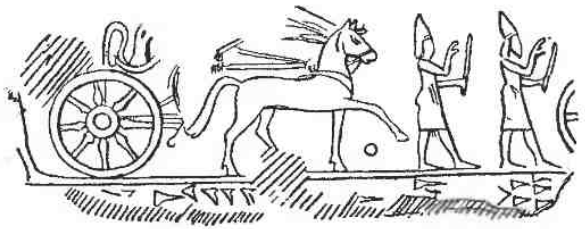
С середины III тысячелетия исчезает массивное дисковидное колесо, и на смену ему приходит колесо со спицами. Первым шагом по пути облегчения веса колеса была замена крестовидной сплошной средней части диска, что привело к созданию примитивного колеса с четырьмя спицами; с течением времени спицы делались тоньше и их число увеличивалось. В Ассирии еще до середины IX в. употреблялось колесо с шестью спицами, как это можно видеть на рельефах ворот Салманасара III. При Тиглатпаласаре III

---

[30] И. М. Дьяконов, *Заметки по урартской эпиграфике*, стр. 115.
[31] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, I, S. 261.

(середина VIII в.) колесо с шестью спицами продолжало еще существовать наряду с обычным в то время колесом, имевшим уже восемь спиц. При Саргоне и позднее колесо с восемью спицами становится самым распространенным [32].

В колесах урартских колесниц также восемь спиц, что сближает их с позднеассирийскими, но они имеют все же и некоторые особенности. На кармир-блурском колчане колеса показаны с очень массивным ободом, а на оттиске печати — с фигурными спицами. Форма кузова урартских колесниц также совпадает с формой позднеассирийской: те же пропорции отдельных частей, тот же характерный выступ сзади.

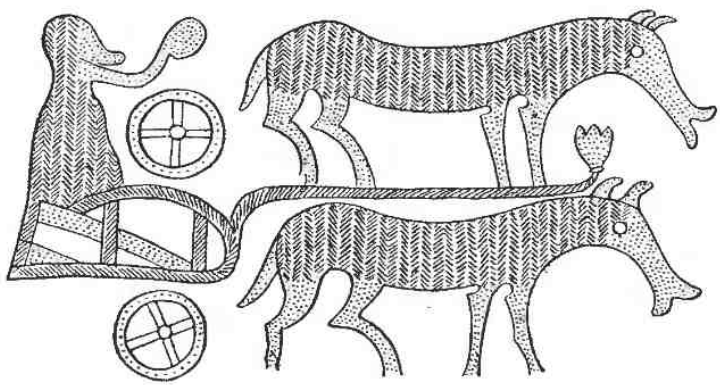


16. Урартская колесница. Оттиски печати. Топрах-кале (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, I, S. 261)

В колесницу чаще всего запрягались два коня, хотя в некоторых случаях на изображениях у кучера в руках показаны четыре вожжи, что при наличии боковой тяги, связывающей пристяжную лошадь непосредственно с кузовом колесницы, говорит скорее о запряжке трех коней. В кузове помещались два человека — возничий и воин.

В 1957 г. в кладовой для вина, расположенной в северо-восточном углу цитадели, была обнаружена бронзовая голова коня прекрасной работы, служившая навершием дышла колесницы (см. рис. 40). Такое украшение дышла имеется на изображении царской колесницы во дворце Синахериба.

Урартские колесницы, вероятно, получили распространение и в Закавказье. В одном погребении в Ахтала (VII в.) был обнаружен пояс из листовой бронзы с резным изображением колесницы, запряженной двумя конями [33] (рис. 17). Хотя рисунок



17. Колесница. Изображение на бронзовом поясе из могильника в Ахтала (J. de Morgan, *Mission scientifigue au Caucase*, I, fig. 145)

очень схематичен и колесница дана в чрезвычайно своеобразной проекции, свойственной примитивному искусству, все же в нем без труда можно узнать изображение колесницы урартского типа. Особенно характерно сильно выгнутое дышло, имеющее на конце украшение в виде цветка. Число спиц в колесе (четыре) можно отнести за счет схематич-

---

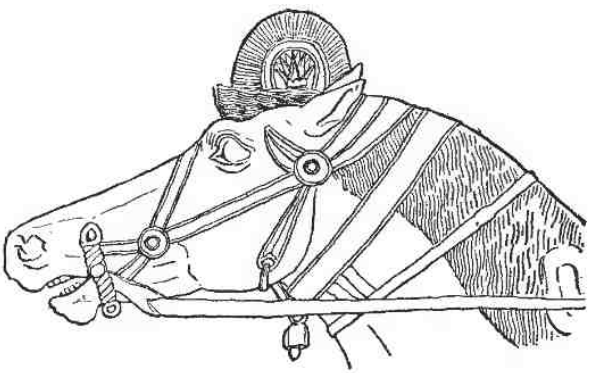
[32] Б. Б. Пиотровский и Н. Д. Флиттнер, *История техники древнего Двуречья* («Очерки по истории техники древнего Востока», Л.—М., 1940), стр. 100.

[33] J. de Morgan, *Mission scientifique au Caucase*, I, Paris, 1889, p. 141, 145.

ности рисунка. Перед нами настолько характерный тип переднеазиатской колесницы, что нет никаких оснований связывать изображение колесницы на поясе из Ахтала с древнеегипетскими колесницами[34].

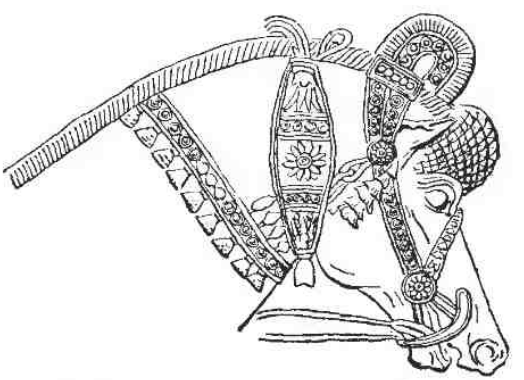
В 1956 г. на побережье оз. Севан, у сел. Лчашен, на осушенной территории были раскопаны курганы, относящиеся ко времени, предшествующему урартскому завоеванию Севанского района (XIII—XI вв.). В одном из этих курганов была обнаружена

18. Конский убор. Рельеф Ашуриазирпала (H. A. Potratz, *Die Pferdgebisse des zwischenstromländischen Raumes*, AO, XVI, 1—2)



19. Конский убор. Рельеф Ашурбанипала (H. A. Potratz, *Die Pferdgebisse des zwischenstromländischen Raumes*)

бронзовая модель колесницы[35], в кузове которой помещены две фигурки воинов, в шлемах с большим гребнем, напоминающих скорее всего хеттские шлемы, распространенные в IX в. до н. э. и у урартов, как это можно видеть на рельефах Балаватских ворот Салманасара III. Форма колесницы, без сомнения, напоминает древневосточные. У колесницы легкий кузов, колеса в восемь спиц (на одном колесе показано девять спиц), помещенные ближе к задку кузова, сильно выгнутое дышло и на задке петля. Единственным архаическим элементом лчашенской колесницы является сильно выгнутое вверх дышло, как бы нависающее над конями, все остальные части характерны для конца II тысячелетия. (Выгнутое над спинами лошадей дышло колесницы встречается на хеттских колесницах северной Сирии конца II тысячелетия до н. э.)



20. Конский убор. Рельеф Ашурбанипала (H. A. Potratz, *Die Pferdgebisse des zwischenstromländischen Raumes*)

Способ запряжки, применявшийся урартами, как это видно по изображениям на шлемах и колчанах, найденных на Кармир-блуре, был близок к ассирийскому. Ассирийская упряжь состояла из уздечки, кожаного ремня, охватывавшего шею лошади

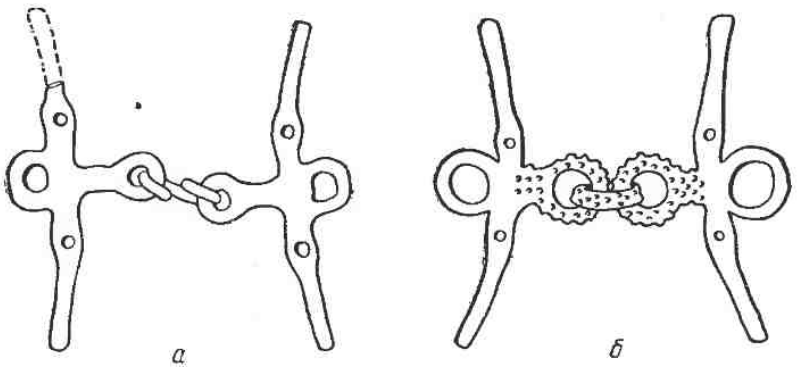
---

[34] L. Muskeli, *Kaukasische Parallele zu einem altaegyptischen Rennwagen* («Bulletin Musée de Géorgie», VIII, 1935), p. 143.

[35] А. О. Мнацаканян, Раскопки курганов у селения Лчашен («Советская археология», II, 1957), стр. 146.

наподобие ошейника, и подпруги (рис. 18, 19 и 20). Эти части упряжи, а также пышное надголовное украшение у коней можно видеть и на урартских изображениях.

До нас дошло несколько экземпляров урартских удил. При раскопках 1940 г. на Кармир-блуре, около крепостной стены восточного здания, была обнаружена группа металлических предметов, среди которых оказались обломки удил, весьма характерной формы, близкой к ассирийским удилам из Калху[36] (рис. 21). Урартские удила состояли из трех частей; двух бронзовых изогнутых псалий и железной мундштучной части, образующих одно целое с псалиями. Каждый псалий имеет три отверстия — большое среднее для повода и два меньших — для ремней, скреплявших удила с уздечкой. Удила из Кармир-блура по форме совпадают с найденными в кладе из Мерса (Мехчисцихе) Карсской области, на которых так же отчетливо сохранились остатки железной мундштучной части (Музей этнографии АН СССР, № 378—10). В 1954 г. в кладовой



21. *а,б*—ассирийские бронзовые удила. Калху (M. Wolff, D. Opitz, *Jagd zu Pferde in der altorientalischen und klassischen Kunst*, AO, X)

№ 48 на Кармир-блуре было обнаружено много бронзовых частей конского убора с надписями Сардури II (налобники, нащечные пластины, круглые бляшки, колокольчики, подпружные пояса и удила). Удила состояли из бронзовых псалий изогнутой формы с вычеканенным на них именем Сардури и мундштучной железной части, которая была закреплена ковкой в бронзовых псалиях и составляла, таким образом, с ними одно целое. На псалиях сохранились петли для прикрепления ремней уздечки; в отличие от вышеописанных удил петли на удилах лошади Сардури помещены перпендикулярно к пластинке псалия, что является их характерной особенностью.

Удила описанных типов были распространены на очень большой территории[37]. Их находили на территории Закавказья, Передней Азии, вплоть до Египта. Подобные удила происходят также из Афин и датируются концом VI в. до н. э. Они, по-видимому, распространялись вместе с лошадьми и боевыми колесницами из Передней Азии в древние страны Европы.

На серебряном ритоне в форме лошадиной головы, происходящем из Мазендерана и датируемом V в., отчетливо видно место прикрепления повода к большому среднему отверстию и ремней уздечки к двум боковым[38].

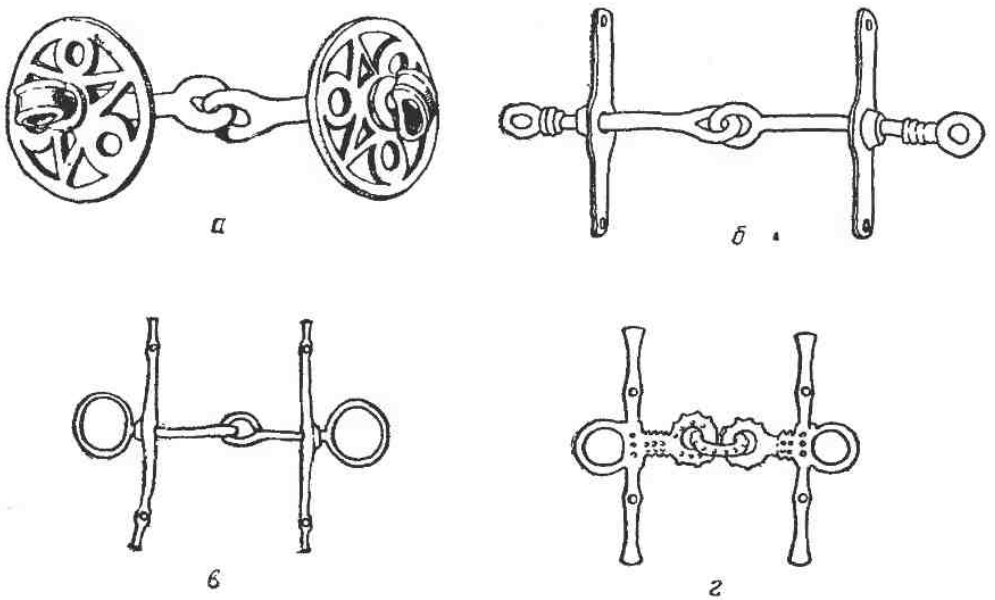
Наряду с удилами описанного типа существовал другой, с напускными псалиями, появившийся, возможно, ранее первого. У более древних удил на мундштук, имеющий

[36] H. A. Potratz, *Die Pferdgebisse des zwischenstromländischen Raumes* (AO, XIV, 1—2, 1941); M. Wolff und D. Opitz, *Jagd zu Pferde in der altorientalischen und klassischen Kunst* (AO, X, 1936). S. 14; R. Lefebvre des Noettes, *La force motrice animale à travers les âges*, Paris, 1934, dessin 49.

[37] Б. А. Куфтин, *Археологические раскопки в Триалети*, I, Тбилиси, 1941, стр. 61.

[38] «The illustrated London news», 1935, March 2.

на концах кольца для прикрепления повода, надеты свободно движущиеся псалии с отверстиями для ремней. Этот тип удил был распространен на той же территории, что и удила первого типа, а также в Закавказье и Иране[39]. Обнаружен он и на Кармир-блуре. В 1952 г. в одном из помещений цитадели среди бронзовых предметов оказался конский убор, состоящий из двух удил, двух налобников, четырех крупных колокольчиков и двадцати двух бляшек разного размера. Каждый свободно движущийся псалий одной пары удил, снабженный двумя парами отверстий для прикрепления ремней уздечки, имел короткую клинообразную надпись: «[Царя] Менуа». Имя этого же царя было



22. Различные типы удил из Закавказья: *а* — Квемо-Сасирети (Грузия); *б* — Севанский р-н (Армения); *в* — Нагорный Карабах (Азербайджан); *г* — Северная Армения. Музей Грузии, Исторический музей Армении, Гос. Эрмитаж

вычеканено на одном из налобников и на бляшке небольшого размера. Таким образом, мы имеем четко датированные началом VIII в. до н. э. удила, принадлежавшие царю Менуа, первому из урартских царей, вступившему на территорию Закавказья (рис. 23).

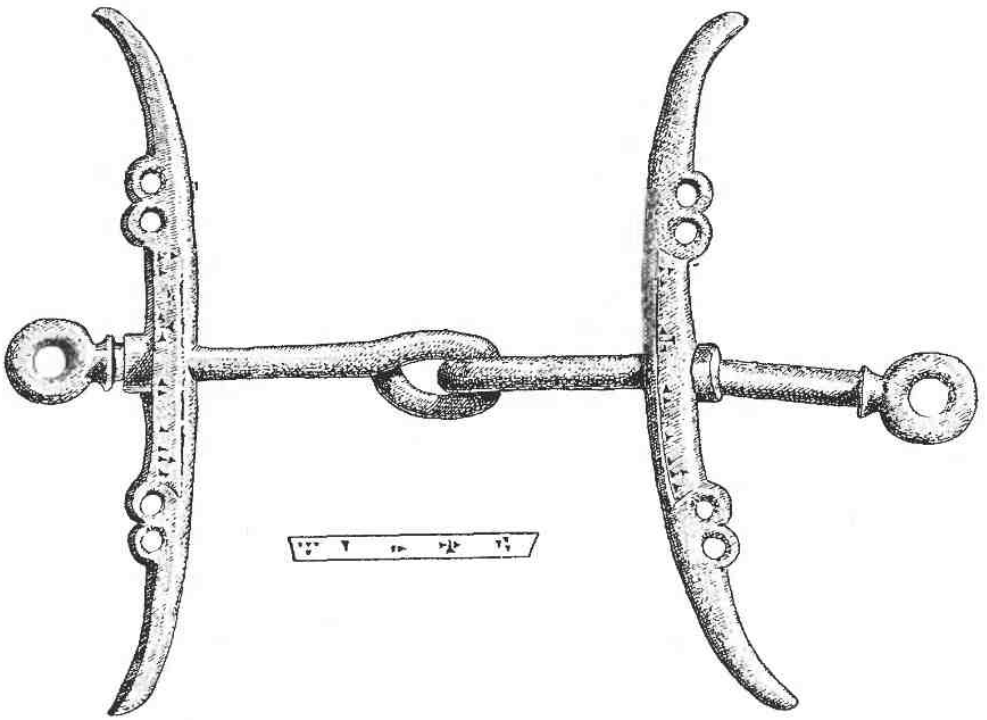
В Закавказье наряду с указанными встречаются и удила более архаического типа. К ним относятся бронзовые удила с колесовидными псалиями, отлитые целиком в одной разъемной форме. Они были найдены в кладе Квемо-Сасирети в Грузии и в Севанском районе, в частности и в Лчашенских курганах[40]. Этот тип удил широко распространен на всем древнем Востоке начиная с начала II тысячелетия до н. э. К раннему типу удил, изображенных на рельефах дворца Ашурнасирпала II, относятся также удила с плоскими напускными псалиями[41]. Такие удила известны с 1951 г. по старым находкам и по раскопкам А. О. Мнацаканяна в сел. Астхадзор Севанского района.

Существование в Закавказье в конце II и в первой четверти I тысячелетия до н. э. различных типов удил объясняется, вероятно, тем, что Закавказье не являлось райо-

[39] Б. А. Куфтин, *Археологические раскопки в Триалети*, рис. 57.
[40] S. Makalathia, *Découvertes archéologiques en Géorgie en 1930* («Mitteilungen der Anthrop. Gesellsch. in Wien», LXII, 1932), S. 105.
[41] H. A. Potratz, *Die Pferdegebisse des zwischenstromländischen Raumes*, S. 5.

ном, где был создан собственный, характерный только для него, тип удил; племена Закавказья пользовались древневосточными образцами. Большое различие в технике отливки удил говорит о том, что многие из них являлись привозными предметами, но некоторые могли изготовляться и в Закавказье по привозным образцам.

Кости лошадей, найденные на Кармир-блуре, позволили С. К. Далю восстановить внешний облик одной из пород урартских лошадей[42]. Лошадь оказалась представителем низкорослой (высота холки 1,25 *м*) выведенной породы, с небольшой головой (ширина лба 12,8 *см*), с широко расставленными, слегка повислыми маленькими ушами



23. Урартские бронзовые удила с надписью Менуа. Кармир-блур. Исторический музей Армении

и глазами, резко обращенными вперед. Ноги были тонкими и стройными, копыта маленькими и крутыми. Возможно, эта низкорослая урартская лошадь была представителем одной из пород, а наряду с ней существовали высокорослые лошади. Ассирийские памятники изображают высоких коней, например во дворце Синахериба, и низких, подобных тем, что на рельефе дворца Ашурбанипала, в сцене чистки и кормежки лошадей. В Ассирии особенно славились кони, доставлявшиеся из Каппадокии, с Армянского нагорья и из Мидии, а также из Эфиопии. В Урарту они обычно использовались для верховой езды, но применялись и как вьючные животные наряду с мулами и ослами.

На Кармир-блуре обнаружены остатки нескольких костяков ослов, которые, по заключению Н. О. Бурчак-Абрамовича, по размерам, пропорциям и внешнему виду не отличались от современной аборигенной породы ослов, широко распространенной

[42] С. К. Даль, *Лошадь времен Урарту из раскопок Кармир-блура* («Изв. Акад. наук АрмССР» 1947, № 10), стр. 41—61.

в Закавказье[43]. При изучении зубов осла урартского времени С. К. Даль заметил некоторые признаки, характерные для кулана.

Ванское царство имело разветвленные пути сообщения, связывавшие как отдельные части страны, так и страну с соседними государствами. Следы этих древних путей в некоторых частях сохранились; прокладывая дорогу в горах, урарты принуждены были зачастую врубаться в скалы. Такие участки древних дорог можно видеть в горах между озерами Ван и Урмия. В районе Келяшин и Топузава еще до сих пор сохранились остатки дороги; участки ее, прорубленные в скале, были шириной от 1,7 до 3 *м*, что может дать также и некоторое представление о размерах урартских повозок[44].

Благоустроенных дорог, с мостами (деревянными, а возможно, и каменными) через реки, в Урарту было немного, и нередко путникам, как и в Ассирии, приходилось переправляться через реки вплавь на бурдюках, причем лошади следовали за пловцами; вероятно, для переправы сооружался также плот, наподобие ассирийского *калакку*, с привязанными внизу бурдюками.

Верблюды

В качестве вьючных животных в Урарту использовались также верблюды. В Передней Азии они встречаются с древних времен. На Балаватских воротах имеется изображение угона верблюдов из страны Гилзан; упоминаются они и в перечнях добычи в летописях Аргишти и Сардури. Так, из страны Эриахи (Закавказье) Сардури угнал 1613 коней, 155 верблюдов, 16 529 голов крупного и 37 685 голов мелкого рогатого скота (IV, 31—33). Но приведенные цифры указывают на то, что верблюды все же были немногочисленны.

На Кармир-блуре кости верблюдов до сих пор обнаружены не были. Единственная кость одногорбого верблюда (Camelus dromedarius) была найдена при раскопках на холме Арин-берд.

Родина двугорбых верблюдов (ассир. udru) — восточные области Передней Азии, а одногорбые были особенно распространены в Аравии. В Ассирии верблюды получили широкое распространение при Тиглатпаласаре I, о чем упоминают его надписи. Позднее верблюд стал обычным вьючным животным военного обоза. В тексте Саргона говорится, что «верблюды и вьючные ослы прыгали по вершинам, как козероги, порождение гор». Далее, при описании дани, полученной с мидийских князей, рассказывается: «Они принесли мне из своих стран свою тяжелую дань и в Парсуаше они изъявили свою покорность ... я принял беговых коней, буйных мулов, двугорбых верблюдов, порождение стран их...» В том же тексте Саргона при описании деятельности урартского царя Русы I отмечается, что «он (Руса) сделал верблюдов известными всей ... стране, и они работали при насыпке плотин»[45].

В Закавказье верблюды применялись и для верховой езды. В 1896 г. А. А. Ивановский при раскопках кургана у сел. Карабулак (Азербайджан) открыл большую могилу, в которой находились два скелета верблюдов, украшенных богатым золотым убором, что в Закавказье встречается сравнительно редко[46].

В этой могиле были обнаружены скелеты трех человек; один из них лежал в вытянутом положении, два же других, вероятно слуги, убитые при погребении, были помещены по сторонам, в сидячем положении. Этот курган представлял, по-видимому, захоронение вождя одного из закавказских племен. Вместе с вождем и были похоронены принадлежавшие ему богато убранные верховые верблюды.

---

[43] Н. Бурчак-Абрамович, *Остатки домашнего осла в древней культуре Урарту* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1948, № 5), стр. 423—427.

[44] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*. II, 1, S. 302, 304.

[45] B. Meissner, *Die Eroberung der Stadt Ulhu auf Sargons 8. Feldzug*, S. 115.

[46] А. А. Ивановский, *По Закавказью* (МАК, VI), стр. 164.

Основные черты хозяйства Ванского царства

Как мы видели, земледелие и скотоводство были в Ванском царстве основными отраслями хозяйства, и обусловленное природными особенностями естественное разделение труда выразилось в преобладании земледелия в долинах и низменностях, а скотоводства — в горах.

Развитое ремесло, требовавшее особых навыков, а зачастую и большого мастерства, находилось в руках специалистов-ремесленников, которые в условиях рабовладельческого общества нередко были рабами (особенно если они принадлежали к числу военнопленных); о приводе ремесленников из побежденных стран постоянно рассказывают ассирийские летописи.

Города как центра ремесла и торговли еще не существовало. Урартские города, даже крупные административные центры, не имели торговых площадей, ремесленных кварталов. Среди населения таких городов были земледельцы и скотоводы. Раскопки города бога Тейшебы показали, что этот город являлся крупным административно-хозяйственным урартским центром в Закавказье. В него поступала и в нем обрабатывалась дань из окрестных областей, а в тексте Звартноцкой стелы рассказывается о том, что вокруг города были обширные поля, виноградники, плодовые сады и рощи. В крепости, как показали раскопки, находились большие винные погреба, хранившие около 400 тыс. литров вина, громадные зернохранилища, мастерская по изготовлению кунжутного масла. Есть данные, свидетельствующие о ткачестве, металлургии, обработке рогов и др. Все это требовало значительного числа рабочих рук. Нет сомнения, что в городе, расположенном вокруг цитадели, жили люди, которые обслуживали это большое хозяйство. Раскопки проведены еще не в достаточных масштабах, но и теперь они уже дали некоторый материал для вывода о характере населения. Открыты три квартала; два из них оказались однотипными, на них располагалось несколько жилищ под одной крышей, состоявших из трех помещений — открытого двора и двух жилых комнат. Никаких помещений складского назначения для продуктов и для содержания скота не обнаружено, входы в жилища настолько узки, что крупный рогатый скот никак не мог бы пройти через них, да иногда у входа находилась еще лесенка в две ступени. Один раскопанный квартал как будто указывает на то, что в нем были две общие кладовые для продуктов и орудий. По-видимому, жители этих двух кварталов не имели собственного хозяйства и находились на государственном довольствии[47]. Город строился по заранее намеченному плану, с однотипными жилищами, что напоминает раскопанные жилища в Вавилоне. Различные жилища имели общие стены; характер их постройки противоречит представлению о том, что жилища строились индивидуально. Третий из исследованных кварталов дал несколько иную картину: западная половина его была построена в отличие от других кварталов из мелкого камня-булыжника, а не из крупных блоков, а восточная представляла собой единый комплекс жилых помещений и кладовых. В ней открыты зерновые ямы и крупные карасы для вина, подобные тем, которые были обнаружены в винных погребах цитадели. Этот комплекс помещений условно назван «домом богатого урарта»[48].

Есть много данных, свидетельствующих о централизованном хозяйстве в городе Тейшебы. В первую очередь об этом говорит хозяйственный архив, из которого до сего дня известны лишь шесть документов и пять обломков глиняных табличек с клинописными текстами. Пять документов являются распоряжениями от имени царя или вельмож. Они снабжены печатями: в одном случае царя Сардури, сына Русы, во втором — Русы, сына Русы, по-видимому, царевича, и в третьем — должностного лица. Документы эти содержат распоряжение об отправке ремесленников, лошади с фура-

---

[47] «Кармир-блур», I, стр. 17; «Кармир-блур», II, стр. 79.

[48] А. А. Мартиросян, *Раскопки города Тейшебаини, 1956* («Советская археология», I, 1958), стр. 163—170.

жом и шести быков, а также о переделе земли, о сборах дани и как будто о возврате рабыни. Лишь одна табличка письма, с ошибками в написании знаков и без печати, непосредственно относится к архиву самой цитадели города Тейшебаини, она представляет собой расписку об отправке или же приеме шкур и шерсти [49]. Раскопки Кармир-блура дают нам также возможность судить об организации хранения в кладовых. Так, кладовые для вина и зерна запечатывались печатями двух ответственных лиц. В дверных проемах двух кладовых (№ 25 и 63) найдены комки глины, замешанной на битуме, что придавало ей пластичность. Ею запечатывались узлы веревок, скреплявших двери [50]. На обоих комках, которые, судя по отпечатку на обороте, были примазаны к косяку деревянной двери, находились оттиски двух разных печатей, принадлежавших двум лицам. На втором из комков сохранился оттиск цилиндрической печати с остатками текста: «Эта печать (детерминатив имени) ... дома [Сардури?], сына Русы» [51].

Но, кроме печатей хранения, принадлежавших должностным лицам государственного хозяйства, существовали также печати и индивидуальные, находимые в большом количестве [52].

Хозяйственный архив находился также и в центральной части Урарту. При раскопках на Топрах-кале были обнаружены две целые глиняные таблички и четыре обломка. На одной из них оказалось 28 строк текста с перечислением быков, коров и овец, а также пяти слонов [53]. Другая табличка содержала перечень людей разных профессий (с подытоживающими цифрами) [54]. Эти люди, вероятно, участвовали в постройке упомянутого в тексте города Русахинили. В начальных строках текста имеется дата: «[В] год Русы, сына Аргишти, когда Сагаштара, царь страны Ишкигулу, пошел в страну Мана». На обломках других табличек есть счетные записи, причем на одной из них цифры размещены в графах.

О составе населения урартских административных центров мы можем судить по следующему тексту летописи Аргишти I (УКН, № 127), рассказывающему о построении города Эребуни (Арин-берд): «Город Эребуни я построил для возвеличения страны Байаны и на устрашение вражеских стран... Могучие дела я совершил там, 6600 пленных страны Хати и страны Цупани я поселил там». Таким образом, в крепость, построенную на побережье Севана, были поселены пленные, захваченные в северной Сирии (страна Хати) и в Цопке (район западной излучины Евфрата). Этим пленным пришлось совершить тяжелый и длинный путь (от 700 до 1000 километров) по гористой местности, через трудные перевалы; пленные навсегда были оторваны от своих родных мест, так как в одиночку беглецам вернуться на родину было невозможно. В надписях Русы II, найденных в Адильджевазе, рассказывается о захвате пленных в стране мушков, Хати и Халиту. По контексту можно заключить, что они также были переселены в город, построенный на северном берегу оз. Ван [55].

Вероятно, и население города Тейшебаини состояло из переселенных военнопленных, которые занимались в мастерских крепости переработкой поступавшей дани, работали на полях и виноградниках вокруг города и за это получали жилье и пропитание. Они входили в состав урартского (биайнского) народа, возвращение их на родину фактически было неосуществимо, а национальное самосознание в условиях рабовладельческого строя было крайне слабым и не играло такой роли, как при феодализме.

---

[49] П. В. Арутюнян, *Новонайденная клинописная таблетка из раскопок Кармир-блура* (ВДИ, 1957, № 3), стр. 44.— Содержание других табличек передано по сообщениям И. М. Дьяконова, подготавливающего их к изданию.

[50] «Кармир-блур», II, стр. 48, рис. 24; «Кармир-блур», III, стр. 14, 58.

[51] Б. Б. Пиотровский, *Урартские надписи из раскопок Кармир-блура*, 1952 (ЭВ, IX), стр. 77.

[52] Б. Б. Пиотровский, *История и культура Урарту*, Ереван, 1944, стр. 175, рис. 36.

[53] A. H. Sayce, *The cuneiform inscriptions of Van* (JRAS, 1893), p. 15.

[54] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 105.

[55] Г. А. Меликишвили, *Клинообразная надпись урартского царя Руса II из Адыльджаваза* («Сообщения Акад. наук ГрузССР», XI, 1950, № 10), стр. 685.

Г. А. Меликишвили считал город Тейшебы характерным образцом царского хозяйства древневосточного типа, полагая, что его население следует причислять к рабам [56]. В. С. Сорокин, возражая Г. А. Меликишвили, считал, что основную часть жителей города составляли воины-урарты [57]. Кроме этого, он полагал, что сведения о переселении военнопленных в город Эребуни нельзя переносить на Тейшебаини. Сообщения о судьбе пленных в Ассирии были подробно рассмотрены И. М. Дьяконовым, который писал, что в Урартском государстве, как и в Ассирии, пленные включались в войска, прикреплялись к царским и храмовым хозяйствам, а также передавались как рабы в частные руки [58].

В государствах древнего Востока нередки были случаи, когда переселенных пленных сажали на землю и давали им возможность вести самостоятельное хозяйство при условии выполнения государственных повинностей.

Мы совершенно не знаем о положении сельского населения Урарту, о нем источники умалчивают. Лишь по тексту Саргона можно заключить, что они платили царю подать. При описании похода на восточное побережье оз. Урмии (в страну Суби) в тексте рассказывается: «...Малые жеребята, порождение страны его (т. е. царя Руса.— *Б. П.*) обширной, которых он взращивает для своего царского полка и ежегодно берет как подать» (isabbat — термин «подати скотом») [59].

Урартские письменные источники содержат сведения о царских и храмовых хозяйствах. Именем царя или именами членов царского дома назывались долины, виноградники, каналы. Урартские цари постоянно рассказывают в своих летописях о сооружении каналов, называя крупные каналы своим именем.

О храмовых хозяйствах можно судить по числу скота, продаваемого храмам. Так, в Келяшинской надписи Ишпуини и Менуа мы читаем о пожертвовании Мусасирскому храму бога Халди 1112 голов крупного и 21 600 голов мелкого рогатого скота (УКН, № 19, строка 13). Справедливо сомнение в том, что все это громадное количество скота было предназначено для жертвоприношений. В надписи «Мхери-дур» говорится об устройстве для бога Халди виноградников и садов (УКН, № 27, строки 27 и 28).

Г. А. Меликишвили устанавливает, что наряду с царскими и храмовыми хозяйствами существовали крупные частные хозяйства представителей урартской знати. В одной из надписей Аргишти II упоминаются «лес Гилурани» и «сад Ишпилини, сына Бату» (УКН, № 277). Сведения о виноградниках и землях, принадлежавших частным лицам, содержатся в документах кармир-блурского архива.

Документы архива города Тейшебаини дают нам основание полагать, что при дальнейших раскопках урартских городов и крепостей будут обнаружены государственные и храмовые архивы, которые осветят многие стороны жизни Ванского царства.

Приведенные материалы показали, что хозяйство Урартского государства, по-видимому, мало отличалось от гораздо лучше и полнее изученного хозяйства Ассирии; во всяком случае основные черты их сходны.

---

[56] Г. А. Меликишвили, *Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту*, стр. 29.

[57] В. С. Сорокин, *Археологические данные для характеристики социально-экономического строя Урарту* (ВДИ, 1953, № 3), стр. 130.

[58] И. М. Дьяконов, *К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту* (ВДИ, 1952, № 1), стр. 96.

[59] АВИУ, 1951, № 3, стр. 326, 335.

ГЛАВА X

РЕМЕСЛО

Изделия из металла

Одной из проблем истории Передней Азии является изучение древней металлургии, высокая степень развития которой отмечается древними источниками. Особое положение в этом вопросе занимает Урарту, где, по мнению многих исследователей, при наличии высокоразвитой бронзовой металлургии, раньше, чем в других местах, появилось и вошло в широкое употребление железо[1]. В трудах по истории железа широкое распространение получило мнение о том, что обработка железа началась в середине II тысячелетия в стране халибов, лежавшей у северных границ Урарту, и оттуда железо постепенно распространилось по всему древнему миру[2].

Для доказательства высокого развития металлургии в Урарту обычно приводят ассирийский текст, описывающий разграбление Саргоном дворца и храма в Мусасире во время похода 714 г.[3]. В этом тексте, в перечне добычи, приводится громадное количество металлических предметов разного рода, причем в некоторых случаях особо отмечается их местное производство. Во дворце и храме мусасирского царя Урзаны было захвачено около двух тонн золота, около 10 *т* серебра и более 100 *т* меди.

Герцфельд считал большинство металлических изделий, найденных в центре Ассирии, предметами неассирийского происхождения и видел в них добычу, захваченную в других областях Передней Азии. При этом он полагал, что текст Саргона с описанием разграбления Мусасира служит достаточным доказательством высказанного им мнения[4].

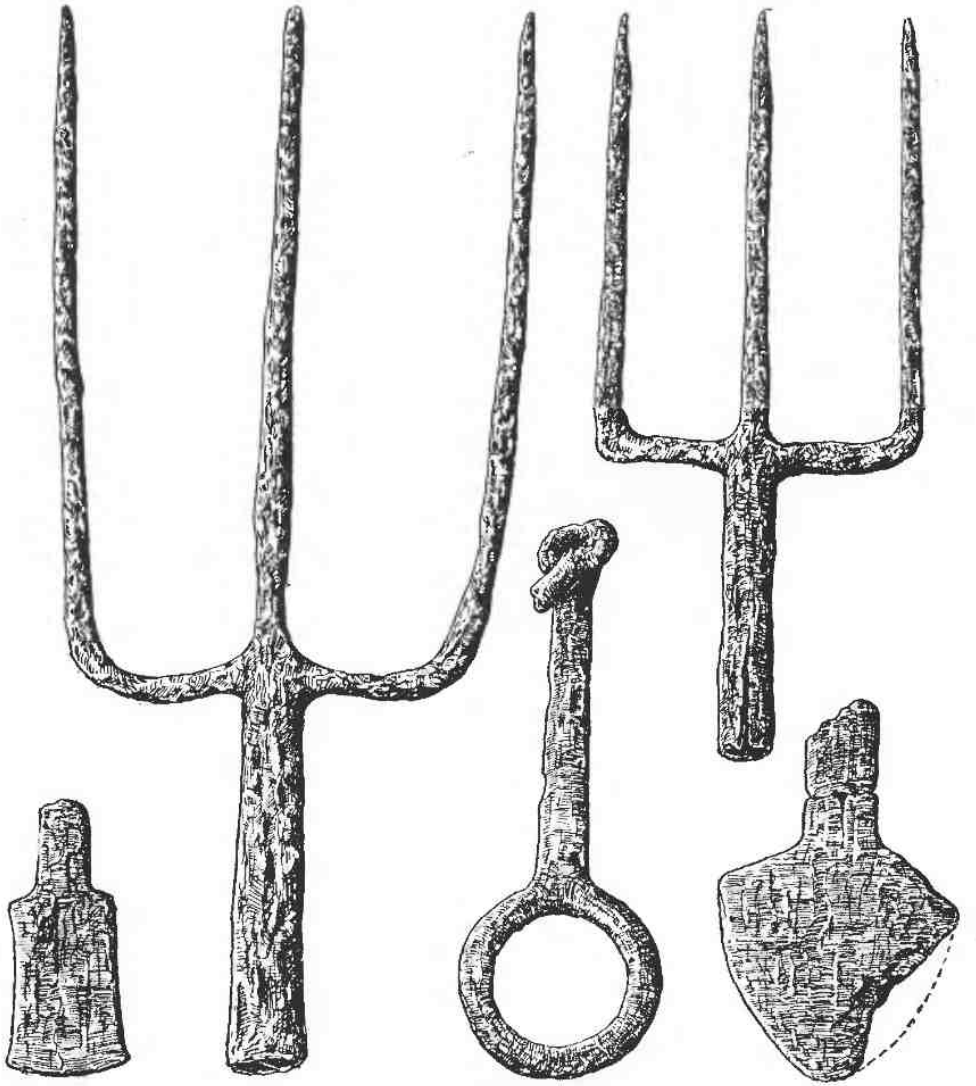
---

[1] Б. А. Тураев. *История Древнего Востока*, II, СПб., 1914, стр. 53.

[2] M. France Lanord, *Evolution de la technique du fer en Europe occidentale de la préhistoire au Haut Moyen Âge* («Actes du Colloque international „La Fer à travers les Âges"», Nancy, 1956), p. 27—43.

[3] F. Thureau-Dangin, *Une relation de la huitième campagne de Sargon*, Paris, 1912.

[4] E. Herzfeld, *Khattische und khaldische Bronzen* («Janus», I, 1921), S. 40.



24. Железные предметы. Кармир-блур. Вилы, тесло, часть запора, лопата. Исторический музей Армении

Шахермейер отмечал, что особенностью урартской (халдской) культуры в восточной части Передней Азии являлось высокое развитие металлургии и близость культуры к традициям хеттов и митанни. Металлические изделия урартов, по мнению Шахермейера, экспортировались на север (Майкоп, Келермес), в Сирию и Месопотамию (Кархемиш, Ассирия), а также в Мидию, в Иран и на запад Передней Азии, вплоть до Эгейского моря[5].

Такое широкое влияние урартской металлургии (до Этрурии включительно) связывалось с этническим происхождением урартов, их миграцией с запада на восток[6].

Хотя исследователи Передней Азии придают металлургии Ванского царства очень большое значение, памятники материальной культуры Урарту остаются изученными далеко не достаточно. Мы располагаем лишь археологическим материалом из двух пунктов: Топрах-кале и Кармир-блура. Многие из бронзовых художественных предметов, полученных при раскопках в этих местах, имеют клинообразные надписи с именами урартских царей VIII и VII вв., что является прочной основой для их датировки; на некоторых предметах есть даже указания, для какого города они изготовлены. К сожалению, следов производства металлических изделий пока еще не обнаружено, но на Кармир-блуре найдены слитки меди, а также заготовки металла.

При раскопках на Топрах-кале и на Кармир-блуре железных орудий и оружия было обнаружено значительно больше, чем бронзовых предметов. На Топрах-кале были найдены железные лемехи плугов и наконечники мотыг, серпы, вилы, топоры и молоты, крючья, петли для запоров, наконечники стрел копий, ножи и различные мелкие предметы[7] (рис. 24). Аналогичные железные предметы, такие, как мотыги, серпы, вилы, топоры, крючья, петли для запоров, пилы и оружие, в большом количестве обнаружены и на Кармир-блуре, откуда происходят также железные мечи и пластинчатые панцири (рис. 25).

Раскопки на Топрах-кале и на Кармир-блуре отчетливо показывают, что в Урарту основным материалом для орудий и оружия было железо. В Ассирии железо начинает вытеснять бронзу около 800 г., и при Саргоне оно становится наиболее распространенным металлом. Высказывалось также предположение, что среди громадного количества железа (около 160 *т*), частью необработанного, обнаруженного во дворце Саргона в Хорсабаде, быть может, находилась и добыча из Урарту, захваченная во время войны с Руса, сыном Сардури (во всяком случае в перечне добычи, захваченной Саргоном в Мусасире, железные предметы упоминаются).

Урартская металлургия была обеспечена местными рудами. Особенно много месторождений железа имелось в центральной части Урарту[8]. Железом богаты Мушский, Битлисский и Ванский районы, а также горы к западу от оз. Урмия.

25. Железный меч. (Дл. 45 *см*), Кармир-блур. Гос. Эрмитаж

---

[5] F. Schachermeyer, *Tuschpa* («Reallexikon der Vorgeschichte», XII, Berlin, 1929).

[6] «*Urartu*» («Encyclopaedia Britannica»).— О связях Урарту и Средиземноморья по памятникам искусства см. P. Amandry, *Objets orientaux en Grèce et en Italie aux VIII-e et VII-e siècles avant J.—C.* («Syria», XXXV, 1—2, Paris, 1958), p. 73—109; K. R. Maxwell-Hyslop, *Urartian Bronzes in Etruscan Tombs* («Iraq», XVIII, 2, 1956), p. 150—167; C. F. Hawkes and M. A. Smith, *On some buckets and cauldrons of the bronze and early iron ages* («The antiquaries journal», XXXVII, 3—4, 1957), p. 165—176; M. Pallottino, *Urartu, Greece and Etruria* («East and West», IX, 1—2, Rome, 1958), p. 29—52.

[7] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 544—546; «Кармир-блур», I.

[8] H. Quiring, *Die Erzgrundlagen der ältesten Eisenerzeugung* («Zeitschrift für praktische Geologie», XLI, 1933, Heft 8), S. 128.

Разработки меди известны в Хнысском районе, к юго-востоку от Эрзурума, у истоков Тигра, в горах к югу от Эрзинджана, а также в горах к западу от оз. Урмия, на территории древней страны Мусасир, неподалеку от знаменитой Келяшинской стелы. Возможно, что именно здесь были древние урартские разработки меди, так как в Мусасирском храме и дворце хранилось очень много бронзовых изделий (общим весом около 114 *т*), при сравнительно небольшом количестве железных. Медь доставлялась в центр Урарту и из Закавказья, на что указывают медные слитки, найденные на Кармир-блуре.

Свинец и олово также имелись в Урарту. Свинец добывался на восточном побережье оз. Ван, к северу от урартской столицы Тушпы, а также в Курдистанских горах, в районе современного Джуламерка. Олово в центральную часть Урарту могло доставляться с восточного побережья оз. Урмия (гора Сохенд), входившего в состав территории Ванского царства.

В геологическом отношении Армянское нагорье изучено очень мало; несомненно, дальнейшие исследования значительно уточнят наши знания, а может быть, и откроют древние урартские разработки, известные по источникам.

Следует заметить, что на древнем Востоке при условии постоянных связей между отдельными государствами и странами металлургия могла развиваться и без непосредственной зависимости от рудных месторождений.

Уже в конце III тысячелетия, как указывают архивы ассирийских колоний, в Передней Азии существовала развитая торговля, в которой роль денег выполняли металлы (обычно серебро, реже свинец, олово и медь)[9]. Кроме обмена, существовал еще и другой способ получения металла — захват во время войн, весьма характерный для рабовладельческих государств древнего Востока.

Так, в ассирийских анналах сообщается[10], что во время походов было захвачено следующее количество золота: в Тире — 4,5 *т*, в Мусасире — около 2 *т*, в Иудее — 900 *кг*, в Дамаске — 600 *кг*, в Хатти — 345 *кг*, в Табале — 300 *кг*. Кроме того, было увезено серебра из Мусасира — около 10 *т*, из Иудеи — 24 *т*, из Дамаска — 69 *т*, из Хатти — более 63 *т* и из Табала — 30 *т*. Ассирийские летописи содержат данные и о захвате меди, свинца и олова. Громадная добыча меди (в количестве 900 *т*) была взята в Дамаске. Свинцом (может быть, оловом) особенно была богата Шуприя (район современных Сасунских гор). Меньше сведений содержат летописи относительно железа, но и по запасам его на первом месте стоит Дамаск (150 *т*), являвшийся одним из крупнейших центров древневосточной металлургии. Н. Б. Янковская[11] установила, что ассирийцы получали из стран Передней Азии главным образом золото, серебро, медь, свинец (олово) и железо в слитках. Очевидно, в некоторых районах практиковалась плавка руды, которая в виде слитков транспортировалась в страны, где особенно была развита обработка металлов. Таким образом, производственные центры, изготавливавшие металлические предметы, использовали не только естественные богатства страны, но чаще привозное сырье.

Дошедшие до нас урартские бронзовые изделия довольно многочисленны. Особенно богато представлены предметы урартского вооружения.

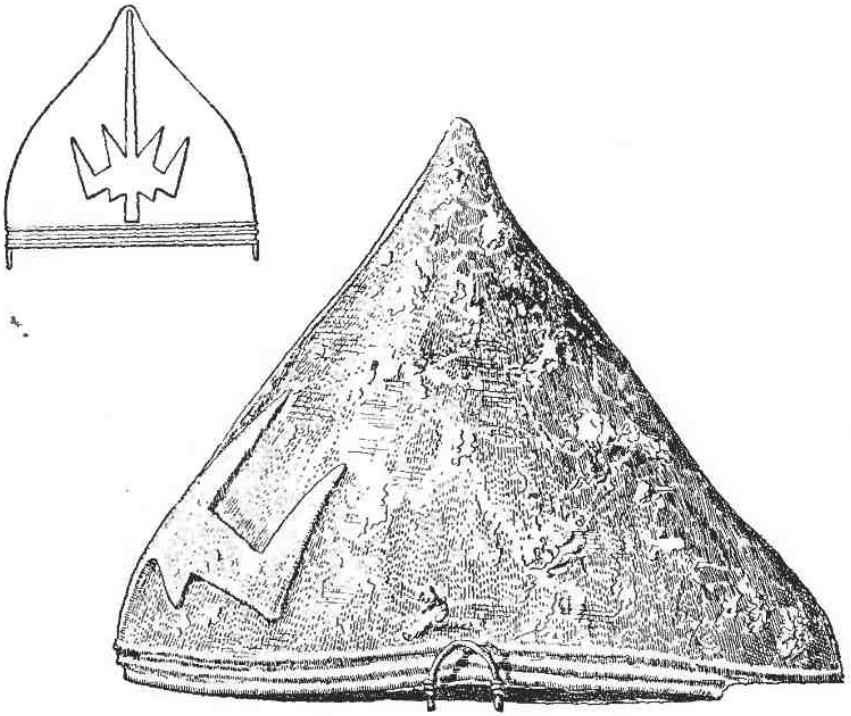
Ценнейшие указания по этому поводу содержит текст Саргона, рассказывающий о взятии Мусасира. В храме бога Халди ассирийцы захватили много бронзовых вещей: 25 212 щитов «тяжелых и легких», 1514 копий «тяжелых и легких», 305 412 (!) мечей «тяжелых и легких», 607 сосудов «тяжелых и легких» и, кроме того, бронзовые луки (гориты?) и штандарты (392—394).

---

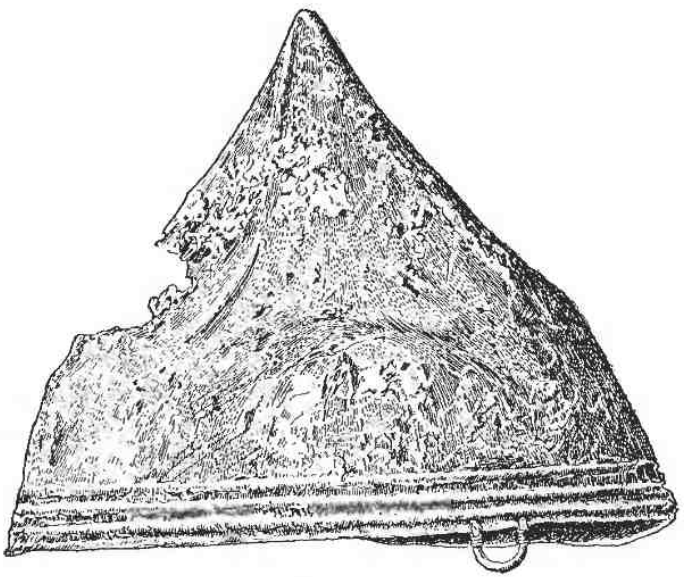
[9] B. Landsberger, *Assyrische Handelskolonien in Kleinasien aus dem dritten Jahrtausend*, Leipzig, 1925, S. 20—25.

[10] Приводимые сведения взяты из статьи: Н. Б. Янковская, *Некоторые вопросы экономики ассирийской державы* (ВДИ, 1956, № 1), стр. 28—46.

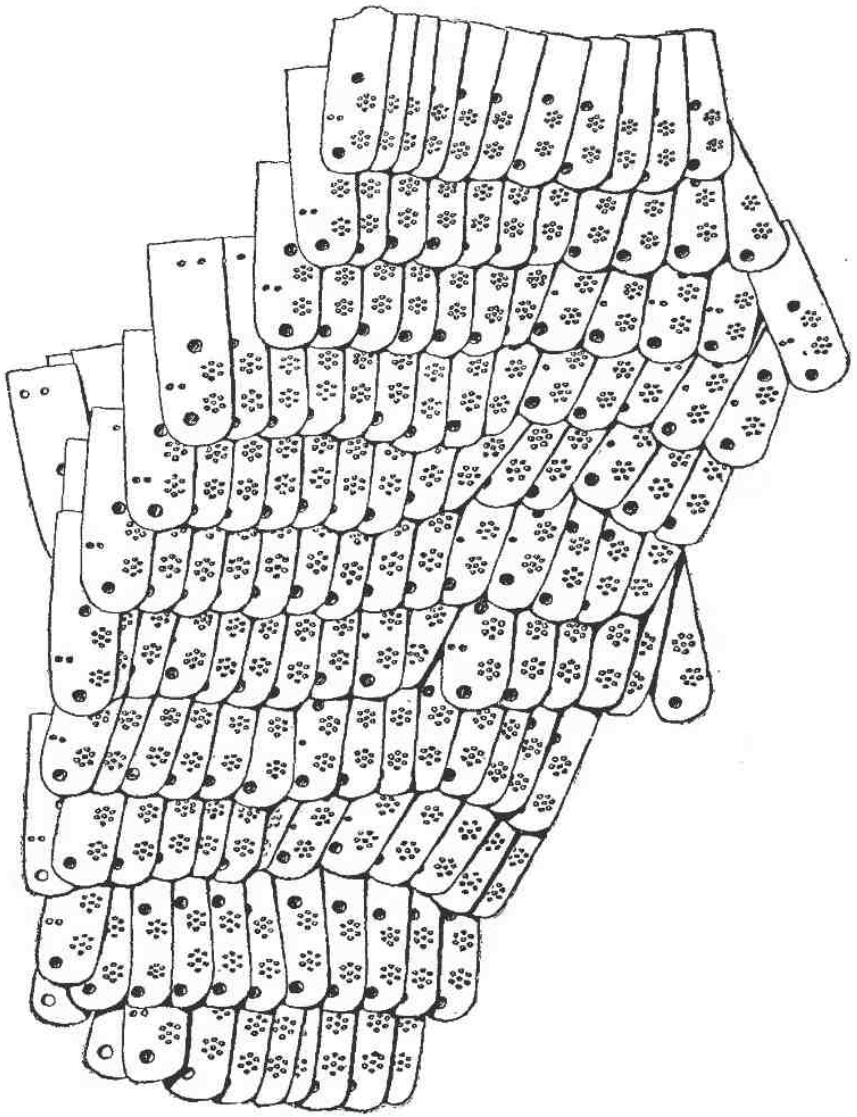
[11] Н. Б. Янковская, *Некоторые вопросы экономики ассирийской державы*, стр. 37.



26. Бронзовый шлем. Кармир-блур. Исторический музей Армении



27. Бронзовый шлем. Кармир-блур. Исторический музей Армении

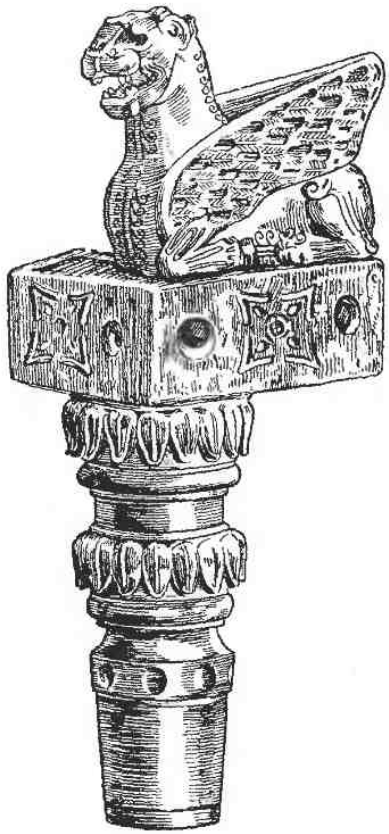


28. Бронзовый пластинчатый панцирь. На относящейся к нему пуговице надпись Аргишти I

Вооружение урартов IX в. нам хорошо известно по рельефам Балаватских ворот Салманасара III. Урартские воины в короткой одежде, опоясанной широким поясом, вооружены коротким копьем и луком, копейщики держат в руках небольшие щиты круглой формы. На головах воинов шлемы, украшенные оперением, напоминающие, как и все вооружение, хеттские изделия.

В VIII в. форма урартского вооружения изменилась и стала близкой ассирийской. Именно таковы многочисленные предметы урартского вооружения, часто снабженные клинообразными надписями урартских царей, найденные на Кармир-блуре, при раскопках цитадели города Тейшебы.

Все 20 найденных бронзовых шлемов имеют типичную форму ассирийского остроконечного шлема-шишака, совпадающую с ассирийской формой шлема, обнаруженного в Фивах [12] (рис. 26 и 27). Четыре шлема с клинообразными посвятительными надписями царей Аргишти I и Сардури II являются выдающимися памятниками урартского искусства. Лобная часть их украшена одиннадцатью изображениями священных деревьев со стоящими по их сторонам божествами; у пяти деревьев расположены фигуры безбородых божеств в длинном одеянии, в головном уборе с рогами, с ведерком в левой руке и священным плодом в правой. У других шести деревьев помещены подобные же божества, но имеющие бороды и крылья, что сближает их, судя по иконографическим изображениям, с ассирийскими керубами. Священные деревья на лобной части обрамлены восемью фигурами змей со львиными головами, оскалившими пасти. Височные и затылочные части шлемов украшены изображениями восьми урартских боевых колесниц с десятью всадниками. Нет сомнения, что эти оба шлема изготовлены разными мастерами. Отделка изображений различна, шлем Аргишти отличается менее детальной гравировкой.



29. Бронзовая ножка трона. Из колл. Вогюэ в Лувре (Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art*, II, fig. 125)

Раскопки на Кармир-блуре дали хорошие образцы двух урартских панцирей, аналогичных ассирийским, составленных из удлиненных бронзовых пластинок с закругленным нижним концом. В 1952 г. был обнаружен панцирь из пластинок, украшенных выпуклыми розетками, имеющими крупные отверстия для скрепления горизонтальными ремнями, как это видно на изображениях ассирийских воинов. На бронзовой пуговице, найденной вместе с этими пластинками, есть короткая клинообразная надпись Аргишти, сына Менуа, позволяющая надежно датировать этот замечательный предмет вооружения.

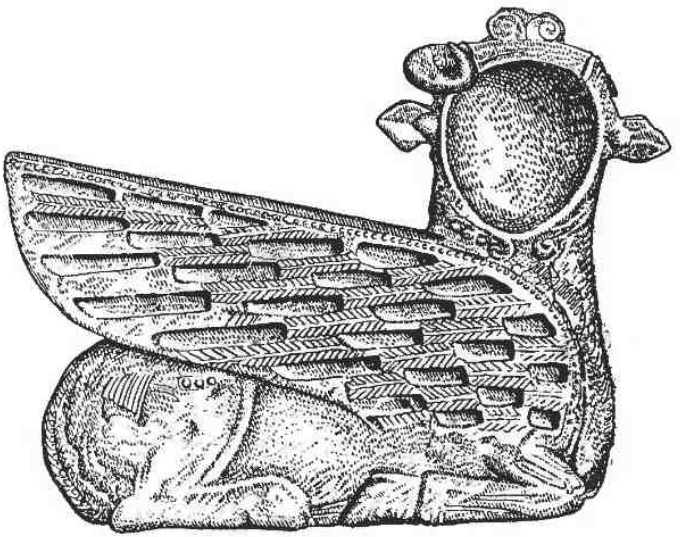
При раскопках Кармир-блура найдено 18 бронзовых колчанов ассирийского типа, часть которых была переполнена стрелами с железными наконечниками и поэтому плохо сохранилась. На пяти из них имеются клинообразные надписи Аргишти I и Сардури II. Колчаны эти представляли собой незамкнутую трубку из согнутой бронзовой пластины; длина трубки около 70 *см*, диаметр — около 10 *см*. К верхней и нижней частям колчана прикреплены кольца, в которые пропускался ремень для ношения колчана через одно плечо, как это можно видеть на изображениях во дворце Саргона; та часть колчана, которая соприкасалась с плечом воина, имела кожаную вставку, чем и объясняется несомкнутость трубки и сквозные отверстия по краю пластины.

Наиболее богато украшены колчаны Сардури, сына Аргишти: на них в восьми полосах помещены изображения боевых колесниц и всадников. На колесницах — по две фигуры: одна, безбородая, возницы, другая, бородатая, воина. Колчаны подобной формы были обнаружены на Топрах-кале и в гробнице Алтын-тепе, около Эрзинджана.

---

[12] W. M. Flinders Petrie, *Six temple at Thebes*, London, 1897, tab. XXI.

На Кармир-блуре найдено четырнадцать крупных бронзовых щитов декоративного назначения с посвятительными клинообразными надписями урартских царей VIII в. (преимущественно Аргишти I). Щиты имели выпуклую среднюю часть и широкий плоский борт. Особый интерес представляют щиты Аргишти I и Сардури II, обнаруженные в 1951 и 1953 гг. Средняя их часть украшена тремя концентрическими полосами, на которых размещены изображения львов и быков, тонкой чеканной работы, аналогичные



30. Бронзовая фигурка крылатого быка. (Выс. 10,6 *см.*) Часть трона. Топрах-кале

тем, что мы видели на обломке колчана. Подобные щиты и их обломки были найдены в разное время на Топрах-кале. Они богато орнаментированы и имеют клинообразные надписи, содержащие имена урартских царей — Русы, сына Аргишти, и Русы, сына Эримены [13]. Щиты эти также украшены тремя концентрическими поясами, с фигурами львов и быков, и крупной розеткой в центре. Композиция фигур чрезвычайно характерна; она рассчитана на неподвижное положение щита, так как при наклоне некоторые животные окажутся помещенными вверх ногами. Щиты с внутренней стороны имеют три бронзовые ручки, среднюю — крупную и две боковые — меньшего размера, прикрепленные к листу щита заклепками.

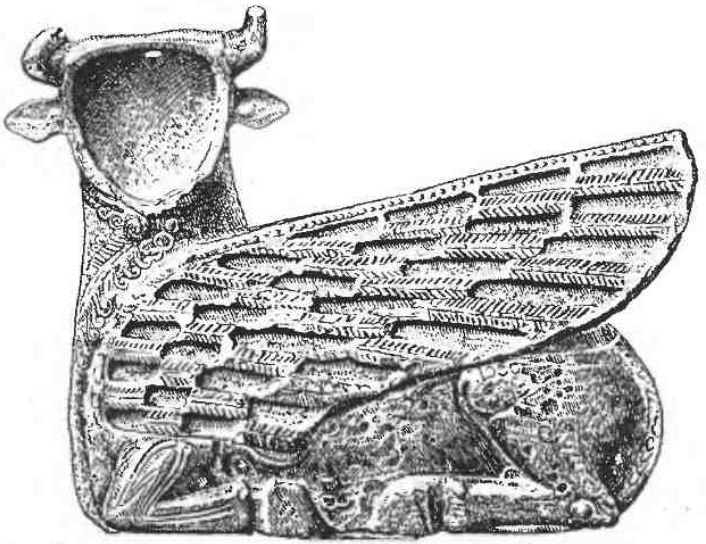
На изображении Мусасирского храма, имеющемся среди рельефов дворца Саргона, показаны такие же щиты, висящие на стене и на колоннах фасада. В тексте Луврской таблички рассказывается, что в храме бога Халди было взято «шесть щитов золотых, которые в его жилище (храме) справа и слева были повешены и сверкали ослепительно, из середины которых выступали головы оскаленных собак и которые весили 5 талантов 12 мин красного золота цвета пламени» (370—371). Эти громадные золотые щиты, каждый из которых весил около шести с четвертью килограммов [14], имели золотые отлитые умбоны в виде голов собак. Кроме золотых щитов, в храме Халди находились

[13] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, 99, Zeile 70; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 51.— В примечании дан перечень щитов и обломков, хранящихся в Британском музее (№ 22 481, 22 482, 22 484—90; 116 735 и 116 736).

[14] Возможно, что сами щиты были бронзовые и имели только золотую обтяжку. В Британском музее хранятся обломки бронзовых щитов с отверстиями для прикрепления к какой-то основе (вероятно, деревянной).

«двенадцать щитов из серебра, на которых головы дракона, льва и тура украшали (диски)» (379).

В тексте Саргона рассказывается также, что в Мусасирском храме были крупные скульптуры, отлитые из бронзы, для изготовления которых требовались чрезвычайно высокие технические навыки. Две статуи в молитвенной позе, с поднятой вверх правой рукой изображены на рельефе: возможно, что это две из четырех отмеченных в тексте бронзовых (медных) статуй «великих привратников, хранителей дверей его» (399).



31. Бронзовая фигурка крылатого быка. (Выс. 10,8 *см.*) Часть трона. Топрах-кале. Британский музей (R. D. Barnett, *The excavation of the British Museum at Toprak Kale near Van*, «Iraq». XII, tab. V)

В храме находились также большие бронзовые статуи урартских царей. При перечислении богатств храма упоминаются: «статуя в позе молитвы, в царственной позе, Сардури, сына Ишпуини, царя Урарту [15], трон которого был из литой бронзы; статуя Аргишти, царя Урарту, в звездной тиаре богов, правая рука которого благословляла, с нишей его, все в целом весом 60 талантов бронзы (около 2 *т*); статуя Урсы с его двумя конями и его возничим с пьедесталом (?), все из литой бронзы...» (400—403).

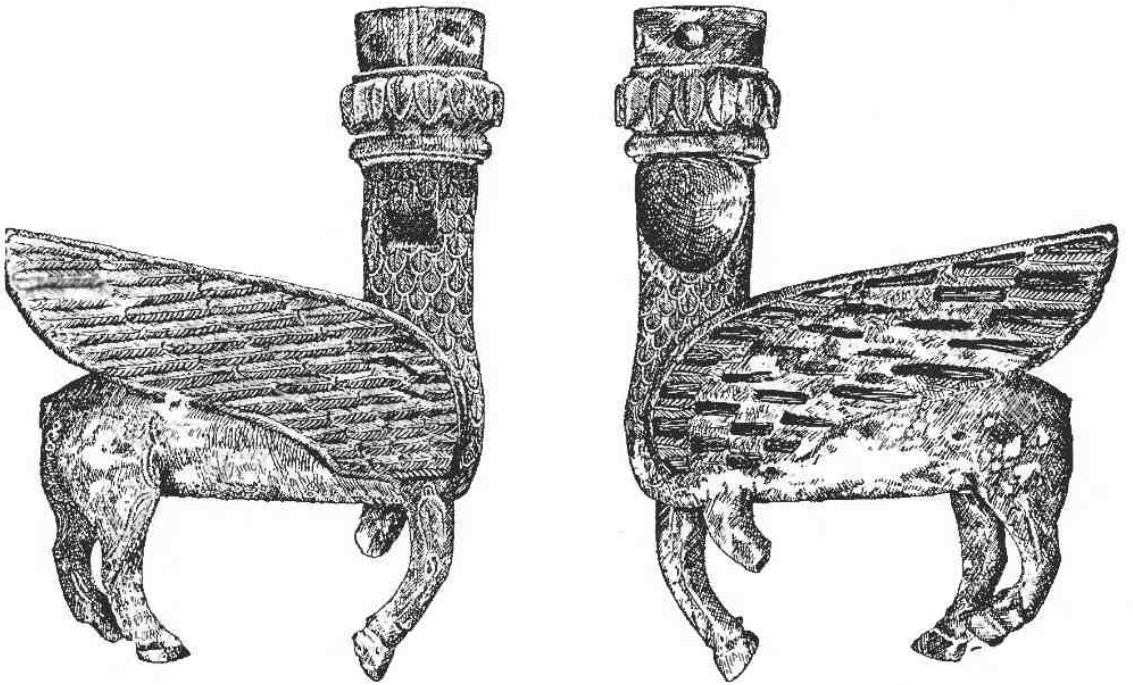
В сцене взвешивания добычи, захваченной в Мусасире, около весов изображены три ассирийских воина, разбивающих топорами одну из отмеченных в тексте статуй [16].

Но, кроме статуй царей, в Мусасирском храме имелась также крупная бронзовая скульптура, изображавшая корову с теленком, которую мы видим на рельефе дворца Саргона перед фасадом храма. По-видимому, кроме коровы, перед храмом находилась также бронзовая фигура быка. О них в тексте Саргона говорится следующее: «Бык, корова и ее теленок, на которых Сардури, сын Ишпуини, бронзу дома Халди отдал и приказал отлить» (401).

Несомненно, одно только перечисление монументальных бронзовых скульптур в таком документе свидетельствует о высоком металлургическом искусстве урартов. Некоторые из дошедших до нас урартских бронзовых предметов также являются

[15] На самом деле Сардури, сын Ишпуини, царем Урарту не был.— *Б. П.*
[16] P. E. Botta et E. Flandin, *Monument de Ninive*, II, Paris, 1849, tabl. 140.

образцами высокого художественного и технического мастерства. В 1957 г. в одном из юго-западных помещений цитадели Тейшебаини был обнаружен медный котел с массивным бронзовым бортом и двумя ручками (диаметр борта 1,28 *см*, наибольший диаметр тулова 1,68 *м*), емкостью около 70 ведер. Такие крупные котлы изображены также в сцене разграбления Мусасирского храма. Но, кроме этих котлов, вызывающих удивление размерами, до нас дошло много урартских предметов, выделяющихся по своим художественным и техническим качествам. Например, части роскошных тронов,



32. Бронзовая фигурка крылатого быка. (Выс. 22,5 *см*.) Часть трона. Топрах-кале. Из колл. А. С. Уварова. Гос. Эрмитаж

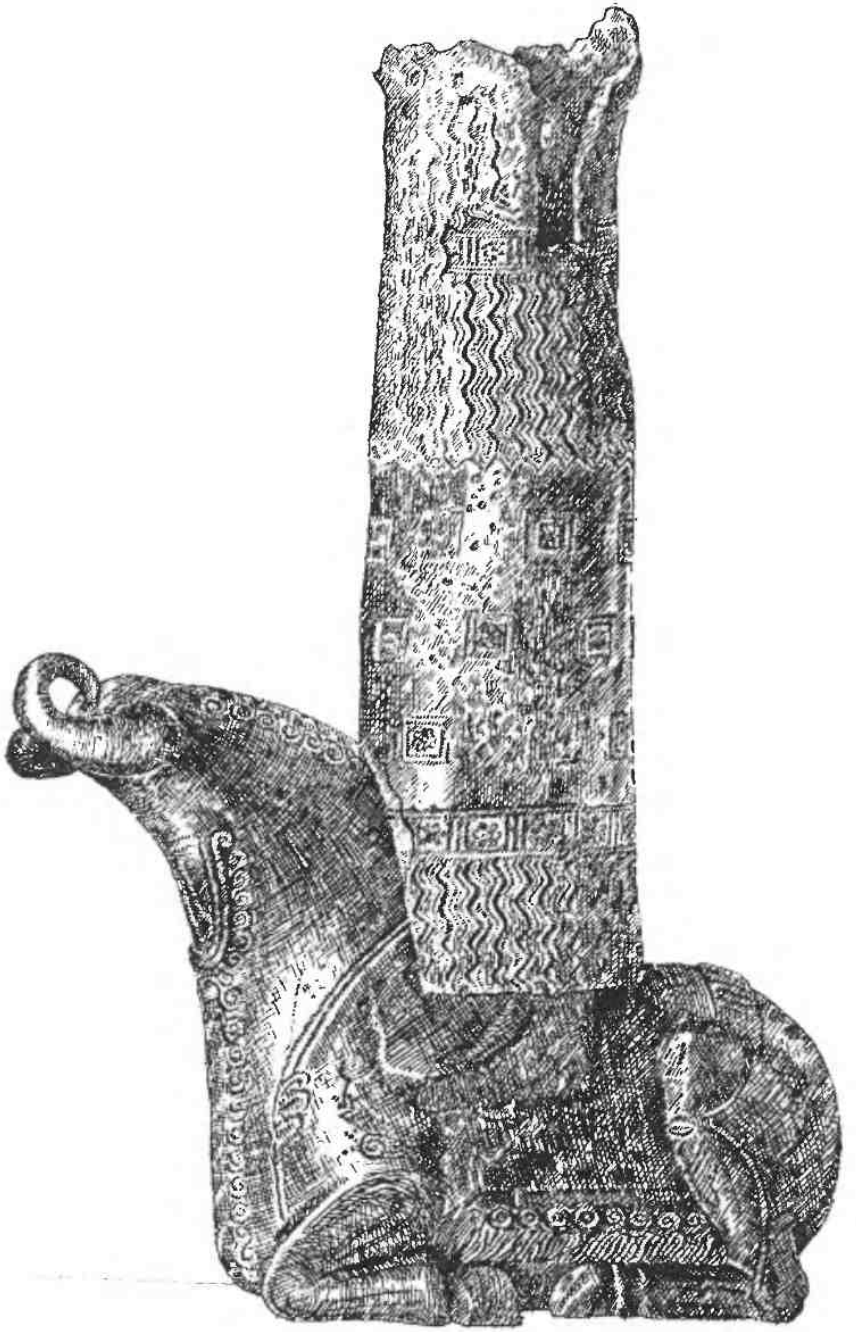
стоявших в храме или дворце [17]. Они представляют собой фигуры фантастических животных — крылатых быков или львов с человеческими лицами или торсом. На многих из них, кроме штифтов и скреп, в местах их соединения с другими предметами вырезаны знаки, служившие рабочими метками.

Германской экспедицией на Топрах-кале была обнаружена ножка трона [18]. Она очень массивна и украшена двумя орнаментальными вещами листьев, характерными для урартского искусства. Совершенно такая же ножка, но только с фигуркой фантастического животного — крылатого льва-быка [19] — находилась ранее в коллекции Вогюэ и ныне хранится в Лувре (рис. 29). По-видимому, эта фигурка поддерживала сидение. Ручки трона были украшены фигурами (рис. 30—31) двух лежащих крылатых быков (Эрмитаж и Британский музей) с головами, повернутыми в разные

[17] Б. Б. Пиотровский, *Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа*, Л., 1939, стр. 45—60.

[18] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 485—487.

[19] G. Perrot et Ch. Chipiez, *Histoire de l'art dans l'Antiquité*, II, Paris, 1884, p. 125. — Передние ноги животного имеют копыта.



33. Бронзовая фигурка бога, стоящего на быке. (Выс. 23 *см.*)
Часть трона. Топрах-кале. Из колл. А. С. Уварова. Гос. Эрмитаж

стороны; их крылья инкрустированы с обеих сторон. Массивные статуэтки без инкрустации на крыльях (рис. 32) должны были находиться где-то внизу. У фигур божеств, стоящих на животных (рис. 33), на боках прорезы, в которые вставлялся соединительный брусок, и очень возможно, что они являлись боковыми частями спинки кресла.

Такие роскошные троны изображены на ассирийских памятниках, и на них обычно восседали цари или боги.

Отмеченная группа предметов представляет собой, вероятно, части одного или двух тронов (один с фигурами львов, другой — быков). Точная реконструкция трона затруднительна[20], так как местные жители, найдя его на Топрах-кале, разбили и продали по частям частным лицам (скупщикам древностей), от которых эти части поступили в крупнейшие музеи мира[21].

Эти бронзовые предметы имеют настолько определенные черты «ассирийского искусства», особенно в трактовке и орнаментации фигур животных, что их считали ассирийскими изделиями. Некоторые из них, хотя определенно установлено их происхождение из Вана, до сих пор в книгах по истории культуры древнего Востока приводятся как образцы ассирийского искусства.

Эта группа урартских бронзовых изделий выделяется и по технике изготовления. Каждой отдельной вещи свойственны свои, совершенно индивидуальные черты, отличающие ее от подобных, на первый взгляд даже тождественных предметов. При изучении предметов эрмитажного собрания становится совершенно ясным, что они отлиты из бронзы по восковой модели (Барнет указывает на то, что подобные статуэтки Британского музея отливались по разъемным формам).

Сущность способа отливки по восковой модели заключается в том, что сначала из какой-нибудь пористой массы изготовлялась болванка, в грубых чертах передававшая форму предмета. Она покрывалась слоем воска, в котором производилась вся лепка. После обработки вылепленной во всех деталях статуэтки ее заформовывали в огнеупорную массу (обычно в глину с песком), оставляя два отверстия — одно для литья металла, другое для выхода воздуха при литье. Затем после тщательной просушки форму нагревали, причем воск модели плавился, частью впитывался в пористое вещество ядра, закрепленного внутри формы, а частью вытекал наружу. В освободившееся от воска пространство вливался металл, который, заполнив образовавшуюся пустоту, точно повторял всю моделировку оригинала. Чтобы извлечь готовый предмет, форму разбивали и через отверстие в бронзовой статуэтке, образовавшееся в том месте, где ядро модели скреплялось с формой, извлекали массу, из которой состояло ядро. Таким образом, статуэтка получалась полой внутри. Именно внутри, на необработанной поверхности, отчетливо видны налепы восковой массы, которые не оставляют сомнения в том, что статуэтки эрмитажного собрания отливались по восковой модели.

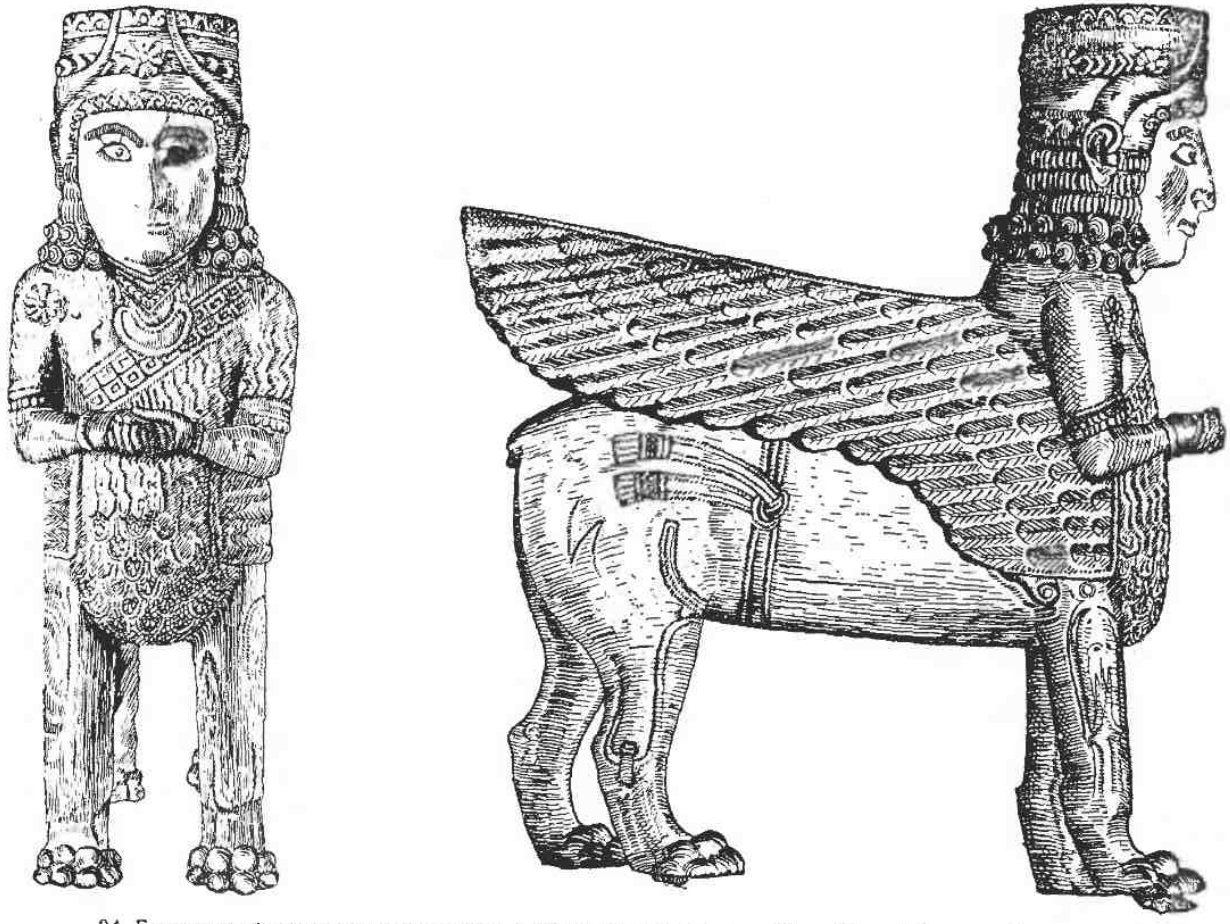
Этим дорогим способом отливки, позволяющим по одной модели отлить только одну металлическую статуэтку, достигалась чрезвычайно мелкая моделировка предмета, которую невозможно выполнить чеканом или резцом. Урартские статуэтки, отлитые таким способом, не имеют швов, получающихся при отливке в разъемной форме, и передают ту тонкую отделку, которая возможна только при лепке из пластичной массы.

После отливки предметы украшались иногда дополнительно чеканкой, что имело значение и при последующем покрытии их листовым золотом, остатки которого сохранились на всех предметах выделенной нами группы. Способ золочения был крайне прост — вещи обтягивались тонким золотым листком, края которого закреплялись

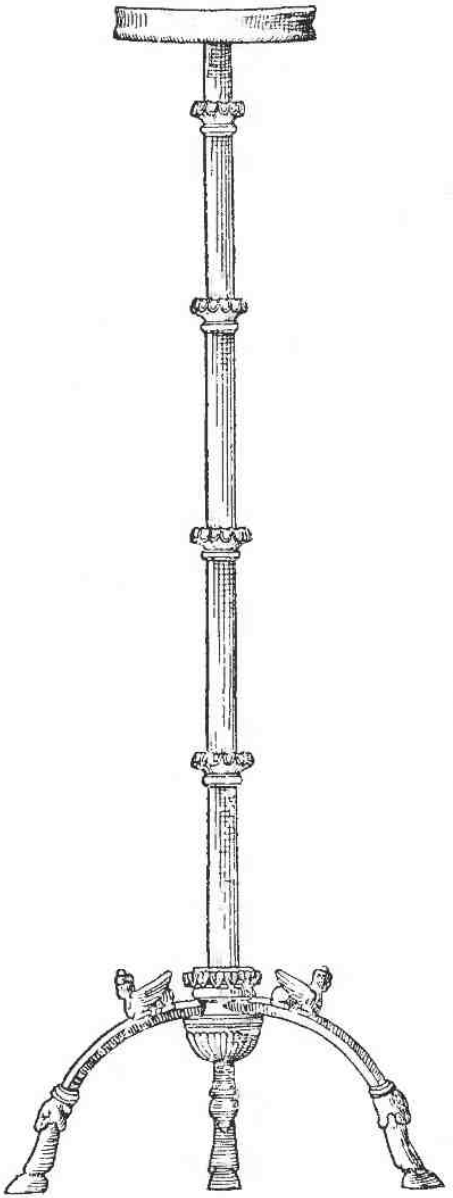
---

[20] R. D. Barnett, *The excavation of the British Museum at Toprak Kale, near Van* («Iraq», XII, I, 1950), p. 43.

[21] Б. Б. Пиотровский, *Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа*, стр. 49.— Некоторые из этих предметов получены при раскопках.



34. Бронзовая фигурка крылатого льва с человеческим торсом. (Выс. 16 *см.*) Лицо из белого камня с инкрустированными глазами. Часть трона. Топрах-кале. Гос. Эрмитаж



35. Бронзовый канделябр (реконструкция). (Выс. 136,5 *см.*) Топрах-кале. Гамбургский музей (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 483)

зачеканкой в специально просеченные для этого бороздки. Благодаря большой пластичности золото повторяло все детали орнамента бронзовой основы и держалось достаточно крепко.

Лица фигурок изготовлялись, как это показывают статуэтки Эрмитажа (рис. 34) и Берлинского музея, из белого камня с инкрустированными глазами и бровями. Ячейки крыльев были заполнены цветной красной пастой[22].

В Британском музее среди материалов из раскопок Клейтона на Топрах-кале имеется бронзовая фигурка змеи с головой хищника (№91 253), покрытая листовым золотом и украшенная инкрустацией из цветной стекловидной пасты[23].

В урартском искусстве, по-видимому, часто применялось украшение предметов золотом и инкрустация из драгоценных камней. Так, из текста Саргона нам известно, что в храме Халди в Мусасире находилось «ложе бога, украшенное драгоценными камнями и золотом», а также «кольцо с печатью золотое, предназначенное подтверждать решения Багбарту, супруги Халди, в которое были вставлены драгоценные камни» (389 и 385). А из Мусасирского дворца были взяты «сосуды из алебастра, украшенные драгоценными камнями и золотом» (357).

К выдающимся памятникам урартской скульптуры из металла относится бронзовая статуэтка, открытая на Кармир-блуре в 1941 г. Она изображает стоящую безбородую фигурку бога Тейшебы в длинной одежде с рукавами до локтей и в своеобразном головном уборе, украшенном рогами. В правой, вытянутой руке бог держит булаву, а в левой, согнутой — боевой топор. Эта статуэтка была навершием штандарта; в верхней ее части есть массивная петля для продевания обруча, а в нижней, под орнаментальным венцом из листьев,— железный стержень. Эта статуэтка могла быть отлита в разъемной форме, но на ее сильно потертой поверхности не сохранилось следов швов.

К числу высокохудожественных бронзовых урартских предметов следует отнести и бронзовый канделябр (рис. 35), открытый при раскопках на Топрах-кале[24]. Высокий стержень канделябра, украшенный пятью венцами из листьев, установлен на треножнике, каждая ножка которого заканчивается ногой быка, выходящей из пасти хищника. В верхней части треножника помещены фигурки лежащих сфинксов.

[22] Б. Б. Пиотровский, *Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа*, стр. 57.

[23] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 967.

[24] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, Zeile 63; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 483.— Курциус без всякого основания считал этот канделябр ассирийским и датировал его временем Ашурнасирпала II.

Эта форма канделябра является чрезвычайно распространенной на древнем Востоке. Железный канделябр такой формы был обнаружен и на Кармир-блуре[25]. Леман-Гаупт нашел очень много общего между урартскими и этрусскими бронзовыми канделябрами и в этом видел подкрепление своей теории о генетической связи урартов с народами Средиземноморья. Действительно, бронзовые канделябры из Этрурии даже в деталях имеют сходство с урартскими, но его следует объяснять не генетической связью этруского искусства именно с урартским, а тем влиянием, какое в целом оказало древневосточное искусство на италийское (VIII—VI вв.)[26].

36. Бронзовая фигура птицы с человеческим торсом. Украшение котла. Из гробницы у поста Алишар. Гос. Эрмитаж

Среди этих металлических предметов особую группу составляют бронзовые украшения котлов, изображающие птиц с человеческим, а в громадном большинстве случаев с женским (?) торсом[27]. Детали их, а именно диск между крыльями, указывают на возможность рассматривать их как изображения божества солнца (рис. 36).

Размеры фигурок соответствуют размерам котлов, которые они украшали, и ширина их (размах крыльев) колеблется между 6 и 35 *см*.

В большинстве случаев эти фигурки были найдены отдельно от котлов, нередко при раскопках святилищ, но все они имеют следы бронзовых приклепок. Известны также целые котлы с фигурками, помещенными у верхнего края, устанавливавшиеся на бронзовых подставках, но эти котлы найдены за пределами Ванского царства.

О существовании в Урарту крупных бронзовых сосудов нам известно из ассирийского текста с описанием похода Саргона в 714 г., а также по изобразительным памятникам. Так, в перечне добычи, взятой в Мусасирском храме, упоминается «один большой сосуд (чан) из бронзы, вмещающий 80 мер воды, с крышкой из бронзы, который цари Урарту, при совершении жертвоприношений перед Халди, наполняли вином возлияний» (397—398). На рельефе из дворца Саргона, в сцене разграбления Муса-

---

[25] «Кармир-блур», I.

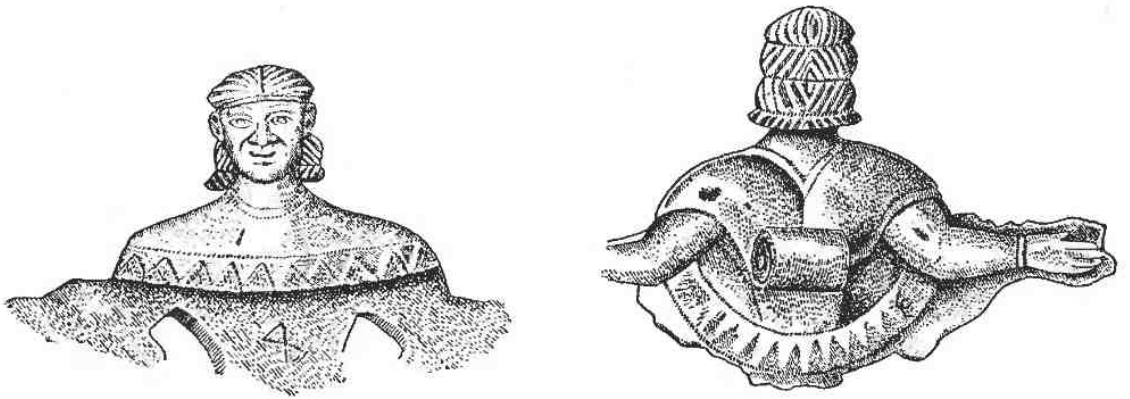
[26] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 520.

[27] Одна бородатая фигурка происходит из Олимпии [A. Furtwängler, *Die Bronzen und die übrigen kleineren Funde von Olympia* («Olympia», IV, Berlin, 1890, № 783)], а во Флорентийском музее хранится котел из Ветулонии (9619), на котором среди украшений имеются две бородатые фигурки, такие же фигурки оказались и на бронзовом котле из Гордиона. Возможно, ручки изображают не женские, а мужские торсы.

сирского храма, перед храмом изображены два крупных сосуда, установленных на треножных подставках, ножки которых имели форму ног быков [28].

Бронзовые украшения котлов в виде крылатой человеческой фигурки (птица с женским торсом) стали известны сравнительно давно, еще до раскопок на территории Ванского царства [29]. В Гордионе (Фригия), в одном из крупных курганов, раскопанных в 1957 г., были найдены три таких котла; один имел украшения в виде голов быков, другой — в виде крылатых безбородых фигурок, а третий был украшен двумя бородатыми и двумя безбородыми фигурками [30].

В 1931 г. Леман-Гаупт дал перечень известных ему фигурок этого типа, содержащий описание 43 экземпляров, но число их с того времени увеличилось [31].



37. Бронзовая фигура птицы с человеческим торсом. Украшение котла. Найдена в Афинах (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 492—493)

Из числа учтенных Леман-Гауптом экземпляров около десяти происходит с территории Передней Азии, главным образом из Армении, в частности из Ванского района.

В Эрмитаже хранится фигурка из урартской гробницы, открытой в скале на границе Закавказья и Ирана; в Британском музее имеется фигурка из Ниневии (№ 12060).

Все же наибольшее количество фигурок птиц с женским торсом происходит из Греции, как с материка, так и с архипелага, особенно из святилища в Дельфах и Олимпии, а также из Афин, Беотии и с острова Родос. Западной границей распространения этих фигурок является Этрурия, где было найдено шесть экземпляров подобных украшений котлов (Палестрина, Ветулония).

Таким образом, мы видим, что они встречаются на громадной территории, от Ирана на востоке и до Италии на западе. Эти украшения котлов в виде крылатых человеческих фигурок неоднократно служили темами специальных исследований [32].

---

[28] P. E. Botta et E. Flandin, *Monument de Ninive*, II, tabl. 141.— Две миниатюрные бронзовые подставки, с ножками в виде львиных лап, хранятся в Государственном историческом музее Армении.

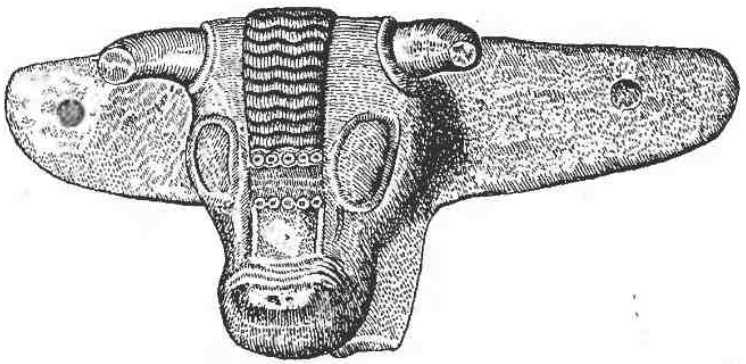
[29] «Bulletin de l'Academie impérial des sciences de St. Petersbourg», XVI, 1871, p. 462; «Mélanges asiatiques», VI, 1873, p. 487.

[30] R. S. Young, *The Gordion tomb* (Expedition. «The Bulletin of the University Museum of the University of Pennsylvania», 1, 1, 1958), p. 3—13; R. S. Young, *The Gordion campaign of 1957* («American journal of archaeology», 62, 2, 1958), p. 139—154.

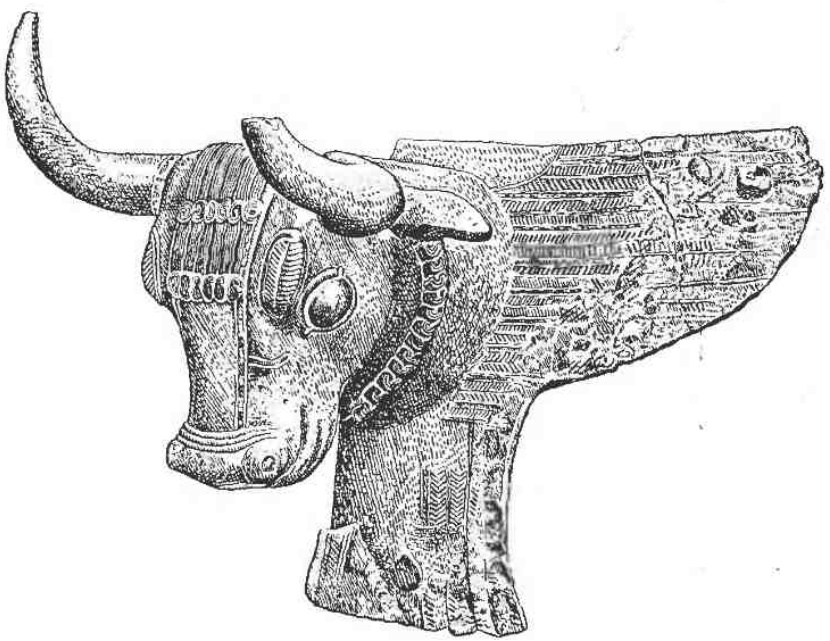
[31] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, 1931, Anmerkung 21; «New times from Athens» («American journal of archaeology», 42, 3, 1938), p. 400.

[32] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 86; C. F. Lehmann-Haupt *Armenien*, II, 2, S. 488; A. Furtwängler, *Die Bronzen und die übrigen kleineren Funde von Olympia* («Olympia», IV); P. Perdrizet, *École française d'Athènes* («Fouilles de Delphes», V, Paris, 1905), p. 80; G. Karo, *Orient und Hellas in archaischer Zeit* («Athen. Mitteilungen», XXXXV, 1920), S. 139; E. Herzfeld, *Khattische und khaldische Bronzen*, S. 151; M. Pallottino, *Gli scavi di Karmir-Blur in Armenia e il problema delle connessioni tra l'Urartu, la Grecia e l'Etruria* («Archeologia classica», VII, 2, Roma, 1956), p. 109.

Статистический подсчет находок ни в коей мере не может служить обоснованием для установления места их происхождения, так как территория Греции в археологическом отношении изучена гораздо лучше Передней Азии, а, кроме того, греческие святилища одновременно дали большое количество таких предметов (Дельфы — 12, Олимпия — 7 и Афины — 3 экземпляра).



38. Бронзовая головка быка. Украшение котла. Из гробницы у поста Алишар. Гос. Эрмитаж



39. Бронзовая головка быка. Украшение котла. Топрах-кале. Британский музей (R. D. Barnett, *The excavations of the British Museum at Toprak kale near Van.* «Jraq», XII, tab. XVI)

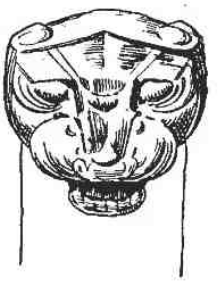
Относительно происхождения котлов, украшенных крылатыми человеческими фигурками, существует два мнения: по первому рассматриваемые нами предметы — образцы переднеазиатского искусства, в частности урартского (Леман-Гаупт, Герц-

фельд, Паллоттино, Максвелл) [33] или ассирийского (Фуртвенглер); сообразно второму, они относятся к средиземноморскому искусству — к коринфскому (Ипсен) или к ионийскому (Дукати).

Дукати в своей работе, посвященной этрусскому искусству, считал крупные бронзовые котлы на подставках предметами ионийского происхождения, относя к этой группе и бронзовый сосуд, найденный в одном из курганов южной Франции [34].

Но вопрос о месте изготовления выделенной нами группы бронзовых изделий на самом деле гораздо сложнее, и мы не можем считать все эти украшения котлов в виде птиц

40. Бронзовая голова коня. Навершие дышла колесницы. Кармир-блур. Исторический музей Армении



41. Бронзовое украшение котла с надписью Сардури II. Кармир-блур. Исторический музей Армении

с человеческим торсом происходящими из одного центра. Последнее подтверждается тем, что среди них выделяются две основные группы, отличающиеся друг от друга по стилю [35]. Некоторые из найденных в Греции фигурок имеют следующие характерные черты: прямой, выступающий вперед нос, тонкие губы, отмеченные одним

[33] K. R. Maxwell-Hyslop, *Urartian Bronzes in Etruscan Tombs* («Iraq», XVIII, 2, 1956), p. 150—167.
[34] P. Ducati, *Storia dell'arte etrusca*, I, Firenze, 1927, p. 121—122.
[35] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 490—493.

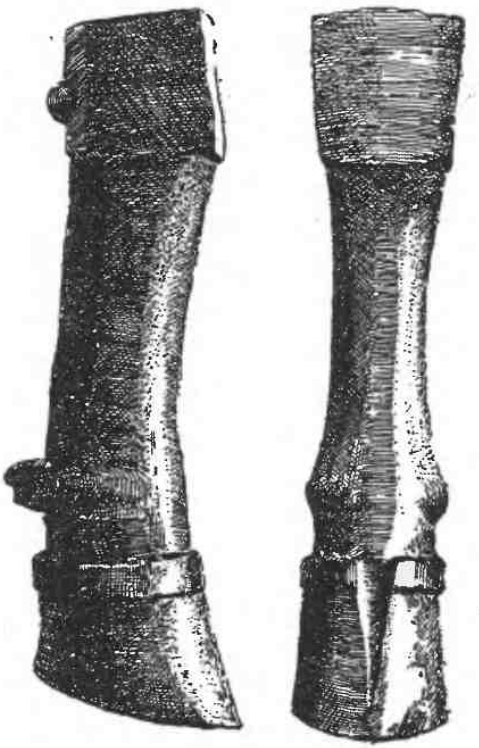
штрихом брови (иногда они отсутствуют вовсе), узкие веки, прическа уступами и небольшие крылья, без прорисовки оперения.

Однако эта группа немногочисленна. Для большей части предметов характерны как раз обратные стилистические особенности, а именно: сильно изогнутый нос, тонкий у переносицы и расширяющийся книзу, мясистые губы, выпуклые брови, широкие веки, гладкая прическа и крупные крылья с деталями, выполненными гравировкой.

Ипсен, с которым соглашается Леман-Гаупт, по-видимому, совершенно правильно относит первую группу к греческому (не ионийскому) искусству, связывая ее с архаической греческой скульптурой VI в. и устанавливая их коринфо-аргивское происхождение. Основную же группу, несомненно, следует считать переднеазиатской, связывая ее с урартским искусством, и датировать второй половиной VII и началом VI в.

К рассмотренной нами группе металлических изделий, служивших украшением бронзовых котлов, следует также отнести скульптурное изображение головы быка, помещенной на пластинке, имеющей очертания птицы с распростертыми крыльями (рис. 38 и 39). Детали головы, характерная челка и глаза выполнены рельефом, птичьи крылья и хвост — гравировкой.

Таких предметов стало известно уже много, и их изучению посвящено немало специальных статей[36]. Большинство из них, так же как женские крылатые фигурки, служили украшениями котлов, а частично мебели. Один такой котел, украшенный четырьмя головками быков, был найден в гробнице на Алтын-тепе, около Эрзинджана; такие же головки обнаружены в двух других урартских гробницах в сел. Гущи на северо-восточном побережье оз. Урмии и на границе Ирана и Нахичеванской АССР. Из второй гробницы была извлечена описанная выше женская крылатая фигурка. Наряду с крупными, тонко моделированными головками быков известны более простые украшения бронзовых сосудов и ведерок[37]. На Кармир-блуре были найдены обломки великолепного крупного черного лощеного сосуда, украшенного расписным пояском со скульптурными бычьими головками, возможно, воспроизводящего в глине форму бронзового сосуда.



42. Бронзовая ножка мебели. Кармир-блур. Исторический музей Армении

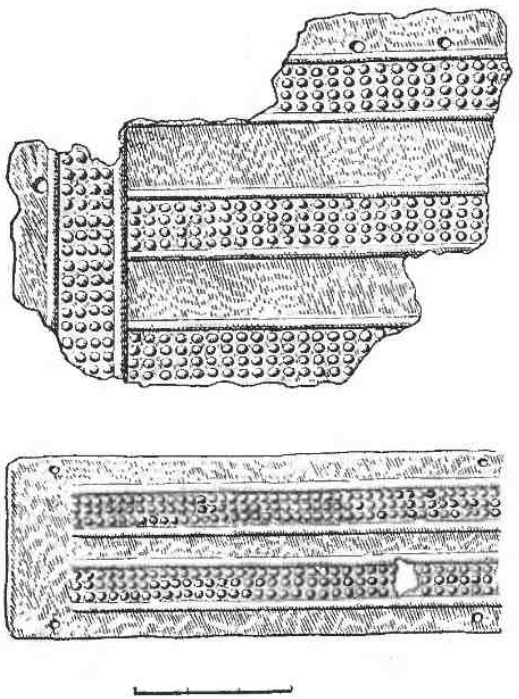
---

[36] G. Hanfmann, *Four urartian Bulls'heads* («Anatolian studies», VI, 1956), p. 205—213; P. Amandry, *Chaudrons a protomes de taureau en Orient et en Grece. The Aegean and Near East. Studies presented to Hetty Goldman*, New York, p. 239—261; M. Pallottino, *Gli scavi di Karmir-Blur in Armenia e il problema delle connessioni tra l'Urartu, la Grecia e l'Etruria*, p. 109—123; M. A. Hanfmann and P. Hansen, *Hittite bronzes and other near Eastern figurines in the Fogg art museum of Harvard university* («Türk arkeoloji dergisi», VI, 2, 1956, Ankara), p. 43—58, а также публикации: H. Schäfer und W. Andrae, *Die Kunst des alten Orients*, Berlin, 1925, tab. 546; I, 2, «The illustrated London news», 1955, April 9, p. 653, drawing 16.

[37] «Кармир-блур», I, рис. 44.— Подобную голову на краю сосуда из собрания П. Крюгера см.: E. Bielefeld, *Antike Kunst in deutschem Besitz* («Wissensch. Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald». «Gesselsch.— Sprechwissensch.», № 4—5, V, 1955—1956), tab. 2.

Кроме головок быков, найдены также в немалом количестве ножки скамеек и треножников в форме бычьей ноги или львиной лапы[38] (рис. 42).

Богато представлены и бронзовые конские уборы, состоящие из налобных пластин, нащечных блях, удил и колокольчиков. Некоторые предметы конских уборов имеют клинообразные надписи с именами урартских царей[39].



43. Обломки бронзовых поясов. Кармир-блур. Исторический музей Армении

До нас дошло со времени Урарту также большое количество простых бронзовых предметов, таких, как браслеты, фибулы, кинжалы, наконечники стрел и др., отлитых в разъемных двухстворчатых формах.

Наряду с отливкой в формах некоторые бронзовые предметы изготовлялись либо путем только одной проковки, либо путем склепки из прокованных листов. Известны бронзовые пластинчатые пояса (рис. 43) с узорами и изображениями, выполненными штампом с последующей гравировкой.

На Кармир-блуре были открыты сосуды и чаши, целиком выкованные из медного листа или же выжатые на особом станке.

Из металлических предметов, происходящих с Топрах-кале, следует еще отметить бронзовую чашу с ложчатыми украшениями (выступами) в нижней части[40], входящую в группу древневосточных и античных металлических сосудов, известных под названием фиал[41]. Около борта чаши вырезаны два иероглифических знака (рис. 44). Эта чаша входит в группу «Zungenphialen» (IX—VI вв.), по классификации Гейнца Лушея, и имеет многочисленные аналогии на древнем Востоке (Ашур, Ниневия, Калах, Богазкёй, Зенджирли, Телль-Халаф, Девеэйюк в северной Сирии, Мазендеран, Аму-Дарьинский клад) и в античном мире (Кипр, Греция, Балканский полуостров, северное Причерноморье)[42].

На Кармир-блуре найдено несколько фиал самых разнообразных форм. Среди них есть чаши с узкими выступами, с кружками между лучами, с лучами, принявшими вид коротких ребристых выступов, и др.

Это разнообразие форм фиал было отмечено еще в работе Лушея, разделившего фиалы на определенные группы. Из бронзовых фиал особенно выделяется одна, необычная по своим крупным размерам. Кроме фиал, на Кармир-блуре обнаружены еще чаши с округлым дном и высоким бортом в виде раструба и украшенные рельефом стаканы.

Но кроме сосудов, выкованных из целого бронзового листа, существовали также сосуды, склепанные из нескольких частей, как кованых, так и литых (например, ручки)[43].

---

[38] R. D. Barnett, *The excavation of the British museum at Toprak Kale, near Van* («Iraq», XII, 1, 1950), tab. 3.

[39] «Кармир-блур», III.

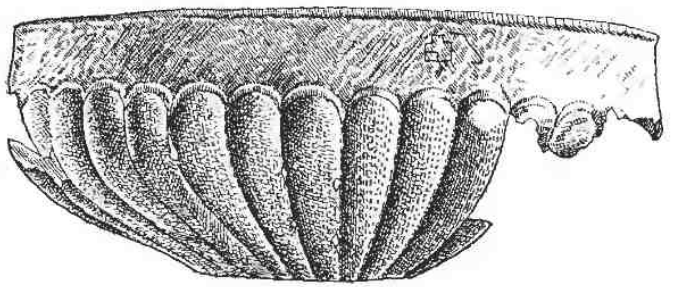
[40] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, 100, Zeile 71.

[41] H. Luschey, *Die Phiale*, Bleicherode am Harz, 1939.

[42] Ibid., S. 76—78.— Автором не учтены находки подобных бронзовых сосудов в Армении (Малаклю, Головино, Нор-Баязетский район).

[43] Б. Б. Пиотровский, *История и культура Урарту*, Ереван, 1944, стр. 55.

Золотые урартские изделия известны в небольшом количестве. При раскопках на Топрах-кале был найден только один медальон (рис. 45), представляющий собой диск из листового золота толщиной около одного миллиметра и диаметром около 6,5 *см*. Очень возможно, что там были найдены и другие золотые изделия, но вследствие недостаточного наблюдения и небрежного ведения работ они прошли мимо рук исследователей. Даже золотой медальон, найденный в одном из карасов кладовой, открытой в центральной части Топрах-кале, был похищен рабочими и продан ювелиру, который вернул его руководителям раскопок[44].



44. Бронзовая чаша с иероглифическими знаками. Топрах-кале. Берлинский музей (C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, Zeichn. 71)

В верхней части медальона имеется ушко для подвешивания. Изображения на медальоне выполнены металлопластически, они выдавлены с оборотной стороны и затем дополнительно обработаны резцом снаружи. На медальоне изображена сидящая на троне женщина с веткой в левой руке, перед которой стоит вторая женщина в таком же одеянии[45].

Изображение на золотом медальоне получило двоякое объяснение. Некоторые исследователи видели в нем царицу и служанку (Мессершмидт), другие — богиню плодородия. Последнее предположение подкрепляется сходным изображением на одной иранской цилиндрической печати[46], датируемой первой половиной V в. (коллекция Клерк). На рисунке печати царица, идущая к богине, сидящей на троне с цветком в руке; перед богиней стоит служанка с птицей в руках.

Полную аналогию изображенной на золотом медальоне сидящей женской фигуре представляет бронзовая статуэтка (рис. 46), хранящаяся в Музее Армении[47], в виде сидящей женщины, вероятно, богини, в совершенно таком же платье, как на медальоне, и в той же позе: правая рука с открытой ладонью протянута вперед и слегка поднята вверх, левая, тоже вытянутая вперед, сжата. Отверстие в левой руке указывает на то, что в него вставлялось бронзовое изображение ветки или цветка.

Отдельные золотые предметы были обнаружены и при раскопках Кармир-блура. Среди них выделяются серьги в форме калачика с выгнутой дужкой, украшенные зернью или же тонкой перевитой проволочкой, напаянной на основу. Эти серьги примыкают к типу изделий из Средиземноморья и Малой Азии, относящихся к VIII—VI вв. В 1953 г. при расконке кладовой для вина в центральной части цитадели на дне карасов были найдены обломки листового золота — части обкладки фигурки льва. Сохранилась обкладка головы с раскрытой пастью, с инкрустированным глазом из пасты и с голубой бусиной на лбу. Найдены также обломки пластин с изображением гривы.

---

[44] W. Belck und C. F. Lehmann, *Entdeckungen in Armenien* (VBGAEU, 1898), S. 587.

[45] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 84, Zeile 56.— Автор датировал этот медальон VIII—VII вв., но позднее отказался от этой датировки и отнес его к персидскому времени, что разделяется ныне большинством исследователей (см.: C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 502—505). Фотографическое изображение: C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 265.

[46] J. Menant, *Recherches sur la glyptique orientale*, II, 1886, p. 174, tabl. IX, 2; A. Furtwängler, *Die Antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst*, III, Leipzig — Berlin, 1900, S. 120, Zeile 80.

[47] Б. Б. Пиотровский, *Урартская бронзовая статуэтка Государственного музея Армении* («Советская археология», VI, 1940), стр. 89.

В кладовой № 47 среди костей погибших людей был обнаружен золотой браслет с головками львов на концах, а из кладовой № 36 происходит сегмент дисковидного золотого слитка весом 14,85 *г*. В 1957 г. в помещениях северо-западной части цитадели найден обломок серебряной гривны, с покрытой золотым листком фигуркой лежащего льва, булавка и мелкая биконическая бусина из тончайшей туго перевитой золотой проволоки.

Текст Саргона (Луврская табличка) свидетельствует о большом количестве золота, находившегося в Мусасире, во дворце царя Урзаны. Там были золотые кинжалы, 6 мечей и опахала, а также «жезлы из слоновой кости, черного дерева и бука с навершиями из золота и серебра» и сосуды из тех же материалов, отделанные золотом и серебром (353—357).

45. Золотой медальон. Топрах-кале. Берлинский музей (C. F. Lehmann-Haupt. *Materialien*, Zeichn. 56)

В Мусасирском храме было еще больше золотых изделий. Кроме золотых щитов, украшавших стены храма, там находилась масса других предметов, перечисленных в тексте Луврской таблички: «Большой меч из золота, меч тяжелый, меч его руки, весом в 26 и $^{2}/_{36}$ мины золота (т. е. около 13 *кг*.—*Б. П.*)... замóк золотой в форме человеческой руки, засов его, на котором покоился окрыленный дракон, один колышек золотой, который закрывал замок», и, кроме того, «два рога туров, окованных золотом... кресла черного дерева и бука, окованные золотом и серебром» (370—390). Из этого перечня предметов видно, что среди золотых урартских вещей мы встречаем как кованые изделия, так и литые.

Вероятно, урартские золотые изделия по технике изготовления примыкали к древневосточным, имевшим очень старую традицию[48].

Возможно также и предположение, что в Ванском царстве применялось цветное золото, очень характерное для ювелирного дела древнего Востока. Быть может, на это указывает цвет золотых щитов Мусасирского храма, отмеченных в тексте как щиты «красного золота цвета пламени».

Большого технического искусства урарты достигли также и в изготовлении изделий из серебра.

В Мусасирском храме хранилось громадное количество серебряных предметов, причем не все они были местного производства. В тексте Луврской таблички особо отмечается «393 чаши из серебра, тяжелых и легких, изделия стран Ашур, Урарту и Хабхи» (383), а во дворце Урзаны — «курильницы и чаши из серебра страны Табал» (361).

Кроме того, в тексте упоминаются: «96 копий серебряных, штандарты из серебра, инкрустированные и окованные золотом... 67 тазов из серебра... 33 колесницы, серебряные луки в серебряных горитах, кривые мечи из серебра, серебряный жезл... щиты из серебра» (378—383). Во дворце находились «серебряный сосуд Русы с крышкой...

---

[48] Золото на территории древнего Ванского царства известно в районе горы Сгерт, на юге от оз. Ван. Но, несомненно, большое количество урартских золотых предметов изготовлялось из металла, полученного путем переплавки вещей, захваченных в соседних странах.

34 серебряные чаши... 54 сосуда, покрытых серебром... полумесяцы и кольца серебряные» (358—360).

Из серебряных изделий, найденных на Кармир-блуре, выделяются крупный (высотой 24 *см*) кувшин с ручкой и два медальона. Первый из медальонов по изображению на нем близок к золотому медальону из Тушпы. На его поверхности — сидящая на троне богиня, перед которой стоит женщина, держащая за рога жертвенного козла. На втором серебряном медальоне изображен бог, стоящий в позе, близкой к позам ассирийских божеств, перед ним фигура мужчины, подводящего жертвенного козла. Весьма интересно, что головы божеств на обоих медальонах вычеканены на золотых пластинках, напаянных на серебро.

В 1956 г. в кладовых северо-западной части цитадели Тейшебаини был обнаружен крупный серебряный дисковидный предмет, который можно считать украшением средней части щита или крышкой сосуда. Поверхность предмета отделана четырьмя напаянными золотыми пластинками, образующими концентрические полоски, с характерным урартским орнаментом в виде гирлянды бутонов. В центре помещено массивное золотое навершие в форме граната. На крышке сохранились остатки клинообразной надписи с именем Аргишти, сына Менуа.

На Кармир-блуре, кроме того, найдены серебряные украшения мебели, конской сбруи, браслеты, колечки и мелкие подвески.

Очень интересные изделия из серебра были обнаружены германской экспедицией на Топрах-кале. В одном из карасов кладовой, откуда происходит и золотой медальон, оказалась сильно попорченная огнем серебряная баночка цилиндрической формы (высотой около 18 *см*) с крышками на обоих концах, окованными золотыми гвоздиками. Верхняя крышка имела в центре золотое колечко, а сбоку отверстие. На обороте крышки была прикреплена соединенная с золотым колечком электровая пластинка в форме полумесяца.

46. Бронзовая фигурка богини. (Выс. 12 *см*.) Крепость Дарабей около Вана. Исторический музей Армении

При реставрации предмета выяснилось, что эта пластинка с изображением сидящей на троне богини, к которой женщина подводит жертвенного козла, являлась амулетом. На боковых частях амулета виден рисунок, изображающий хвойные деревья. Устройство верхней крышки баночки указывает на то, что она служила для хранения какого-то порошка. Снаружи баночка была покрыта плетением из тонких серебряных нитей, по всей видимости тянутых, а не кованых. В баночке обнаружен порошок, оказавшийся сернистым серебром[49].

Леман-Гаупт полагал, что этот порошок имел техническое назначение, и высказал предположение, что он применялся для чернения серебра. Этот прием украшения серебряных вещей и доныне весьма распространен в Закавказье и в Турции. Но пока не найдены урартские предметы, украшенные таким способом, трудно говорить о правильности предположения Леман-Гаупта, тем более, что находка порошка

---

[49] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 89—92, Zeile 59—61; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 482; G. R. Meyer, Ein neuentdeckter urartäischer Brustschmuck («Das Altertum», I, Berlin), S. 209.

в драгоценной баночке говорит скорее о том, что он употреблялся для косметических целей.

Кроме этой баночки, в кладовой на Топрах-кале были найдены два небольших серебряных сосудика, также имевших следы оплетения из серебряных нитей[50].

Приведенный нами материал показывает исключительное разнообразие и богатство металлических изделий, производившихся в Ванском царстве. В тексте Саргона о походе VIII года правления перечисляется громадное количество замечательных вещей, которые иногда кажутся сказочными, и перечню их даже трудно верить. Но представим на минуту, что до нас дошли только древние списки вещей, положенных в царские могилы Ура и в гробницу Тутанхамона. Очень возможно, что мы усомнились бы в их реальности так же, как многие не верили в подлинность клада, открытого Шлиманом в Микенах.

В научной литературе неоднократно встречаются замечания о том, что количество металла, захваченного Саргоном в Мусасире, сильно преувеличено в древнем тексте. Но напомним, что, когда Плас раскапывал в свое время заброшенный и разграбленный дворец Саргона (Дур-Шаррукин), он в кладовой дворца обнаружил 160 *т* железа и разборка этой кладовой продолжалась несколько дней[51].

У нас нет оснований сомневаться в правильности сведений, сообщаемых в тексте Луврской таблички, автор которого, Табшар-Ашур, нам известен как агент, информировавший царя о событиях в соседних странах; его письма сохранились в Куюнджикском архиве. Вместе с тем мы должны признать, что дошедший до нас от Ванского царства археологический материал лишь в слабой степени отражает реальную действительность.

Урартские металлические изделия по своему стилю оказываются очень близкими к ассирийским. Не отвергая ни в коей мере влияние Ассирии на искусство Ванского царства, следует признать, что урартское искусство не копировало рабски ассирийское; памятники урартского искусства всегда можно отличить от ассирийских.

Особенности искусства переднеазиатских государств, в частности и урартского, обусловлены характером этих государств. В обстановке непрочных политических объединений, широкого обмена и постоянных войн металлические изделия из одного района Передней Азии распространялись на большой территории. Основная единица меры веса — мина (урартская мана) была во всей Передней Азии общая, но, несмотря на развитую торговлю, весовые ее выражения бывали различными и часто правители отдельных стран пытались их унифицировать. Такие меры были проведены Саргоном Древним и шумерским правителем Шульги (III династия Ура); эталонами твердой единицы веса, установленными последним, пользовался также Навуходоносор. Разновесы Урука показывают, по-видимому, три различные мины, колебавшиеся между 491,5 и 511,4 *г*. Ассирийская мина равнялась 505 *г* (вес воды 1/240 части кубического локтя). Урартскую мину условно можно определять тем же весом.

Возможно также, что сообщаемый в тексте Саргона вес металлических предметов Мусасирского храма, выраженный в талантах и минах без дробных частей, объясняется не тем, что ассирийцы округляли вес урартских изделий, а тем, что меры веса ассирийцев и урартов были общими или очень близкими. Летописи урартских царей сообщают о большом количестве металла (металлических изделий), получаемого в качестве дани.

Так, в летописи Аргишти I мы читаем о том, что царь страны Диаухи доставил 41 мину чистого золота, 37 мин серебра и свыше 10 тыс. мин меди (или бронзы). Царь

---

[50] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 92 (№ 17); C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 480.

[51] V. Place, *Ninive et l'Assyrie*, I, Paris, 1867, p. 84.

страны Куммух послал Сардури II 40 мин чистого золота и 800 мин серебра (летопись Сардури в нише Ванской скалы).

Несомненно, в виде дани в Урарту доставлялись различные металлические предметы, поступавшие в царские и храмовые кладовые.

Как мы видели выше, в тексте Саргона отмечается наличие металлических изделий в Мусасирском храме из Ассирии, Урарту и Хапху. Там же говорится, что ассирийцы вернули себе те драгоценности, которые враги «в городе, дворце и храме, постройках Ашура и Мардука захватили».

Кроме того, металлические изделия в Передней Азии являлись основным предметом обмена, будучи в некоторой мере и всеобщим эквивалентом (например, браслеты определенного веса). Так, в частности, в пророчестве Иезекииля (начало VI в. до н. э.) о Тире говорится: «Яван, Тубал и Мешех торговали с тобой. На души человеческие и бронзовые изделия выменивали они твои товары» (XXXVII, 13).

Постоянные связи Урарту с соседними странами способствовали формированию своеобразного стиля в искусстве Передней Азии, который стал отличительным переднеазиатским, но в каждой области получил свое развитие. Возьмем для примера ассирийских крылатых быков (шеду), урартские бронзовые статуэтки, изображающие эти же фантастические существа, а также соответствующие скульптурные памятники из Митанни (Телль-Халаф) и Хеттского государства. Наряду с общими чертами и сходством даже в деталях в этих памятниках отчетливо выступают и их характерные особенности, присущие искусству каждого из этих государств.

Обработка камня

В центральной и северной частях Передней Азии не было недостатка в камне. Люди жили там среди скал, обрабатывали каменистую почву, применяли камень для строительства.

Весьма долго, уже наряду с бронзовыми и железными изделиями, в хозяйственной жизни продолжалось употребление каменных орудий: обсидиановых (реже — кремневых) ножей, скребков, вставных лезвий серпов и наконечников стрел. Все это можно встретить в закавказских могильниках первой половины последнего тысячелетия до н. э., а древние поселения дают нам громадное количество разного рода терок, ступок, терочников и пестов как из туфа, так и из твердого камня (трахита и базальта).

И в Ванском царстве, как показывает археологический материал, камень прочно вошел в быт. Раскопки на Кармир-блуре дали значительное количество базальтовых зернотерок, ступок с пестами и чаш. Крупные камни зернотерок обнаружены у дверей временных жилищ, расположенных во дворе цитадели, такие же зернотерки были найдены и в самой цитадели (одна из них имела длину 60 и ширину 30 *см*).

Из базальтовых предметов, найденных на Кармир-блуре, выделяется крупное базальтовое блюдо (диаметром 55, высотой 12 *см*), правильной круглой формы и исключительно тщательной отделки.

Хорошо обработанные базальтовые блоки употреблялись и при строительстве. Из таких блоков сложен цоколь стен цитадели города Эребуни (Арин-берд). Верхние части цитадели Тейшебаини (Кармир-блур) были украшены башенками и карнизом из хорошо отесанных базальтовых блоков. На камнях выполнялись клинообразные надписи.

Нередко русло оросительного канала приходилось проводить в горах, создавая для него тоннель, а прокладывая дороги, урарты принуждены были зачастую врубаться в скалы.

Урартские крепости свидетельствуют об изумительном мастерстве древних каменотесов. На Ванской скале сохранились остатки многочисленных лестниц, площадок, ниш, а также обширных высеченных помещений. Сооружения в скалах встречаются почти на всей территории древнего Ванского царства, но о них речь будет в следующей главе, здесь же остановимся лишь на одном из памятников этой группы — на пещерном помещении около Баязета, имеющем около входа рельефные изображения. Баязетские наскальные изображения являются пока единственным памятником этого рода на территории Урарту и поэтому, несмотря на их плохую сохранность, представляют исключительный интерес.

47. Рельеф у входа в пещеру около Баязета (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 755.)

По обеим сторонам входа помещены две колоссальные фигуры людей, обращенные вправо, выполненные плоским рельефом, а над входом находится изображение козленка (рис. 47). Люди облачены в длинные одежды, на головах у них небольшие остроконечные шапки (тиары), стоят они в молитвенной позе, с приподнятой вверх правой рукой, причем правая из фигур держит еще длинную палицу (?).

Отсутствие надписей и плохая сохранность этих своеобразных предметов не позволяют пока с полной уверенностью отнести их к памятникам урартского искусства, хотя Зарре и Герцфельд датировали его доахеменидским временем, с чем согласился и Леман-Гаупт. Последний, судя по одеждам фигур, склонялся отнести Баязетский рельеф к образцам мидийского искусства[52].

Если Баязетский рельеф действительно относится к урартскому времени, то он

[52] W. Belck, *Aus den Berichten über die armenische Expedition* (ZE, 1899), S. 241; А. А. Ивановский, *По Закавказью* (МАК, VI); C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 754—757.

является редким образцом монументального урартского искусства. Недавно в Адильджевазе были обнаружены шесть камней из постройки с частями рельефа, изображающего бога (вероятно, Тейшебу), стоящего на быке, перед божеством, и за ним были помещены «деревья жизни». Рельеф был очень крупным, около 3 *м* высотой[53].

Из крупных каменных скульптур Ванского царства до нас дошла лишь одна сильно поврежденная статуя из серого базальта. Верхняя часть ее обнаружена в 1898 г. у Ванской скалы во время работ германской археологической экспедиции, позднее был найден и обломок нижней части памятника. В настоящее время обе части хранятся в Государственном музее Грузии, где они смонтированы в одно целое[54].

Голова статуи и вся нижняя часть фигуры отбиты. Высота сохранившейся части равняется 1,28 *м*. Можно заключить, что вся статуя в целом достигала человеческого роста. Все детали фигуры выполнены невысоким рельефом. В верхней части сохранились завитые волосы, ниспадающие на спину и плечи, и суживающаяся борода. Руки сложены на груди, правая держит палицу или плеть с раздвоенным концом, а левая — лук и стрелы. С левой же стороны изображен длинный меч, висящий на портупее.

Формы фигуры и ее отделка выполнены без деталей, что придает всей статуе архаический облик. Это позволило некоторым исследователям связывать рассматриваемый урартский памятник с древнеассирийской скульптурой (статуи Ашурнасирпала II и бога Набу в Калху)[55].

Отсутствие головы не дает возможности с достоверностью решить вопрос, изображает ли эта статуя царя или бога, так как на такой вопрос можно ответить, только имея представление о головном уборе. Вероятнее всего, статуя изображает не бога, а урартского царя, и притом царя первого периода истории Ванского царства.

При раскопках на Топрах-кале найден небольшой обломок камня (высотой около 17 *см*) с изображением сцены поклонения священному дереву. Сохранилось лишь изображение верхней части фигуры царя в молитвенной позе, с приподнятой правой рукой, держащего в левой руке ветку дерева[56]. Фигура царя выполнена низким рельефом и инкрустацией, ныне не сохранившейся. Вставными были лицо, руки, бахрома и квадратные украшения платья, детали тиары и ветка дерева. Таким образом, серый камень фона и основного контура изображений был инкрустирован белым и цветным камнем, а возможно, и металлом.

Инкрустация камнем — излюбленный прием урартского искусства. Вспомним хотя бы бронзовые, покрытые листовым золотом, фигурки тронов: лица этих сказочных полулюдей-полуживотных вырезаны из белого камня, со вставными глазами и бровями, платье и крылья также украшены цветной инкрустацией. На Топрах-кале найдено много изображений рук, сжатых в кулак или с вытянутыми пальцами, вырезанных из мягкого белого камня и имеющих углубления для закрепления их штифтами.

Эти изображения считали вотивными предметами магического назначения, но мне кажется более вероятным, что они представляли собой части каменной инкрустации. Ниже мы остановимся на каменной разноцветной инкрустации пола одного из зданий, раскопанных на Топрах-кале.

Стены урартских зданий также иногда украшались каменными панелями с вырезанными на них изображениями. Раскопки, произведенные И. А. Орбели на Топрах-кале, дали много обломков такого фриза из красного мрамора, на котором были изоб-

---

[52] C. A. Burney and G. R. Lawson, *Urartian reliefs at Adilcevaz, one lake Van* («Anatolian studies», VIII, 1958), p. 211—218; P. Hulin, *Urartian stones in the Van museum* (ibid), p. 235—239.

[53] Г. В. Церетели, *Урартские памятники Музея Грузии*, Тбилиси, 1939, стр. 62.

[54] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S, 76, Zeile 47—48; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 55.

[55] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 81, Zeile 53; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 547—548.

ражены быки (сохранились лишь части туловища) и деревья, заключенные в орнаментальную рамку[57].

Изображения быка на рельефах из Адильджеваза[58] также очень близки по стилю к резьбе на фризе из раскопок И. А. Орбели. Все туловище быка покрыто мелким орнаментом, аналогичным гравировке, которой украшены фигуры быков на бронзовых щитах из храма на Топрах-кале и статуэтки тронов. Такие крупнейшие знатоки древнего искусства Передней Азии, как Зарре и Герцфельд, без колебания считали изображение быка из Адильджеваза характернейшим образцом урартского искусства, что впоследствии и подтвердилось.

48. Сердоликовые бусы. Кармир-блур. Гос. Эрмитаж

Мелкие изделия из камня были очень распространены в Ванском царстве. Из мягкого камня изготовлялись, например, головки животных, известных по раскопкам Топрах-кале и Кармир-блура. Из жировика и змеевика вырезано большое количество дошедших до нас урартских печатей, дисковидных, конических или в виде гирек, с ушком в верхней части. Нижняя их часть, а у печатей третьего типа и боковые стороны покрыты мелкими, тщательно вырезанными изображениями.

Но мелкие каменные изделия изготовлялись не только из мягкого камня. До нас дошли обломки небольшого сосуда из красноватого порфира с фигуркой лежащего бычка и маленькая плакетка (длиной 10 *см*) из базальта с изображением «молнии» (возможно, символом бога Тейшебы)[59].

В двух кладовых северо-западной части цитадели Кармир-блур в 1955 г. были найдены две коробочки из стеатита, обе с крышками, отодвигающимися на штифте. Первая из них (несомненно, урартского происхождения) имела нижнюю часть, напоминающую пиалу, разделенную мелкими ложчатыми выступами; на ее плоской крышке вырезано священное дерево со стоящими по его сторонам фигурками крылатых гениев с птичьими головами. Вторая каменная коробочка, возможно, неурартская. Стенки ее украшены рельефным изображением сцены охоты (животные, всадник, коленопреклоненный лучник, воин с кинжалом в руке). На крышке помещена скульптурная фигурка лежащего льва. Очень вероятно, что этот предмет происходит из областей северного Ирана, хотя крышка имеет аналогии и в Средиземноморье.

Обработка крупных камней железным теслом и бучардой, а мелких каменных изделий железным резцом была в Ванском царстве обычной техникой. Резцом же выполнялись на каменных стелах, камнях построек и скалах клинообразные надписи, поражающие иногда тщательностью работы.

---

[57] МАР, табл. 34; Б. Б. Пиотровский, *Урарту, древнейшее государство Закавказья*, Л., 1939, стр. 37, рис. 17.

[58] Части изображения опубликованы Леман-Гауптом по эстампажам (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II 2, S. 742—743).

[59] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 80, Zeile 49, 50.

Следует еще упомянуть многочисленные бусы из полудрагоценных камней. Особенно излюбленными были шаровидные бусы из красного и розового сердолика. Их отделка говорит о высокой технике обработки камня (сверление различными способами и полировка его).

Керамика

Урартские керамические изделия многочисленны и разнообразны. Раскопки как в центральной части Ванского царства, так и на его окраине дали бесчисленное количество глиняных сосудов и их обломков. При раскопках Кармир-блура были открыты две кладовые с глиняными изделиями; в одной из них, раскопанной в 1951 г., оказалось 1036 кувшинов, а в другой около 120 разных сосудов. Разнообразие урартской керамики достигалось не только формами и размерами (от больших карасов вместимостью около 1200 литров, и до миниатюрных сосудиков высотой в 2 *см*), но и техникой изготовления.

Встречаются грубые сосуды, вылепленные от руки и иногда очень плохо обожженные; некоторые сосуды изготовлены на свободно вращающейся подставке, без оси, и, наконец, наиболее характерная группа урартской керамики представлена высококачественными изделиями, выполненными на гончарном круге.

И по цвету урартская керамика весьма разнообразна. Встречаются желтые, красные и черные изделия различных тонов и с различной поверхностью — матовой или лощеной. Цвет сосудов определяется как составом глины, так и условиями их обжига. Темный цвет обожженных глиняных изделий в значительной степени зависит от присутствия в глине окислов железа (Fe_2O_3).

Блеск на поверхности керамики создается как сглаживанием (лощением) глины до обжига, так и полировкой после обжига. Оба этих приема постоянно применялись урартами. Известны сосуды, на которых по их матовой поверхности наводился линейный узор (зигзаги, перекрещенные линии).

Раскопки Топрах-кале и находки на Ванской скале дали большое число образцов расписной керамики, относящейся к раннему периоду урартской истории, когда существовала и красная лощеная керамика. Урартская расписная керамика — полихромная; роспись обычно наводилась черной и бурой краской по желтому фону, мотивы росписей в большинстве случаев представляют простой геометрический орнамент. На Топрах-кале был найден также кувшин с росписью, изображающей идущих водяных птиц. Подобный сосуд известен и из Закавказья (Исторический музей Армении).

Среди большого разнообразия урартских керамических изделий немало глубоких и плоских мисок и чашек, горшков с широким или суживающимся горлом, карасов, кувшинов с ручками и без ручек, а также сосудов специфической формы (курильницы, плошки, сообщающиеся сосудики, подставки под сосуды и др.)[60]. Венчики и края сосудов часто имеют очень сложный профиль, под верхним валиком помещаются иногда орнаментальные пояски или углубления. Рельефные пояски встречаются и на туловище сосуда. Вдавленный орнамент, как можно видеть по образцам из Кармир-блура, выполнялся нередко гребенчатым штампом.

Уже давно было замечено, что очень часто урартская керамика копирует формы металлической посуды. Таковы кувшины с ручками, имитирующими прикрепленные металлические горловины и ручки[61], и сосуды с выступами, повторяющими характерные украшения металлических фиал; особенно выразительные образцы таких глиняных сосудов были найдены при раскопках Арин-берда в 1953 г.

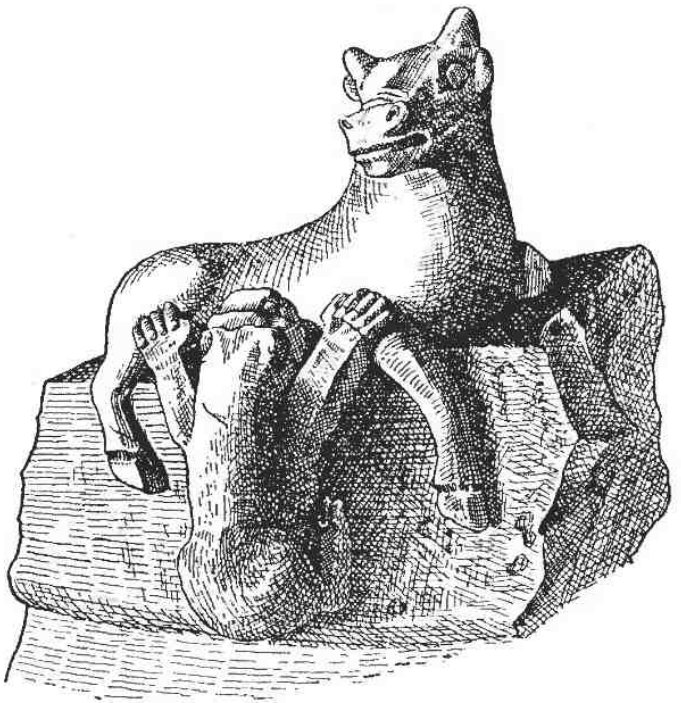
---

[60] Об урартской керамике см.: C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 109—120; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 559—587.

[61] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 562—563.

Из урартских керамических форм особенно интересны чаши на высокой ножке и кувшины с удлиненным носиком[62], наподобие чайников, указывающие на связь урартской керамики с керамикой древнейшей переднеазиатской.

Большой интерес представляет та урартская расписная керамика, которая передает зачастую очень архаичные формы и мотивы. Археологические работы, проведенные в Ване экспедицией Лейка, доказали существование расписной керамики в урартское время. Это подтверждают и материалы, обнаруженные на Кармир-блуре. В 1956 г. в кладовой северо-западного угла цитадели был найден сосуд в форме аска, покрытый



53. Хищник, нападающий на быка. Фигурка на борту караса. Глина (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 470.)

росписью, помещенной в полосах (круги, шахматный, заштрихованный и лучевой орнамент), и имеющий красный лощеный венчик, напоминающий венчик кувшинов, найденных в громадном количестве в кладовой № 29. Этот сосуд с первого взгляда показался привезенным из Средиземноморья или из Ирана (действительно, он по форме и характеру росписи близок к аскам VIII—VII вв. и сосудам из могильника Сиалк-Б, около Кашана), но более внимательный анализ отчетливо выявляет в нем черты, характерные для урартской керамики этого же времени.

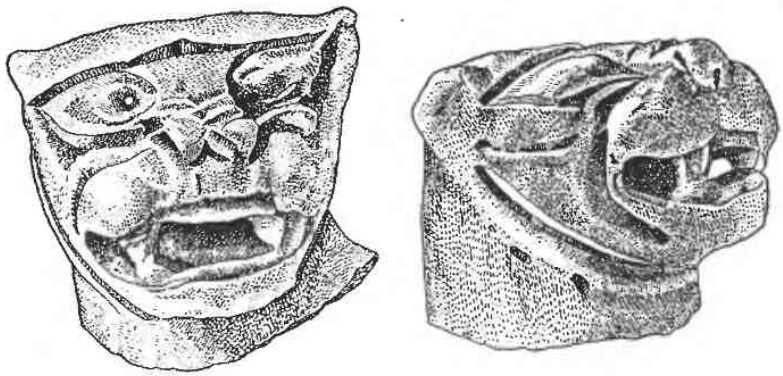
Широкое распространение в Ванском царстве имели большие сосуды — карасы, служившие для различных целей. Они применялись не только для хранения жидкостей, но и для зерна. В карасах, предназначенных для зерна, днища имели сквозное отверстие, чтобы зерно не отсыревало. Орнаментация этих карасов весьма разнообразна. Имеется рельефный орнамент в виде перекрученной веревки или пояска вдавленных, находящих друг на друга треугольников. Часто рельефный узор сочетается со штампованным, резным или наведенным лощением.

---

[62] Ibid., S. 567, 576.

На Топрах-кале были найдены обломки краев больших карасов красного цвета, украшенных скульптурными фигурками животных. Обычно это геральдическая группа из двух животных — хищник, нападающий на бычка. Бычок с поджатыми или свисающими ногами помещен на верхней плоскости борта, нападающий же хищник, вцепившийся в бок бычка, распластан вертикально, по наружному краю борта (рис. 53). Известны также отдельные головки хищников с оскаленным ртом, очень детально моделированные[63] (рис. 54).

Скульптурные изображения животных встречаются и на металлических урартских изделиях, например на бронзовом топоре из Ванского района[64]. По размещению глиняные фигурки карасов напоминают бронзовые (крылатый женский торс, головка быка), помещавшиеся на борту бронзовых котлов. Глиняные фигурки, украшавшие урартские керамические изделия, очень близки к хеттским образцам (так называемой



54. Голова хищника. Часть глиняного сосуда. Топрах-кале
(C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*. II, 2, S. 471.)

каппадокийской керамике), хорошо известным по материалам из раскопок в Анатолии (Богазкёй, Алишар и др.)[65]. Но хеттская керамика этого типа относится к более раннему времени.

Нам известна также и мелкая урартская скульптура из глины. В 1949 г. в кладовой для вина на Кармир-блуре были найдены три статуэтки богов. Они представляют собой стоящие бородатые человеческие фигуры с головным убором в виде рыбьей головы и ниспадающей на спину рыбьей кожей с хвостом. Правая, выдвинутая рука статуэток, видимо, держала копье или ветку дерева, так как в подставках фигурок имеются углубления. Статуэтки были раскрашены, на спине и на головном уборе сохранились следы ярко-голубой краски, очень непрочной, осыпáвшейся, как порошок.

В 1950 г. во второй кладовой для вина была также найдена глиняная статуэтка божества в виде человека-скорпиона. Лицо статуэтки было выкрашено белой краской, глаза — красной, а борода и волосы — бурой. Головной убор имел ярко-голубую окраску, аналогичную той, которая была на спине рыбообразных божеств.

Во временных жилищах во дворе цитадели Тейшебаини были найдены две грубые фигурки животных — лошади и бычка, вылепленные из глины и служившие, возможно, детскими игрушками. Из числа керамических изделий, обнаруженных на Кармир-блуре, особый интерес заслуживает крупный черный лощеный сосуд (высотой около

---

[63] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 111, 115; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 470—471.

[64] W. M. Flinders Petri, *Tools and weapons, illustrated by the Egyptian collection in University college*, London, 1917, tab. XI.

[65] H. Genouillac, *Céramique Cappadocienne* («Musée du Louvre», I—II, 1926).

50 *см*), украшенный расписным пояском и тремя скульптурными головками бычков, напоминающими описанные выше бронзовые головки. Роспись нанесена на венчике и на рельефном пояске под высоким венчиком. На желтоватом фоне помещены кружки коричневого цвета с черным диском посредине. Сверху кружки закрашены черной полосой, а снизу обрамлены двумя линиями — коричневой и черной. Роспись венчика состоит из двух рядов чередующихся прямоугольников желтого и бурого цвета.

Керамика, открытая при раскопках Кармир-блура, чрезвычайно разнообразна, но в ней отчетливо можно различить три основные группы. Первая из них представлена образцами керамики из центральной части Ванского царства или подражаниями им. Это красная, лощеная или крашеная, керамика определенной формы: кувшины с ручками, профилированные чаши и небольшие двойные сообщающиеся сосудики.

Кувшины с ручками обычно имеют горло энохои и иногда, под ручкой, клеймо с урартскими иероглифическими знаками.

Вторая группа кармир-блурской керамики представляет грубую местную керамику, настолько своеобразную и архаичную по своему внешнему виду, что даже трудно верить, что она изготовлялась одновременно с первой группой. Сосуды грубые, черного цвета, часто в форме горшков с широкой горловиной, украшенные елочным гребенчатым узором, семечковым орнаментом или же вдавленным орнаментом в виде волны. Встречаются грубо сделанные сосуды и без всякой орнаментации.

Третью группу составляет керамика, имеющая аналогии в закавказских могильниках VII—VI вв. Это сосуды обычно темного цвета с узорами, выполненными лощением. Ручки кувшинов этой группы имеют характерное украшение в виде ряда глубоко вдавленных треугольников, которые заходят друг на друга вершинами. Такие же сосуды происходят из раскопок Моргана в Лорийском районе (могильник Шайтандаг); близкая к этой керамика имеется и среди материалов из раскопок Е. А. Лалаяна в Севанском районе. Крупный кувшин этого типа с характерной ручкой и узором, наведенным лощением, был открыт при раскопках цитадели.

Но эти три группы далеко не исчерпывают все разнообразие форм керамических изделий, полученных при раскопках. В большом количестве найдены миниатюрные сосуды различного назначения.

Особую и весьма характерную группу урартской керамики составляют небольшие сосуды (преимущественно кувшины и чашки) с блестящей красной поверхностью.

С технологической стороны они были детально изучены Кобертом и Лешке[66].

Красный блестящий слой, покрывающий сосуды, легко отщепляется и по своему составу однороден с глиной самого черепка сосуда; разница между ними определяется лишь характером обжига. Если черепок сосуда обожжен сравнительно слабо, в изломе видно, что середина имеет даже сероватый цвет, хотя ангоб сосуда (красный блестящий слой) обожжен очень хорошо.

Техника изготовления урартской керамики этого типа нам представляется следующей: для сосуда и для ангоба бралась одна и та же глина, но глина ангоба подвергалась особой предварительной обработке. Ее обжигали при большой температуре, затем обожженную массу толкли, разводили в воде и этим ангобом покрывали поверхность сосуда (иногда кувшины окрашивались). При обжиге керамики температура не достигала той высоты, при которой ангоб сплавлялся бы с черепком сосуда, поэтому он так легко и отщепляется. После обжига сосуд тщательно полировался; таким образом, согласно указанным наблюдениям, урартская красная керамика по своей технике совершенно отлична от древнегреческой краснолаковой или же римской (terra sigillata).

Разумеется, изучение технологии древней керамики представляет большие трудности, и исследователи не всегда могут уловить «секреты» древнего керамического производства, особенно различных примесей, влиявших на цвет и плотность керами-

---

[66] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 118—120; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 577—580.

ческого черепка. Об этом красноречиво говорят этнографические данные и попытки реконструкции керамики по древним образцам.

На красных сосудах, на дне или на нижней части, имеются изображения, выполненные штампом, лощением или же гравировкой.

На мелких кувшинах и чашах из Топрах-кале были оттиски штампов, которые можно считать марками мастерских. Штампы эти очень простой формы: кружки,

55. Деревянные изделия. Кармир-блур.
Исторический музей Армении

подковки, звездочки, фигуры в виде цифры 8, кружок с вписанным крестом или же ступенчатой фигурой. Все они оттискивались до обжига[67].

Знаки, наведенные лощением, также разнообразны: кружки и полукруги со связанными с ними черточками и точками, зигзаги, перекрещенные линии; по всей вероятности, такими знаками обозначали меры емкости[68]. Особенно многочисленны разные изображения на сосудах, нацарапанные по слою ангоба. Тут несомненно имеются и знаки мер емкости, и знаки собственности, и даже нечто вроде иероглифических надписей. На сосуды наносились рисунки голов животных, деревьев и различных фигур: пятилучевая звезда, треугольники, сходящиеся вершинами, и многое другое[69].

Особую, но немногочисленную группу составляет урартская тонкостенная керамика серого цвета, украшенная выпуклым орнаментом, выполненным иногда штампом[70]. К сожалению, от сосудов этого типа дошли до нас лишь небольшие обломки.

[67] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 572—575.
[68] Ibid., S. 579.
[69] Ibid., S. 577—579, 586.
[70] Ibid., S. 576.

Некоторые из урартских сосудов, служивших хранилищем, имели глиняные крышки или пробки, обмазывавшиеся глиной, на которых бывали оттиснуты печати. Такие оттиски печатей в большом количестве дали раскопки на Топрах-кале.

При раскопках урартских поселений и крепостей в большом количестве обнаружены пастовые и стеклянные бусы (фигурные и округлые бусы, а также бисер). Цветная паста служила и для украшения бронзовых изделий (инкрустация). Пастовые (смальтовые) бусы изготовлялись путем вытягивания из стекловидной массы трубочки, которая потом разрубалась на короткие цилиндрики. Красителем голубой и зеленой пасты, по-видимому, служила медь, а красной — железо. Поверхность бус иногда покрывалась глазурью. На Кармир-блуре были найдены глиняные бусы с выступами, покрытые разноцветной глазурью. Оттуда же происходят и черные стеклянные бусы с желтой волнистой полосой, а также литые бусы из прозрачного стекла.

В 1953 г. на Кармир-блуре был найден обломок фигурного фаянсового сосуда, покрытого цветной глазурью, изображавшего женщину с коротко подстриженными волосами и в низком головном уборе. Сзади имелась петля для подвешивания. По внешнему виду этот сосуд несколько напоминает известные нам ассирийские фигурные сосуды.

Следует заметить, что в отношении мелких предметов украшения, найденных при раскопках урартских памятников, у нас постоянно остается сомнение в их действительно урартском происхождении, так как они могли быть доставлены путем обмена из различных мест Передней Азии и даже из Египта.

Кроме многочисленных изделий из металла, камня и глины, до нас дошло также большое количество образцов тканей, пряжи и предметов из рога, кости и дерева.

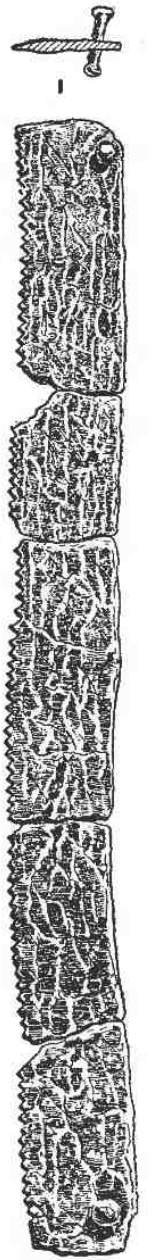
По сведениям Леман-Гаупта, в одном сосуде, найденном на Топрах-кале, оказался обрывок шелковой ткани[71].

Мелкие изделия, вырезанные из рога, дошли в большом количестве. Раскопки Клейтона на Топрах-кале дали нам два прекрасных образца скульптуры из слоновой кости. Первая фигурка изображает нагую богиню в невысоком головном уборе, украшенном диадемой из розеток; вторая же, плохо сохранившаяся фигурка жреца или прислужника в длинной одежде, с широким поясом и лентой через правое плечо[72].

На Кармир-блуре найдено и значительное число деревянных предметов. Среди них крупная ложка, с крючком для подвешивания, совки, сосудик и чашечка, изготовленные на токарном станке, и части мебели с инкрустацией из рога.

Дифференциация производства в Урарту привела к развитию большого числа ремесел, требовавших специальных навыков и мастерства. Но, несмотря на наличие ремесленных мастерских, особенно в административных центрах, некоторые изделия производились в домашнем хозяйстве.

Так, в 1949 г. при раскопках поселения к западу от цитадели Тейшебаини в одном из жилых помещений был найден глиняный гончарный круг и железное кайло для добывания глины, куча которой



56. Железная пила. (Дл. 39 *см.*). Кармирблур. Исторический музей Армении

[71] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 967. (Определение профессора Ратгена.)
[72] R. D. Barnett, *The Excavations of the British Museum at Toprak Kale, near Van*, tab. I4.

обнаружена в соседнем помещении[73]. Эта находка указывает на изготовление глиняных сосудов не только в гончарных мастерских, но и дома.

Остатки гончарных мастерских и печей для обжига в Тейшебаини еще не обнаружены, но материалы раскопок свидетельствуют о том, что гончарных мастерских было несколько. На некоторых сосудах можно видеть оттиски овальных клейм с иероглифическими знаками. Таких клейм известно два, причем их оттиски имеются на разнородных сосудах. Это свидетельствует о том, что из одной мастерской выходили различные изделия — красные лощеные кувшины и керамика без лощения. Раскопками 1951 и 1953 гг. были открыты два склада красных лощеных кувшинов с ручкой. Сравнение кувшинов из двух складов показывает, что они изготовлены различными мастерами или в различных мастерских. В кладовых для вина четко различаются карасы, вылепленные различными мастерами, что подтверждается также знаками, поставленными на горловине карасов до их обжига.

В таком большом административном центре, как Тейшебаини, в мастерских крепости должно было работать значительное число ремесленников — гончаров, ткачей, мастеров по металлу, каменотесов, резчиков по кости и рогу, мастеров по изготовлению кунжутного масла, виноделов и др.

Из руды, доставлявшейся в Тейшебаини, выплавлялся металл, о чем говорят не только многочисленные слитки определенного вида, но и найденная в крепости каменная форма для отливки украшения-подвеска, свидетельствующие о существовании производства металлических изделий.

В двух помещениях цитадели было найдено большое количество распиленных кусков оленьего рога, разложенных соответственно качеству в разные кучки. Около этих заготовок были обнаружены мелкие изделия и железные пилки, которыми производилась распиловка рогов (рис. 56).

В помещении привратника около главных ворот цитадели, у лежанки, также были обнаружены два оленьих рога с отпиленными концами и незаконченные изделия. Это указывает, что резьбой по рогу занимались неспециалисты-ремесленники (в данном случае — сторож-привратник, работа которого была прервана штурмом).

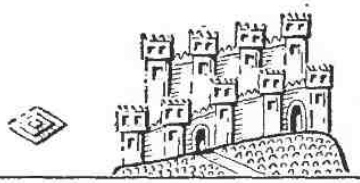
В настоящее время мы не располагаем данными относительно положения ремесленников в Урартском государстве. В тексте глиняной таблички, найденной на Кармир-блуре в 1949 г., упоминается об отправке четырех поименованных ремесленников, но общий смысл текста остается все еще неясным.

Так же как и в других государствах древнего Востока, в Урарту было значительное число ремесленников, захваченных в покоренных странах. Эти ремесленники находились либо на положении рабов, либо причислялись к урартам, т. е. были свободными. В легенде о постройке города Вана (Тушпы), приведенной Моисеем Хоренским, рассказывается, что Шамирам привела из Ассирии и подвластных ей стран «двенадцать тысяч простых работников и шесть тысяч мастеров, искусных резчиков по дереву, камню, меди и железу, знающих в совершенстве свое искусство». О таком угоне ремесленников из покоренных стран постоянно упоминают ассирийские тексты.

Можно надеяться, что дальнейшие археологические исследования урартских памятников откроют клинописные документы, которые осветят нам положение ремесленников в Урартском государстве.

---

[73] В. С. Сорокин, *Раскопки древнего поселения* («Кармир-блур», II), стр. 86.



ГЛАВА XI

АРХИТЕКТУРА

Крепостное строительство

По всему обширному Армянскому нагорью разбросаны развалины урартских крепостей, немые свидетели былой мощи Ванского царства. Иногда на камнях их стен можно видеть клинообразные надписи, в которых рассказывается о постройке крепости и упоминается имя соорудившего ее царя. При непрочном государственном объединении, державшемся главным образом военной силой, крепости в Ванском царстве имели исключительное значение. Как на всем древнем Востоке, урартские крупные поселения и города обносились крепостной стеной или имели сильно укрепленную цитадель, способную выдержать длительную осаду. Крепости были различного назначения: чаще всего они служили целям охраны местности и защиты населения, некоторые из них являлись административными центрами или базами для больших походов. В связи с различными назначениями тип самих крепостей и выбор места для них бывали различными.

В 1956 г. древние крепости Ванского района были обследованы Бэрнеем, давшим краткое описание многих из них с приложением схематических планов [1].

Охранные крепости сооружались на труднодоступных местах, на высоких холмах или утесах, господствующих над местностью. Обычно для них выбирался выступ горного кряжа близ горной речки или родника, расположенного выше крепости, и вода по каменным или керамическим трубам подводилась к крепости. Нельзя забывать, что вопрос водоснабжения крепости был вопросом первостепенного значения.

Из числа урартских крепостей, расположенных на неприступном утесе, особенно интересна крепость Амкуберд на берегу оз. Ван, в 10 *км* западнее острова Лим. Прибрежный утес со всех сторон имеет крутые и обрывистые склоны, и расположенная на нем крепость была доступна только со стороны озера: над самой водой вырублен проход в крепость. Таким образом, при осаде враг мог штурмовать крепость только с

[1] C. A. Burney, *Uraratian fortresses and towns in the Van Region* («Anatolian studies», VII, 1957, p. 37—53).

озера, и то при помощи плотов или лодок. На труднодоступной скале, господствующей над окружающей местностью, была построена и крепость у сел. Аралеск[2], а также, крепость на Ванской скале, цитадель города Тушпы, крепость на Топрах-кале (выступ Зымзымдага) и Цовинарская крепость на холме, перерезающем южный берег оз. Севан, между селениями Алучалу и Цовинаром.

Крупные урартские поселения крепостного характера обычно занимали большую площадь, целиком или частично обнесенную стеной. Такого рода образцом является крепость Хайкаберд, занимавшая скалистый массив Болдага[3]. Вся территория крепости, расположенной на нескольких холмах, делится на две примыкающие друг к другу части, обнесенные стенами циклопической кладки (крепости I и II). Внутри стен различимы остатки круглых в плане жилищ из сырцового кирпича на каменном фундаменте, а в южной части крепости II находится большой земляной холм, образовавшийся от разрушенной постройки из сырцового кирпича.

Урартские крепости на окраинах Ванского царства, служившие административными центрами и местопребыванием урартских наместников с гарнизоном, обычно имели цитадель, отделенную мощной стеной от укрепленного поселения.

Таковы урартские крепости Закавказья: Арин-берд, Кармир-блур, Нор-Баязет, Цовинар. Некоторые большие крепости имели отдельные форты, вынесенные вперед[4], служившие часто целям охраны воды, которой пользовалось население.

Урартские надписи дают немного названий различных построек, не всегда еще достоверно переводимых. Крепости Закавказья в урартских надписях детерминируются или знаком *город* («город бога Тейшебы» — Кармир-блур; «город бога Халди» — крепость у Нор-Баязета), или же знаком *дворец*, буквально «большой дом» (в надписи о постройке крепости Эребуни). Последнее обозначение крепостей часто встречается в текстах с описанием походов. Возможно, термином *город* назывались административно-хозяйственные центры, а идеограммой и детерминативом *дворец* — крепости военного назначения, в которых находился дворец урартского наместника.

До сооружения крепости выбранный для нее холм или скала подвергались специальной обработке. Путем возведения подпорных стенок закреплялись склоны холма. Этот способ предохранения холма от оползней и размыва приводил к тому, что склон крепостного холма превращался в ряд террас, защищенных стенами; это увеличивало вместе с тем полезную площадь, которую можно было использовать под постройки. Разрушение подпорных стен нередко приводило к катастрофе. Например, в крепости у сел. Согютлу, на западном склоне Арагаца, наблюдались сильные оползни и размывы холма, после того как местные жители разобрали подпорные стенки, которые не отличались особенной массивностью.

Перед постройкой стен крепости обычно производилось выравнивание площадки; если крепость строилась на скале, то в скале вырубались ступени или углубления для камней основания, специального фундамента крепости не имели. Чтобы предотвратить размыв стен, в скале высекался желоб для стока воды. Такие желоба сохранились на северном склоне Ванской скалы, на том же самом месте, где имеются ступени, на которых покоилась древняя стена. Если стена или башня сооружались на краю холма, то склон холма первоначально облицовывался камнем, и затем уже возводилась стена. Нижние части высоких стен Ванской цитадели представляют как раз такую облицовку обрыва скалы. Облицовка скалы, являвшаяся одновременно и подпорной стенкой, подведена и под угловую башню Цовинарской крепости (Бельк ошибочно считал, что высота башни 8 *м*, тогда как на самом деле она была значительно ниже).

---

[2] W. Belck, *Bauten und Bauart der Chalder* (VBGAEU, 1895), S. 602; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 623.

[3] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 60—64.

[4] Б. Б. Пиотровский и Г. Т. Гюзальян, *Крепости Армении доурартского времени* («Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6), стр. 51.

Стены урартских крепостей обычно строились по прямой линии, они имели выступы, наподобие контрфорсов, и изгибы. Урартские крепости сооружались либо целиком из камня, либо из сырцового кирпича на каменном основании; второй способ был более распространен. При разрушении крепостей верхняя часть стены, сложенная из сырцового кирпича, быстро размывалась, и от стены оставалась лишь каменная кладка основания. Этим и объясняется, что большинство урартских крепостей в Закавказье имело невысокие, иногда менее 2 *м*, стены с очень ровной верхней линией. И совершенно очевидно, что в данных случаях перед нами не развалины крепостей, сооруженных из камня, а остатки каменного основания, на котором возводилась стена из сырцового кирпича.

Стены урартских крепостей были очень мощными; толщина их обычно превышала 3 *м*. Кладка состояла из двух рядов крупных камней с завалом из более мелких камней между этими рядами и сооружалась без связывающего материала. Стены иногда облицовывались тщательно обработанными камнями правильной формы или их поверхность покрывалась слоем глиняной обмазки. Остатки построек с облицовкой сохранились на вершине Армавирского холма. Хорошо отесанные базальтовые блоки лежали в основании цоколя стены на Арин-берде, а в Тейшебаини были открыты декоративные башенки и карнизы, сложенные из базальтовых блоков отличной отделки.

У западного подножия Ванской скалы находятся остатки древнейшей из известных урартских крепостей. Стена этого укрепления сложена из огромных известняковых глыб, правильно обработанных. Отдельные ее камни достигают 6 *м* длины при высоте 0,75 *м*. На стене сохранились три надписи на ассирийском языке, рассказывающие о том, что эта крепость была построена царем Сардури, сыном Лутипри, правившим в середине IX в.

Величина камней и мощность кладки «стены Сардури», как обычно называют эту крепость, отражают характерную для всех урартских построек особенность — преувеличенный запас прочности.

Изучая урартские постройки различного времени, можно наблюдать тенденцию уменьшения размера камней (например, в Закавказье). Здесь стены наиболее древних крепостей сложены из огромных камней циклопической кладкой, тогда как поздние крепости — из сравнительно мелких камней. Следует иметь в виду, что размер камней крепостных стен стоял также в зависимости от мощности всего сооружения, но это обстоятельство, однако, не противоречит общей тенденции уменьшения их размеров с течением времени.

Характерным образцом урартского крепостного строительства служит крепость на Ванской скале. Стены этой крепости были целиком сложены из камня, причем облицовка их состояла из больших камней, хорошо отесанных; при кладке стены тщательно соблюдался прием перевязки швов, так же как и в постройках из кирпича. Линия стены крепости на Ванской скале не была прямой, она разбивалась выступами, наподобие контрфорсов или ложных башен, без помещений внутри их. Ассирийские изображения дают нам материал для реконструкции урартских крепостей, особенно верхней их части, увенчанной зубцами. Каменные зубцы известны и по Ванской цитадели.

Из урартских памятников архитектуры лучше изученной считается цитадель города Тейшебаини[5]. Громадная постройка занимала площадь около четырех гектаров и состояла из 120—150 помещений.

Северный и восточный фасады здания, примыкавшего к обрывистым склонам холма, имели неправильную, уступчатую в плане форму, соответственно поверхности Кармир-блура. Западный фасад выходил на просторный, огражденный крепостной стеной двор, имевший два входа — один в южной части, а другой в северо-западной. Основной вход

---

[5] «Кармир-блур», IV; К. Л. Оганесян, *Архитектура Тейшебаини*, Ереван, 1955; К. Л. Оганесян, *Исследование архитектуры урартского города Тейшебаини* (Автореферат кандидатской диссертации, Ереванский политехнический ин-т, 1953).

представлял хорошо укрепленные ворота с двумя большими башнями по сторонам въезда и внутренним помещением, а второй, расположенный у северо-западного угла цитадели, состоял из небольших ворот, через которые свободно могла проехать повозка, и узкой калитки для пешеходов. Проем первых ворот был вымощен громадными, неправильной формы каменными плитами, а вторых — булыжником и галечником.

Стены цитадели, возведенные с преувеличенным запасом прочности, сложены из крупных сырцовых кирпичей на цоколе высотой около 2 *м*, сооруженном из огромных грубо обработанных камней. Камни цоколя, уложенные без раствора, были покрыты сверху глиняной обмазкой. Толщина внешней стены достигала 3,5 *м*, а внутренних стен — 2,1 *м*.

Здание, соответственно строительному материалу, имело прямолинейные формы; линия фасада разбивалась контрфорсами, а по углам цитадели стояли массивные башни. Высота стен в различных частях была разной, от 6 до 12 *м*, так как все здание, в связи с рельефом холма, имело уступчатую форму.

Окна устраивались, по-видимому, в верхней части стены, под самым перекрытием, как это видно и на ассирийских изображениях урартских зданий, в частности на рельефе из дворца Саргона со сценой взятия Мусасира.

Полы в помещениях были на разном уровне, и из одной комнаты в смежную можно было попасть при помощи лестницы, деревянной или кирпичной, а иногда и пандуса — земляной наклонной насыпи. Соответственно ступенчатой форме здания окна комнат одного уступа выходили на крышу комнат второго уступа. Кроме того, для лучшего освещения центральных комнат устраивались также световые колодцы. Внутреннего большого двора, обычного в ассирийских дворцовых постройках, в цитадели на Кармир-блуре не было.

Около цитадели Тейшебаини, к югу и юго-западу от нее, располагался город, занимавший большую территорию и частично огражденный стеной. Город был построен по намеченному плану, имел длинные и широкие улицы, по сторонам которых тянулись кварталы жилищ. Исследованные кварталы состояли не из отдельных домов, а представляли постройку, в которой под общей крышей находилось несколько однотипных жилищ. Каждое — из открытого или полуоткрытого дворика и двух жилых помещений. Вся постройка выполнялась из камня, без применения сырцовых кирпичей. Для отдельных ее частей, требующих более тщательной обработки,— баз для деревянных столбов, держащих кровлю, пяточных камней для оси двери и отдельных предметов хозяйственного или ремесленного назначения,— употреблялся туф, совершенно не применявшийся при сооружении цитадели. По архитектурным формам и строительным приемам постройки города существенно отличались от здания на холме. В то время как цитадель была сооружением, характерным для архитектуры государств Месопотамии и восточной части Малой Азии, широко использовавших в строительстве сырцовый кирпич, город, по-видимому, представлял образец закавказской строительной техники начала I тысячелетия до н. э. Таким образом, город, по типу и планировке повторявший древневосточные города, был построен с применением местной строительной техники и, по всей вероятности, силами подчиненного, возможно, пригнанного населения.

Памятники урартской архитектуры

Урартские каменные постройки сохранились в сильно разрушенном виде, да, кроме того, большинство этих развалин находится еще под землей.

Во время археологических работ на Топрах-кале в 1879—1880 гг. были раскопаны развалины храма, расположенного в северной части крепости.

Раскопки открыли нижние части стен, сложенных из крупных, хорошо отесанных блоков светло- и темно-серого камня, чередовавшихся в шахматном порядке[6]. Позднее эти стены были по камням растащены местными жителями, и германская экспедиция обнаружила только один фундамент постройки.

Фундаментом храма служила платформа высотой от 0,5 до 4,5 *м*, сложенная из крупных камней, обработанных рустовкой. Такая техника обработки камня встречается и в урартских постройках Армавира (Аргиштихинили).

По размерам храм на Топрах-кале был небольшим, длина платформы равнялась всего 21 *м*, а ширина 13,5 *м*.

Остатки стен, обнаруженные при раскопках, не дали возможности реконструировать храм, и о внешнем виде урартских храмов мы можем судить только по изображению на рельефе из дворца Саргона (сцена разграбления ассирийцами храма бога Халди в Мусасире)[7].

Трудно определить время постройки Мусасирского храма, но из указания Луврской таблички о том, что в храме находилась статуя Сардури, сына Ишпуини, можно заключить, что Мусасирский храм уже существовал в конце IX или в начале VIII в. Очень вероятно, что он был сооружен в конце IX в. братом Сардури, урартским царем Менуа, присоединившим Мусасир к урартским владениям еще в начале своего правления, о чем говорится в двуязычном тексте Келяшинской стелы.

Архитектурные формы храма бога Халди в Мусасире представляют исключительный интерес. Они совершенно отличны от известных нам месопотамских, ассирийских и вавилонских форм храмов.

Храм сооружен на высокой платформе (четверть общей высоты здания); на платформу вела лестница, которая на рельефе была отмечена, по-видимому, краской и потому не сохранилась. Храм имел двускатную крышу с высоким фронтоном, увенчанным изображением копья. Невысокая дверь, вход в храм, расположена в центре фасада, по сторонам входа помещались два больших копья и две статуи в молитвенной позе.

Фасад украшен шестью столбами или колоннами без капителей и баз, но с поперечными валиками. По изображению нельзя решить, были колонны храма в сечении круглыми, прямоугольными или представляли пилястры. Первое предположение более правдоподобно и вероятно. До нас дошло большое количество отдельных частей урартских колонн, всегда имеющих круг в сечении; квадратное или прямоугольное сечение не встречалось ни разу.

Из центра Урарту и из его окраинных областей происходят базы колонн, части стержней и капители, причем древнейшие из них, с именем Ишпуини, сына Сардури, относятся к IX в. В Закавказье (район Армавира) были обнаружены две базы колонн с посвятительными надписями Аргишти, сына Менуа. Урартские колонны составлялись из отдельных частей — базы, капители и нескольких барабанов ствола. Каждая часть имела вверху углубление, а внизу выступ, так как при установке колонн верхний барабан вставлялся в нижний. Никаких металлических скреп, по-видимому, не существовало. Поперечные валики на колоннах Мусасирского храма, быть может, передают декоративно отмеченные швы на месте скрепления отдельных частей стержня.

Стены храма были украшены круглыми щитами, с сильно выступающей средней частью, помещенными как на колоннах, так и в простенках между ними.

Эти декоративные щиты, по форме совпадающие со щитами, найденными на Топрах-кале и Кармир-блуре, подробно описываются в тексте Луврской таблички, где отмечаются также и скульптуры из бронзы, поставленные перед храмом.

---

[6] H. Rassam, *Asshur and the land of Nimrod*, New York, 1879, p. 377; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 458—459.

[7] P. E. Botta et E. Flandin, *Monument de Ninive*, II, Paris, 1849, tabl. 141.

Уже с первого взгляда устанавливается связь Мусасирского храма с некоторыми архитектурными памятниками Малой Азии, с прототипами классических древнегреческих храмов.

Храм в Мусасире, таким образом, открывает нам неизвестные страницы истории архитектуры Передней Азии, представляя древнейший из известных типов храма с фронтоном и колоннадой, который лег в основу античной архитектуры.

Леман-Гаупт совершенно справедливо связывал Мусасирский храм с памятниками Пафлагонии [8], а Герцфельд указывал на то, что фронтон храма, украшенный геометрическим узором, напоминает фригийские образцы [9].

Связи малоазийского искусства с урартским не ограничиваются лишь Мусасирским храмом. В частности, довольно давно было отмечено, что капители колонн ионийского стиля имеют декоративные элементы, сходные с урартскими. Так, характерный для Ионии орнаментальный мотив «овы» (kymation), представляющий стилизованный венец из листьев, свой реалистический облик сохранил в урартском искусстве, но не на архитектурных памятниках, а на металлических изделиях [10]. Тут следует отметить одну чрезвычайно характерную особенность урартской архитектуры — незначительную роль орнаментации в камне. Все дошедшие до нас обломки и части урартских колонн лишены какой бы то ни было резьбы по камню. Скульптура не была органически связана с архитектурой. И даже в пещерных помещениях, где резьбе был предоставлен широкий простор, этот вид искусства не получил своего развития. Помещения, высеченные в скалах, имеют на стенах лишь несложные декоративные изображения, тесно связанные с формой сооружения или же имитирующие особенности наземных построек, которые служили образцом для оформления пещерных помещений.

Урартские архитектурные памятники украшались или металлическими предметами (как щиты и статуи), не имеющими органической связи с архитектурой, или разноцветной каменной инкрустацией.

Вопрос цвета в урартской архитектуре, по-видимому, имел большое значение. Выше было указано, что храм на Топрах-кале был построен из разноцветного камня. Моисей Хоренский, приводя легенду о постройке города Вана царицей Шамирам, говорит о роскошных зданиях, разукрашенных различными красками и разноцветными камнями.

Об искусстве использования в декоративных целях цветного камня свидетельствует другой архитектурный памятник, открытый на Топрах-кале. Около него находились развалины какого-то здания, возможно, дворца, построенного из сырцового кирпича, с остатками каменного пола и стенной панели, украшенными каменной инкрустацией [11]. В светлых и темных плитах пола вырезались круглые лунки, куда вставлялись концентрические кольца из разноцветного камня: черного, темнокрасного и белого. В центре колец помещалась коническая вставка плоским основанием вверх, которая закреплялась посредством металлического штифта. Наряду с инкрустацией этого типа в том же здании обнаружены прямоугольные и фигурные вставки. Сложный узор составлялся также из комбинации вставок ласточкина хвоста и ромбов [12].

Раскопки на Арин-берде и на Кармир-блуре свидетельствуют о том, что в урартской архитектуре и роспись стен имела широкое распространение.

При разведочных раскопках 1950 г. одного из разрушенных помещений на Арин-берде удалось обнаружить остатки замечательных росписей, выполненных в основном синей и красной краской по белому фону стен. Раскопки в южной части помещения по-

---

[8] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 577.
[9] F. Sarre und E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, Berlin, 1910, S. 8.
[10] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 483, 484.
[11] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 72—74; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 551; Б. Б. Пиотровский, *Урарту, древнейшее государство Закавказья*, Л., 1939, рис. 17.
[12] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 552—553.

зволили установить последовательность орнаментальных элементов. В верхней части стены, на выступающем вперед карнизе, располагались круги, с вписанными в них многолучевыми звездами. Ниже шел ряд пальметок характерного ассирийского типа, с чередованием синих и красных цветов, а под ним полоса, заполненная рядом ступенчатых башенок, также обычных в ассирийских росписях. Под этими тремя орнаментальными рядами шел неширокий фриз, заполненный фигурками бычков и баранов, а еще ниже роспись, изображающая священные деревья со стоящими по их сторонам божествами. По форме деревья близки к изображениям деревьев на шлемах Аргишти и Сардури, но выполнены они гораздо схематичнее; синей краской отмечены внешний контур, ствол и ветви, оканчивающиеся круглыми плодами. Фигуры божеств также напоминают изображенных на шлемах; они безбородые и бескрылые, в руках держат плод и корзину. Ниже этого фриза были помещены более крупные изображения божеств (например, божество на льве, обнаруженное в 1952 г.).

На Кармир-блуре в 1949 г., в кладовой № 25, были найдены обломки росписей, по всей вероятности, украшавших помещения верхнего этажа. Небольшие обломки глиняной обмазки стен с росписью содержат орнаментальные мотивы (круги с вписанными в них крестами, перекрещенные полосы, связанные кругами с розетками в центрах, части фигур крылатых божеств — лицо, части крыльев и платья и обломки дисков с отходящими лучами, на концах которых помещены пальметки и гранатовые яблоки). По-видимому, около этих дисков с обеих сторон и были помещены коленопреклоненные фигуры крылатых божеств.

От сильного пожара, возникшего во время штурма Тейшебаини, изменился цвет росписей, но исследования, произведенные В. Н. Кононовым, позволяют дать реконструкцию красок. Роспись выполнялась на белом фоне, создаваемом огнестойкой белой глиной (каолин), нанесенной толстым слоем. Для прочерчивания контуров росписи и для нанесения вспомогательной сетки применялась черная краска (сажа), также не изменяющаяся при высокой температуре. Из природных минеральных красок для росписей использовались две красные краски: одна — ярко-красная, богатая железом красная охра, потерявшая при высокой температуре в пожаре яркость и приобретшая красно-коричневый тон, и другая красная краска, более светлая, чем первая, перешедшая под влиянием температуры в тусклую красную краску.

Синей краской была замешанная на клею фритовая лазурь (толченая смальта), широко применявшаяся в древнем Египте и в Ассирии. На росписях из Арин-берда синяя краска сохранилась в виде осыпающегося порошка, так как клеющее вещество уже разложилось.

На Кармир-блуре были найдены комки ярко-синей краски, замешанной на глине; такой же порошок обнаружен при раскопках 1916 г. на Топрах-кале в обломке сосуда.

На древнем Востоке стенная роспись была широко распространена, образцами ее могут служить ассирийские памятники. Во дворце в Кар-Тукулти-Нинурта (XIII в. до н. э.) роспись стен выполнена так же, как и урартская, синей и красной красками по белому фону[13]. Наряду с разнообразными орнаментальными мотивами там имелись изображения священных деревьев, со стоящими по их сторонам крылатыми божествами с птичьей головой.

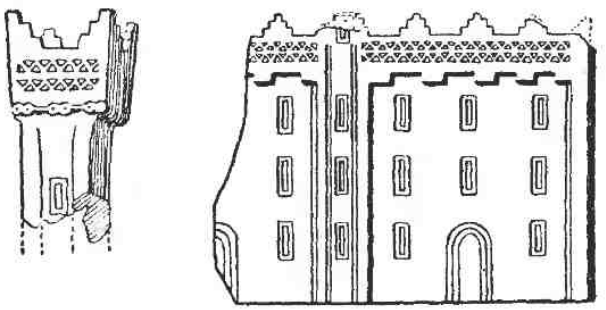
Остатки росписей были обнаружены и при раскопках дворцов ассирийских царей Ашурнасирпала и Саргона в середине прошлого столетия, но там богатые каменные рельефы, украшавшие стены парадных залов, отвлекли внимание от росписей, расчистка и фиксация которых неизмеримо сложнее, чем расчистка и зарисовка каменных рельефов; вследствие этого о росписях ассирийских дворцов IX—VIII вв. мы располагаем лишь отрывочными сведениями и отдельными публикациями[14]. При послед-

---

[13] W. Andrae, *Fabrige Keramik aus Assur*, Berlin, 1923, Taf. 3.

[14] G. Contenau, *Manuel l'archéologie orientale, depuis les origines jusqu'a l'époque d' Alexandre*, III, Paris, 1931, p. 1324.

них раскопках в Дур-Шаррукине, в здании к юго-востоку от храма Набу (в помещении № 2 здания К), были обнаружены остатки стенной росписи, выполненной синей, красной и черной красками по белому фону [15]. Сохранились части росписи — громадные, в два раза превышающие человеческий рост, фигуры бога Ашура и стоящих перед ним царя Саргона с приближенными. Вся группа была обрамлена орнаментальным фризом и фигурами крылатых божеств, стоящих над дисками, подобными помещенным на архивольтах ворот в основном дворце Саргона. Панель стены, ниже этой группы, расписанная на высоту около 6 *м*, содержала три фриза изображений, разделенных орнаментальными полосами. Центральный фриз состоял из фигур быков, попарно помещенных перед дисками, обрамленными дугообразными линиями. Верхний и нижний фризы были заполнены фигурами коленопреклоненных крылатых божеств с плодом в правой руке, с корзиной — в левой, стоящими перед дисками, которые заменены в композиции священными деревьями.



57. Изображение здания и башни. Бронза. (Выс. башни 16,5 *см*., выс. пластины, изображающей здание, 30,5 *см*.) Британский музей

Прекрасные образцы ассирийских стенных росписей были открыты и при раскопках дворца ассирийского наместника в Тил-Барсибе, на Евфрате. Кроме целых сцен: приношение даров, привод пленных и царская охота,— там имелись также декоративные панно, на которых были изображены хорошо известные по ассирийским росписям фигуры быков, козлов и коленопреклоненных крылатых божеств, помещенных перед дисками. В Тил-Барсибе божества представлены безбородыми фигурами, держащими в руках не плод и корзину, а цветы [16].

Раскопки в Тил-Барсибе указывают на то, что на окраинах Ассирийского царства в дворцовых постройках каменные раскрашенные рельефы заменялись стенными росписями.

На основании археологического материала мы еще не можем судить о внешнем виде построек, украшавших некогда столицу Ванского царства город Тушпу. Моисей Хоренский (I, 16) рассказывает о том, что в Ване существовали роскошные здания в два и в три этажа. Одно из таких именно зданий изображает крупная бронзовая пластинка с Топрах-кале [17]. Фасад трехэтажного здания расчленен на две части, причем каждая из них имеет самостоятельный вход с закругленным верхом. Верхняя часть изображенного здания снабжена зубцами сложной ступенчатой формы, под которыми находится орнаментальный пояс с узорами из мелких треугольников. С этой бронзовой пластинкой связано и изображение башенки, также увенчанной зубцами (рис. 57). Это здание, построенное, вероятно, из кирпича, отличается от Мусасирского храма и имеет характернейшие черты архитектуры Месопотамии.

Такие же архитектурные формы имеет и цитадель на Кармир-блуре. Высокие отвесные стены, покрытые глиняной обмазкой, расчлененные контрфорсами и имеющие угловые башни, напоминают по внешнему виду оборонительные сооружения крупных ассирийских городов.

Убранство внутренних помещений Кармир-блурской цитадели было очень простым; большинство комнат имело глиняную обмазку, иногда в виде декоративной имитации

---

[15] G. Loud, Ch. Altman, *Khorsabad*, II, Cambridge, Mass., 1939, Pl. 89.
[16] F. Thureau-Dangin et M. Dunand, *Til-Barsib*, I—II, Paris, 1936, tabl. XVI.
[17] E. Herzfeld, *Archaeological history of Iran*, London, 1935, p. 8; Х. Ф. Б. Линч, *Армения*, II, Тифлис, 1910, рис. 125.

кирпичей. Некоторые помещения украшались многоцветными коврами, циновками и висящими на стенах крупными бронзовыми предметами.

Вероятно, при дальнейших работах будут еще открыты урартские постройки со стенными росписями и украшениями из глазурованных кирпичей.

Панели с рельефами, подобные найденным в ассирийских дворцах, в Урарту неизвестны, хотя существование их вполне вероятно, на что указывают и обломки фриза из красного мрамора с резными изображениями, украшавшего некогда стены здания, находившегося в юго-восточной части древней крепости на Топрах-кале. Историки ассирийского искусства не раз уже указывали на то, что стенные рельефы, характерные памятники ассирийского искусства, тесно связаны с искусством так называемых горных народов Передней Азии, влияние которых отчетливо заметно и в культуре Ванского царства.

Строительная техника

В Урарту, как мы видели выше, существовали два основных вида строений, различающихся по стилю,— строения из отесанного камня и строения из сырцового кирпича. Первый вид зодчества, по-видимому, был связан с горными областями Малой Азии, второй же — со странами Месопотамии.

В Передней Азии с древнейших времен, начиная с энеолита, в строительстве применялся кирпич из глины, высушенный на солнце.

Как показывают археологические исследования урартских поселений и крепостей, постройки из сырцового кирпича были самым распространенным видом строительства, что отчетливо видно после раскопок на Топрах-кале, в Хайкаберде, на Арин-берде и на Кармир-блуре. Во всех этих местах, наряду с остатками сооружений из камней, имеется огромное количество развалин строений из кирпича.

Урартские кирпичи бывали различных размеров; в большинстве случаев они имели прямоугольную форму, но для перевязки швов в ряд прямоугольных кирпичей, в разной последовательности, клались кирпичи квадратной формы. В цитадели Тейшебаини прямоугольные кирпичи имели размеры: $51{,}8 \times 35 \times 14$ *см*, а квадратные: $51{,}8 \times 51{,}8 \times 14$ *см*. В основе размеров этих кирпичей лежал урартский локоть, равный 51,8 *см*.

В цитадели Эребуни кирпичи были иного стандарта. Их длина (47,4 *см*), по мнению К. Л. Оганесяна, указывает на другую единицу урартской линейной меры. Соответственно размерам кирпичей внешняя стена цитадели Тейшебаини достигала 3,5 *м*, т. е. возводилась в десять рядов кирпичей, а внутренняя — 2,1 *м*,— равнялась шести рядам. Урартские кирпичи отличались по форме и размерам от обычных ассирийских квадратных кирпичей со сторонами от 0,32—0,38 *м* при толщине в 0,06—0,10 *м*; более крупные ассирийские кирпичи применялись при сооружении платформы зданий, но и они по длине не превышали 0,44 *м*. Урарты при изготовлении кирпичей в глину примешивали рубленую солому, остатки которой хорошо видны в постройках Тейшебаини и Эребуни, пользовались деревянными формами; штампы с иероглифическими или клинообразными знаками, характерные для месопотамских кирпичей, на урартских кирпичах не обнаружены, но иногда попадаются какие-то знаки, видимо, прочерченные пальцем по сырой глине.

Работы по строительству из сырцового кирпича были сезонными, производились они обычно в самый разгар лета. Из ассирийских текстов известно, что в жаркий месяц Сиван приступали к выделке кирпичей, а в месяц Аб, «укрепляющем фундаменты»,— к сооружению построек.

Строения в большинстве случаев возводились с преувеличенным запасом прочности, что указывает на отсутствие архитектурных расчетов.

В некоторых случаях первоначально изготовлялась модель здания; возможно, что эти модели и изображены в ассирийских дворцах в сценах приношения даров. Там сре-

ди драгоценной утвари, оружия, мебели мы видим небольшие «крепости», умещающиеся на ладони. Вероятно, подношение этих моделей одновременно служило знаком выражения покорности, сдачи крепости.

Для сложных построек составлялись также планы с указанием размеров отдельных частей сооружения. Среди древних памятников Месопотамии до нас дошло несколько образцов таких планов.

В шумерском городе Лагаше (середина III тысячелетия до н. э.) были открыты две каменные статуи, изображавшие правителя Лагаша, Гудеа, в виде архитектора. На коленях статуй показаны палетки с лежащими на них резцами для нанесения изображений и линейками. На одной из палеток — план сложного крепостного сооружения. Линейка с делениями на коленях Гудеа представляет меру длины (локоть), разделенную на 16 частей; пять из них имеют более дробные деления (от двух до шести), самое мелкое деление — 1/96 локтя. В нижней части линейки это деление в свою очередь разделено на две и на три части, воспроизводя, таким образом, 1/288 часть локтя[18].

Древнемесопотамские архитектурные планы сохранились и на глиняных табличках различного времени; на некоторых из них клинописью обозначены размеры отдельных частей построек.

Но надо заметить, что эти архитектурные планы никогда не выполнялись в масштабе, а представляли лишь схематический, эскизный план строения. Вероятно, дальнейшие археологические работы на территории Ванского царства дадут нам и урартские планы этого же типа, так как перед постройкой производилась разбивка площади. И тогда при изучении остатков урартского строительства можно будет установить размер основной древней меры длины — локтя.

При обследовании Кармир-блура архитектор А. В. Сивков обратил внимание на то, что все тесаные камни имеют одинаковую высоту [примерно 0,52 (0,518) *м*] и равняются длине кирпичей. Это совпадение дало повод А. В. Сивкову предположить, что камни и кирпичи соответствуют величине урартской единицы измерения[19]. Многочисленные промеры отдельных основных частей построек (длина и ширина комнат, размеры выступов и др.) дали цифры, кратные 0,52 (0,518) *м*, доказывая таким образом, что урартский локоть был близок по длине к ниппурскому (0,518 *м*). Это наблюдение подтверждается и тем, что ниша «Дверь Мхера», один из основных культовых урартских памятников, в высоту имела 5,18 *м*, т. е. ровно десять локтей.

Особенно ценны результаты наблюдений А. В. Сивкова, установившего, что одна из основных линейных мер древнеармянских архитектурных памятников оказалась очень близкой к урартской: 0,518—0,525 *м*. Этим хорошо подтверждается культурная преемственная связь Армении и Урарту.

Кладка стен урартских построек обычно была массивной и состояла из нескольких рядов кирпичей.

Перекрытия строений делались в виде бревенчатого наката, засыпавшегося сверху землей. Потолок подземного помещения на Топрах-кале подтверждает именно эту технику перекрытия, там можно различить изображения как несущего бревна, так и наката.

В Луврском тексте рассказывается о том, что Руса в городе Улху выстроил дворец и потолок его соорудил из кипарисовых балок, дававших прекрасный запах, и когда ассирийские войска вступили в Улху, то они дворец разрушили, а длинные кипарисовые стволы перекрытия обтесали топорами и отправили вместе с другой добычей в Ассирию[20].

---

[18] Б. Б. Пиотровский и Н. Д. Флиттнер, *Техника древнего Двуречья* («Очерки по истории техники древнего Востока», М.— Л., 1940), стр. 52—53.

[19] А. В. Сивков, *Об основных линейных мерах Урарту и древней Армении* («Изв. Акад. наук АрмССР», 1944, № 1—2), стр. 83—88.

[20] B. Meissner, *Die Eroberung der Stadt Uthu auf Sargons 8. Feldzug* (ZA, XXXIV, 1922), Zeilen 211 und 217.

Материалы из раскопок Кармир-блура, обработанные архитектором К. Л. Оганесяном, позволили реконструировать две системы потолочных перекрытий, доживших в Армении до наших дней. Для них использовались балки из сосны, тополя, дуба и, редко, бука (определения А. А. Яценко-Хмелевского). Потолок первого типа состоял из стесанных с одной стороны балок, плотно положенных друг подле друга, поверх которых укладывались слой камыша, затем сучья и второй слой камыша; верхняя же часть потолка, т. е. поверхность крыши, состояла из плотно утрамбованной земли. Потолок второго типа отличался от первого только тем, что в нем сплошное бревенчатое перекрытие было заменено клеткой из поперечных балок и продольных жердей, через которые был виден нижний слой тростника. Такой потолок был в кладовых для вина, исследованных в 1949—1950 гг.

Но наряду с таким плоским перекрытием существовали также перекрытия коробовым сводом, представление о которых дают большие комнаты пещерных помещений «Ичкала» и «Нафт-кую» (Ванская скала). Это нас не должно удивлять, так как в Ассирии арки и сводчатые перекрытия не были редкостью.

Ассирийские своды, согласно Страбону, вследствие недостатка дерева, выполнялись без применения кружала. Сущность этого способа заключалась в том, что свод возводился из отдельных отрезков, клавшихся наклонно и опиравшихся на щековую стену (т. е. отдельными наклонными арками).

Дверные проемы урартских построек иногда также имели арочные перекрытия. Сами же двери были деревянными, одностворчатыми или двустворчатыми, и обивались металлическими пластинами. В надписях во дворце Саргона рассказывается, что двери были изготовлены из кипарисового и пальмового дерева, обшитого блестящей медью. Опорами дверей служили базальтовые блоки с углублением для дверной оси. А в помещениях цитадели Тейшебаини в проемах не были обнаружены углубления для дверной оси. По-видимому, в проем вставлялась деревянная рама, в которой дверь закреплялась, но рамы эти погибли при пожаре. И только в помещении № 28 (раскопки 1948 г.) были найдены остатки деревянной двери из толстых досок, скрепленных поперечными брусками и деревянными гвоздями. Около двери лежала часть запора, железная накладная петля, а в стену была вставлена балка с отверстием для задвижки.

Пол в помещениях цитадели в большинстве случаев земляной, утрамбованный, а в некоторых комнатах сложен из крупных сырцовых кирпичей, покрытых сверху слоем глины. В одном из помещений (№ 1) на такой обмазке были отчетливо видны отпечатки пальцев людей, выравнивавших поверхность пола.

Помещения, высеченные в скалах

Мастерство обработки камня в значительной степени было обусловлено жизнью урартов среди скалистых гор. Урартам постоянно приходилось врубаться в скалы, проводя в горах дороги или каналы, отвоевывая участки, пригодные для земледелия и строительства.

На Армянском нагорье почти на каждом шагу можно встретить следы изумительной работы древних каменотесов. Большие сглаженные поверхности скал, высеченные площадки, лестницы, террасы для насаждений (как в крепостях Бостанкая и Мазгерда) и гигантские ступени, достигающие иногда одного метра высоты, красноречиво свидетельствуют о том, что работа над камнем была для урартов привычной. Огромные ступени вызвали в научной литературе ряд разноречивых мнений, получив даже название «иррациональные лестницы».

Леонард, изучивший подобные памятники в Пафлагонии, высказывал предположение, что эти ступени имели культовое значение и считались ступенями лестниц, ведущих к трону божества, находящегося на горе. Леман-Гаупт разделял мнение Лео-

нарда, хотя некоторым памятникам этого рода он приписывал и практическое значение[21].

Изучение древних крепостей показывает, что эти ступени имели в большинстве случаев строительное значение: на них возводилась кладка стен крепости или укладывались камни облицовки. Таково назначение ступеней Ванской скалы, Топрах-кале и Хайкаберда. И. А. Орбели по этому поводу писал: «Если же стену предстояло класть на склоне горы, то высекались соответственные ступени в виде лестницы, для каждого ряда кладки по ступеньке, то в ширину всего ряда кладки, то весьма узкие, так что камень ложился на ступень только одним своим краем; вследствие этого склоны всех трех указанных возвышенных пунктов,— Топрах-кале, пожалуй, менее других,— сплошь покрыты такими ступенями, которые на южной стороне Ванской скалы тянутся на головокружительной высоте; тут, кстати, над самым обрывом видна и халдская башня, еще стоящая на этих ступенях; ступени прекрасно видны и на северном склоне скалы Ванской цитадели, в этой части особенно пострадавшей. Эти ступени — ценный материал, на основании которого можно восстановить и направление стен и их конструкцию»[22].

Если эти высеченные в скалах лестницы, оказывается, имели строительное назначение, то к памятникам культового характера можно отнести ниши, высеченные в скале, на внутренней поверхности которых вырезался клинописный текст религиозного или реляционного содержания. Эти ниши назывались урартами «воротами бога» и обозначались в клинописи идеограммой *ворота*[23]. Они бывали больших размеров. Так, знаменитая ниша «Дверь Мхера», содержащая религиозный текст Ишпуини и Менуа, как уже указывалось, достигала высоты 51,8 *м*; к ней вела лестница, а у подножия скалы было устроено подземное помещение культового назначения.

В горах между озерами Ван и Урмия, неподалеку от сел. Салхане, на р. Каперсу, находится вторая ниша этих же урартских царей («Дверь Ашрута»), также с религиозным текстом; она имеет вид прямоугольника высотой 4,10 *м* и шириной 2,61 *м*; к нише ведет лестница из семи ступеней[24].

В Мазгердской крепости, в нише, где помещена клинообразная надпись Русы II, есть дверь, ведущая в обширное помещение, высеченное в скале[25]. Надо указать, что ниша в Мазгерде не прямоугольной формы, а имеет в верхней части закругление, в чем усматривалось западное влияние[26]. Но для такого предположения у нас нет никаких оснований, так как полуциркульную арку имело здание, изображенное на бронзовой пластинке, а также ниши северного склона Ванской скалы, в которых были установлены каменные стелы с летописью Сардури, сына Аргишти. По своим размерам эти памятники были очень внушительными: правая ниша со стелой достигает 8,19 *м* высоты при ширине 2,52 *м*, а левая, без стелы, имела высоту около 6,50 *м* и ширину 2,74 *м*.

Среди урартских памятников, связанных с обработкой скал, особой славой пользуются искусственные пещеры и обширные помещения, высеченные в Ванской скале. Подробное описание их было приведено еще Шульцем, а план Хорхорской пещеры опубликован Лэйардом. Много внимания помещениям Ванской скалы уделили в своих записках о путешествии Тозер и Мюллер-Симонис[27]. Планы и разрезы основных пещерных помещений приведены Леман-Гауптом[28], но они очень неточны. Искажены не толь-

---

[21] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, p. 624.

[22] Н. Я. Марр и И. А. Орбели, *Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван*, Пг., 1922, стр. 10.

[23] Ср. надписи 16 и 18 (ClCh); в первом случае слово *надпись* передано идеограммой *BAB*, во втором — фонетически *susie*.

[24] D. H. Müller, *Die Keilinschrift von Aschrut-Darga* (DWAW, XXXVI, 1888), tabl. II, III.

[25] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 70.

[26] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 627.

[27] F. H. Tozer, *Turkish Armenia and Eastern Asia Minor*, London, 1881, S. 247; p. Müller — Simonis, K. Hyvernat, *Du Caucase au golfe Persique*, Paris — Lyon, 1892, p. 246.

[28] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 120—132; 143—153.

ко высоты отдельных комнат, но и их расположение; описание, сопровождающее чертежи, также содержит неправильности, объясняемые тем, что Леман-Гаупт при выполнении чертежей и описаний пользовался чужими обмерами и сведениями. В 1916 г., во время работ экспедиции Русского археологического общества в Ване, архитектор П. Е. Княгницкий произвел детальные обмеры всех помещений, высеченных в Ванской скале[29]. Планы и разрезы искусственных пещер, приводимые мной, выполненные на основании этих очень точных обмеров, дают не только новый материал, но и в значительной мере уточняют и корректируют ранее известный.

Наиболее замечательные искусственные пещеры находятся на южной стороне Ванской скалы. В юго-западной ее части расположена группа из трех помещений, высеченных в скале, известная как «Хорхорские пещеры», а в научной литературе называемая «комнатами Аргишти». С верхней площадки скалы к пещерам вела лестница, ныне сильно разрушенная.

Первое из помещений этой группы представляет небольшой грот с каменной скамьей, из которого открывается вид на южное и юго-восточное побережье Ванского озера.

Справа от входа в грот скала тщательно сглажена и имеет довольно глубокую нишу, в которой некогда находилась плита из камня или металла, покрытая клинописью. Возможно, текст этой плиты был началом большой клинообразной надписи, высеченной на скале справа от ниши. Надпись, составляющая восемь столбцов, является одним из важнейших урартских эпиграфических текстов; она содержит описание событий четырнадцати лет царствования Аргишти, сына Менуа (так называемая Хорхорская летопись). Три столбца надписи помещены на скале, над лестницей, ведущей к главной пещере, а остальные пять — ниже, перед пещерой и над входом в нее.

Эстампаж с этой большой и труднодоступной надписи был снят впервые Дейроллем еще в 1870 г.

Вход, обрамленный текстом летописи, ведет в обширный, высеченный в скале зал (рис. 58) вышиной 3,5 *м*, с плоским потолком, около 10,5 *м* длины и 6 *м* ширины. Стены зала имеют десять ниш, наподобие окон, и вырезанные фигуры (глубиной 0,01 *м*) в виде квадратов с вогнутыми во внутрь сторонами (шириной 0,31 *м*), с глубокими углублениями в центре, которые были, вероятно, заполнены плитками из цветного камня или металла; высказывалось также предположение, что в углубления вставлялись металлические светильники.

В левом углу длинной стены высечены ступеньки, служившие, по мнению Шульца, для размещения каких-то предметов. В полу, около средней части стены, под двумя нишами, имеются два углубления (глубиной 0,02—0,03 *м*), первое — прямоугольное (2,07×2,60 *м*), второе — квадратное (со сторонами 1,11 *м*).

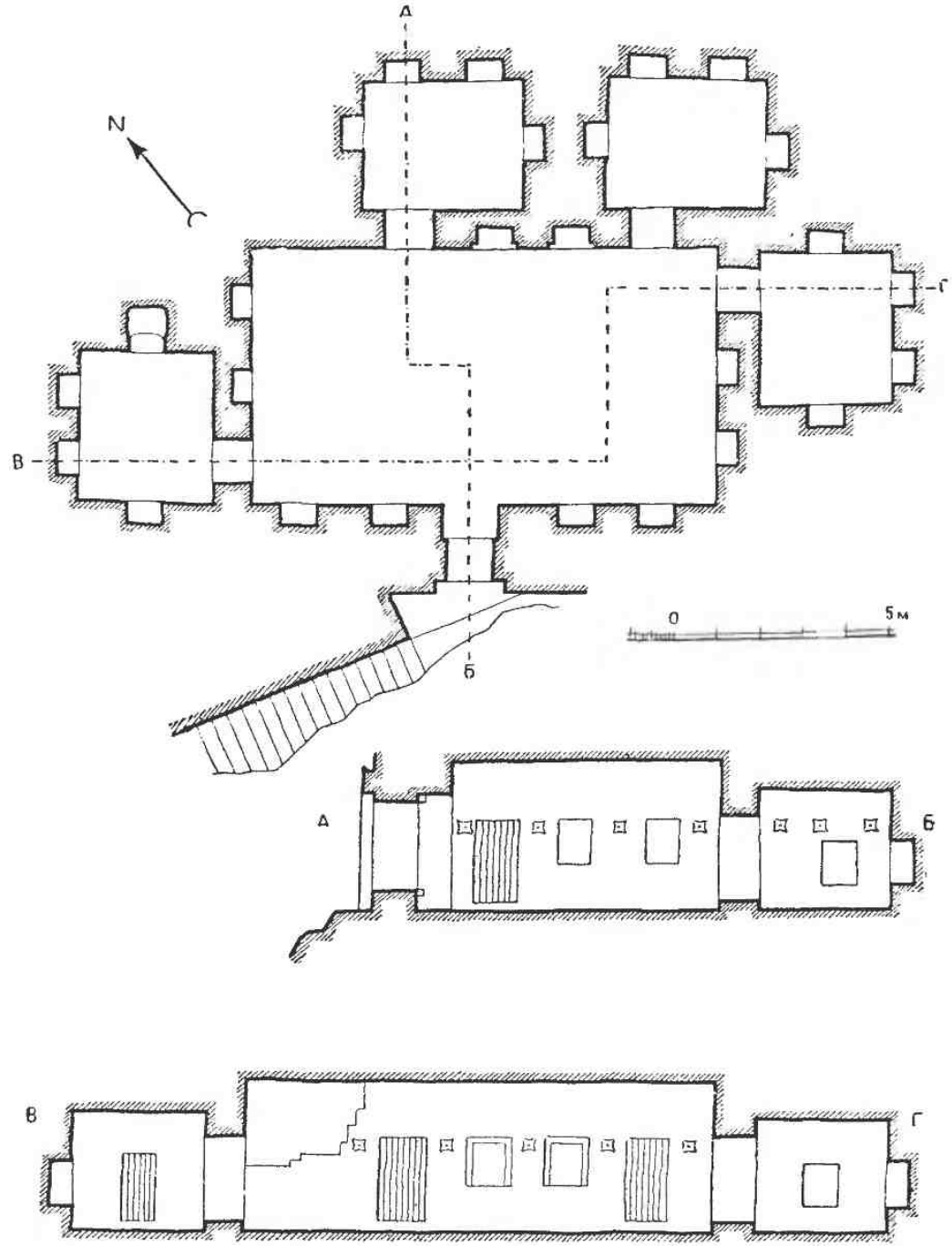
К большому залу примыкают четыре комнаты, не связанные друг с другом и имеющие в стенах ниши, подобные тем, что в центральном зале.

В северо-западной комнате обнаружен колодец, забитый щебнем. Было высказано предположение, что он был подземным ходом к воде или же связывал помещение с третьей из хорхорских пещер, находящейся непосредственно под большой пещерой. К малой Хорхорской пещере вела лестница, начинавшаяся от грота, ныне почти совершенно разрушенная. Малая Хорхорская пещера (рис. 59) состоит из продолговатого зала длиной 12,68 *м*, шириной 2,90—3,09 *м* и высотой около 2,10 *м*. В северной стене зала высечены четыре крупные ниши, пол которых возвышается над полом основного помещения примерно на 0,20 *м*.

Из всех пещер Ванской скалы верхняя Хорхорская пещера пользовалась наибольшей известностью, ее подробно описали Шульц и Лэйард.

Вторая большая группа искусственных пещер находится в средней, самой высокой части скалы, неподалеку от надписи Ксеркса. Здесь в скале вырублена большая площадь, открытая с южной и восточной сторон, с запада и севера ограниченная высокими

[29] Материалы П. Е. Княгницкого обработаны архитектором А. В. Сивковым



58. Большая Хорхорская пещера. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

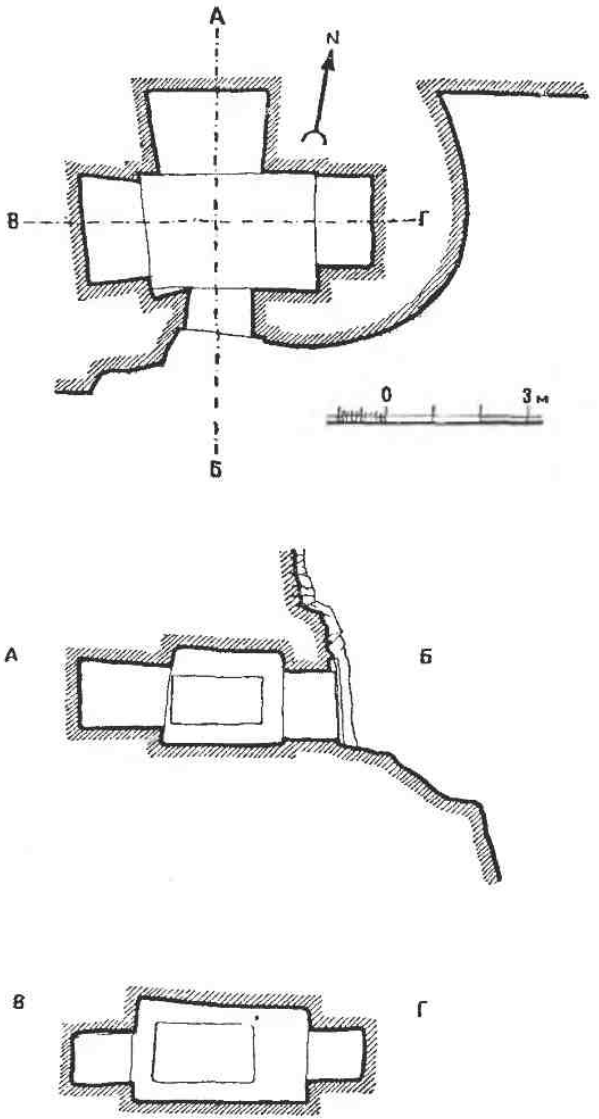
2,71 *м*), и в северо-восточной стене у нее есть возвышение в 0,87 *м*, на которое ведет лестница из трех ступеней. В возвышении вырезано правильной формы углубление (длиной 1,67 *м*, шириной 0,88 *м*), а под ним, в стене, круглые отверстия диаметром 2 *см*, в которых, по-видимому, закреплялись украшения стены; такие отверстия имеются и во втором большом зале. Пещера «Ичкала» сохранилась хуже других, она вся покрыта трещинами, и только при внимательном осмотре можно заметить тщательно выполненную древнюю отеску и шлифовку ее стен.

Ниже площадки, куда выходят пещеры «Нафт-кую» и «Ичкала», находится еще одна искусственная пещера, состоящая из зала не совсем правильной формы (длиной 3,44—3,71 *м*, шириной 1,92—2,02 *м*, высотой около 2 *м*), с тремя глубокими нишами, также неправильными в плане (рис. 61).

Восточнее описанных пещер, неподалеку от Тавризских ворот, ведущих в цитадель, находится еще одна группа комнат, высеченных в скале, которую ванцы называли «Большой пещерой» (рис. 63).

Перед пещерой высечена обширная площадка, на которую сверху вела величественная лестница шириной около 2 *м*, от которой сохранилось 25 ступеней. Фасад пещеры тщательно сглажен и имеет карниз в виде уступа; к двери ведет лестница, по бокам которой, по линии фасада, сделан уступ (завалинка) шириной 0,65 *м*. Дверь открыта в большой зал (длиной 9,34—9,42 *м*, шириной 6,17—6,18 *м*, высотой 5,95—5,99 *м*). К залу примыкают три другие комнаты, две боковые — вытянутой формы с дверьми в длинной стене[20], и третья, расположенная против входа, с возвышением в западной стене, на которое ведет лестница.

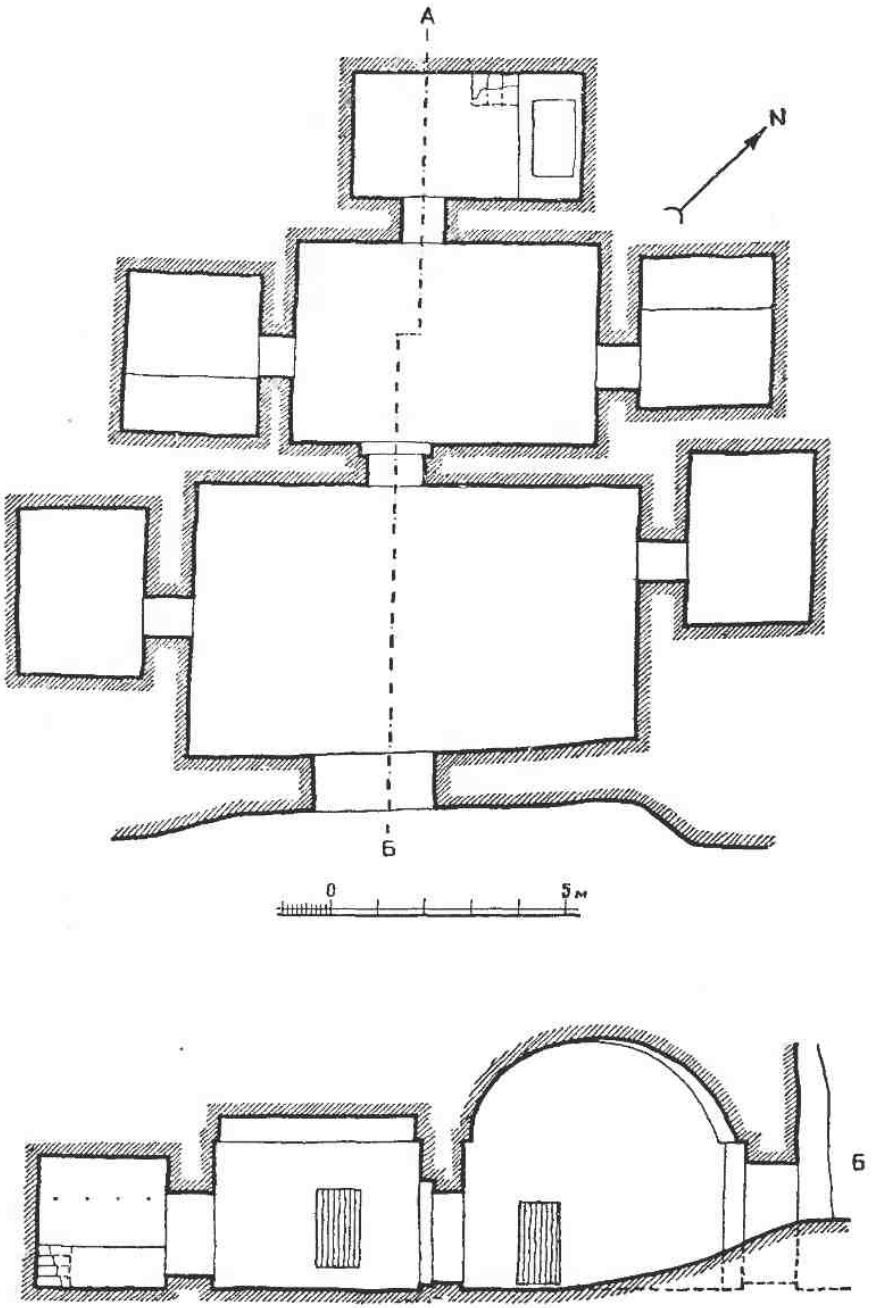
На северном склоне Ванской скалы есть только одна искусственная пещера (рис. 66), представляющая обширный зал (длиной 20,46 *м*, шириной 7,81—7,95 *м*, высотой 2,53 *м*), с широким входом (8,48 *м*), в проеме которого помещена клинообразная надпись Менуа, сына Ишпуини (рис. 64).



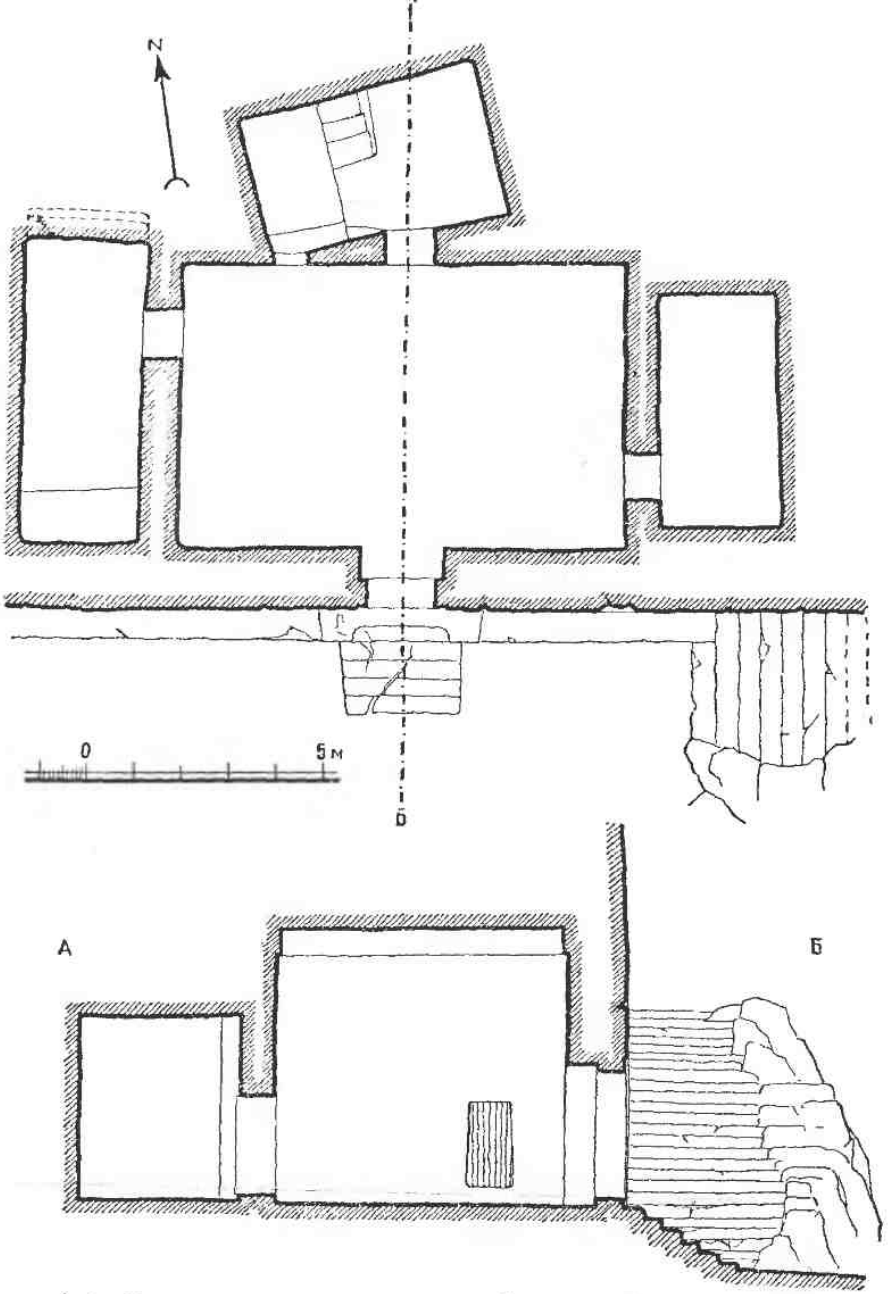
61. Пещера под верхней площадкой Ванской скалы. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам Н. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

Относительно назначения этих искусственных пещер до сих пор еще нет единого мнения. Моисей Хоренский, описывая строительство Шамирам в Ване, рассказывает,

[20] На плане «Большой пещеры», приведенном Леман-Гауптом, расположение и размер комнат даны неправильно (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 150).



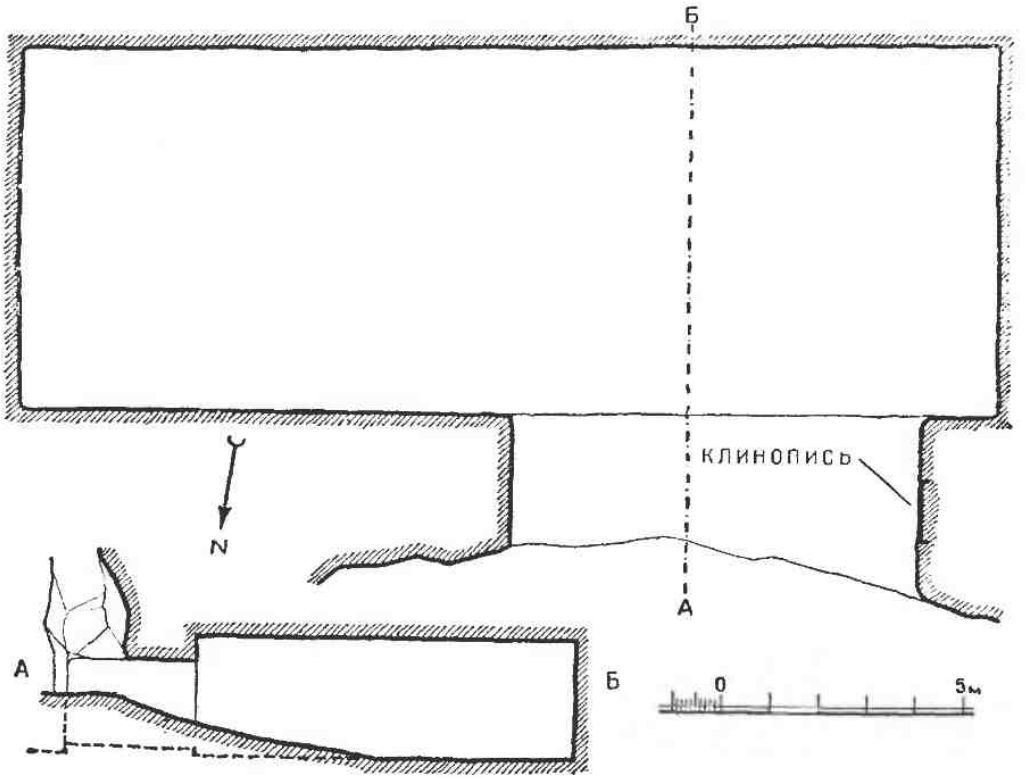
62. Пещеры «Ичкала». План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Княгницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)



63. «Большая пещера» на юго-восточной стороне Ванской скалы. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Кияпицкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

что в твердой скале были высечены «различные дворцы, покои с почивальнями, казнохранилища» (I, 16). Леман-Гаупт сначала отвергал предположение, что они служили гробницами урартских царей, но потом стал склоняться к этому мнению. Возможно, искусственные пещеры могли быть различного назначения и что среди них есть как помещения религиозно-культового назначения (храмы), так и погребального.

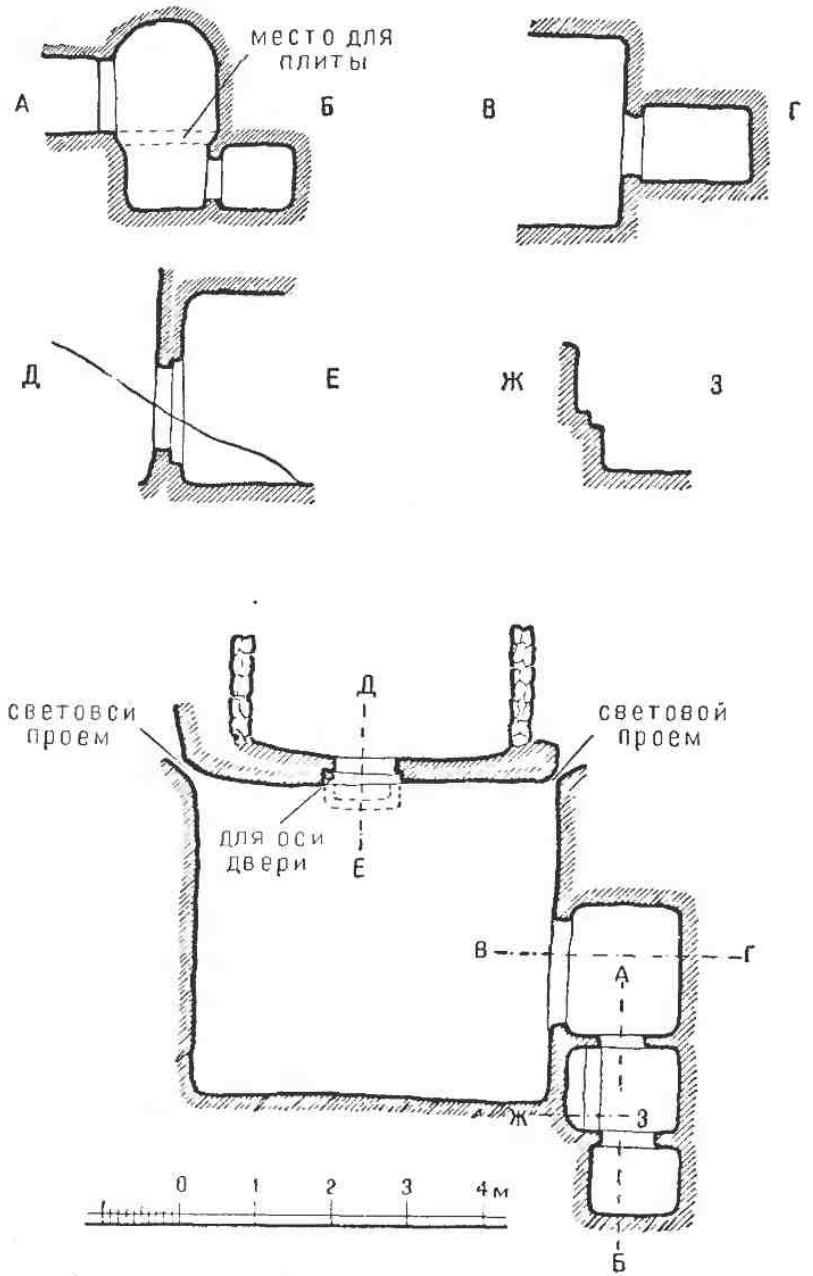
К числу погребальных относится комплекс скальных помещений, открытых в 1916 г. А. Н. Казнаковым в Ванской крепости, около арсенала [31] (рис. 65). Проем с углублением для дверной оси во внутренней его части вел в квадратное помещение



64. Пещера на северном склоне Ванской скалы. План и разрез. (Чертежи А. В. Сивкова по обмерам П. Е. Киятницкого. Материалы экспедиции Русского археологического общества в Ван. 1916 г.)

около 20 *кв. м* площадью и высотой в 2,55 *м*. В левой от входа стене помещения на некоторой высоте от пола находился вход в две небольшие комнаты. Первая из них, прямоугольная в плане (длиной 4,76 *м*, шириной 1,42 *м*, высотой 0,95 *м*), в которой можно передвигаться только ползком, имела плоский потолок, а следующая — куполообразный. Вторая комната оказалась весьма интересной; на уровне пола соседней комнаты она имела вырез для закрепления плиты, служившей ей полом и перекрывавшей подполье, из которого вел ход в небольшую камеру (шириной 1,07 *м*, высотой 0,85 *м*), принятую исследователем за тайник. Характер этих небольших помещений позволяет присоединиться к мнению А. Н. Казнакова, считавшего описанную им ванскую искусственную пещеру погребальной. Саркофаг в ней находился, по-видимому, в подполье,

[31] А. Н. Казнаков, *Пещера с тайниками в Ванской цитадели* («Изв. Кавказского музея», XI, 1—2, 1917), стр. 28—32, табл. I и II.

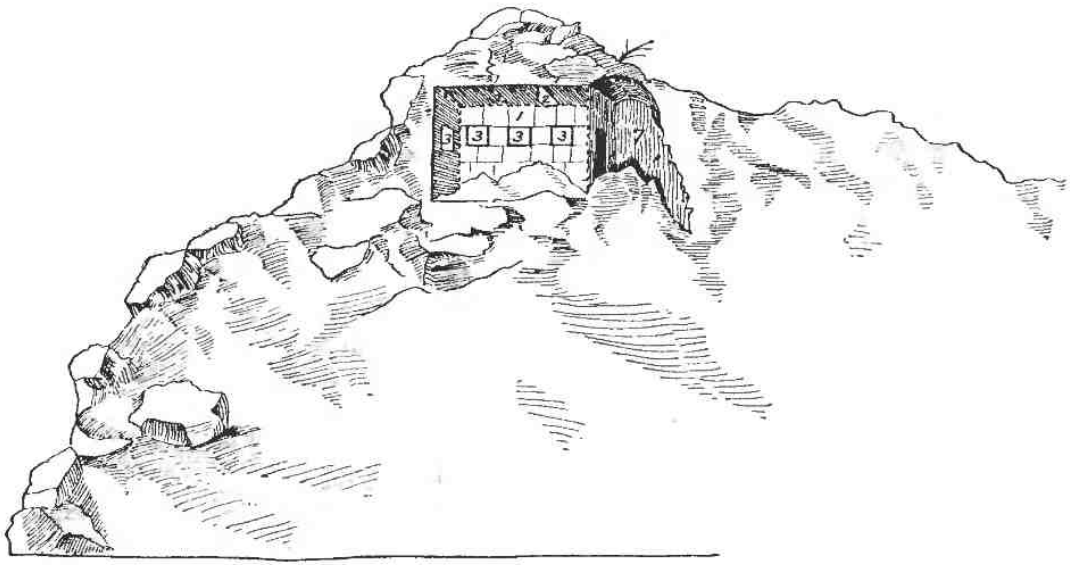


65. Пещера около арсенала. План и разрезы. («Известия Кавказского музея», XI, 1—2, табл. I и II.)

в то время как в «Большой пещере», «Ичкала» и «Нафт-кую» саркофаги могли устанавливаться на возвышениях.

Иранские и малоазийские аналогии к этим урартским памятникам подкрепляют предположение о том, что ванские пещеры служили гробницами.

В середине XIX в. на правом берегу Аракса, напротив поста Алишар (ныне Нахичеванская АССР), была случайно открыта гробница, высеченная в скале, относящаяся к урартскому времени [32]. Она состояла из двух помещений: небольшой передней комнаты с потолком в виде коробового свода и погребальной камеры с плоским потолком и прямоугольными нишами в стене (рис. 66). В этой гробнице были найдены несомненно



66. Могила в скале у поста Алишар. (По рисунку в письме. Архив Гос. Эрмитажа, опись I, 1858, № 62.)

урартские бронзовые изделия — фигурки птицы с человеческим торсом и головка быка, служившие украшениями котлов. Оба эти предмета поступили в 1859 г. в Эрмитаж.

Подземное помещение в северо-западной части Топрах-кале несколько отличается от описанных помещений Ванской скалы и представляет, возможно, пещерный храм.

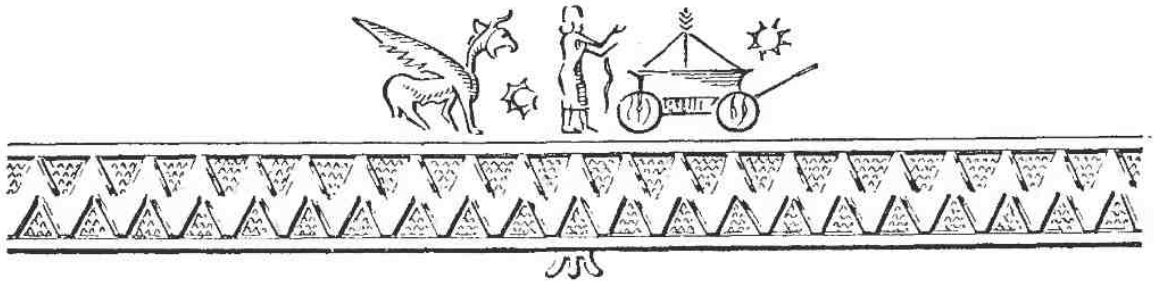
С поверхности Топрах-кале по крупным ступеням можно спуститься на площадку, откуда вход ведет в подземное помещение. Чтобы попасть туда, надо пройти наклонный коридор (шириной 2 *м* и высотой 2,75—3 *м*), имеющий лестницу в 56 ступеней. Небольшие световые отверстия освещают большую комнату, высеченную в скале и имеющую в полу прямоугольное углубление, которое Леман-Гаупт считал бассейном.

Леман-Гаупт, описывая пещерные помещения Вана, связывает их с аналогичными памятниками Малой Азии (Пафлагонии, Фригии), Греции и Палестины и видит в этом еще один довод, подкрепляющий положение о западном происхождении урартов. Рассматривая связь палестинских гротов с урартскими, Леман-Гаупт указывает на разницу их планов. В палестинских гротах, часть которых Бранденбург относит ко времени около 1300 г. до н. э., мелкие комнаты группируются вокруг второго большого зала, а не первого, как в большинстве ванских пещер. Только в «Ичкала» имеются два зала,

[32] «Архив Государственного Эрмитажа», оп. 1, 1858, № 62.

из чего Леман-Гаупт сразу же делает вывод о том, что «Ичкала» относится к более раннему, доурартскому периоду, а это вряд ли можно считать правдоподобным.

Правильно сопоставляя ванские искусственные пещеры с малоазийским материалом и приводя сравнительный материал по пещерным помещениям Египта, Этрурии, Греции, Финикии и Палестины, Леман-Гаупт совершенно игнорирует большой иранский материал, близкий к урартскому по времени. Но, несмотря на все это сходство, пещерные помещения Вана имеют много самобытных черт, связанных с урартской наземной архитектурой, и помогают нам даже в некоторой степени ее реконструировать. Так, потолки пещерных залов, как было указано, воспроизводят потолки урартских построек — плоское перекрытие бревенчатым накатом или же коробовые кирпичные своды.



ГЛАВА XII

РЕЛИГИЯ

При изучении религии Ванского царства мы располагаем двумя основными видами источников.

Первый из них — урартские клинообразные надписи, второй — изобразительные памятники, в которых нашла отражение не только официальная урартская религия, но и народные верования, не упоминаемые в клинописных текстах. Поэтому только совместное изучение этих двух видов источников может дать правильное представление о религии Ванского царства в целом.

Сведения клинообразных надписей весьма ограничены: в них называются имена богов, рассказывается о сооружении храмов, перечисляются жертвоприношения.

Тексты собственно религиозного характера, как мифы, молитвы, магические заклинания, нам еще неизвестны. Культовые предметы и изображения дополняют сведения письменных источников и открывают некоторые стороны религии, о которых умалчивается в надписях.

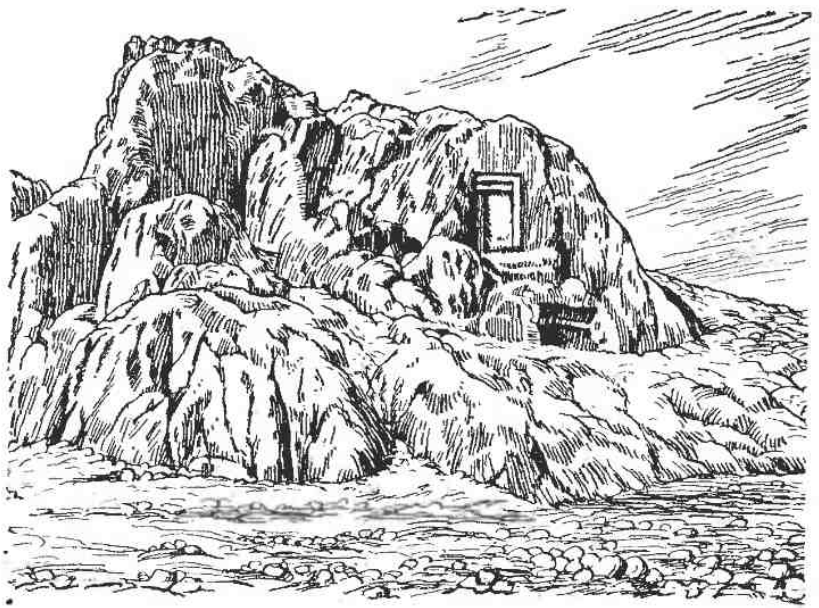
Урартские клинописные тексты в начальных строках содержат обычно обращение к богу или к богам. На их основании можно заключить, что главным урартским богом был Халди, к которому обращено громадное большинство надписей. Сведения о военных победах урартов принимают часто форму реляции царя богу Халди.

Во многих клинообразных надписях наряду с именем Халди упоминаются имена богов Тейшебы и Шивини, выделявшихся вместе с Халди из среды остальных богов. Они представляют для нас исключительный интерес, так как сочетание трех указанных богов отображает культурно-исторические связи Урарту.

Дело в том, что для Тейшебы (бог бури и войны), тесно связанного с малоазийским богом Тешубом, так же как и для Шивини (бог солнца), в урартском письме использованы ассирийские идеограммы богов Адада и Шамаша, в то время как имя Халди всегда выписывается фонетически. Из этого факта можно заключить, что бог Халди был местным, исконным урартским богом, по всей вероятности, богом одного из племен, вошедших в Урартское государство. Очень вероятно, что он приобрел свое исключительное значение еще до введения в Ванском царстве ассирийской письменности.

С этим исконным урартским богом были связаны Тейшеба, малоазийский (хурри-то-хеттский) бог, и Шивини, воспринявший символы месопотамской (ассиро-вавилонской) области. Таким образом, эти три бога в некоторой мере отражают три культурно-этнических элемента в религии Ванского царства.

Следует отметить, что бог Халди почитался также и в пограничных районах Ассирии. На это указывают такие ассирийские теофорные имена, как Халди-насир (Халди-хранитель), Халди-ибни (Халди создал), Халди-этир (Халди спас), Халди-илаи (Халди — мой бог) и др., обнаруженные в деловых документах и письмах[1].



67. «Дверь Мхера». Ниша с клинообразной надписью и пещера, высеченные в скале гряды Зымзымдаг около Вана (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 59.)

Среди лапидарных надписей из Ванского царства особое значение для изучения урартской религии представляет надпись в нише скалы около Вана (рис. 67), так называемая «Мхер-Капуси» («Дверь Мхера», CICh, 18), повторенная дважды и с незначительными вариантами.

В этом тексте, восходящем к концу IX в., приводится перечень имен урартских богов с указанием полагавшихся им жертв (быков, коров, овец), ярко иллюстрирующий связь официальной религии Ванского царства с его государственной структурой. В состав урартского пантеона вошли также боги завоеванных областей и городов, боги соседних народов и боги, связанные с тотемистическими и анимистическими представлениями.

Далее приводятся имена богов с указанием приносимых им жертв:

1. Халди — 17 быков, 34 овцы.
2. Тейшеба — 6 быков, 12 овец.
3. Шивини — 4 быка, 8 овец.
4. Хутуини — 2 быка, 4 овцы.
5. Турани — 1 бык, 2 овцы.
6. Уа — 2 быка, 4 овцы.
7. Налаини — 2 быка, 4 овцы.
8. Шебиту — 2 быка, 4 овцы.
9. Арсимела — 2 быка, 4 овцы.
10. Ананша — 1 бык, 2 овцы.
11. Дидуаини — 1 бык, 2 овцы.
12. Шеларди — 1 бык, 2 овцы.

[1] АВИУ, № 80.

13. Оружию бога Халди — 1 бык, 2 овцы.
14. Атбини — 1 бык, 2 овцы.
15. Куера — 1 бык, 2 овцы.
16. Элипри — 1 бык, 2 овцы.
17. Тараини — 1 бык, 2 овцы.
18. Адарута — 1 бык, 2 овцы.
19. Ирмушини — 1 бык, 2 овцы.
20. ILU aluše urulilinc šiuali — 1 бык, 2 овцы.
21. Алаптушини — 1 бык, 2 овцы.
22. Эриша — 1 бык, 2 овцы.
23. Шипири — 1 бык, 2 овцы.
24. Уишпа — 1 бык, 2 овцы.
25. Аираини — 1 бык, 2 овцы.
26. Зузумару — 1 бык, 2 овцы.
27. Хара — 1 бык, 2 овцы.
28. Араза — 1 бык, 2 овцы.
29. Зиукуни — 1 бык, 2 овцы.
30. Ура — 1 бык, 2 овцы.
31. Арцибедини — 1 бык, 2 овцы.
32. Арии — 1 бык, 2 овцы.
33. Халдиево inirïašie — 1 бык, 2 овцы.
34. Халдиево alsuïšie — 1 бык, 2 овцы.
35. Халдиево dirušie — 1 бык, 2 овцы.
36. Воинство бога Халди — 2 быка, 4 овцы.
37. Воинство бога Тейшебы — 2 быка, 4 овцы.
38. Артухарасау — 2 быка, 34 овцы.
39. Бог города Арда, т. е. Мусасира, — 1 бык, 2 овцы.
40. Бог города Кумену — 1 бык, 2 овцы.
41. Бог города Тушпы — 1 бык, 2 овцы.
42. Боги города Халди — 1 бык, 2 овцы.
43. Боги города Арцуниуини — 1 бык, 2 овцы.
44. Халдиево dašie — 1 бык, 2 овцы.
45. Шуба — 1 бык, 2 овцы.
46. Ворота бога Халди — 1 бык, 2 овцы.
47. Ворота бога Тейшебы города Эридиа (Ирдиа) — 1 бык, 2 овцы.
48. Ворота бога Шивини города Уишпи — 1 бык, 2 овцы.
49. Элиаха — 1 бык, 2 овцы.
50. Халдиево arnie — 1 бык, 2 овцы.
51. Халдиево ušmašie — 1 бык, 2 овцы.
52. Боги susi Халди — 1 бык, 2 овцы.
53. Талапура — 1 бык, 2 овцы.
54. Килибани — 1 бык, 2 овцы.
55. Бог стран (может быть, земли) — 1 бык, 2 овцы.
56. Бог границ (гор) — 1 бык, 2 овцы.
57. Бог озер (морей) — 1 бык, 2 овцы.
58. Боги... атхананау — 2 быка, 14 овец.
59. Бог... — 2 быка, 14 овец.
60. ILANI Gamrnti — 4 быка, 18 овец. (всем богам).
61. Халдиевому niriblе — 4 овцы.
62. Ворота бога Уа города Ниши... — 2 овцы.
63. Горы — 10 овец.
64. Арубаини — корова, овца.
65. Хуба — корова, овца.
66. Тушпуеа — корова, овца.
67. Ауи — корова.
68. Аиа — корова.
69. Сарди — корова.
70. Цинуарди — 2 овцы.
71. Ипхари — 2 овцы.
72. Барциа — овца.
73. Силиа — овца.
74. Арха — овца.
75. Адиа — овца.
76. Уиа — овца.
77. Аинау — 4 овцы.
78. Арди — 2 овцы.
79. Инуанау — 17 овец.

Весьма важные и интересные наблюдения над этим текстом были сделаны Г. А. Меликишвили[2]. Ему с достаточной убедительностью удалось не только выделить божества, олицетворяющие мужское начало (1—63), и божества, олицетворяющие женское начало (64—79), но также установить верховную триаду богов.

В перечне божеств бог Халди занимает первое место и ему приносится наибольшая жертва.

В Урарту в жертву приносились животные; у нас нет сведений о растительных жертвоприношениях, как в Египте. В одной из кладовых Кармир-блура (№ 26) было обнаружено громадное количество пережженных костей крупного и мелкого рогатого скота[3]. Обработка их, произведенная С. К. Далем, установила, с одной стороны, отсутствие костей черепов и нижних частей конечностей, а с другой — наличие костей молодых особей (в возрасте нескольких дней), употребление которых в качестве пищи было бы весьма нерациональным. Вероятно, эта масса костей являлась остатками жертвоприношения. С этим согласуется отсутствие черепов и нижних частей конечностей, остающихся при шкуре жертвенного животного, что иллюстрируется большим этнографическим материалом. Наличие костей молодых особей также соответствует жертвенным ритуалам, по которым обязательны приношения молодых, недавно родив-

[2] Г. А. Меликишвили, *К интерпретации урартской надписи Мхер-Капуси* («Сообщения Акад. наук ГрузССР», XIV, 1953), стр. 175; Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, Тбилиси, 1954, стр. 365—375.

[3] «Кармир-блур», II, стр. 23.

шихся, телят, козлят и барашков. Об этом говорится в вавилонских и ассирийских ритуальных текстах.

Есть основания полагать, что в Ванском царстве, кроме обычных жертвоприношений, существовали и человеческие жертвоприношения, на что как будто указывают и некоторые тексты.

При раскопках одного участка Топрах-кале было найдено большое количество костей животных и людей, причем у человеческих костяков отсутствовали черепа. Леман-Гаупт высказал предположение, что тут складывались трупы принесенных в жертву богу Халди людей, головы которых хранились в особом месте[4]. Урартские памятники подтверждают существование человеческих жертвоприношений. На урартской печати, принадлежащей К. В. Тревер и происходящей из Хайкаберда, изображен жертвенник, около которого лежит обезглавленное человеческое тело; тщательно отмеченные ребра дают основание полагать, что с туловища содрана кожа.

В Ванском царстве богу Халди были посвящены многие храмы, о чем свидетельствуют посвятительные клинообразные надписи, вырезанные на базах колонн из храмов.

О существовании храма бога Халди в Мусасире подробно рассказывается в ассирийских источниках.

Супругой бога Халди, верховной богиней урартского пантеона, была Арубани (Арубаини, Уарубани)[5], имя которой в нескольких надписях встречается рядом с именем Халди.

Возможно, что богиня Арубани изображена на золотом медальоне, найденном на Топрах-кале, и на серебряном медальоне из Кармир-блура; весьма вероятно также, что бронзовая статуэтка сидящей женщины, хранящаяся в Государственном историческом музее Армении, и изображение богини на пекторали Берлинского музея являются изображениями этой богини[6].

Раньше супругой верховного урартского бога считалась богиня Багбарту (возможно чтение Багмашту).

В тексте Луврской таблички говорится, что Саргон послал своих приближенных и начальников отрядов в храм Халди и что там были захвачены (речь, по-видимому, идет о статуях): «Халди, его (т. е. Урзаны.— *Б. П.*) бог, и Багбарту, его богиня, с многочисленными богатствами его храма» (368) и «драгоценности Халди и Багбарту, его супруги» (391). Можно думать, что с Багбарту были связаны также храмовые оракулы, так как, согласно тексту Луврской таблички, в Мусасирском храме хранилось «золотое кольцо с печатью, предназначенное подтверждать решения Багбарту, супруги Халди» (385).

О богине Багбарту мы знаем только по ассирийским источникам; в урартских письменных памятниках, дошедших до нас, не упоминается даже ее имя. По-видимому, прав Г. А. Меликишвили, считающий Багбарту божеством Мусасира[7], но его утверждение, что Мусасир был древнейшим центром почитания бога Халди, требует еще дополнительных обоснований. Очень важно, что после присоединения Мусасира к Урарту главным божеством той области стал Халди, а местное божество — Багбарту — заняло место его супруги.

Бог Халди изображается в человеческом облике стоящим на льве (рис. 68), атрибуты и символы этого божества нам неизвестны. Не исключена возможность, что символом Халди являлся крылатый солнечный диск (ассирийский знак Ашура и Шамаша), но мне кажется более вероятным, что крылатый диск олицетворял бога солнца — Шивини.

---

[4] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 476.

[5] Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, стр. 371.

[6] Б. Б. Пиотровский, *Урартская бронзовая статуэтка Государственного музея Армении* («Советская археология», VI, 1940), стр. 89; G. R. Meyer, *Ein neuentdeckter urartäischer Brustschmuck* («Das Altertum», I, 4, Berlin, 1955), S. 205.

[7] Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, стр. 161.

Неясна также и этимология имени Халди; были высказаны предположения, что в основе его имени лежит корень hal, означающий в языках западного Закавказья *небо*, и тогда имя главного урартского бога будет означать *небесный*[8].

В урартской религии бог Халди имел ряд форм (ипостасей), что является характерным для всех древневосточных религий. В надписи «Мхер-Капуси» приведено несколько имен божеств, связанных с именем Халди (по списку 13, 33, 34, 35, 36, 42, 44, 46, 50, 51, 52).

Такие олицетворения Халди, как Haldini al uišie и Haldini ušmašie, невольно заставляют поставить вопрос о правильности обычного понимания эпитетов бога Халди,

68. Бог Халди. Изображение на бронзовом поясе. Кармир-блур. Исторический музей Армении

69. Бог Тейшеба. Изображение на бронзовом поясе. Кармир-блур. Исторический музей Армении

встречающихся в лапидарных надписях. И не будет ничего удивительного, если эти эпитеты окажутся обозначением различных форм (ипостасей) главного божества урартов.

В религиозных представлениях урартов бог Халди обычно имел облик воина; он благославлял царя на выступление в поход, он помогал ему одерживать победы над врагом. И не случайно в Мусасирском храме отчетливо выступал культ копья и щита. Копьем увенчан фронтон храма, копья помещены по обеим сторонам входа, около статуй «великих привратников», а щиты развешаны на стенах и колоннах фасада, да и сам храм назывался «домом щита».

Указывалось на то, что культ щита связывал Ванское царство со Средиземноморьем, где он принял особенно четкие формы (Крит, Этрурия, архаическая Греция), в то время как в восточной части Передней Азии этот культ играл меньшую роль, и там его место занял культ пояса, семантически тесно связанный с культом щита.

В перечне богов из «Мхер-Капуси» упоминаются ворота (идеограмма *BABU* или фонетическое чтение šeštiei, *susi*), Халди (46) и боги ворот Халди (52).

Как было уже указано выше, под воротами бога в урартских текстах подразумеваются ниши в скалах. Ниши эти имеют иногда три уступа, как бы три ниши, высеченные одна в другой, что должно было соответствовать трем ведущим в скалу дверям, поэтому и название этих ниш в клинописи выписывается часто с суффиксом множественного числа.

По религиозным верованиям, через эти двери выходило божество, находящееся в скале. Выход бога из горы — обычное представление в древних религиях Передней

[8] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 935.

Азии. На это указывают зиккураты храмов южной Месопотамии (храм Мардука в Вавилоне, Навнар — в Уре, Шамаша — в Сиппаре[9], а также храм Ашура в Кар-Тукульти-Нинурта), где в зиккурате, находящемся при храме, устроена ниша, к которой ведет лестница[10].

В научной литературе по древнему Востоку можно встретить указание, что урарты называли себя по имени их главного бога халдами, а свою страну Халдией. Это положение совершенно ошибочно и должно быть решительно отвергнуто, так как оно основано на устаревшем понимании некоторых стереотипных фраз, встречаемых в урартских текстах.

70. Бог Шивини. Изображение на бронзовом поясе. Кармир-блур. Исторический музей Армении

71. Грифон. Изображение на бронзовом поясе. Кармир-блур. Исторический музей Армении

На втором месте среди урартских богов стоит бог Тейшеба (Te-e-i-še-ba)[11] (рис. 69), который в клинописи обозначался ассирийской идеограммой бога Адада.

И само имя бога, тождественное с распространенным по всей Малой Азии именем бога Тешуба, и использование идеограммы Адада указывают на то, что перед нами бог войны, бури, непогоды и водной стихии.

В надписи «Мхер-Капуси» рядом с «воинством бога Халди» стоит «воинство бога Тейшебы», а также «ворота бога Тейшебы города Эридиани» (Ирдиа).

При раскопках крепости на Кармир-блуре в 1941 г. была найдена бронзовая статуэтка, которую с большой вероятностью можно считать изображением бога Тейшебы. Это — безбородая фигура в длинной одежде и в характерном для божества головном уборе, украшенном рогами. В левой руке бог держит боевой топор, в правой — палицу с дисковидным навершием. Безбородый бог, стоящий на быке, изображенный на рельефе из Адильджеваза, также, вероятно, изображает Тейшебу.

Супругой бога Тейшебы была богиня Хуба (хурр. Хебат), имя которой в надписи «Мхер-Капуси» ошибочно читалось как Баба. Изображение ее, по-видимому, сохранилось на печати из Хайкаберда, хранящейся в Эрмитаже. Там изображено женское божество с поднятыми вверх руками, в позе, очень близкой к обычной позе хурритской Хепа, супруги Тешуба. Справа от богини стоит козленок, а слева — дерево, по бокам — две фигуры в молитвенной позе, над которыми помещены полумесяцы.

---

[9] W. Andrae, *Das Gotteshaus und die Urformen des Bauens im alten Orient*, Berlin, 1930, Fig. 2.
[10] Ibid., S. 18, Zeile 10.
[11] Надпись на Ванской скале: A. H. Sayce, *The cuneiform inscriptions of Van* (JRAS, XIV, 1882, № XX), p. 15.

Третьим из главных богов Ванского царства был бог солнца Шивини (ассирийская идеограмма бога Шамаша, которая в урартской клинописи, так же как и в ассирийской, означала *солнце, день*). Имя этого бога раньше неправильно читалось как Арди (Ард).

Вероятно, символом Шивини и являлся крылатый солнечный диск, часто встречающийся на урартских печатях с культовыми изображениями. Он совпадает и с ассирийским символом бога Шамаша. Этот символ сочетается с изображениями рыбы, птицы или же голов животных.

На основании последовательности имен богинь, приведенных в надписи «Мхер-Капуси», можно предположить, что супругой Шивини считалась богиня Тушпуеа, занимавшая третье место в верховной триаде урартских богинь. Если крылатый солнечный диск действительно олицетворяет бога Шивини, то частые украшения культовых котлов крылатыми женскими фигурами могут изображать богиню Тушпуеа.

72. Богиня Арубани. Изображение на серебряной подвеске. Топрах-кале. Берлинский музей (G. R. Meyer, *Ein neuentdeckter urartäischer Brustschmuck*, «Das Altertum», I, 4, S. 209)

В перечне богов, приводимом в тексте «Мхер-Капуси», встречается лунное божество урартов Шеларди (Še-e-la-ar-di), выписанное в строке 41 фонетически, а в строке 7, в параллельном тексте, ассирийской идеограммой бога луны — Сина.

В той же надписи имеются еще два сходных имени богинь. Это богини Сарди (69) и Цинуарди (70). В последнем имени Г. А. Меликишвили видит богиню урартов, соответствующую ассирийской богине Иштар. Начало имени Сардури в надписях обычно выписывается ассирийской идеограммой богини Иштар. Сарди была, возможно, или божеством звезды, или планеты Венеры. На Кармир-блуре был найден бронзовый амулет в форме луницы, на котором был выписан текст молитвы. На концах этого амулета, по двум сторонам текста, помещены символ Шеларди — лунный серп и, вероятно, символ Сарди — звезда, совпадающая по внешнему виду с символом богини Иштар.

Надо заметить, что большинство имен богов, перечисленных в надписи в нише «Мхер-Капуси», в других урартских письменных памятниках пока еще не встречалось. Даже из числа семи богов, следующих за Халди, Тейшебой и Шивини, которым надлежало приносить большее количество жертв, нежели другим богам, в клинообразных надписях упоминаются только боги Хутуини (4), Куера (15) и Елип(у)ри (16).

Урарты изображали своих богов обычно в образе людей, но в некоторых случаях можно усмотреть и остатки первоначального их образа — отдельные черты животных и птиц.

Так, головной убор богов имел в качестве обязательных атрибутов рога; богини, ранее изображавшиеся в образе птиц, сохранили крылья, а некоторые божества приняли вид фантастических существ с головами животных при человеческом туловище. Все это — различные стадии антропоморфизации божеств, имевших вначале облик животных и птиц. Некоторые из богов по внешнему виду совершенно не имели ничего общего с первоначальным образом животного, и тогда эти животные, которые ранее са-

ми являлись божеством, при антропоморфизации божеств стали выполнять роль посвященного им животного.

В урартской иконографии изображения божеств, стоящих на различных животных, обычны. При раскопках Арин-берда в 1951 г. были открыты остатки росписи стены одного из помещений, на которой изображалась процессия богов. Сохранилась лишь одна фигура бородатого божества, стоящего на льве. Известны четыре бронзовые детали урартских тронов, в виде богов на животных, в одном случае на льве и в других — на быках или на фантастических существах, имеющих части разных животных. Подобные композиции обычны в переднеазиатской иконографии; в ассирийских наскальных изображениях Бавиана представлена процессия богов, стоящих на животных, и нет сомнения, что большинство этих животных является прежним зооморфным образом самих богов.

Трудно определить, с какими богами урартского пантеона связаны лев и бык, но все же некоторые данные для этого имеются.

В 1952 г. на Кармир-блуре была обнаружена четырехгранная печать с ушком для подвешивания; на одной грани этой печати изображена фигура бога-громовика, стоящего на быке. Таким образом, можно заключить, что с богом Тейшебой был связан бык, а с Халди — лев. Изображения именно этих животных особенно часты на урартских посвятительных предметах и на печатях.

Посвятительные щиты в храмах урартских богов были украшены, согласно тексту Саргона, умбонами в виде голов льва, быка, дракона (птицы) и собаки. Щиты, найденные при раскопках на Топрах-кале и Кармир-блуре, заполнены изображениями львов и быков, размещенными на концентрических полосах. На многих бронзовых предметах с короткими клинообразными надписями помещены изображения голов львов и быков. Очень вероятно, что эти знаки были посвящениями предметов богам Халди и Тейшебе.

Некоторые из божеств, сочетающие в себе черты человека, животных и птиц, были искусственно созданным образом, занявшим важное место в магии. Таковы божества шеду — крылатые быки или львы с человеческим лицом или торсом, перешедшие в Урарту из Ассирии, или крылатые гении, иногда с головами животных, обслуживающие священное дерево, также неразрывно связанные с ассирийской иконографией.

Интересный материал по урартской иконографии дает бронзовый пояс, найденный на Кармир-блуре в 1956 г. Там имеются изображения божеств на льве (Халди,) на быке (Тейшеба) и коленопреклоненная фигура с поднятыми вверх руками, поддерживающая крылатый солнечный диск (Шивини) (рис. 68 — 71). Кроме этих трех божеств, которых можно отождествить с главными богами урартского пантеона, на поясе представлены еще крылатый бык (или лев) с человеческой головой, напоминающий ассирийского шеду, крылатое животное с головой грифона, помещенное на пальметке, а также сильно стилизованное священное дерево в картуше.

Изображения на поясе имеют аналогии и в других памятниках из Кармир-блура. Так, на одной стеатитовой столбчатой печати с ушком из раскопок 1956 г. помещена композиция, состоящая из четырех фигур: священного дерева, крылатого быка на пальметке, стреляющего в него из лука божества, стоящего на льве, и крылатой человеческой фигуры с поднятыми руками.

На Кармир-блуре были найдены также три серебряных амулета-медальона с изображениями божеств или их символов. На одном[12] из них изображено мужское божество, голова которого вычеканена на припаянной золотой пластинке; над божеством неразличимый символ (крылатый диск?), перед божеством стоит жрец или адорант, держащий козла. На другом[13] медальоне — женское божество, возможно Арубани, сидящая на троне; голова богини также вычеканена на припаянной золотой пластинке, и перед ней стоит жрица или адорантка, подводящая козла. На третьем серебряном ме-

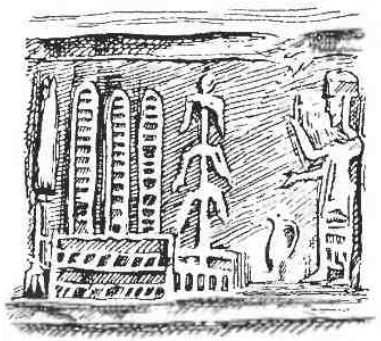
[12] «Кармир-Блур», III, стр. 18, рис. 11.
[13] Там же, стр. 11, рис. 5.

дальоне помещены лишь три символа: в верхней части крылатый солнечный диск, под ним звезда и ветки.

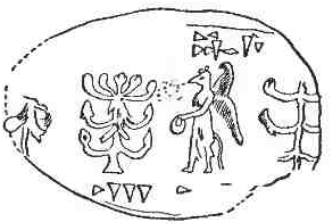
Как было уже указано, перечень урартских богов («Мхер-Капуси») содержит также имена богов народов, входивших в состав Ванского царства. Так, мы видим бога города Арда, называвшегося ассирийцами по имени страны Мусасиром (39), бога города Кумену (40), бога города Тушпы, столицы Урарту (41)[14], богов городов Халди (42) и богов городов Арсуниуни (43).

Кроме приведенных имен богов, можно выделить группу божеств, отражающих древние тотемистические представления.

Таковы боги Эбани, т. е. бог страны или земли (55), Суинина (Su-i-ni-na-u-e), бог моря, воды (57), бог страны Бабаниа, т. е. «горной страны» (63), Арни, бог возвышенностей, гор (32), Хара, бог дорог (27), и Аираини, бог пещер (25).



73. Поклонение дереву и стелам. Оттиски печати. Топрах-кале (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2)



74. Священное дерево. Оттиск печати. Топрах-кале (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, I, S. 323)

Урартские изобразительные памятники дают нам большой материал и по тем культам, которые, несмотря на их широкое распространение в Ванском царстве, не получили никакого отражения в надписях. Например, культ дерева. Изображение священного дерева — древа жизни — часто встречается в Урарту, особенно в композиции с двумя крылатыми гениями по его сторонам, чрезвычайно характерной для ассирийского искусства.

Священное дерево, связанное иногда со звездными (астральными) символами, часто встречается на урартских печатях.

Очень интересное изображение дает оттиск печати, опубликованный Леман-Гауптом[15]. На нем мы видим человеческую фигуру в молитвенной позе, стоящую перед деревом и тремя каменными стелами, около дерева — кувшин с водой, а позади стел — культовый предмет.

Каменные стелы с закругленным верхом, подобные изображенным на печати, в Ванском царстве были очень распространены, причем на них часто помещались клинообразные надписи. И. А. Орбели видел около Вана большие камни — двойные стелы, без надписей.

Каменные стелы урарты называли *пулуси*, но термин этот применялся не только к стелам, установленным на постаменте, но и к надписям, высеченным на скалах[16].

---

[14] Кроме того, в этой надписи встречается имя бога города Тушпы (66).

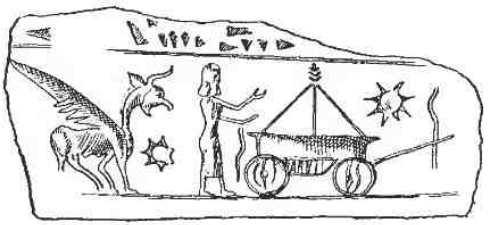
[15] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2.— На рисунке неверно передана композиция: человеческую фигуру надо воспринимать стоящей перед деревом и стелами. На это указывал и Леман-Гаупт.

[16] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 1, S. 50.

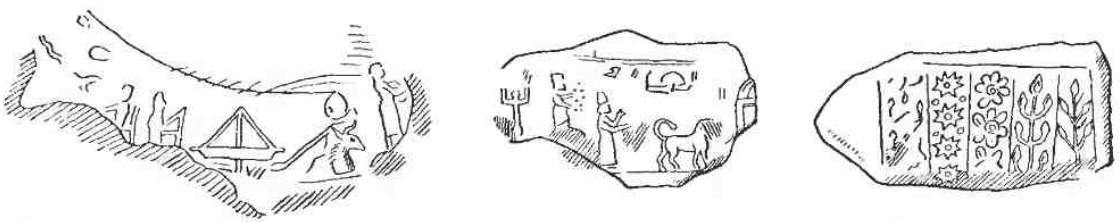
Сцена поклонения священному дереву, подобная рассмотренной выше, была изображена и на каменной облицовке стены, украшенной инкрустацией. На ней мы видим урартского царя, стоящего в молитвенной позе перед деревом и держащего в руке ветку священного дерева.

На бронзовой обивке ящика, хранящейся в Британском музее[17], также имеются изображения священного дерева (на этот раз — пальмы с волнообразными ветвями), сосуда и алтаря.

Церемонию, связанную с поклонением священному дереву, воспроизводит оттиск урартской печати, обнаруженный на Топрах-кале[18]. На нем изображена четырехколесная повозка с помещенным в ней деревом, позади нее стоит царь (или жрец), за которым шествует чудовище с головой дракона; над дышлом повозки и перед драконом находятся изображения звезд. Леман-Гаупт эту сцену рассматривал первоначально как хорошо известную по вавилонским и ассирийским текстам процессию с кораблем, что как будто подтверждалось и присутствием дракона — бога водной бездны — Эа. Но впоследствии Леман-Гаупт принял объяснение Шефера, указавшего на то, что предмет, который понимался как мачта корабля, в действительности является сильно стилизованным рисунком дерева, помещенного на повозке. Известен и другой оттиск печати со стилизованным деревом на повозке, у дышла которой помещена голова животного, а позади — шествующая с жезлом фигура. В левой части оттиска можно различить божество, сидящее на троне.



75. Оттиск печати. Топрах-кале (C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, Zeichn. 80)



76. Оттиски печатей. Топрах-кале (C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, I, S. 180, 380; II, 1, S. 56 и 94)

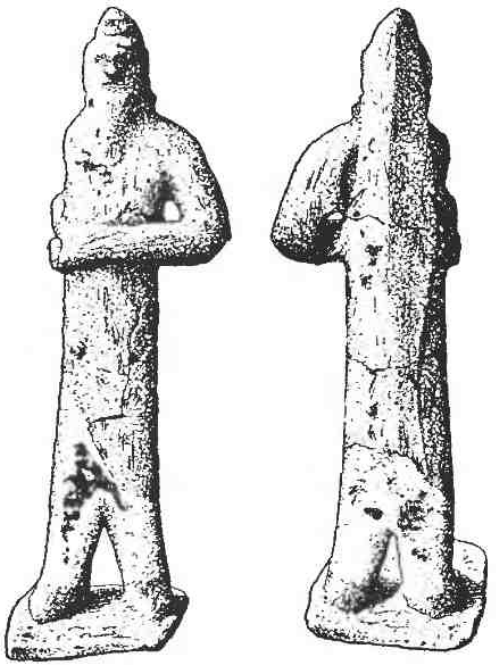
На урартских печатях, оттиски которых были открыты при раскопках на Топрах-кале, представлены сцены, связанные с культом. На одних изображается царь, возможно, в роли верховного жреца, шествующий под зонтом, который несет приближенный; позади находится какой-то предмет в виде трезубца. Иногда на рисунке около царя помещался лев, содержавшийся, возможно, как священное животное при урартском храме[19].

Печати дают нам очень интересные сложные сцены культового и религиозного характера, к сожалению, в большей части не поддающиеся объяснению. Известно громадное количество печатей с изображениями шествующих птиц, грифонов или фантастических существ[20], около которых обычно помещены астральные символы — полумесяц и звезда. Иногда птица держит в клюве ветку, напоминая ворона из эпоса Гильга-

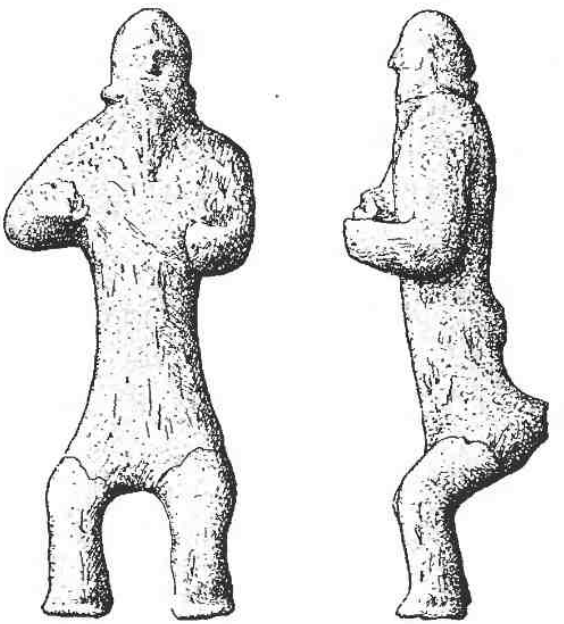
[17] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, Anmerkung 31 *.
[18] C. F. Lehmann-Haupt, *Materialien*, S. 197; C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 580.
[19] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, I, S. 56; II, 1, S. 15, 34, 198.
[20] Ibid., I, S. 115, 165, 306, 358; II, 1, S. 288, 345.

меша. На одной печати изображен ряд символических, наподобие иероглифических, знаков[21].

Сложная сцена изображена на средней части печати, принадлежащей К. В. Тревер; в нижней части печати вырезаны жертвенник и обезглавленная человеческая фигура. Среди изображений на этой печати мы видим знак Ашура, помещенный над рыбой, по сторонам которого находятся божество на троне и стоящий жрец или царь; далее божество в виде рыбы, как на известных месопотамских памятниках, стоящее перед ло-



77. Бог — рыба. Глиняная статуэтка со следами раскраски. Кармир-блур. Исторический музей Армении



78. Бог — скорпион. Глиняная статуэтка со следами раскраски. Кармир-блур

жем (?), слева от него помещены фигура животного (козла), полумесяц и звезда. Несомненно, перед нами изображения религиозно-магического значения, которые могут быть объяснены с помощью религии Месопотамии и Передней Азии.

На описанной печати особый интерес представляют изображения рыбообразного божества. Три глиняные фигурки таких божеств были найдены на Кармир-блуре около жертвенника в кладовой № 25, предназначенной для хранения вина. Статуэтки однотипны — они представляют собой стоящие бородатые фигуры, головы и спины которых были покрыты рыбьей кожей так, что голова рыбы служила головным убором. Левая рука богов покоится на животе, а правая выдвинута вперед; в ней находилось, вероятно, копье или же ветка дерева, так как на всех подставках этих фигурок имеется углубление, в котором закреплялась палочка. Статуэтки были окрашены: на спине сохранились следы ярко-голубой краски.

Из раскопок в Ашуре происходят глиняные статуэтки бородатых божеств в облачении рыбы, причем головной убор бога представляет собой голову рыбы.

---

[21] C. F. Lehmann-Haupt, *Armenien*, II, 2, S. 833.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение остается сказать несколько слов по поводу того значения, какое имело Ванское царство для истории Закавказья.

В конце IX в. урарты стали совершать первые походы в южное Закавказье. Вначале эти походы преследовали преимущественно грабительские цели и власть урартов к северу от р. Аракс не была прочной.

В Закавказье урарты встретились с населением, отличным от них по своей культуре а также со множеством племен, во главе которых стояли вожди, называемые в урартских клинописных текстах «царями». Общего объединения племен Закавказья в то время еще не было; это чрезвычайно отчетливо показывают урартские источники.

Общество Закавказья начала I тысячелетия до н. э. находилось на последней стадии разложения доклассовых отношений, и в нем уже зарождалась классовая дифференциация, усилившаяся и оформившаяся после того, как области южного Закавказья вошли в состав Ванского царства.

Урарты утверждали свою власть в Закавказье не только огнем и мечом,— они стремились установить также и экономическую зависимость захваченных областей. Мы знаем, что урарты, закрепляя свое влияние в южном Закавказье, заботились об ирригационных сооружениях, строили каналы, разводили виноградники, фруктовые сады и рощи, возводили крепости, дворцы и храмы. С теми областями, которые не вошли в состав Ванского царства, урарты, по-видимому, имели торговые сношения. Этим можно объяснить, в частности, то, что предметы древневосточного типа из драгоценного материала были найдены в могильниках Нагорного Карабаха, откуда происходит и агатовая пронизка с клинописью, содержащей имя ассирийского царя Адад-нирари.

Я старался показать, как в конце II тысячелетия на территории Армянского нагорья происходил процесс образования Урартского государства из союзов племен Уруатри и Наири. В начале VI в. Урартское государство перестало существовать, начался процесс укрепления нового союза племен, ранее входивших в состав Ванского царства, и образование на этой основе нового государства.

Сначала этот союз возглавляло племя арменов, живших в юго-западной части Ванского царства, затем главенствующее положение в нем перешло к племени хаев, упоминаемому в античных источниках, но соседние народы продолжали еще называть это объединение по-старому — Арминой (Арменией), а не Хайк или Хайастан, как называют свою страну сами армяне.

Армянское государство выросло на основе союза племен, входивших в Урарту. История этих отдельных племен уходит в глубокую древность. Внимательного отно-

шения заслуживают рассказы Моисея Хоренского о родоначальниках армянского народа — Хайке, Арменаке и Араме, причем в их родословной мы встречаем имена Гомера и Торгома, связанные с именами народов, упоминаемых в Библии. Надо иметь в виду, что Моисей Хоренский поместил рассказы о Хайке в начале своего повествования, перед рассказами об Арменаке и Араме, поскольку в его время приоритет принадлежал хаям.

Всяческого внимания заслуживают упоминания Моисея Хоренского о борьбе Араму с мидийцами и ассирийцами, и то, что Араму как будто приписываются деяния урартов, а Паруйру, союзнику мидийца Варбака,— участие в разгроме Ассирии.

Все это, несомненно, имеет свои основания и относится к истории племен, входивших в состав Урарту. Много сведений дают древневосточные материалы и по древнейшей истории Грузии. Формирование этого народа происходило в северо-западных областях Урартского государства, испытывавших сильное хеттское влияние.

К сожалению, совершенно недостаточно изучен период VI—V вв., период образования новых государств Передней Азии, сменивших государства древнего Востока.

Выше уже указывалось, что нельзя ни один из современных закавказских народов непосредственно выводить от урартов, считая урартов его прямыми и единственными предками. В Передней Азии чрезвычайно сложный процесс этнообразования происходил на основе общего переднеазиатского субстрата, чем и объясняется тесная связь многих этнических терминов Передней Азии.

Для древней истории народов СССР особое значение приобретает вопрос о культурном наследии древнейших государств. Трудно и, вероятно, даже невозможно ответить на вопрос, кто прямые потомки ассирийцев, вавилонян и древних египтян, но исключительная роль этих древних народов в создании мировой культуры ясна каждому. Также и в вопросе о значении Урарту для истории Закавказья мы должны исходить не только из установления генетических связей современных народов Кавказа с древним населением Ванского царства, но и из того значения, какое имело Урарту для развития культуры народов Кавказа.

Влияние культуры древнего Востока на Закавказье и Кавказ прослеживается со II тысячелетия до н. э. Это нам показывают материалы из раскопок в Прикубанье (Майкоп), Триалети и Кировакане, открывшие богатые погребения вождей племен.

Нельзя согласиться с распространенным одно время мнением, что урарты, заняв в X—IX вв. область Вана, как бы отрезали население Закавказья от влияния ассиро-вавилонской культуры. Материал, приведенный в книге, показывает как раз обратную картину — чрезвычайно большое влияние урартской культуры на Закавказье и отражение этого влияния на севере, за Кавказским хребтом.

Культурное наследие урартов перешло не только к их наследникам, армянам, государство которых выросло непосредственно на территории Ванского царства, но и к другим народам Кавказа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Глава I. История изучения Ванского царства 7
Глава II. Источники изучения Ванского царства 27
Глава III. Древнейшие сведения об Урарту и образование государства (XIII—IX вв.) 43
Глава IV. Походы Салманасара III против Урарту 52
Глава V. Урарту в конце IX и в первой половине VIII века 61
Глава VI. Урарту во второй половине VIII века 75
Глава VII. Поход Саргона против Урарту в 714 году 93
Глава VIII. Последний период истории Урарту 111
Глава IX. Земледелие и скотоводство 131
Глава X. Ремесло 161
Глава XI. Архитектура 197
Глава XII. Религия 220
Глава XIII. Скифы в Передней Азии 232
Заключение 257
Приложения 259
Список рисунков 261
Список таблиц 264
Таблицы 267
Указатели 269
Список сокращений 282

Борис Борисович
ПИОТРОВСКИЙ

ВАНСКОЕ ЦАРСТВО
(УРАРТУ)

Утверждено к печати
ученым советом Института истории материальной культуры
Академии наук СССР

Редактор издательства *Т. А. Мельникова*
Художник *Л. С. Эрман*

Зарисовки к иллюстрациям в тексте выполнены художниками
М. Н. Мохом и *С. С. Сорокиным*

Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *Г. В. Афонина*, *М. К. Киселева* и *В. Д. Светова*

Сдано в набор 3/IV 1959 г. Подписано к печати 29/IX 1959 г. Т-10437. Формат 84 × 108¹/₁₆. Печ. л. 21,25 (в том числе вкдеек 3,5 п. л.). Усл. л. 34,84. Уч.-изд. л. 31,48. Тираж 3500 экз. Заказ 3021. Цена 22 руб.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского Совнархоза, Москва, Ж-54, Валовая, 28.